

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
И Н С Т И Т У Т Р У С С К О Й Л И Т Е Р А Т У РЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

“

П О В Е С Т Ь
о
Д Р А К У Л Е

ИССЛЕДОВАНИЕ
И ПОДГОТОВКА ТЕКСТОВ
Я. С. ЛУРЬЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА · ЛЕНИНГРАД
4 9 6 4

О Т В Е Т С Т В Е Н Н Ы Й Р Е Д А К Т О Р

чл.-корр. АН СССР *Д. С. ЛИХАЧЕВ*

ВВЕДЕНИЕ

Судьба сюжета «Повести о Дракуле» весьма своеобразна. Центральный персонаж повести — господарь Влад IV (II), правивший в Мунтении (Восточной Валахии, части нынешней Румынии) в 1456—1462 и 1477 гг., вошел в историю с двумя прозвищами — Цепеш, т. е. «Сожитель на кол», и Дракула. Происхождение второго из этих прозвищ довольно сложно. Первоначальный смысл его — «Дракон»; этим прозвищем именовался еще отец Влада Цепеша — Влад III (I), принадлежавший к рыцарскому ордену Дракона, основанному германским императором. От отца имя «Дракон» перешло к сыновьям, в том числе и к Владу Цепешу. Мрачная репутация «Сожателя на кол» привела к тому, что прозвище «Дракула» стало ассоциироваться с румынским словом «drac» и осмысляться как «дьявол».¹

Фигура Цепеша-Дракулы оставила заметный след в литературе позднего средневековья. Дракуле была посвящена русская повесть XV в., которая будет предметом настоящего исследования; писали о нем в тот же период в Германии и в Венгрии. Русская повесть о Дракуле, переписывавшаяся уже в конце XV в., была довольно популярна в рукописной традиции XVII—начала XVIII в., но русских писателей более позднего времени этот сюжет не привлекал. Он стал предметом исследований историков древней русской литературы.

На Западе, однако, образ Дракулы продолжал интересовать писателей и в XIX и в XX в. Не раз обращались к образу Влада Цепеша на его родине — в Румынии. Его вспоминали и классик румынской литературы М. Эминеску, и писатель-сказочник П. Испиреску,² и крупнейший писатель современной Румынии

¹ Cp.: J. Ch. E p g e l. *Fortsetzung der Allgemeinen Welthistorie durch eine Gesellschaft von Gelehrten im Teutschland und England ausgefertiget*, Th. 49, Bd. 4, Abth. 1. Halle, 1804, стр. 167. Последнее исследование о происхождении имени «Дракула»: G. N a d r i s. *A Philological Analysis of Dracula and Rumanian Place-names and Masculine Person Names in -a/-ea**. «The Slavonic and East European Review», 1959, June, стр. 373.

² П. Испиреску записывал предания о Цепеше (см. стр. 32—33 и 201—210) и готовил большую работу о нем, от которой сохранилась только вводная часть: P. Ispirescu. *Viața și faptele lui Vlad Vodă Țepeș*. Cernăuți, 1939.

М. Садовяну.³ М. Эминеску видел в Цепеше-Дракуле, несмотря на многие его отрицательные черты, символ героического прошлого румынского народа и противопоставлял эти героические традиции ничтожеству современной ему буржуазной Румынии. Вспоминая одно из самых мрачных деяний Дракулы, который созвал к себе на пир всех нищих страны, запер их и сжег, Эминеску призывал его поступить так же с недостойными потомками:

Гений — сущее несчастье! Совесть — вредная химера,
Только золото и праздность — ваши боги, ваша вера!
Так оставьте же хоть мертвых, пусть они лежат спокойно,
Вы не только славы предков, их презренья недостойны.

О приди, могучий Цепеш, и, тяжелый сон развеяя,
Раздели их на две шайки — на безумцев и злодеев.
В две огромные темницы заточи их без раздумья
И сожги огнем священным и тюрьму и дом безумья!⁴

Судьба этих призывов Эминеску оказалась довольно своеобразной. Вопреки словам поэта, «могучему Цепешу» не пришлось «лежать спокойно» в могиле. Он был извлечен оттуда самым неожиданным образом. Встать из земли заставил Цепеша второстепенный английский романист конца XIX — начала XX в. Брем Стоукер. Он сделал Дракулу главным действующим лицом романа, действие которого относится к современности. В центре повествования — тот самый «воевода Дракула, который завоевал свою славу в борьбе с турками», но уже умерший или, скорее, притворившийся мертвым. Герои романа находят фамильный склеп Дракулы, но его гроб оказывается пустым. «Пустота могилы красноречиво доказывала мне то, что я знал», — многозначительно заявляет один из героев.⁵ Тайна пустой могилы Дракулы раскрывается, впрочем, достаточно банально: Брем Стоукер сделал Дракулу вампиром, пьющим кровь своих жертв.

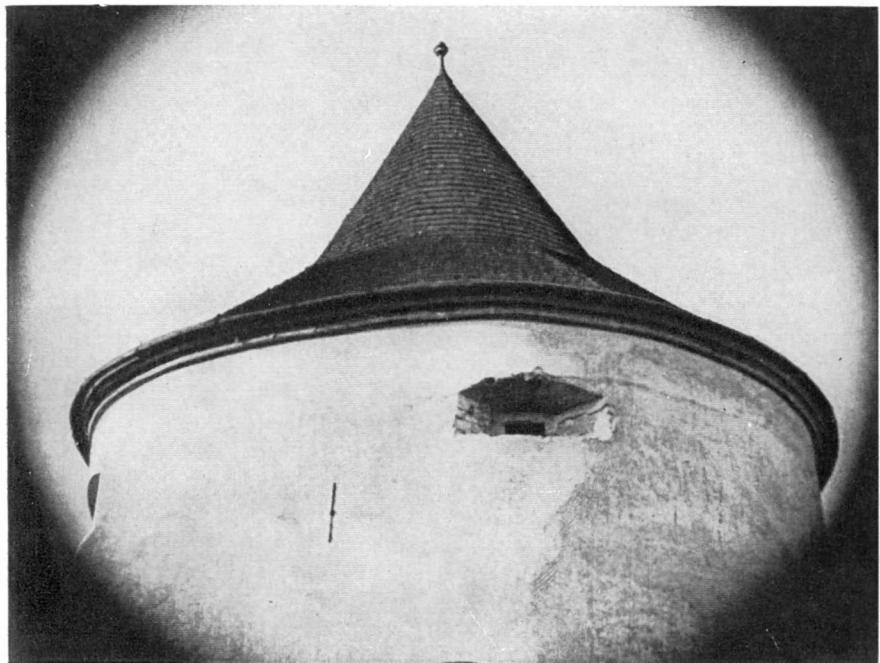
Несмотря на весьма сомнительные литературные качества, роман Б. Стоукера приобрел широкую популярность.⁶ Он был переведен на ряд иностранных языков — даже в Турции появилась

³ М. Садовяну. Жизнь Штефана Великого. Бухарест, 1957, стр. 91—101.

⁴ М. Эминеску. Стихи. М., 1958, стр. 210 (перевод И. Миринского). Ряд поэтических произведений, посвященных Владу Цепешу, приводится в книге: Н. Ursu. Istoria României în creația literară, vol. I. București, 1957, стр. 54—62.

⁵ B. Stoker. Dracula. Westminster, 1904, стр. 246 и 382; русский перевод: Брем Стокер. Вампир (Граф Дракула), т. II. СПб., 1913 (Библиотека «Синего журнала»), стр. 253 и 388.

⁶ Роман этот произвел в свое время сильное впечатление на А. А. Блока. «Читал две ночи и боялся отчаянно. Потом понял еще и глубину этого, независимо от литературности и т. д.», — писал А. А. Блок одному из своих корреспондентов (Письма А. А. Блока к Е. П. Иванову. Ред. и предисл. Ц. Вольпе. Подготовка текста и комментарии Д. Космана. М.—Л., 1936, стр. 66).

Башня замка Дракулы (графа Орсога).

Кадр из фильма «Носферату».

Дракула вылезает из гроба.

Кадр из фильма «Дракула».

адаптация этого романа, в которой противник Дракулы из англичанина стал турком, а сцены в Лондоне были перенесены в Стамбул.⁷

За писателями последовали кинематографисты. В 20-х годах нашего века роман Стоукара был экранизирован известным немецким режиссером Мурнау, поставившим на его основе фильм «Носферату». С 30-х годов и до нашего времени в английской и американской кинематографии постоянно появляются третьесортные «фильмы ужасов», в которых фигурирует Дракула, — «Дракула», «Ужасы Дракулы», «Кровь Дракулы» и т. д. Исследователь древнерусской литературы, читая в газетах статьи о современной буржуазной кинематографии, с удивлением встречает в них знакомое имя главного персонажа русской повести XV в.

Что же представляла собой древнерусская повесть, использовавшая столь популярный сюжет? Дракула русской повести — не мертвец, не вурдалак; ничего сверхъестественного и потустороннего в этой фигуре нет. И тем не менее Дракула в трактовке XV в. — более значительная фигура, чем герой романа Стоукара и кинофильмов; его «воскрешение» было бы поэтому гораздо страшнее, чем похождения бутафорского вампира. История Дракулы, как ее понимал древнерусский автор XV в. (и другие авторы той же эпохи), — это история жестокого тирана, безжалостно расправляющегося со своими подданными; центральная проблема повести — проблема власти, опирающейся на террор.

Перескажем основные эпизоды русской «Повести о Дракуле».⁸

Повесть начинается с объяснения, что валашское имя «Дракула» на «нашем» языке значит дьявол — «был он жесток: каково имя, такова и жизнь». Далее рассказывается о войне Дракулы с турками, начавшейся после того, как турецкие послы, явившись к Дракуле, не сняли перед ним своих колпаков («кап»). Дракула спросил их, почему они так поступили. Они ответили: «Таков обычай нашей земли, государь!». «Я хочу утвердить («подтвердити») ваш закон, чтоб вы в нем крепко

⁷ Изложение этого романа (Âli Rîza Seifi. Kazıklî Voyvoda. İstambul, 1928) в статье румынского автора Ф. Бринзеу (F. B r i n z e u. Vlad l'empaleur dans la littérature turque. «Revista istorica română», 1946, v. XVI, f. 1, стр. 68—71) не оставляет сомнений в его тождестве с романом Стоукара. Не зная книги Стоукара, Ф. Бринзеу был озадачен явно европейскими реалиями в турецком романе и его совпадениями с американским фильмом «Дракула»,шедшим в Стамбуле в 1945 г. Бринзеу справедливо предположил наличие «общего источника» для фильма и турецкого романа, но полагал, что это был венгерско-немецкий роман. «Общим источником» турецкого романа и англо-американских фильмов был, конечно, роман Стоукара, который экранизировали кинематографисты.

⁸ При пересказе мы используем (с небольшими сокращениями) перевод повести, сделанный Б. А. Лариным в книге «Русские повести XV—XVI вв.» (М.—Л., 1958, стр. 259—265).

стояли», — сказал Дракула и приказал прибить колпаки гвоздями к их головам. Султан разгневался; началась война. Во время войны Дракула опять обманул недогадливых турок — он передал султану, что хочет идти к нему на службу. Султан велел оказать почет идущему к нему Дракуле. Дракула, пройдя с войсками в глубь турецкой земли, внезапно стал пленить и убивать турок, сажал их на колья, рубил и жег, не жалея даже грудных младенцев. «Ступайте, расскажите царю вашему, что я послужил ему, сколько мог, — сказал Дракула приставам царя. — А коли угодна ему моя служба, я готов так же служить ему, пока хватит сил!».

Дракула беспощадно карал в своей земле всякое зло. Если кто совершил злое дело, воровство, или разбой, или какую-нибудь неправду, будь то боярин, или священник, или инок, или простой человек, будь у него хоть какое богатство, то от смерти он не откупится ничем. Так грозен был воевода. В одном месте у колодца Дракула поставил золотую чашу без всякой охраны, и никто не смел взять эту чашу.

Однажды он созвал со всей страны к себе на пир нищих и странников; они пили, ели и веселились. «Чего вы еще хотите от меня? — спросил Дракула. — Хотите, избавлю вас от всех печалей и нужды на этом свете?». Они ждали от него великих милостей и сказали: «Хотим, государь!». Он приказал запереть дом и обложить его огнем; все они сгорели. Тогда Дракула сказал своим боярам: «Должны вы знать, зачем я сделал это. Прежде всего, чтобы они не обременяли людей и чтобы не было нищих в моей стране, а во-вторых, я избавил их на этом свете от страданий, нищеты и недугов».

Пришли к нему из Венгерской земли два католических монаха за милостыней. Он приказал их развести по разным местам, показал им множество казненных вокруг его дворца и спросил: «Хорошо ли я поступаю?». Первый монах ответил: «Нет, государь, тытворишь зло; подобает государю быть милостивым. Те, кого ты посадил на кол, — мученики». Второй монах сказал: «Ты, государь, поставлен богом, чтобы казнить лихоедов, а добрых награждать. Они творили зло и наказаны по заслугам». Дракула сказал первому монаху: «Зачем ты покинул свою келью и монастырь, ходишь по дворам великих государей, если ничего не понимаешь? Ты сказал, что эти люди — мученики. Будь и ты с ними мучеником». И велел посадить его на кол. А другому сказал: «Ты — разумный человек, вознаградил его и отправил с почестями.

Раз прибыл богатый торговый гость из Венгрии в его город и по приказу Дракулы оставил воз с товарами на ночь на улице. Кто-то украл деньги с воза. Дракула успокоил купца и приказал подложить ему на воз деньги, прибавив один лишний дукат. Купец нашел деньги и сказал Дракуле, что один золотой —

лишний. В это время нашли и вора с украденными деньгами. «Иди с миром! — сказал Дракула купцу. — Если бы ты не сказал про лишний золотой, то я бы и тебя с этим вором на кол посадил!».

Если какая-нибудь жена изменит мужу, он приказывал вырезать у нее грехное место и привязать ее нагую к столбу посреди базарной площади; такая же казнь девушки, которые не сохранили невинность, и вдовам (за прелюбодеяния).

Однажды ехал он и увидел на некоем бедняке («сиромахе») изорванную ветхую рубашку и спросил его: «Есть ли у тебя жена?». Тот сказал: «Есть, государь!». — «Веди меня в свой дом». И увидел, что жена у бедняка молодая и здоровая. «Сеял ли ты лен?», — спросил Дракула. «Льна у меня много!», — ответил бедняк. «Что же ты ленишься и не заботишься о муже? — сказал воевода жене. — Он должен пахать, сеять и тебя охранять, а ты должна мужу своему чистые и нарядные одежды готовить. Ты виновата; а не муж твой; если бы он не сеял лен — тогда он был бы виноват». И приказал ей отсечь руки, а труп на кол посадить.

Он приказывал подавать себе обед среди трупов, посаженных на кол, словно бы ему так было слаще есть и пить. Один из слуг не смог стерпеть трупного смрада, заткнул нос и отвернулся. Дракула спросил его: «Ты что это?». «Не могу, государь, смрада этого выносить!», — ответил слуга. Дракула велел и его посадить на кол: «Кол тебя вознесет — и смрад до тебя не дойдет!».

Прибыл к нему посол венгерского короля Маттиаша (Матвея Корвина), родовитый боярин, и Дракула посадил его обедать среди трупов и положил перед ним высокий позолоченный кол. «Скажи-ка, зачем я велел заготовить этот кол?» — спросил он посла. Посол испугался и сказал: «Думается мне, что согрешил перед тобою какой-нибудь великий человек и хочешь ты его казнить с почетом». «Правду ты молвил, — сказал Дракула. — Ты — посол великого государя, для тебя я и подготовил этот кол!». Посол ответил: «Государь! Если я сделаю что-нибудь достойное смертной казни, то делай что хочешь. Ты ведь праведный судья». Рассмеялся Дракула и сказал: «Если бы ты не так ответил, то воистину сидеть бы тебе на этом колу». Когда же к нему приходил неискусный посол, который не умел отвечать на его хитрости («козни»), то он сажал его на кол, говоря: «Не я виноват в твоей смерти, а государь твой или ты сам. Если государь твой, зная, что ты малоумен, послал тебя ко мне, великому умному государю, то он и убил тебя, а если ты сам вызвался, то сам себя убил».

По его приказу мастера изготовили ему железные бочки, наполнили их золотом и спустили в реку. А он приказал зако-

лоть этих мастеров — и никто не знал о его окаянстве, кроме его тезки-дьявола.

Последние эпизоды повести рассказывают о жизни Дракулы после того, как он был пленен и заточен венгерским королем. Убоявшись вечного заточения, Дракула согласился отступить от православной веры и перейти в католичество; за это король переселил его из тюрьмы в отдельный дом в Пеште (там Дракула отрубил голову приставу, гнавшемуся за беглым преступником и осмелившемуся вторгнуться в «дом великого государя»), а впоследствии вернул ему Мутьянское воеводство и дал свою сестру в жены. Погиб Дракула во время битвы с турками, когда мутянские воины приняли его за турка и закололи копьями.

Зачем древнерусский автор обратился к этому сюжету, что он хотел сказать своей повестью? Вопрос этот занимал еще Н. М. Карамзина. Упоминая о «Повести о Дракуле» (наряду с другим памятником — «Повестью о Басарге») как о русском «романе» того времени, «произведении остроумия и воображения», Карамзин удивлялся отсутствию в ней ясно выраженной морали. «Автор мог бы заключить сию сказку прекрасным нравоучением, — писал он, — но не сделал того, оставляя читателям самим судить о философии Дракулы, который лечил подданных от злодейства, пороков, слабостей, нищеты и болезней одним лекарством: смертью!».⁹

Если историк (но вместе с тем и писатель!) Н. М. Карамзин пошел к «Повести о Дракуле» как к литературному памятнику, то последующие авторы (хотя и филологи по преимуществу) рассматривали ее с более узкой, чисто источниковедческой точки зрения, интересуясь происхождением повести (перевод или оригинальное сочинение), ее возможным автором, но мало задумываясь над идеологией и стремлениями этого автора.

Большую роль в дальнейшем изучении «Повести о Дракуле» сыграло одно наблюдение, сделанное А. Востоковым при описании сборника Румянцевской библиотеки, № 358 (конца XV—начала XVI в.), содержащего текст «Повести». Отметив утверждение автора повести (в заключительной части), что он и его товарищи видели («видехом») в Будине (Буде, нынешнем Будапеште) детей Дракулы, А. Востоков предположил, что этим автором мог быть дьяк Федор Курицын, ездивший в 1482 г. с посольством в Венгрию, или кто-либо из его спутников по этому путешествию.¹⁰

Гипотеза А. Востокова была принята далеко не всеми исследователями. Довольно скептически отнесся к ней А. Н. Пышин: по его мнению, замеченные Востоковым слова о пребывании автора повести в Будине (которые читаются не во всех списках) могли

⁹ Н. М. Карамзин. История государства Российского, т. VII. СПб., 1892, стр. 140—142.

¹⁰ А. Востоков. Описание русских и словенских рукописей Румянцевского музеума. СПб., 1842, стр. 511—512.

принадлежать не автору, а одному из читателей повести; сам же памятник А. Н. Пыпин склонен был считать не русским, а южнославянским.¹¹ Ф. Буслаев обратил внимание на совпадения между несколькими эпизодами в русской «Повести о Дракуле» и в рассказе о том же князе, читающемся у немецкого хрониста XVI в. Себастьяна Мюнстера. Считая, что Себастьян Мюнстер «мог заимствовать свой рассказ из какой-нибудь венгерской хроники», Буслаев думал, что и русский рассказ представляет собой перевод неизвестного нам иностранного памятника.¹² Сходную точку зрения высказывал и П. А. Сырку, привлекший, помимо Мюнстера, также немецкие рассказы о Дракуле XV—XVI вв. (печатную брошюру и рукописный текст). Русская повесть (составленная в Западной Руси) восходила, по мнению П. А. Сырку, к некоей «промежуточной версии» — польской или немецкой.¹³ Переводом немецкого «летучего листка» считал «Повесть о Дракуле» А. И. Соболевский.¹⁴ Более осторожно сформулировал свой взгляд на этот памятник Е. Петухов. Допуская, что «Повесть о Дракуле» можно считать русским произведением, хотя «лишь предположительно», Е. Петухов настаивал на том, что автором ее никак не мог быть Федор Курицын, так как в этом произведении резко осуждается переход Дракулы из православия в католичество и прославляется «самовластие Дракулы»; такого рода воззрения, по мнению Е. Петухова, никак не подходили Ф. Курицыну — еретику и «видному участнику в среде жидовствующих».¹⁵

Взгляд на «Повесть о Дракуле» как на русское произведение, возникшее в результате поездки Курицына в Венгрию в 80-х годах XV в., был поддержан С. М. Соловьевым,¹⁶ румынским исследователем И. Богданом¹⁷ и А. И. Яцимирским.¹⁸ Вышедшая в 1896 г. работа И. Богдана представляет собой единственную в на-

¹¹ А. Н. Пыпин. Очерк литературной истории старинных повестей и сказок русских. СПб., 1857, стр. 217. Ср.: А. Н. Пыпин. История русской литературы, т. II. СПб., 1898, стр. 495.

¹² Ф. И. Буслаев. Для определения иностранных источников Повести о мутяинском воеводе Дракуле. «Летописи русской литературы и древности». М., 1863, отд. III, стр. 84—86.

¹³ Краткое изложение реферата П. А. Сырку см.: ЖМНП, 1891, № 10, Современная летопись, стр. 18.

¹⁴ А. И. Соболевский. Переводная литература Московской Руси XIV—XVII вв. СПб., 1903, стр. 233.

¹⁵ Е. В. Петухов. Русская литература. Исторический обзор главнейших литературных явлений древнего и нового периода. Древний период. Пг., 1916, стр. 139—140.

¹⁶ С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, кн. 1, т. I—V. Изд. «Общественная польза», стр. 1577—1578.

¹⁷ I. Bogdan. Vlad Țepeș și narațiunile germane și rusești asupra lui. București, 1896.

¹⁸ А. И. Яцимирский. 1) Повесть о мутяинском воеводе Дракуле в исследовании румынского ученого. СПб., 1897 (отиск из ИОРЯС, т. II, кн. 4, 1897); 2) Сказание о молдавских господарях в Воскресенской летописи. ИОРЯС, т. VI, кн. 1, 1901.

учной литературе специальную монографию о Дракуле. И. Богдан издал русскую повесть о Дракуле по Румянцевскому списку и трем спискам («версиям») XVII в. Он опубликовал также два варианта немецких рассказов XV в. о Дракуле (по рукописи и старопечатному изданию); учел он и некоторые другие источники, посвященные Владу Цепешу. Именно сопоставление русской повести с другими материалами привело румынского исследователя к выводу, что русская повесть, более богатая по содержанию, чем известные нам немецкие рассказы XV в., представляла собой оригинальное сочинение, независимое от западного источника, что повесть эта написана русским, посетившим в 80-х годах Буду, и весьма вероятно — Федором Курицыным.¹⁹

Широкий материал, привлеченный И. Богданом к исследованию, придавал его выводу об оригинальном характере русской «Повести о Дракуле» и ее независимости от западного оригинала большую убедительность. Несмотря на возражения, которые высказываются против мнения И. Богдана некоторыми румынскими авторами,²⁰ взгляд на повесть как на русское произведение можно считать преобладающим в научной литературе. Но многое в построении И. Богдана все-таки оставалось неясным. Если русская повесть не была переводом немецкой, а немецкая не была переводом русской, то чем же объясняются совпадения между отдельными сюжетными мотивами этих памятников? Что представлял собой их общий источник? Чем отличается русская «Повесть о Дракуле» от других сочинений на эту тему? На эти вопросы И. Богдан не ответил и не пытался ответить — исследование русской «Повести о Дракуле» как литературного произведения вообще не входило в его задачу. Русская «Повесть о Дракуле» была привлечена румынским исследователем не как объект литературоведческого исследования, а как источник для определенных исторических построений. От внимания автора не укрылось сходство Цепеша-Дракулы со многими монархами-тиранами той эпохи, например с русским царем Иваном Грозным, но никакой исторической закономерности в деятельности этих монархов он не усмотрел. Идя за исследователями, которые искали объяснения политики Грозного не в истории, а в психиатрии, И. Богдан и поведение Цепеша объяснял только его психической ненормальностью и садизмом. Историческая концепция И. Богдана весьма сомнительна — современная румынская историография совершенно иначе расценивает деятельность Влада Цепеша.²¹ Сводя весь вопрос к недостаткам личности Цепеша, И. Богдан подменял широкую проблему

¹⁹ I. Bogdan. Vlad Țepeș. . . , стр. 119—120.

²⁰ Имеем в виду работы Н. Смокинэ, П. Панайеску и отчасти П. Олтяну. См. стр. 36—40.

²¹ Ср.: История Румынии. Под ред. М. Роллера. М., 1950, стр. 83—84; Istoria României, II. Editura Academiei Republicii Populare Române. București, 1962, стр. 465—477.

тирации частным вопросом о характере тирана. Едва ли концепция И. Богдана может помочь и исследователю «Повести о Дракуле». Предположим даже, что Влад Цепеш действительно был садистом и этим исчерпывалось его значение в истории Румынии. Но зачем все-таки древнерусский автор, как и ряд его западных современников, обратился к истории этого государя, чтобы именно привлекло его в биографии Дракулы? Даже если известия русской повести об искоренении «зла» Дракулой легендарны, все равно перед нами будет стоять вопрос о том, как возникли эти легенды и кому они могли понадобиться в XV в.

Вопрос об идеологии «Повести о Дракуле» был поставлен в более или менее широкой форме только советской историографией, но он едва ли может считаться разрешенным в нашей науке.

Наиболее серьезное в советской научной литературе исследование повести, выполненное А. Д. Седельниковым, имело в основном текстологический характер. А. Д. Седельников широко привлек рукописную традицию «Повести» (всего А. Д. Седельникову было известно 17 списков «Повести», на 5 списков меньше, чем мы знаем теперь), исследовал древнейший ее список (1490—1491 гг.)— ГПБ, Кир.-Бел. 11/1088, упоминавшийся в научной литературе уже в XIX в., но не использованный И. Богданом. Исследователем были установлены две основных редакции повести (соответствующие Кирилловскому и Румянцевскому спискам), построена генеалогическая схема происхождения списков. Сопоставление двух древнейших списков повести, произведенное А. Д. Седельниковым, позволяет решительно отвергнуть предположение А. Н. Пыпина, что слова о пребывании в Будине могли быть припиской одного из читателей, — слова эти, читающиеся в обоих списках XV в., несомненно принадлежат автору. Но вопрос о личности этого автора А. Д. Седельников оставил открытым. Отметив, что «затруднения со стороны идеологии», выставленные Е. В. Петуховым в качестве аргумента против авторства Курицына, «по существу несерьезны», А. Д. Седельников выдвинул против этого авторства иные аргументы: текст повести был, по словам переписчика Кирилловского списка Ефросина, впервые переписан им 13 февраля 1486 г. (в донесшем до нас списке текст этот уже переписан «вдругое»), а к февралю 1486 г. Федор Курицын, по мнению А. Д. Седельникова, мог лишь только что вернуться из своего путешествия. Переписка повести в столь короткий срок представлялась А. Д. Седельникову невероятной.²²

Хронологические расчеты А. Д. Седельникова не были бесспорны, и вопрос об авторстве Курицына продолжал обсуждаться в науке и после его исследования.²³ Не решил А. Д. Седельников и ряда других, более общих вопросов, связанных с историей «По-

²² А. Д. Седельников. Литературная история повести о Дракуле. ИПОРЯС, т. II, кн. 2, 1929, стр. 637—638.

²³ См. стр. 42—43.

вести о Дракуле». Характеризуя повесть в целом, исследователь ограничился только беглыми, хотя и интересными замечаниями, что памятник этот представлял собой «один из старших образцов „сказок“-отписок, исходивших из посольской среды и раньше», и что «для великорусской беллетристики XV в. форма повести о Дракуле», разделяющейся на отдельные эпизоды-анекдоты, «не явилась чем-либо совершенно новым».²⁴ Но в чем все-таки заключался общий смысл этого «анекдотического» повествования? Одобрял ли автор «зломудрого» Дракулу, осуждал его или просто стремился развлечь читателя? Этих вопросов А. Д. Седельников в своей статье даже не ставил.

Естественно, что вопрос об идеологии повести, о смысле и цели ее написания должен был вызывать споры в науке. По мнению Л. В. Черепнина, смысл повести заключается в прославлении грозной и справедливой власти: «Правитель — гроза для своих подданных; строгий, но справедливый; искореняющий зло в своих владениях; казнящий злодеев и милующий добродетельных; карающий без различия вельмож и нищих, духовных лиц и мирян — таков Дракула по нарочитой характеристике рассматриваемой повести». По предположению Л. В. Черепнина, «Повесть о Дракуле» «была составлена по заданию московского правительства», поставившего перед Федором Курицыным задачу дать «публицистический очерк по вопросу организации суда»; московское правительство специально распространяло это произведение. «Политический смысл повести о Дракуле заключается в оправдании тех репрессий, которые применяло феодальное правительство в отношении всех подрывавших основы государства как органа господствующего класса, в особенности в отношении нарушителей прав феодальной собственности».²⁵

Высказывался в нашей литературе и прямо противоположный взгляд на «Повесть о Дракуле». Отмечая, что в повести «один вслед за другим перечисляются примеры такой извращенной жестокости Дракулы, которая подчас не оправдывается никакими практическими соображениями», Н. К. Гудзий считает характерной для этого памятника «осудительную» оценку Дракулы и предполагает, что повесть эту особенно популяризовали «враждебно настроенные к Ивану Грозному слои русского общества, главным образом, вероятно, бояре».²⁶ Сходную мысль высказывает и А. А. Зимин. Соглашаясь с тем, что автором повести был Федор

²⁴ А. Д. Седельников. Литературная история повести о Дракуле, стр. 639.

²⁵ Л. В. Черепнин. Русские феодальные архивы XIV—XV вв., ч. 2. М.—Л., 1951, стр. 310—312. Принимает эту точку зрения и В. А. Адрианова-Перетц (Крестьянская тема в литературе XVI в. ТОДРЛ, т. X, М.—Л., 1954, стр. 203).

²⁶ Н. К. Гудзий. История древней русской литературы. Изд. 6. М., 1956, стр. 256—262.

Курицын или кто-либо из его сподвижников, А. А. Зимин полагает, что этот автор усматривал в единовластии Дракулы «по преимуществу тиранию, противопоставляя любви мунтъянского воеводы к мучительству проповедь милосердия». «Понимая необходимость решительной борьбы с растущим социальным протестом народных масс, но осуждая мучительство Дракулы, автор Повести оказался не в состоянии наметить дальнейшие пути перестройки централизованного государственного аппарата», — заключает исследователь.²⁷

Перед нами, таким образом, две диаметрально противоположных трактовки «Повести о Дракуле»: повесть эта рассматривается либо как безусловная апология «зломудрого» князя, исходящая из официальных кругов, либо как памфлет против этого князя, вышедший из рядов феодальной оппозиции. Возможность более сложной идеологической и литературной позиции автора повести почему-то совсем не предполагалась исследователями.

Легко заметить, что споры об идеологической позиции автора «Повести о Дракуле», об его отношении к своему герою, в значительной степени упираются в вопрос, встававший еще в связи с работой И. Богдана: о происхождении сюжета повести. Чем отличается русская повесть от других современных ей произведений на эту тему? Что именно взял русский автор из известных ему преданий о Дракуле и что привнес от себя? Большинство современных исследователей «Повести о Дракуле» считает, что эта повесть была не переводом, а оригинальным произведением. Однако, создавая это оригинальное произведение, русский автор имел, очевидно, уже перед собой некий сложившийся образ Дракона и «Сажателя на кол» и не мог с этим образом не считаться. Спорить о том, почему Дракула в русской повести жесток, почти так же неплодотворно, как спорить о том, почему авторы «Фаустов» делали своего героя ученым, а авторы «Дон-Жуанов» писали о многочисленных любовных приключениях главного действующего лица. Во всех «мировых сюжетах» (большего или меньшего значения) присутствует некая заданная общая характеристика героя; смысл и идея литературного произведения выражается прежде всего в том, как интерпретирует автор этот традиционный образ, что он вносит в него нового.

Для того чтобы понять, что хотел сказать древнерусский автор своим рассказом о «зломудром» Дракуле и как поняли этот рассказ его читатели, необходимо вновь обратиться к истории сюжета о Драконе и «Сажателе на кол» и проследить судьбу «Повести о Дракуле» в русской литературной традиции XV—XVII вв.

²⁷ А. А. Зимин. И. С. Пересветов и его современники. М., 1958, стр. 414.

Г л а с а 1

ПРОИСХОЖДЕНИЕ СЮЖЕТА «ПОВЕСТИ О ДРАКУЛЕ»

История сюжета «Повести о Дракуле» — тема, почти не разрабатывавшаяся в русской научной литературе. Текст «Повести» иногда сопоставлялся с иностранными рассказами на эту тему, но делалось это случайно и не систематично.

Уже Ф. Буслаев, как мы знаем, сравнил «Повесть о Дракуле» с «Космографией» Мюнстера и высказал догадку о том, что рассказ космографа XVI в. (как, по его мнению, и русская повесть) мог восходить к какой-то «венгерской хронике». Но следующий автор, занимавшийся вопросом об иностранных «источниках повести», П. А. Сырку, оставил Мюнстера и обратился к рассмотрению «двух других немецких источников повести» — рукописи и брошюры XV в.; остальные исследователи русской повести видели в немецких рассказах XV в. более «полные, сравнительно с „Космографией“, немецкие тексты».¹ Почему текст «Космографии» резко отличался от этих «более полных текстов» (и содержал эпизоды, совпадающие с русской повестью, но отсутствующие в немецких текстах XV в.), каковы были отношения между ними — на этот вопрос ни один из исследователей русской «Повести о Дракуле» не пытался ответить.

А между тем вопрос о происхождении рассказа о Дракуле в «Космографии» Мюнстера решается просто. Догадка Ф. Буслаева о «венгерской хронике» как об источнике Мюнстера была правильна.² Источником, откуда немецкий космограф заимствовал

¹ А. Д. Седельников. Литературная история повести о Дракуле. ИпоРЯС, т. II, кн. 2, Л., 1929, стр. 623. П. А. Сырку отметил только сходство рассказа Мюнстера с рассказом о Дракуле в книге итальянского историка начала XIX в. Канту (ЖМНП, 1891, № 10, Современная летопись, стр. 18). Рассказ Канту, о котором говорит Сырку (С. Сапти. *Histoire Universelle*, т. XII. Paris, 1847, стр. 109—110), основывается на двух источниках, с которыми мы познакомимся ниже — на рассказе (сходном с рассказом Мюнстера) хроники Бонфини (знакомство с которым засвидетельствовано у Канту, ср.: там же, стр. 348, прим. 1) и на немецких известиях о Дракуле (известных Канту, вероятно, через «Комментарии» Пия II или «Всемирную историю» Энгеля).

² Близко подошел к решению этого вопроса И. Богдан, писавший: «Мюнстер хорошо знал немецкое сказание (о «Dracole Wayda»); знал он

рассказ о Дракуле, была венгерская хроника, написанная Антонио-Бонфини, итальянским гуманистом, приглашенным ко двору венгерского короля Матвея Корвина в 1485 г. Хроника Бонфини, начатая им по поручению Корвина, была завершена уже после смерти короля в 1490 г. и посвящена новому венгерскому королю-Владиславу II Ягеллону; она может быть датирована, таким образом, 90-ми годами XV в.³

Рассказ о Дракуле помещен Бонфини в конце третьей «декады» (части) его хроники — в связи с описанием похода Матвея Корвина на Трансильванию (в 1462 г.), когда король захватил в плен и подверг десятилетнему заключению Дракуле (Влада Цепеша), посадив на валашский престол его брата Раду Красивого («другого Дракулу»).

Ввиду важности рассказа, приводим его полностью (с разбивкой на абзацы).

«Король перешел Альны, как говорят, для того, чтобы освободить из рук турок Дракуле, которому он дал в жены

также и венгерских историков, например Бонфиния, у которого берет многое» (I. B o g d a n. Vlad Tepeş și națațiiile șegeșane și rusești asupra lui. București, 1896, стр. 109; см.: A. И. Я. и м и р с к и й. Повесть о мутяньском воеводе Дракуле в исследовании румынского ученого. СПб., 1897, стр. 17). Если бы И. Богдан сравнил рассказ о Дракуле у Мюнстера с обоими этими источниками, то обнаружил бы, что Мюнстер в этом случае точно следовал Бонфини и никак не был связан с текстами «Dracula Wayda». Но И. Богдан не пользовался хроникой Бонфини непосредственно — всюду, где он упоминает о ней, он цитирует ее из вторых рук (на стр. 39, прим. 1, и 109 — ссылка на И. Энгеля; стр. 30, прим. 1 — ссылка на румынского-историка Шинка). Первым и единственным исследователем, указавшим на зависимость Мюнстера от Бонфини в рассказе о Дракуле, был Г. Кондурату, не занимавшийся специально ни русской повестью, ни рассказом Бонфини—Мюнстера, но сделавший ряд тонких наблюдений над историей сказаний о Дракуле (G. C o n d u r a t u. Michael Beheim's Gedicht über den Woiwoden Wlad II. Drakul. Mit historischen und kritischen Erläuterungen. Inauguraldissertation. . . Bukarest, 1903, стр. 23, прим. 1). К сожалению, работа Г. Кондурату осталась почти неизвестной исследователям, в том числе и его румынским коллегам. Не знает выводов этой работы и П. Олтяну, разбирающий рассказ Мюнстера по чешскому пересказу в «Космографии» Шухова (см. стр. 17, прим. 6) и упоминающий об использовании этого рассказа «в более поздних хрониках, например: Antonius Bonifacius. Historia Pannonica. Colonia, 1690, стр. 385» (P. O l t e a n u. Limba povestilor slave despre Vlad Tepeş. Bucureşti, 1961, стр. 20, прим. 1). Хроника Бонифациуса нам неизвестна; речь идет, очевидно, о кёльнском издании «Historia Pannonica» Бонфини 1690 г., где как раз на стр. 385 читается рассказ о Дракуле (см. стр. 16, прим. 4).

³ Посвящение Владиславу читается в обеих редакциях хроники Бонфини: Antonii Bonfinii Rerum Ungaricarum decades tres. . . Basileae, 1543; Antonii Bonfinii Historia Pannonica sive Hungaricarum Rerum decades IV. . . Coloniae Agrippinae, 1690. О Бонфини см.: D. G. M o l l e r u s. Dissertatio de Antonio Bonfinio. Altorfii, 1698; L. T o t h, M. B a t t i s t r a d a. Antonio Bonfini, 1427—1927. Ascoli Piceno, 1928; G. A m a d i o. La vita e l'opera di Ant. Bonfini primo storico della nazione ungherese in generale e di Mattia Corvino in particolare. Montalto-Marche, 1930.

свою родственницу. Придя туда, он, не знаю по какой причине, ибо никто вполне этого не понял, захватил Дракулу в Трансильвании, другого же Дракулу, назначенного в эту провинцию турками, вопреки всеобщему ожиданию, утвердил; этого же привел в Буду пленником и держал десять лет в заточении.

Говорят, что этот Дракула был человеком неслыханной жестокости и справедливости. Говорят, что когда турецкие послы, придя к нему, отказались, по обычаю своих предков, снять фригийские колпаки, он, ради укрепления их обычая (*confirmandi moris gratia*), прибил их тремя гвоздями к головам, чтобы больше уже не могли снять.

Он сажал бесчисленное количество турок на колья и весело сидел с друзьями за столом.

Далее, он любезно пригласил на пир нищих, впавших в отчаянье, больных и несчастных, когда же они достаточно наелись, сжег их огнем.

Часто он сдирал у пленных турок кожу с ног и посыпал солью, а затем приводил коз, чтобы слизывать соль с подошв, что из-за шероховатости языка увеличивало боль.

Флорентийскому купцу, который просил тщательно сохранить его деньги, он приказал их оставить на середине улицы и, не пересчитывая оставленных на ночь денег, благополучно отпустил его.

В варварских местах он действовал с такой суворостью, что можно было чувствовать себя в безопасности посреди леса.

Потом Матиас восстановил его в прежнем достоинстве, но он был убит в войне с турками, и его голова была послана Магумету в подарок».⁴

Сопоставление рассказа о Дракуле в «Космографии» Мюнстера с рассказом хроники Бонфини обнаруживает их полную идентичность. Не может быть сомнений в том, что космограф XVI в. полностью заимствовал этот рассказ из хроники XV в., следуя своему источнику и в тексте и в расположении отдельных эпизодов (в обоих случаях рассказ о Дракуле начинается с упоминания о его аресте в 1462 г. по приказу Матвея Корвина, что в хронике Бонфини, специально посвященной этому королю, несравненно более естественно, нежели в «Космографии» Мюнстера).⁵ Из «Ко-

⁴ Antonii Bonfinii Rerum Ungaricarum decades tres. . . , стр. 533; Antonii Bonfinii Historia Pannonica sive Hungaricarum Rerum decades IV . . . , стр 385; Ungerische Chronica. . . Erstlich durch den hochgelehrten Herrn Antonium Bonfinium in 45 Büchern in Latein beschrieben. . . Frankfurt am Main, 1581, л. 281 об.

⁵ Латинский текст рассказов о Дракуле у Бонфини и Мюнстера совпадает дословно (ср. латинское издание Мюнстера: *Cosmographiae universales lib. VI. . . Basel, 1572, стр. 1073*); только к рассказу о нищих у Мюнстера прибавлены слова: «*senes et decrepitos, ad nihilum que utiles*», отсутствующие в известном нам рассказе Бонфини.

смографии» Мюнстера рассказ о Дракуле был заимствован чешским космографом середины XVI в. Яном из Пухова.⁶

Более сложен вопрос о взаимоотношениях между хроникой Бонфини, исследуемой нами русской повестью и немецкими рассказами XV в. о Дракуле. В немецкой литературе XV в. существовало три типа повествований, специально посвященных Дракуле: не имеющий заголовка рассказ, сохранившийся только в рукописных списках, серия однотипных печатных брошюр «Об одном великом изверге, называемом Дракола Вайда», и, наконец, поэма известного майстерзингера того времени Михаила (Михеля) Бехайма «Об одном изверге, называемом Тракле (Тракель) Вайда из Валахии».

Наиболее ранним из трех немецких повествований о Дракуле является текст, сохранившийся в рукописной традиции. В одной из дошедших до нас рукописей (Ламбахского монастыря в Австрии)⁷ текст этот начинается словами: «В 1456 г. начал Дракула творить дурные дела»; в другой (Сен-Галленского монастыря в Швейцарии)⁸ нет этого введения, в остальном текст обеих рукописей (за исключением двух эпизодов) идентичен.

Рассказ о Дракуле начинается с краткого упоминания о свержении и гибели отца Дракулы, казненного по приказу «старого правителя» (Яноша Гуниади), об обращении Дракулы с братом в «христианство»,⁹ о его воцарении и казни его непосредственного

⁶ Kosmograffia Czeská. To jest wypisanií o položenii krajín neb zemíj y obyčejíjich naroduow wsseho swieta... Přeložena od Jana (a Zikmunda) z Puchowa. W Praze, 1554, л. XLII.

⁷ Текст Ламбахской рукописи см. в публикации: Über den Walachi-schen Woiwoden Wlad IV. 1456—1462. «Archiv des Vereins für siebenbürgische Landeskunde», N. F., Bd. 27, N. 1, Hermannstadt, 1896, стр. 331—343. По данным издателей, рукопись имеет шифр: Lambach, Cod. 327; бумажная, XV в.

⁸ Текст Сен-Галленской рукописи опубликован И. Богданом (I. Bogdan. Vlad Țepeș... , стр. 90—105) и Г. Кондурату (G. Conduratu. Michael Beheim's Gedicht über den Woiwoden Wlad II. Drakul, стр. 101—105). По данным И. Богдана (I. Bogdan. Vlad Țepeș... , стр. 88), рукопись имеет шифр: St. Gall, № 806, XVI в.

⁹ В рассказе имеется в виду, очевидно, обращение в католичество, так как в латинском изложении того же рассказа, помещенном в хронике Эбендорфера (см. о ней на стр. 27, прим. 24), соответствующее место читается: «Dracol fidei ritum Romane... assumpsit» (Th. Ebendorfers chronica regum Romanorum. Mittheilungen des Instituts für österreichische Geschichtsforschung, III E. B., Innsbruck, 1890—1894, стр. 202); в одной из своих грамот 1456 г. Дракула также писал о своей принадлежности к католической вере (I. Bogdan. Vlad Țepeș... , стр. 31, прим. 2). В рассказе о Дракуле, помещенном в печатных брошюрах, об «обращении» (крещении) Дракулы говорится еще раз (при описании его освобождения из заточения в 1475—1477 гг.). В связи с этим уже у Кондурату возникли сомнения относительно того, какое именно обращение Дракулы (в 1456 г.) имеется в виду в рукописном рассказе (G. Conduratu. Michael Beheim's Gedicht über den Woiwoden Wlad II. Drakul, стр. 99—100); Ю. Штирицер считает, что в первом случае Дракула обратился в греко-православную, а во втором — в католическую веру (J. Striedter. Die Erzählung vom walachischen Vojevoden Dra-

предшественника Ласло Вайды. Далее следует подробный хроникальный (с датами, цифровыми данными, названиями географических пунктов) рассказ о зверствах Дракулы в областях Семиградья (Трансильвании), населенных немцами и венграми (одного из эпизодов этого рассказа, об убийстве купцов и ямщиков, нет в Ламбахской рукописи). Затем этот чисто хроникальный рассказ сменяется эпизодами анекдотического типа, но также весьма мрачного характера.

Мы перечислим эти эпизоды, приводя наиболее важные для нашей темы тексты в переводе.

Дракула сажал на кол многих людей «одних за другими, молодых и старых, мужчин и женщин», и шутил по этому поводу (этого эпизода нет в Ламбахской рукописи).

Он посадил на кол проворовавшегося цыгана и заставил других цыган есть своего товарища.

Некий «почтенный человек» пришел к Дракуле, когда тот сидел среди людей, посаженных на колья, как «в большом лесу», и спросил его, зачем он обедает «среди смрада». «Дракула спросил его, чувствует ли он смрад. Тот сказал: „Да“. Тогда он велел его тотчас же посадить на кол и поднять его наверх, чтобы он не чувствовал запаха».

Один священник проповедовал, что на несправедливость нельзя отвечать несправедливостью. Дракула пригласил его к себе и стал есть куски хлеба, не угощая священника. Священник взял себе кусок хлеба, предназначенный Дракуле. Ссылаясь на его проповедь, Дракула приказал казнить священника.

Дракула посадил на кол пятьсот дворян, не помнивших, сколько воевод и государей правила этой страной».

Дракула приказал разрезать живот своей беременной любовнице «снизу до грудей», чтобы посмотреть, есть ли там ребенок.

Дракула «точил» людей на точильном камне.

За этими эпизодами следует новая хроника зверств Дракулы в Семиградии и в Болгарии в 1460—1462 гг., внутрь которой вставлены два эпизода анекдотического характера: как Дракула обманул турецкого императора, обещав заплатить ему дань и перебив вместо этого население турецких земель, и как он убил людей, которые прятали его сокровища.

Далее опять приводятся отдельные эпизоды-анекдоты.

kula in der russischen und deutschen Überlieferung. «Zeitschrift für Slavische Philologie», Bd. XXIX, N. 2, 1961, стр. 411, прим. 37). Однако противоречие в тексте брошюры объясняется просто его вторичным характером: первое «обращение» было заимствовано из рукописного текста, второе — добавлено по устному рассказу.

Дракула обезглавливал некоторых старейшин своего народа и кормил раков их головами, а затем угощал этими раками друзей казненных; потом он посадил этих людей на кол.

Он встретил бедняка в короткой рубашке и спросил его: «Есть ли у тебя жена?». Тот сказал: «Да». Дракула сказал: «Приведи ее ко мне». Тогда он сказал ей: «Что ты делаешь?». Она сказала: «Я мою, пеку, пряду и прочее». Тогда он велел посадить ее на кол за то, что она не сделала своему мужу длинной рубахи. А ему он дал другую жену, сказав ей, чтобы она сделала мужу длинную рубаху, или он и ее посадит на кол.

Он приказал посадить на кол встреченного им монаха вместе с ослом, на котором тот ехал.

Дракула убил трех цыган и заставлял остальных цыган есть их. Он угрожал уничтожить их до последнего, если они не пойдут воевать с турками. Цыгане пошли против турок — и те и другие утонули в реке.

Он пригласил к себе в дом «весь бедный люд, который был в его стране», и после того, как те поели, велел сжечь их всех в сарае (Stadel), числом 200 человек.

Он заставлял матерей есть своих детей, отрезал им груди и кормил этими грудями их мужей.

К Дракуле явились послы «валов» («Wahlen» — итальянцы или французы).¹⁰ Они поклонились ему и сняли шляпы, но не сняли находившихся под ними беретов. Тогда он спросил, почему они не сняли этих беретов. Они сказали: «Государь, это наш обычай; мы не снимаем их даже перед императором». Он сказал: «Так вот я хочу подкрепить (bestetigenn) ваш обычай». Они благодарили за эту милость. «Он взял хорошие, крепкие железные (yssig) гвозди и вбил их в головы и притквоздил береты к голове, чтобы они не упали. Так подкрепил он их обычай».

Наряду с заголовком в рукописном рассказе о Дракуле отсутствует какое бы то ни было заключение и дата написания. Исследователи, писавшие об этом рассказе, датируют его по содержанию. Поскольку в рассказе уже говорится о походе Дракулы на Семиградье и Болгарию в 1462 г. и о произошедшем в начале этого года ухудшении в отношениях между Дракулой и турками, но не упоминается о плenении Дракулы королем Матвеем Корвином, можно думать, что этот рассказ был написан в 1462 г., до ноября месяца, когда Дракула был взят в плен и свергнут. В пользу ранней датировки рукописного рассказа говорит и воспроизведение его в двух латинских хрониках — в «Хронике римских королей» Т. Эбендорфера¹¹ и в «Комментариях» папы Пия II (Энея Сильвио

¹⁰ Значение слова «Wahlen» см.: J. Ch. A de lung. Grammatisch-kritisches Wörterbuch der Hochdeutschen Mundart, Th. 4. Wien, 1811, стр. 1339, 1370.

¹¹ Th. Ebendorfers chronica regum Romanorum, стр. 202—204.

Пикколомини);¹² обе эти хроники были составлены не позже 1464 г.¹³

Брошюра «Об одном великом изверге, называемом Дракола Вайда» выдержала в конце XV—начале XVI в. множество изда-

ний — румынский библиограф К. Караджа знал 10 различных изданий этой брошюры,¹⁴ повесивший немецкий исследователь Ю. Штридтер прибавил к этому списку 2 неизвестных ранее издания;¹⁵ нам известна еще одна брошюра (Лейпциг, 1493),¹⁶ не описанная в научной литературе; таким образом, мы можем говорить о тринадцати изданиях брошюры о Дракуле. Текст брошюр о Дракуле близок к описанному выше рукописному тексту (начинается он, как и в Ламбахской рукописи, фразой: «В 1456 г. начал Дракула творить удивительные дела», но два эпизода, отсутствовавшие в этой рукописи и сохраненные Сен-Галленской, здесь читаются). Однако имеются некоторые существенные отклонения от рукописного текста: порядок изложения эпизодов иногда иной (см. таблицу на стр. 25—26); текст отдельных эпизодов также излагается в ряде случаев по-другому и без некоторых де-

Портрет Дракулы.

Раскрашенная гравюра из немецкой брошюры 1491 г.

¹² *Pii secundi pontificis max. Commentarii rerum memorabilium, quae temporibus suis contigerunt, a r. d. Joanne Gobellino vicario Bonnen. iamdiu compositi...* Francforti, 1614, стр. 296—297.

¹³ Согласно рукописному источнику, использованному в книге И. Ашбаха «История Венского университета», Томас Эбендорфер (бывший профессором этого университета) умер 8 января 1464 г. (J. A s c h b a c h. *Geschichte der Wiener Universität im ersten Jahrhunderte ihres Bestehens*, Bd. I. Wien, 1865, стр. 509—510). «Комментарии» Пия II были завершены в июне 1464 г. (G. V o i g t. *Enea Silvio de Piccolomini als Papst Pius der Zweite und seine Zeitalter*, Bd. V. Berlin, 1862, стр. 339—340).

¹⁴ C. K a r a d j a. *Die ältesten gedruckten Quellen zur Geschichte der Rumänen*. «Gutenberg Jahrbuch», 1934, стр. 127 и 135.

¹⁵ J. S t r i e d t e r. *Die Erzählung vom walachischen Vojevoden Dracula...* стр. 401—403.

¹⁶ *Ein wunderliche und erschrockenliche History von einem grossen wüterich genant Dracole Wayda Der do so gar unkristeliche marter hat angelegt de méschen als mit spissen auch die leit zu tod geschiffen re...* Gedruckt zu leypzigg im LXXXIII. Текст этой брошюры см. на стр. 192—193.

талей (ср. в таблице эпизоды XIII, XV, XVI рукописного текста); при описании похода Дракулы в 1462 г. сделаны значительные пропуски — нет, в частности, эпизода о казнях людей, прятавших сокровища Дракулы. Но наиболее важные отличия имеет конец текста брошюр.¹⁷ Между двумя эпизодами, завершающими текст рукописного рассказа (эпизодами XXXII и XXXI рукописного текста — эпизодами 25 и 27 брошюры), в брошюрах читается еще анекдот об испытании двух монахов. Приводим его полностью.

«Пришли два монаха в его страну по его приглашению. Тогда он спросил одного из них, что хорошего о нем говорят. Этот монах очень испугался и сказал: «О вас говорят все хорошее, и вы действительно очень набожный человек, я говорю вам это». Он велел этого монаха задержать. К нему привели другого монаха, которого он спросил так же, как и первого. Тот монах подумал: «Пусть я умру, но я должен сказать правду». И он сказал: «Вы величайший изверг, которого можно найти на свете; ни один человек не говорит о вас ничего хорошего. Это вы доказали». Дракула сказал: «Ты мне сказал правду, и поэтому я хочу тебя оставить в живых». И отпустил его невредимым; и посыпает сюда за первым. И говорит, чтобы тот ему сказал правду. Но тот сказал, как прежде. Дракула велел его посадить на кол за то, что он говорил неправду».

Дракула пирает среди кольев.
Гравюра из немецкой брошюры 1500 г.

¹⁷ И. Богдан (I. Bogdan. Vlad Țepeș. . . . стр. 88, прим. 2; ср.: А. И. Яцимирский. Повесть о мутьянском воеводе Дракуле в исследовании румынского ученого, стр. 15) ошибочно утверждал, что в рукописи в отличие от брошюры нет эпизода о сожжении бедняков — в действительности этот эпизод (XXX) читается там выше, чем в брошюре (см. таблицу на стр. 26).

В отличие от рукописного текста брошюры имеют также концовку, где говорится, что после пребывания в Венгрии в заточении Дракула крестился (хотя в начале брошюры, как и в рукописном рассказе, уже говорилось о его обращении в христианство), снова стал государем и начал «творить добрые дела».

Текст брошюр о Дракуле в основном идентичен; исключение составляют, насколько нам известно, только два относительно поздних издания — аугсбургское издание 1494 г. и страсбургское издание 1500 г. В аугсбургском издании 1494 г. после окончания всего текста и выходных данных (места издания, имени типографа и даты) прибавлен еще один эпизод — о том, как Дракула прятал свое сокровище и «приказал коварно убить» рабочих и ремесленников, которые ему помогали, дабы никто не нашел сокровища. Вторичный характер этого добавления несомненен — оно явно противоречит сообщению предшествующего текста, будто Дракула исправился после крещения. Под влиянием издания 1494 г., несомненно, находилось страсбургское издание 1500 г., где читается аналогичное (немного более расширенное) прибавление в конце текста. Но, кроме того, в издании 1500 г. сделана еще одна существенная по размерам вставка — перед рассказом о пленении Дракулы. Здесь рассказывается, что Дракула заставлял купцов по ночам оставлять лавки открытыми, а потом тайком забирал деньги из одних лавок и подкладывал в другие. Тех купцов, которые не сознавались в том, что у них оказались лишние деньги, он сажал на кол. Заканчивается эта вставка рассказом о расправе с купцами, которые пытались обмануть Дракулу, и о других казнях и расправах.¹⁸

Датировка текста «Об одном великом изверге» затрудняется тем, что не все дошедшие до нас издания имеют выходные данные. Составленный, во всяком случае, после 1477 г. (когда произошло вторичное воцарение Дракулы, о котором упоминается во всех брошюрах), известный нам текст брошюр несомненно восходит к более раннему рукописному рассказу;¹⁹ можно думать, что перво-

¹⁸ Текст страсбургского издания 1500 г. воспроизведен в статье: С. К а r a d j a. *Incișurile povestind despre crucea lui Vlad Țepeș. Închinare lui Nicolae Iorga*. Cluj, 1931, стр. 202—206. П. Олтяну считает, что в страсбургском издании наряду с германской отразилась и славянская версия повести (Р. О л т е а п и. *Limba povestilor slave despre Vlad Țepeș*, стр. 18). Это мнение представляется нам необоснованным — рассказ о купцах в страсбургской брошюре резко отличается и по построению и по тенденциям от рассказа о купце в русской повести (как и у Бонфини—Мюнстера). См. об этом на стр. 32.

¹⁹ И. Богдан привел в своей книге известие из неопубликованной немецкой хроники Леонарда Геффта (Hefft), хранящейся в Мюнхенском архиве (№ 26632, f. 495), где говорится, что заточенный в 1462 г. венгерским королем Дракула «до сегодняшнего дня находится под надежной охраной» и что «изображения его лица», жестокого и свирепого, «были разосланы по всему миру для обозрения»; Богдан полагал поэтому, что еще до освобождения Дракулы (до 1475—1477 гг.) печатные брошюры о нем, где действительно

начально он был написан на верхненемецком языке (становившемся к XV в. общегерманским литературным языком), а затем уже где-то на севере Германии появился его недатированный нижненемецкий вариант.²⁰ Наиболее раннее датированное издание брошюры относится к 1488 г.

помещены его изображения, уже появились (I. Bogdan. Vlad Tepeş..., стр. 31, прим. 1). И. Богдан предполагал также, что рукописный рассказ о Дракуле мог быть скопирован с печатной брошюры (там же, стр. 89). Но не может быть сомнения, что дошедший до нас рукописный текст возник ранее известных нам брошюр — рукописный текст не знает еще ареста Дракулы, он был использован «Хроникой» Т. Эбендорфера и «Комментариями» Пия II до 1464 г.; брошюры составлены уже после вторичного воцарения Дракулы в 1477 г. Содержащееся в той же хронике Геффта (судя по цитатам у Богдана) сравнение Дракулы с Нероном и Диоклетианом совпадает как раз с рукописным текстом (в брошюрах его нет). Можно было бы предполагать, конечно, что, кроме известного нам текста брошюры, существовал другой, более ранний и не дошедший до нас печатный текст (близкий к рукописному). Но указание на «изображение лица» Дракулы вовсе не обязательно понимать, как указание на брошюры — это могли быть и изображения без текста (и не обязательно печатные).

²⁰ И. Х. Энгель, впервые введший в науку и переиздавший недатированную брошюру о Дракуле (J. Ch. Engel. Fortsetzung der Allgemeinen Welthistorie durch eine Gesellschaft von Gelehrten im Deutschland und England ausgefertigt, Th. 49, Bd. 4, Abth. 1. Halle, 1804, стр. 75—80; этот текст был перепечатан вместе с Ламбахской рукописью в «Archiv des Vereins für siebenbürgische Landeskunde» и в книге: I. Bogdan. Vlad Tepeş..., стр. 90—105), и венгерский библиограф Кертбени (K. M. Kertbely. Ungarn betreffende deutsche Erstlings-Drucke 1454—1600. Budapest, 1880, стр. 10) считали, что эта брошюра написана на старосаксонском языке трансильванских немцев в тех самых местах, где совершались зверства Дракулы, и что она явилась источником для всех остальных брошюр. И. Богдан и К. Караджа пришли к выводу, что эта брошюра написана на нижненемецком диалекте и издана в Северной Германии (возможно, Бартоломеем Готаном в Любеке), но и К. Караджа продолжал считать нижненемецкую брошюру древнейшим изданием и архетипом всех остальных брошюр (I. Bogdan. Vlad Tepeş..., стр. 88; C. K. Kardja. Die ältesten gedruckten Quellen zur Geschichte der Rumänen, стр. 135; ср. также: H. Raab. Zu einigen niederdeutschen Quellen des altrussischen Schrifttums. «Zeitschrift für Slawistik», Bd. III, N. 2—4, Berlin, 1958, стр. 335). Последний по времени исследователь немецких рассказов о Дракуле Ю. Штрайтер считает древнейшим изданием обнаруженное им нюрнбергское (верхненемецкое) издание 1488 г.; к этому изданию восходят, по его мнению, все остальные, в том числе и нижненемецкое (J. Strieder. Die Erzählung vom walachischen Vojevoden Drakula..., стр. 401—404). К сожалению, однако, генеалогическое построение Ю. Штрайтера (как и построение К. Караджи) не имеет сколько-нибудь развернутого текстологического обоснования. В пользу предположения о первичности верхненемецкого издания говорит, на наш взгляд, то обстоятельство, что его текст ближе к рукописному тексту (написанному на аллеманском наречии, близком к верхненемецкому), нежели нижненемецкий; совпадают со всеми брошюрами в их общих отличиях от рукописного текста (порядок изложения, пропуски, рассказ о двух монахах, концовка), нижненемецкий текст имеет еще особые отличия: цыгане здесь называются татарами (Thättern), бедняки, сожженные Дракулой, — трубадурами или скоморохами (Trutzgelehrten) и т. д. (J. Ch. Engel. Fortsetzung der Allgemeinen Welthistorie..., стр. 77, 79, 80; о значении слова «Trutz-

История Дракулы получила отражение не только в немецкой прозе XV в., но и в поэзии. Мейстерзингер Михаил Бехайм, чрезвычайно плодовитый поэт, служивший чешско-венгерскому королю Владиславу и императору Фридриху III и неоднократно описывавший политические события своего времени, посвятил Дракуле довольно обширную (свыше 1000 строк) поэму. Эта поэма, сохранившаяся в рукописи в Гейдельбергской библиотеке, была опубликована и стала предметом исследования только в начале XX в.²¹ Сопоставление поэмы Бехайма с другими источниками прежде всего обнаруживает большую близость ее к рукописному рассказу о Дракуле: там, где рукописный рассказ расходится с брошюрами в порядке расположения эпизодов или в изложении текста внутри эпизодов, Бехайм всюду следует рукописному рассказу (ср. таблицу на стр. 25—26); сходно с рукописным текстом излагается у Бехайма рассказ о зверствах Дракулы в Семиградье в 1460—1462 гг. и рассказ о казни людей, которые прятали его сокровища. Некоторую мотивировку получила в изложении Бехайма и казнь дворян, спрощенных о числе правителей Валахии, — Дракула казнил их за то, что они так часто меняют своих правителей. Иные отклонения от текста рукописного рассказа в основной части поэмы объяснялись, видимо, в первую очередь версификаторскими задачами — необходимостью уложить текст в размер, требованиями рифмы. Лишь начиная с середины поэмы Бехайм существенно изменил и содержание своего рассказа. Так, значительно расширился рассказ про монаха, посаженного на кол вместе с ослом; вместо одного монаха у Бехайма фигурируют два монаха-бернардинца, причем вся история получает специфически анекдотический смысл: монахи хотели поскорее войти в царствие небесное — Дракула обещал им эту возможность, посадив их на кол; оставшийся без хозяев осел стал реветь — Дракула отправил и его вслед за ними. Большое место в изложении Бехайма занимает рассказ о разговоре Дракулы с монахами монастыря «Горион». Дракула просил монахов молиться за него, хвастаясь своим благочестием: никто на свете не сотворил столько святых, как он. Брат Михель обещал Дракуле милость божью, но настоятель брат Ганс смело обвинил Дракулу в злодействе и тирании. Рассказ этот напоминает аналогичный эпизод с испытанием монахов в брошюре, но у Бехайма он не только пространнее и конкретнее, но и по-иному кончается: Дракула посадил на кол

gelehrten» ср.: K. M. K e g t b e n y. *Ungarn betreffende deutsche Erstlingsdrucke*, стр. 331).

²¹ G. C o n d u r a t u. Michael Beheim's Gedicht über den Woiwoden Wlad II. Drakul; J. B l e y e r. Ein Gedicht Michael Beheim's über Wlad IV, Woiwoden von der Walachei (1456—1462). «Archiv des Vereins für siebenbürgische Landeskunde», N. F., Bd. 32, N. 1, Hermannstadt, 1903, стр. 5—39. Публикация Кондурату сопровождается, как мы отметили выше, ценным исследованием. Публикации Блейера предшествует небольшая вводная статья.

Расположение эпизодов в немецких рассказах о Дракуле

Эпизоды	Рассказ, сохранившийся в рукописи	Брошюра «Об одном великом изверге» (лейпцигское издание 1493 г.)	Поэма М. Бехайма «Об одном изверге» (стихи)
Убийство старого Дракулы; крещение Дракулы и его брата	I	1	19—30
Воздарение Дракулы; убийство Ласло Вайды	II		31—50
Разграбление деревень и замков	III	2	51—66
Убийства женщин и детей	IV		67—73
Приглашение купцов и ямщиков; они посажены на колья	V *	4 (a)	74—76
Сожжение 400 мальчиков	VI	3	77—90
Целое племя посажено на кол	VII	4 (b)	(подробнее) 91—100
Дракула закапывал людей в землю и поджаривал на огне	VIII	4 (c)	101—110
Арест и казнь молодого Дана	IX	5	111—120
Казни в присутствии послов	X	6	121—210
Сожжение церкви св. Варфоломея	XI	7	(подробнее) 211—220
Поход на деревню Зейдинг, казнь военачальника		8	221—236
Казнь купцов из Бурценланда	XII	9	237—243
Дракула варил людей в котлах и сажал на колья	XIII	10 (упоминания о кольях нет)	244—260
Нападение на Толмец (Колмец)	XIV	16	261—270
Казни матерей с детьми; сравнение с Нероном и Диоклетианом	XV	11 (сравнения с Нероном и Диоклетианом нет)	327—350 271—276 (сравнение с Нероном и Диоклетианом).
Массовые казни на кольях и шутки Дракулы по этому поводу	XVI *	12	351—365
Дракула казнил цыгана и заставил других цыган есть его	XVII	13	366—393
Пир между кольями; казнь бреагливого гостя	XVIII	14	394—413
Казнь священника, проповедовавшего против несправедливости, но взявшего кусок хлеба со стола Дракулы	XIX	15	414—442

Хроника зверств в Семиградье в 50-х годах

* Эпизодов нет в одной из двух рукописей (Ламбахской).

Продолжение

Эпизоды	Рассказ, сохранив- шийся в рукописи	Брантиора «Об одионом великом изверге» (лейпцигское издание 1493 г.)	Поэма М. Бехайма «Об одном изверге» (стихи)
Казнь 500 дворян, не знавших числа правителей Валахии	XX	17	443—480 (подробнее)
Дракула приказывает разрезать живот своей любовнице, чтобы посмотреть, что там находится	XXI	19	481—493
Истязания людей на точильном камне		18	284
Хроника зверств в Семиградье и Болгарии в 1460—1462 гг.			
Поход 1460 г. на Семиградье; зверства	XXII	—	494—520
Поход 1462 г.; зверства. Приглашение турецких послов для выплаты долга и убийство их; разграбление Болгарии	XXIII	21	521—570
Казни на кольях в Валахии	XXIV	20	577—586
Казни; обезглавление людей, которые прятали сокровища Дракулы	XXV	—	571—576
Дракула обезглавил дворян и скормил их головы ракам, а затем угощал этими раками друзей казненных . .	XXVI	—	587—616
Бедняк в короткой рубашке; казнь нерадивой жены	XXVII	22	617—640
Дракула посадил на кол осла и ехавшего на нем монаха	XXVIII	24	641—680 (подробнее)
Дракула истязал цыган и заставлял их воевать против турок; и те и другие утонули	XXIX	23	821—860
Приглашение бедняков на пир и сожжение их	XXX	28	861—870
Дракула заставил матерей есть своих детей, а мужей — своих жен	XXXI	27	—
Послы «валов» отказались снять береты; Дракула приказал прибить их к головам	XXXII	25	871—910
Испытание двух монахов; казнь листопада	—	26	681—820 (иный вариант — казнь обличителя)
Пленение Дракулы венгерским королем; крещение; восстановление на престоле	—	29	911—1070 (иный вариант; восстановления на престоле нет)

смелого настоятеля (судьба трусливого брата Михеля остается неясной), часть напуганных монахов разбежалась, и один из них, брат Яков, рассказал Бехайму весь этот эпизод. Имеет поэма о Дракуле у Бехайма и концовку — опять-таки совсем иную, чем в брошюрах. Осудив небывалую тираннию Дракулы, Бехайм рассказывает, что тот пытался обмануть и турецкого султана и венгерского короля, ведя переговоры с обоими, но стал сам жертвой своего коварства: венгерский король Матвей Корвин, узнав о двойной игре Дракулы, захватил его в плен и посадил в заточение.

Поэма Бехайма основывалась, таким образом, наряду с уже известным нам повествованием о Дракуле, на сообщениях каких-то дополнительных источников или рассказчиков — одним из таких рассказчиков мог быть упоминаемый поэтом монах Яков, если он не вымышленное лицо.²² Когда была написана поэма Бехайма? Бехайм, в отличие от автора прозаического рукописного рассказа, знал уже о низвержении Дракулы в конце 1462 г., но о его вторичном вступлении на престол в 1477 г. он, в отличие от составителя рассказа «Об одном великом изверге», не упоминал. Впрочем, есть основания думать, что позже 70-х годов XV в. Бехайм вообще писать не мог, так как, судя по «покаянному кресту», сохранившемуся в его родной деревне Зюльцбах (где Бехайм был под конец жизни сельским старостой), в 147... г. (последняя цифра на кресте стерта) он был убит при каких-то неизвестных для нас обстоятельствах.²³

Таковы основные варианты, в которых дошел до нас немецкий рассказ XV в. о Дракуле. Латинское переложение этого рассказа читается, как мы уже указывали, в «Хронике римских королей» Эбендорфера и в «Комментариях» папы Пия II. В обеих хрониках текст восходит к прозаическому рукописному рассказу о Дракуле, но отличается от него концовкой — и Эбендорфер и Пий II знали уже о свержении Дракулы и заточении его Матвеем Корвиным в 1462 г. Текст «Хроники» Эбендорфера в общем очень близок к рукописному рассказу, отличаясь от него лишь несколькими эпизодами.²⁴ В «Комментариях» рассказ значительно короче (исполь-

²² Cp.: G. Conducatu. Michael Beheim's Gedicht über den Woiwoden Wlad II. Drakul, стр. 17—18, 20—21, 91—92. Блейер считает рассказ монаха Якова не только источником в сего изложения Бехайма, но также общим источником рукописного рассказа, брошюра и латинского изложения Эбендорфера; Блейер не знал русской повести и хроники Бонфини, которые, следуя его совершенно невероятной гипотезе, также пришлось бы возводить к рассказу монаха Якова (J. Bléyer. Ein Gedicht Michael Beheim's über Wlad IV, Woiwoden von der Walachei, стр. 8—9).

²³ J. Caspari. Michael Beheim's Lebensende. «Germania, Vierteljahrsschrift für deutsche Altertumskunde», 22 Jg., Wien, 1877, стр. 412—420.

²⁴ Вместо рассказа о казни «молодого Дана» (сына Владислава Дана, предшественника Цепеша-Дракулы) здесь приводится рассказ об убийстве «многих юношей» (Th. Ebendorfers chronica regum Romanorum, стр. 202;

зовано лишь несколько эпизодов).²⁵ Чисто хроникальные сообщения о Дракуле, посвященные его войне с турками в 1462 г. и не связанные с интересующими нас рассказами, содержатся также в греческой хронике Халкондилы²⁶ и в польских «Записках янычара»²⁷ (оба эти рассказа написаны в пропагандистском духе). Ни в этих сообщениях, ни в немногочисленных документальных материалах, сохранившихся от времени Влада Цепеша, нет ни одного из приведенных выше анекдотических эпизодов.²⁸ Имя Дракулы фигурирует еще в трех памятниках немецкой литературы XVI в.— в народной книге о Фортунатусе,²⁹ в «Ночной книжечке» В. Шумманна³⁰ и в «Травле блох» И. Фишарта³¹— но это уже не более как упоминания, основанные на прочно сложившемся по письменным и устным рассказам представлении о «великом изверге».

Таким образом, существуют три рассказа о Дракуле: русская повесть, рассказ Бонфина—Мюнстера и немецкое сказание, дошедшее в нескольких вариантах, восходящих к одному источнику. Для решения вопроса о происхождении сюжета «Повести о Дракуле» эти три рассказа необходимо сопоставить между собой.³² При таком сопоставлении необходимо сразу же принять во внимание одно обстоятельство (отчасти отмеченное уже Ю. Штрайдте-

ср. в приведенной нами таблице эпизод IX), в эпизоде с котлами (там же, стр. 208; ср. в таблице эпизод XIII) не упоминается о сажании на кол, нет сравнения с Нероном и Диоклетианом (там же; ср. в таблице эпизод XV), истязания людей на точильном камне (там же, стр. 204; ср. в таблице эпизод XXI). Завершая рассказ о Дракуле, Эбендорфер объясняет, что знать про такую «жесточайшую жестокость» полезно, ибо с ней, может быть, придется еще встретиться при нападении на страну завоевателей (очевидно, турок).

²⁵ Pii secundi pontificis max. *Commentarii* . . . , стр. 296—297.

²⁶ Laonici Chalkondilae Atheniensis Historiarum libri decem. *Corpus scriptorum Historiae Byzantinae*. Bonnae, 1843, стр. 516—517.

²⁷ Pamiętniki Janczara czyli Kronika Turecka Konstantego z Ostrowicy, Wyd. J. Los. Kraków, 1912 («Biblioteka pisarzy polskich», № 63), стр. 102—107 и 267—270.

²⁸ Ср.: *Documente privind istoria României. Veacul XIII, XIV și XV. B. Tara Românească* (1247—1500). București, 1953, стр. 128—132 (№№ 120—124). В одном из документов времени Влада Цепеша, опубликованном румынским историком Н. Иоргой (письмо римскому папе конца 1475—начала 1476 г.), содержится рассказ, напоминающий один из эпизодов русской «Повести о Дракуле»— там говорится, что Цепеш, находясь в заточении, ловил мышей и сажал их на деревянные палочки (N. Iorga. *Lucruri noi despre Vlad Țepeș. «Converbiri literare»*, an. XXV, București, 1901, стр. 156—157).

²⁹ *Fortunatus. Nach dem Ausburger Druck von 1509 herausgegeben von Hans Günther*. Halle a. S., 1914, стр. 61 (здесь упоминается только о пребывании героя в Валахии, где царствовал «Tracole Wayda»).

³⁰ *Valentin Schumanns Nachtblüchlein* (1559), herausgegeben von J. Bolte. Tübingen, 1893, стр. 57—58 (некий изверг сравнивается с «Tracola Wayda»).

³¹ J. B l e y e r. *Zu Fischarts Flöhaz von 1341—1341. «Zeitschrift für deutsche Philologie»*, Bd. XXXIV, N. 1, Halle a. S., 1902, стр. 132—133 (при описании блохи, пьющей кровь пирующих, автор вспоминает Дракулу, пировавшего среди мертвых).

³² Пересказ русской повести см. на стр. 5—8; текст — на стр. 117 и след.

ром).³³ Рассказы XV в. о Дракуле соединяют в себе два элемента — историко-хроникальный и анекдотический. Ряд известий русской повести и немецких рассказов основывался на точных данных и был вполне исторически достоверен. Так, например, сообщение русской повести об успехах Дракулы в войне с турками, о его враждебности к боярам и о том, что Цепеш во время столкновения с венгерским королем в 1462 г. был «от своих издан по крамоле», находят подтверждение в других источниках.³⁴ Но наряду с этими историческими данными три рассказа XV в. содержат и типичные средневековые анекдоты (типа немецких «шванков») о жестоком правителе. Именно эти анекдоты (в русской повести и у Бонфини преобладающие, в немецких рассказах занимающие примерно половину текста) обнаруживают общность происхождения трех рассказов о Дракуле.

В русской «Повести о Дракуле» и у Бонфини сходны: эпизод с турецкими послами, которым Дракула приказал прибить колпаки (в русской повести — «капы») и головам, эпизод с приглашением на пир и сожжением нищих, эпизод с купцом и золотом, оставленным на улице (у Бонфини, правда, золото просто остается в сохранности; в русской повести Дракула возмещает похищенное и подвергает испытанию самого купца); совпадает мотив пира между кольями (хотя, в отличие от русской повести, казни брезгливого слуги у Бонфини нет); наконец, совпадает тема жестокости и справедливости Дракулы (в русской повести — с конкретной иллюстрацией: история с чашей) и истязания пленных.

Еще больше сходства можно обнаружить между русским и немецким рассказами о Дракуле. Сходными с русской повестью и с хроникой Бонфини оказываются в немецком рассказе (во всех его вариантах, включая рукописный) два эпизода: наказание иностранцев (в немецком сказании — не турок, а итальянцев или французов), не снявших беретов, и сожжение приглашенных на пир бедняков (нищих). Тема пира между кольями дана здесь, как и в русской повести, в развернутой форме — рассказывается о казни брезгливого, только он оказывается не слугой, а почтенным гостем. Ряд эпизодов совпадает только с русской повестью. Это прежде всего история о бедняке в короткой рубашке и его жене (в немецких вариантах Дракула не только казнит жену бедняка, но дает ему новую жену). Упоминание о казни людей, прятавших сокровища Дракулы (в русской повести — мастера, изготовленные для него бочки с золотом), встречается в рукописном тексте не-

³³ J. Striedter. Die Erzählung vom walachischen Vojevoden Drakula..., стр. 407—408.

³⁴ Ср.: Barbu Cîmpina: 1) Complotul boierilor și «răscoala» din Tara Românească din iulie—noiembrie 1462. «Studii și referate privind istoria României», p. 1, București, 1954, стр. 599—624; 2) Victoria ostii lui Tepes asupra sultanului Mehmed al II-lea. «Studii. Revistă de istorie», 1962, № 3, стр. 533—556.

мецкого рассказа и исчезает в брошюрах (вновь появляясь только в аугсбургском издании 1494 г. и страсбургском издании 1500 г.). Напротив, испытание двух монахов отсутствует в первоначальном рукописном варианте немецкого рассказа и появляется в брошюрах; однако если в русской повести казненным оказывался дерзкий обличитель, то в немецкой брошюре Дракула казнит льстивого лжеца (вариант, представленный у Бехайма, в этом отношении ближе к русской повести). Известная близость обнаруживается еще между несколькими мотивами русского и немецкого рассказов: в русской повести Дракула, борясь с прелюбодеяниями, приказывает сдирать кожу у согрешивших девиц; в немецком повествовании рассказывается о забеременевшей любовнице Дракулы, которой Дракула приказал разрезать живот; в обоих рассказах упоминается (в разном контексте) о том, как Дракула обещал дань турецкому султану, а затем вероломно напал на самих турок.

Однако, несмотря на эти совпадения, ни один из разобранных рассказов не может рассматриваться как источник для двух других. Хроника Бонфини не могла быть источником русской повести и немецкого рассказа не только ввиду ее относительно позднего происхождения (90-е годы XV в.), но и потому, что в ней нет многих эпизодов, читающихся в этих рассказах. Немецкий рассказ, даже в своем наиболее раннем варианте (рукописный рассказ), также не мог быть источником русской повести и текста из хроники Бонфини, ибо в нем нет нескольких эпизодов, общих этим двум источникам (купец и его золото, искоренение злоупотреблений). Русская повесть в этом отношении наиболее богата — здесь читаются все эпизоды, о б щ и е для двух других рассказов. Но едва ли можно сомневаться и в том, что сочинение, написанное на почти неизвестном в Центральной Европе русском языке, не было источником ни для более раннего по времени рукописного немецкого рассказа (1462—1464 гг.), ни для поэмы Бехайма, ни даже для несколько более поздних немецких брошюр и хроники Бонфини. Для предположения о едином письменном источнике рассказов XV в. пришлось бы реконструировать некий не дошедший до нас памятник, соединяющий черты всех трех рассказов. Но едва ли было бы возможно это сделать. При явном сходстве сюжетов рассказы о Дракуле дают столь противоречивую трактовку многих из этих сюжетов, что их невозможно свести в какое-либо гипотетическое единство.

Общим источником русского, немецкого и венгерского рассказов о Дракуле был не письменный памятник и вообще не какое-либо единое произведение,³⁵ а ряд преданий или анекдотов, сло-

³⁵ Точка зрения Блейера, возводившего все известные ему тексты к рассказу одного лица — монаха Якова (см. прим. 22), представляется совершенно неубедительной.

жившихся еще при жизни «великого изверга» (частью до его пленения в 1462 г.), распространенных в Центральной Европе во второй половине XV в. и по-разному записанных и интерпретированных немецкими, русским и венгерско-итальянским авторами. К мысли об устном источнике русской повести о Дракуле приходили уже Богдан³⁶ и Седельников,³⁷ с полной определенностью: мысль эта была высказана в современной литературе о Дракуле.³⁸

Предположение об устной основе трех рассказов XV в. о Дракуле объясняет очень большие различия, которые наблюдаются при сопоставлении даже сходных эпизодов: по-разному кончается в рассказах о Дракуле эпизод с испытанием двух монахов, по-разному рассказывается о пире между кольями, о казни лиц, прятавших сокровища Дракулы, о кущах и их имуществе и т. д. Совпадения между отдельными эпизодами-анекдотами разных рассказов — это совпадения сюжетно-композиционные, а не текстуальные. Следуя анекдотам, составители русского и немецких рассказов охотно вводили в текст прямую речь персонажей (вопросы Дракулы и ответы его собеседников), однако самое содержание их реплик редко совпадает в разных рассказах. Единственное явное текстуальное совпадение трех рассказов — слова Дракулы о его желании «подкрепить обычай» иностранных послов («закона потвердити», «confirmandi moris», «gewonhait bestetigenn»), но такое совпадение, естественно, объясняется значением этих слов, как каламбура, на котором построен весь анекдот («подкрепление» — гвоздями).

Тесная связь письменных рассказов о Дракуле с устными обнаруживается и в тех модификациях, которые наблюдаются в повествованиях, восходивших к одному немецкому рукописному тексту. Рассказ о двух бернардинцах и осле, читающийся у Бехайма, это не расширение эпизода с ослом и монахом из прозаического рукописного текста, а другой, более полный и художественно полноценный вариант анекдота, услышанный мейстерзингером. Как Бехайм, так и брошюра добавили рассказ об испытании двух монахов, отсутствовавший в первоначальном тексте, но текст этого рассказа резко отличается в обоих памятниках и опять-таки восходит к двум независимым и различным по идеевариантам анекдота о Дракуле. И даже дополнения, сделанные в более поздних изданиях брошюр — аугсбургском издании 1494 г. и страсбургском издании 1500 г. — не могут объясняться новым обращением к письменным источникам. В изданиях 1494 и 1500 гг. есть рассказ об убийстве людей, прятавших сокровища Дракулы,

³⁶ I. Bogdan. Vlad Țepeș..., стр. 119—120.

³⁷ А. Д. Седельников. Литературная история повести о Дракуле., стр. 636—637.

³⁸ Я. С. Лурье. Повесть о мунтъянском воеводе Дракуле. В книге: Русские повести XV—XVI вв. М.—Л., 1958, стр. 420—421; J. Striedter. Erzählung vom walachischen Vojevoden Drakula..., стр. 411—412.

но рассказ этот не совпадает по тексту с аналогичным рукописным рассказом и является, очевидно, иной записью того же устного предания. Еще более явно отличается рассказ об обращении Дракулы с купцами в страсбургской брошюре 1500 г. от рассказа о венгерском купце в русской повести и о флорентийском купце у Бонфини—Мюнстера. В брошюре «великий изверг» сам нарочно похищает деньги у купцов и затем жестоко расправляется с ними; в русской повести и у Бонфини речь идет о справедливости Дракулы и его борьбе со злоупотреблениями.

Итак, в основе всех письменных рассказов о Дракуле лежал живой, непрерывно меняющийся источник — устная традиция. Можно думать, что традиция эта продолжала существовать в фольклоре румын и других соседних народов еще много веков после XV в.

Наибольшее сходство с рассказами о Дракуле XV в. обнаруживают «повести о Владе Цепеше», найденные в бумагах известного румынского фольклориста и автора многочисленных сказочных сборников для детей Петре Испиреску. После смерти Испиреску эти «повести» были обнаружены среди его бумаг и посмертно опубликованы.³⁹

Тексты Испиреску во многом сходны с анекдотами, записанными в XV в. Только один эпизод, имеющий в записях Испиреску заголовок «Крепость Поенары», не встречается в известных нам текстах XV в.⁴⁰ Все остальные сказания, записанные Испиреску, встречаются либо в немецком рассказе, либо в русской повести и у Бонфини. С немецким рассказом совпадает анекдот о казни духовного лица, проповедовавшего против несправедливости, но не удержавшегося от того, чтобы взять кусок хлеба со стола Цепеша — однако это духовное лицо оказывается не католическим священником (Pfaff), как в немецком рассказе, а греческим (православным) монахом. Сходен с немецким рассказом и анекдот о том, как Цепеш разрезал живот своей любовнице, чтобы узнать, есть ли там ребенок, — но анекдот этот лучше мотивирован: любовница солгала Цепешу, чтобы подольститься к нему, и он разоблачил

³⁹ Тексты П. Испиреску публиковались по частям: разделы I—III — в сборнике «Făt Frumos», Cernăuți, год IX, 1934, № 5—6, стр. 113—116; разделы IV—VII — там же, год X, 1935, № 1—2, стр. 83—87; разделы VIII—IX были опубликованы отдельной брошюрой: P. Ispirescu. *Povestile despre Vlad Țepeș*, Cernăuți, 1936 (труды семинара по современному румынскому фольклору). Перевод этих сказаний на русский язык, сделанный И. Ф. Фихманом, см. на стр. 194—203.

⁴⁰ Рассказ о строительстве крепости Поенары читается в валахской хронике конца XVII в. — «Летописи Кантакузино» (Istoria Tării Românești 1290—1690. *Letopisul Cantacuzinesc*. Ediție critică întocmită de C. Grecescu și D. Simionescu. Editura Academiei Republicii Populare Române, 1960, стр. 4—5 и 205). В летописи Цепеш посыпает на работу только молодых людей, а старых сажает на кол. В другом варианте летописного рассказа бояре не осмеивают брата Цепеша, а убивают его — Цепеш заставляет их копать землю, чтобы найти труп брата.

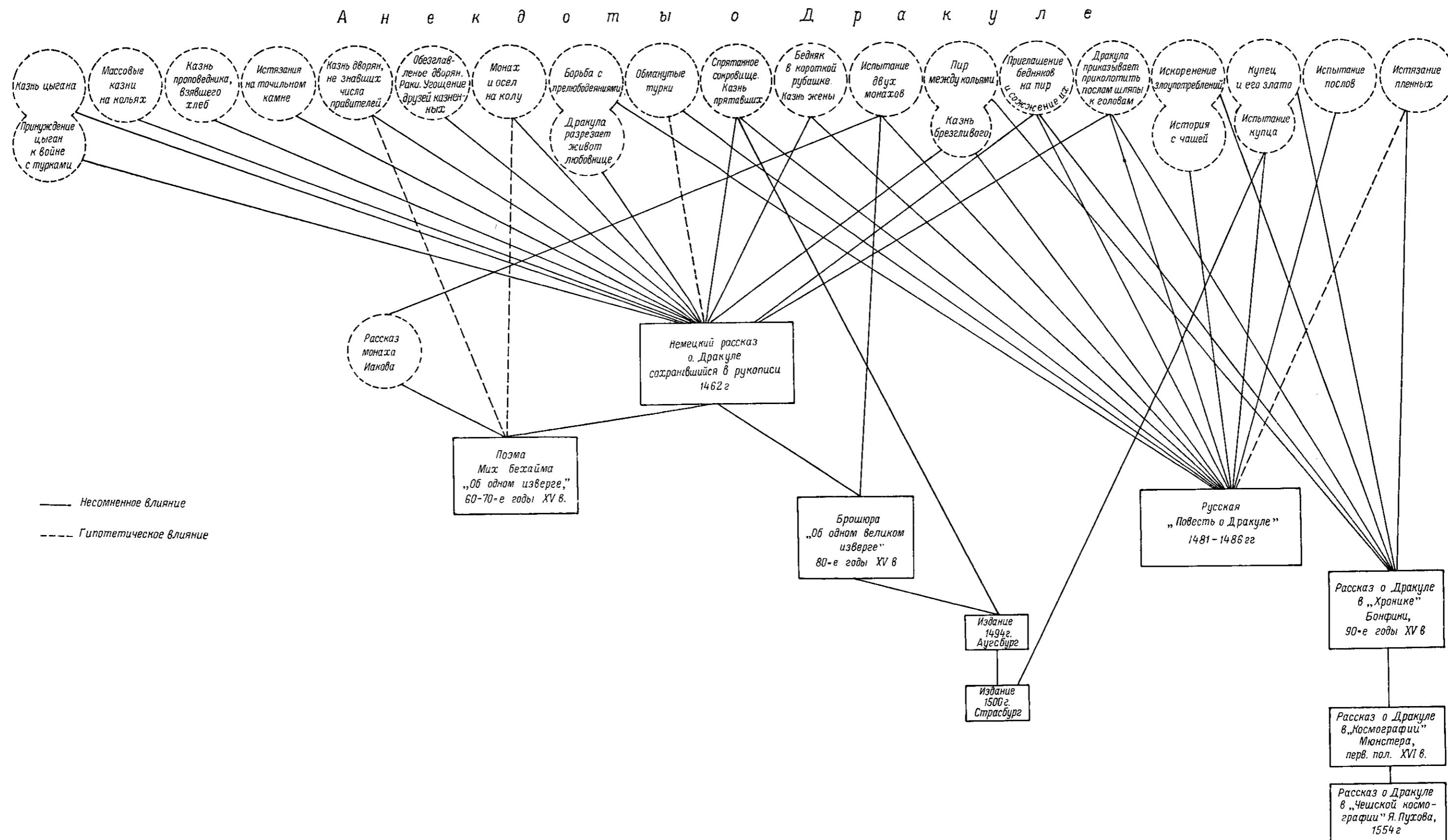

Схема происхождения сюжета «Повести о Дракуле» (в памятниках XV—XVI вв.).

ее обман. История с купцом, оставившим по приказу князя деньги на улице на ночь, рассказывается в записях Испиреску близко к варианту Бонфини: купец именуется флорентийским, и денег никто не крадет. История с пропажей денег стала в сказаниях отдельным сюжетом (помещенным Испиреску в конце его записей): некий иностранный купец потерял кошелек с деньгами и несправедливо обвинил человека, нашедшего эти деньги, в присвоении части найденного — Цепеш наказал лжеца, отдав кошелек обиженному. Казнь ленивой жены также ближе в записях к немецкому варианту, чем к русскому, — Цепеш дал крестьянину новую жену, и она работала без отдыха. Брезгливый человек, посаженный Цепешем на высокий кол, чтобы его не достиг запах трупов, оказывается здесь не почтенным гостем, как в немецком варианте, и не слугой, как в русской повести, а боярином. В эпизоде с испытанием двух духовных лиц — льстеца и хулителя — только один из них оказывается в записях монахом (греческим), а другой — сельским попом. Как и в немецкой брошюре, Цепеш казнит льстеца (монаха) и прощает правдивого (попа). Сожжение бедняков описывается сходно с рассказами XV в., но сказано, что *нищими* они стали от лени.

Сопоставление сказаний, сохранившихся в записях Испиреску, с письменными рассказами XV в. обнаруживает ряд интересных особенностей этих сказаний: последовательное сочувствие Цепешу (особенно заметное при сопоставлении с немецкими рассказами, сюжетно наиболее близкими к этим записям), большую логичность в изложении отдельных авекдотов (история с любовницей, с монахом и попом), отражение характерных черт румынского быта (вместо католических священников всюду выступают православные попы и т. д.). К сожалению, опубликованные посмертно записи Испиреску не содержат никаких указаний, где и от кого он их записал. Сам Испиреску был не столько исследователем-фольклористом, сколько писателем-сказочником, своего рода румынским Андерсеном. Мы не можем поэтому сказать с уверенностью, откуда произошли эти особенности его рассказов — из народной традиции или от литературной работы самого Испиреску (наивный «патриархальный» монархизм которого явно ощущается в этих рассказах). И все-таки предполагать, что записи Испиреску — его собственная композиция, целиком созданная по письменным источникам, было бы едва ли правильно. Против этого говорит прежде всего то обстоятельство, что бытование подобных сказаний о Цепеше отмечалось румынскими авторами и до Испиреску.⁴¹

⁴¹ П. Панайеску полагает, что рассказ «Летопись Кантакузино» о строительстве крепости Поеяны (см. стр. 32, прим. 40) восходит к устному источнику (P. P. Panaitescu. *Incepiturile istoriografiei în Țara Românească*. «Studii și materiale de istorie medievală», vol. V, 1962, стр. 203). Какие-то устные рассказы о Цепеше использовал и румынский историк конца XIX в. Ксенонопол — он рассказывает, как Цепеш посадил священ-

Дополнительными свидетельствами длительного существования «дракуловской темы» в преданиях Центральной Европы могут служить другие фольклорные материалы, не совпадающие по сюжету с известными нам легендами о Дракуле, но тоже посвященные этому князю. Это — предание о бегстве Цепеша от турок, записанное в уезде Арджеш (в предгорьях Карпат, северо-западнее Бухареста), южнославянские песни и какие-то легенды, использованные английским писателем Бремом Стоукером в романе «Дракула».

В предании, записанном в уезде Арджеш, рассказывается о том, как Влад Цепеш, разбитый превосходящими силами турок, укрылся в горной крепости. Турки осадили его и должны были захватить в плен, но племянник Цепеша, находившийся в турецком войске, бросил в крепость стрелу с запиской, в которой предупредил дядю об опасности. По совету местных крестьян, Цепеш с воинами покинул свое убежище, перековав коням подковы в обратную сторону, так что следы их, казалось, вели к крепости, а не от нее. В благодарность за совет Цепеш жалованной грамотой даровал крестьянам окрестные горы. Турки заняли крепость, но не смогли найти Цепеша, решив, что он провалился сквозь землю.⁴²

В сербских народных песнях о битве под Варной в 1444 г. отчество «Дракулович» или «Драгулович» присвоено их излюбленному герою — славонскому бану Секуле. Можно предполагать поэтому, что «Секула Дракулович» сербских народных песен — это контаминированный образ двух участников битвы при Варне — славонского бана Секулы и молодого Влада Цепеша (называвшегося «Дракуловичем», ибо прозвище Дракона (Дракулы) носил еще его отец Влад III).⁴³ Любопытно в связи с этим, что герой

ника, не сразу слезшего с коня, чтобы приветствовать князя, на кол вместе с конем (в аналогичном рассказе немецких текстов речь идет о монахе и осле); согласно приведенному им варианту анекдота, не Дракула, а трактирщик советует иностранному купцу оставить деньги на дороге и т. д. (A. D. Хепорол. *Istoria Românilor din Dacia Traiană*, vol. II. Jassi, 1889, стр. 277—279; *Histoire des Roumains de la Dacie Trajane*, t. I. Paris, 1896, стр. 268).

⁴² C. Rădulescu - Codin. *Ingerul Românului. Povești și legende din popor*. Academia Română. Dîn viața poporului român. Culegeri și studii. XVII. București, 1913, стр. 83—86.

⁴³ В. Богошић. Народне пјесме из старијих највише приморских записа, књига прва (II одељење гласника српског ученог друштва, кн. X. Београд, 1878, № 18—21). Ср.: К. Висковатый. О «Секуле Дракуловиче (Драгуловиче)» южнославянских народных песен. «Slavia», гоđ. XIV, сеš. 1—2, Praha, 1935—1936, стр. 160—163. В битве при Варне отец Цепеша Влад III непосредственно не участвовал, но послал на помощь противотурецким силам 4000 валашских воинов под командой одного из своих сыновей, вероятно именно будущего Влада Цепеша (ср: Johannis Dlugossi... *Historiae Polonicae libri XII. Francoforti*, 1711, стлб. 799—800; Antonii Bonfinii *Rerum Ungaricarum decades tres...*, стр. 462).

этих народных песен не только по имени «сын Дракона», но и сам как-то таинственно связан со змеей: стрела, пущенная в змею, летящую по воздуху, попадает в его сердце.⁴⁴

Брем Стоукер, как мы уже знаем, изобразил Дракулу не только в виде борца с турками, но и в виде вампира. Едва ли эта сюжетная линия (сделавшаяся в его романе основной) была только порождением фантазии романиста. Стоукер серьезно интересовался историей Дракулы; он обращался к помощи известного венгерского ученого Арминия Вамбери. Можно предполагать поэтому, что Стоукер использовал (прямо или через посредство письменного источника) какие-то предания, в которых Дракула выступал в роли вурдалака.⁴⁵ Легенды о вампирах-вурдалаках были популярны в фольклоре Центральной Европы — до Стоукера могли дойти западнославянские,⁴⁶ румынские⁴⁷ или цыганские⁴⁸ сказания такого характера. Дракула народных анекдотов, пировавший среди мертвцев (и уже ассоциировавшийся в немецкой литературе с блохой, пьющей кровь), вполне подходил для того, чтобы ему приписывали не только прижизненные, но и посмертные злодейства.

Как и западные рассказы о «великом изверге», русская повесть была написана на основе устных рассказов, услышанных автором в тех местах, где жила память о Дракуле. Но кто был этот автор? В научной литературе нынешнего столетия утвердился, как мы уже знаем, взгляд на повесть (особенно подробно обоснованный

⁴⁴ В. Богишић. Народне пјесме..., № 19. Ср.: К. Висковатый. О «Секуле Дракуловиче»..., стр. 163.

⁴⁵ Ср.: H. Ludlam. A Biography of Dracula: the Life Story of Bram Stoker. London, 1962, стр. 100. Сообщая о знакомстве Стоукера с Вамбери, Г. Ладлем утверждает также, что в одной из старинных рукописей, использованных Стоукером, Дракула именовался вампиром. К сожалению, однако, книга Ладлема не имеет научного характера и автор не ссылается на источник. О связи Стоукера с Вамбери писал также американский исследователь Б. Кертли (B. Kirtley. Dracula, the Monastic Chronicles and Slavic Folklore. «Midwest Folklore», VI, 3, 1956, стр. 136), единственный известный нам автор, сопоставивший русскую повесть с романом Б. Стоукера.

⁴⁶ Со славянским фольклором связывает «Дракулу» Б. Стоукера Б. Кертли (B. Kirtley. Dracula, the Monastic Chronicles and Slavic Folklore, стр. 133—139), отмечающий также сходные румынские поверья. Б. Кертли обратил внимание и на сходство одного мотива русской повести (Дракула, сидя в тюрьме, ловит птиц и ощипывает их живьем) с аналогичным мотивом у Стоукера (заточенный в сумасшедшем доме безумец Ренфилд ловит птиц и ест их живьем). К сожалению, материал XV в. плохо известен Кертли — он не знает ни немецких рассказов о Дракуле, ни хроники Бонфини; русскую повесть считает почему-то частью «монастырской хроники» из Кирилло-Белозерска, находящегося, по его мнению, «около финской границы» (!) и т. д.

⁴⁷ G. Nandriș. Rumanian Folklore. «Aryan Path», April, 1954, Bombay, стр. 165.

⁴⁸ Zigeunermärchen. Unter Mitwirkung von M. Block und I. Ipsen herausgegeben von W. Aichell. Jena, 1926 (серия «Die Märchen der Weltliteratur»), стр. 56, № 13; стр. 83, № 20; стр. 87, № 21; M. Böck. Zigeuner. Ihr Leben und ihr Seele. Leipzig, 1936, стр. 142—143.

И. Богданом) как на произведение, написанное русским, побывавшим в конце XV в. в Венгрии и Молдавии. Однако некоторые румынские исследователи держатся иного взгляда. Уже в 1939 г. Н. Смокинэ высказал мнение, что повесть была написана трансильванским румыном и лишь затем переведена на русский язык;⁴⁹ к этому взгляду недавно присоединился и известный румынский медиевист П. Панаитеску. В пользу такого предположения говорят, по мнению исследователей, хорошая осведомленность автора о событиях в Венгрии и некоторые особенности языка повести. П. Панаитеску ссылается, например, на слова автора повести о судьбе потомства Дракулы: «Корол же сестру свою (жену Дракулы, — Я. Л.) взят, и со двема сынми, в Угорскую землю на Будин. Един при кралеве сыне живет, а другой был у Варадинского бискупа и при нас умре, а третяго сына старейшаго Михаила тут же на Будину видехом». Переводя «тут же» как «здесь (aici)» П. Панаитеску делает вывод, что повесть написана в Будине—Будапеште. Что касается языка повести, то Панаитеску усматривает в нем ряд нерусских элементов (слова «боярин», «сиромах», «дукат», «споклисарь», «хранити» в смысле кормить и др.) и полагает, что повесть была написана на среднеболгарском языке (литературном и культовом языке Валахии и Молдавии) неким трансильванским румыном, жившим при дворе короля Матвея Корвина, а затем была сообщена русским послам в Венгрии и переведена на русский язык.⁵⁰

Все это построение представляется нам излишне сложным и недостаточно аргументированным. В конечном счете происхождение повести оказывается все-таки связанным с русским посольством в Венгрии; едва ли необходимо в таком случае предполагать, что у русских послов был не только устный, но и письменный источник при ее написании. Слова «тут же на Будину видехом» не указывают на место написания повести; они просто означают, что автор видел третьего сына Дракулы в том же Буда-

⁴⁹ N. Smochină. Elemente românești în parațiunile slave asupra lui Vlad Tepeș. Iași, 1939.

⁵⁰ Cronicile slavo-române din sec. XV—XVI publicate de Ion Bogdan. Ediție revăzută și completată de P. P. Panaiteșcu. București, 1959, стр. 198—199. В своей недавно опубликованной рецензии на статью Ю. Штрайтера («Revue gourmaine d'histoire», 1963, т. II, № 1, стр. 253—259) П. Панаитеску привел еще некоторые аргументы против предположения о русском происхождении и фольклорных основах «Повести о Дракуле». Он указывает на историческую достоверность ряда сообщений повести (о борьбе Цепеша с боярами и т. д. — ср. стр. 29, прим. 34), а также на то, что сочувствие автора повести войне Дракулы против турок противоречит русской внешней политике XV в. Нам, однако, представляется непонятным, почему русский дипломат, побывавший в конце XV в. в Венгрии и Молдавии, не мог получить там некоторых вполне верных сведений о Владе Цепеше; враждебность к «бесерменам», обнаруживаемая в повести, была вполне обычна для русской литературы того периода (борьба с Большой Ордой; повести о Куликовской битве и о Темир-Аксаке).

пеште, где и двух остальных его братьев. Автор повести, побывав в Венгрии и соседних землях, несомненно собрал там ряд интересных сведений из венгерской и «мутьянской» жизни — но сведения эти как раз обличают иностранца, пишущего для иностранцев, а не местного жителя. Отсюда и ряд пробелов в его познаниях: П. Панайтеску сам отмечает, например, что автор повести не знал названия столицы Дракулы — Тырговиште; он называл ее неопределенно — «его град». ⁵¹ Такая неосведомленность была невозможна не только для молдаванина и валаха, но и для трансильванского румына.

Против трансильванского происхождения повести говорит и полное отсутствие в ней материалов, относящихся к самой Трансильвании, — пробел тем более удивительный, что немецкие рассказы как раз переполнены описаниями зверств, учиненных «великим извергом» в этих землях. Странно было бы автору повести (отнюдь не скрывавшему, как мы знаем, жестокостей Дракулы), если он действительно был трансильванцем, столь последовательно умалчивать о своей земле.

Своеобразие повести как памятника, посвященного иностранным для русского читателя сюжетам, необходимо учитывать и при исследовании ее языка. Уже А. Д. Седельников отметил, что такие слова повести, как «дукат» и «миля» (в которых Ф. Буслаев видел элементы западнорусской лексики), «принадлежат прежде всего сюжету как бытовые реалии рассказываемого». ⁵² И это совершенно справедливо: во всяком произведении из иерусской жизни неизбежен «иностранный колорит» — какие-то перусские слова, связанные с местом действия; такие слова (например, тюркизмы в сочинениях Пересветова — «алафа», «кадии», «шерт» и т. д.), конечно, не свидетельствуют об иностранном происхождении этих памятников. Именно для сюжета «Повести о Дракуле» нужны были автору такие слова, как «апоклисарь» (греческое — чужеземец, посол), «сиромах» (южнославянское — бедняк), «дукат», «бирев», «капы» и др. Когда автор писал, что имя Дракула «влашеским языком» значит то же, что «нашим дьявол», он как раз обнаруживал, что «влашеский язык» был для него и для его читателя непонятной экзотикой, а «нашим языком» был русский.

А между тем только этими сюжетными реалиями и исчерпываются «нерусизмы», обнаруженные исследователями в повести. Слово «боярин», как и некоторые другие слова, приведенные П. Панайтеску, были обычнейшими словами русского языка XV в. — отнесение их к «нерусизмам» является явным недоразумением.

⁵¹ Характерно, что переписчики XVII в. заметили этот пробел в повести и создали фантастический город «Мутьян» как резиденцию Дракулы (см. стр. 158).

⁵² А. Д. Седельников. Литературная история повести о Дракуле, стр. 627.

зумением.⁵³ Что касается слова «хранити», то в древнерусском языке оно употреблялось обычно в смысле, близком к современному, — охранять, оберегать и т. д.⁵⁴ В таком смысле мы можем понимать это слово и в обращении Дракулы к ленивой жене бедняка в повести: «Он должен есть сеяти и орати и тебе хранити, а ты должна еси на мужа своего одежю светлу и лепу чинити». Но даже если слово «хранити» было употреблено здесь в том смысле, какой оно имеет в болгарском языке — «кормить», то и этот единственный болгаризм не свидетельствовал бы о нерусском происхождении повести: заимствования из южнославянских языков были, как известно, достаточно обычны в русском литературном языке XV в.⁵⁵

Возражения, высказанные против построения Н. Смокинэ и П. Панайтеску, в значительной степени могут быть отнесены и к недавно вышедшей работе П. Олтяну, посвященной языку повести о Дракуле. Концепция П. Олтяну несколько отличается, правда, от взглядов упомянутых авторов: П. Олтяну видит в досшедшем до нас тексте не перевод, а первоначальный, оригинальный текст повести. Но текст этот возник, по его мнению, не на территории Московской Руси, а в Северо-Западной Трансильвании, т. е. примерно на той же территории, к которой относят этот памятник Н. Смокинэ и П. Панайтеску,⁵⁶ и написан не по-русски,

⁵³ Помимо приведенных выше, П. Панайтеску приводит также слова: *trăpiāti, prăvie, săda, smrăti*. Транскрипция автора и ее соответствие кириллическому алфавиту (даже по его собственному изданию славянского текста) не совсем понятны; если П. Панайтеску имеет в виду слова «тергъти», «первое» (или «право»), «съдъ», «смерти» (транскрибируемое в издании им славянском тексте как «смърть» — стр. 201), то все эти слова были обычными в русском языке того времени (И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка. СПб., т. II, 1895, стлб. 1348—1349, 1762; т. III, СПб., 1903, стлб. 760—761, 889—891, 1088—1089). В своей рецензии на статью Ю. Штритдера (*«Revue gouthaine d'histoire»*, 1963, т. II, № 1, стр. 256) П. Панайтеску причисляет к болгаризмам еще слова «пристав» и «витязь» — эти слова также были хорошо знакомы древнерусскому языку (И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка, т. I. СПб., 1890, стлб. 265—266; т. II, стлб. 1458—1459); слово «пристав» встречается, в частности, в Судебнике 1497 г.

⁵⁴ И. И. Срезневский. Материалы . . ., т. III, стлб. 1401—1402.

⁵⁵ Ряд убедительных возражений П. Панайтеску высказан румынским историком Д. Богданом в его рецензии на книгу А. А. Зимина «И. С. Пересветов и его современники» (*«Analele românosovietice»*, seria istorie, № 1, 1961, стр. 171, прим. 8). Ср. также замечания В. Стеникэ: *«Studii. Revista de istorii»*, 1961, № 6, стр. 1572 (16).

⁵⁶ P. Olteanu. I) *Lexicul povestilor slave despre Vlad Țepeș. Revista Universității «C. I. Parhon»*. Seria științelor sociale. Filologie, № 2—3. București, 1955; 2) *Limba povestilor slave despre Vlad Țepeș*. По мнению П. Олтяну, автор повести «ничего не говорит о походах Цепеша против трансильванских саков, вероятно потому, что не хотел ухудшать отношения между Валахией и Трансильванией» (P. Olteanu. *Limba povestilor slave despre Vlad Țepeș*, стр. 329). Но этот аргумент несостоятелен: если бы автор ставил перед собой подобные дипломатические цели, то он бы не говорил и о жестокости Дракулы по отношению к его собственным подданным,

а на карпатославянском языке. Речь идет, таким образом, уже не об отыскании отдельных «неруссизмов» в повести, а об общей характеристики ее языка. Естественно, что решающую роль в построении П. Олтяну приобретают аргументы лингвистического характера. Но аргументы эти трудно признать убедительными.⁵⁷ Для того чтобы доказать выдвинутый им тезис, П. Олтяну должен был не только найти некоторые слова и грамматические формы, встречающиеся в повести, в памятниках Закарпатской Украины, но и показать, что эти слова и формы (или хотя бы значительное их число, характеризующее лицо памятника), были чужды языку Северо-Восточной Руси и, напротив, типичны для языка Закарпатья. Но этого-то мы в его работе не обнаруживаем: отмеченные П. Олтяну лексические⁵⁸ и морфологиче-

о его войне с Венгрией и т. д. Автор повести вообще не был безусловным апологетом Дракулы и не стеснялся говорить об его отрицательных поступках.

⁵⁷ Отметим ряд серьезных неточностей в работе П. Олтяну: он объявляет себя последователем метода казанской лингвистической школы, называя в качестве ее представителей А. А. Шахматова и С. П. Обнорского (Р. O l t e a n u. *Limba povestilor slave despre Vlad Țepeș*, стр. 26, прим. 4) — между тем эти ученые никогда не принадлежали к казанской школе (И. А. Бодуэн де Куртене и др.); А. Д. Седельникову он приписывает взгляд на «Повесть о Дракуле» как на произведение, написанное «на южнорусском языке с западным влиянием» (там же, стр. 22 и 306), хотя А. Д. Седельников считал повесть памятником «великорусской беллетристики» и указывал, что западнорусские черты свойственны только ее Румянцевскому списку (А. Д. Седельников. Литературная история повести о Дракуле, стр. 627 и 639).

⁵⁸ Так, все существительные, которые П. Олтяну приводит как «характеризующие карпатославянский язык» (Р. O l t e a n u. *Limba povestilor slave despre Vlad Țepeș*, стр. 325; ср.: Р. O l t e a n u. *Lexicul povestilor slave despre Vlad Țepeș*, стр. 250), — «бочки, гость (в значении «купец»), девка, житие, злодей, кладяз, крамола, мних, недуг, плоть, полата, рожен, срачица, труп, храмина» — хорошо знакомы древнерусскому языку и приводятся в «Материалах» И. И. Срезневского (т. I, стб. 201, 570, 781—782, 877, 1002—1003, 1212, 1313; т. II, стб. 159, 378, 972—973, 1122—1124; т. III, стб. 21—22, 145, 478—479, 1011, 1396—1397); так же обстоит дело с наречиями (и союзами), употребляющимися, по словам автора, «в местной карпатской речи» (Р. O l t e a n u. *Limba povestilor slave despre Vlad Țepeș*, стр. 326), — «внезапу, второе, довольно, коли, лихо, первое, прежде, также» и т. д. (И. И. Срезневский. Материалы..., т. I, стб. 388, 433, 687, 1250—1251; т. II, стб. 27, 1348, 1646; т. III, стб. 910—911). Полностью обнаруживаются в древнерусских памятниках и глаголы, относимые автором к категории слов, «которые по своей форме, смыслу и по распространению относятся к специфике этой области» (Р. O l t e a n u. *Lexicul povestilor slave despre Vlad Țepeș*, стр. 250); в своей второй работе П. Олтяну сам не дифференцирует глаголы повести, относя их к «карпатскому или восточнославянскому изводу» (Р. O l t e a n u. *Limba povestilor slave despre Vlad Țepeș*, стр. 326). Хорошо известны русскому языку и «союзы и частицы восточнокарпатского извода» (там же), включая «ни» в значении «нет» (И. И. Срезневский. Материалы..., т. II, стб. 444—445, значение 4). Любопытно, что сам П. Олтяну настолько мало различает карпатскую и русскую лексику, что в словоуказателе к своей книге поме-

ские⁵⁹ особенности повести хорошо известны языку Киевской и Московской Руси; никаких специфических закарпатских черт повести автор не указывает.

Таким образом, мнение А. Востокова, И. Богдана и других исследователей представляется нам непоколебимым: автором русской «Повести о Дракуле» был вероятнее всего русский дипломат или путешественник XV в., посетивший Венгрию и близлежащие земли. Реалии, содержащиеся в повести, нисколько не противоречат этому заключению. Наоборот: именно русский автор, писавший для далекого русского читателя, мог сообщать расстояние от Будина (Будапешта) до близлежащего (4 мили) королевского замка Вышеград (Vizcze grad, нем. Plintenberg);⁶⁰ в устах жителя Будапешта, пишущего для своих земляков, такая справка звучала бы странно. Если автор, как полагают некоторые исследователи, был подданным Матвея Корвина и защитником его легитимных прав, то как мог он приписывать своему королю роль совратителя Дракулы, угрозами заставившего «мутьянского воеводу» отступить «от истины» и принять «латинскую прелесть»? Такая позиция, напротив, вполне естественна для русского дипломата, узнавшего историю Дракулы от венгерских подданных в соответствующем освещении, но не зависевшего от венгерского короля и не скрывавшего своей принадлежности к «православной нашей вере». Заметим, что в роли очевидцев автор и его товарищи выступают только один раз — когда речь идет о сыновьях Дракулы; собственными глазами они могли наблюдать весьма немногое.

щает ее в единую рубрику («слова карпатские и русские»), в отличие от лексики палеославянской, украинской и др.

⁵⁹ «Карпатославянский характер» повести автор доказывает также употреблением в ней некоторых форм родительного падежа множественного числа с мягким окончанием: «уби своих убийца» (Р. Oltéanu. *Limba povestilor slave despre Vlad Tereș*, стр. 310). Ср., однако, аналогичные формы в «Повести временных лет» — «стада конь» («Повесть временных лет», ч. I, М.—Л., 1950 (серия «Литературные памятники»), стр. 146) и в «Ефремовской Кормчей» — «блудник и прелюбодеи... мучение ждет» (Древнеславянская Кормчая XIV титулов без толкований. Изд. В. Н. Бенешевича. СПб., 1906, стр. 551). В русских памятниках постоянно встречаются именные (печальные) и стянутые прилагательные («волосы», «разумен», «угорские»), которые Р. Oltéanu (*Limba povestilor slave despre Vlad Tereș*, стр. 327) считает заимствованными из «карпатского народного языка». Ср., например: «Перуну древину, а главу его сребрену, а ус злат» («Повесть временных лет», ч. I, стр. 56); «Ио Чръны» из приписки Ивана Черного к «Елинскому летописцу» (Н. А. Казакова и Я. С. Лурье. Антифеодальные еретические движения на Руси XIV—начала XVI века. М.—Л., 1955, стр. 280).

⁶⁰ Указание на расстояние между Вышеградом и Будином — «4 мили» — отсутствует в Древнейшем виде Кирилловской редакции (стр. 121), однако читается не только в Румянцевской редакции (стр. 144), но и в Забелинском виде Кирилловской редакции (стр. 134). Очевидно, в протографе эти слова читались и были просто пропущены в списке Ефросина.

Подчеркивая лишний раз ограниченность личного знакомства автора с описанными событиями, реалии повести помогают установить время ее написания. Рассказав о судьбе сыновей Дракулы, автор повести говорит далее о положении самой «Мунтъянской земли»: «Стефан же молдовский з кралевы воли посади на Мунтъянской земли некоего воеводского сына, Влада именем. Бысь бо той Влад от младенства инок, потом и священник и игумен в монастыри, потом ростригся и сел на воеводство и женился, понял воеводскую жену, иже после Дракулы мало побил и убил его Стефан волоськы, того жену понял. И ныне воевода на Мунтъянской земли Влад, иже бывы чернець и игумен». Влад Монах, о котором здесь идет речь, был сыном Дракулы (хотя автор повести этого явно не знал). Он вступил на престол (после краткого вторичного правления его дяди Раду Красивого и Лайоша Басараба) в 1481 г. Таким образом, «Повесть о Дракуле» была написана после 1481 г.⁶¹ и вместе с тем не ранее февраля 1486 г., когда, как мы уже указывали, была впервые переписана кирилло-белозерским писцом Ефросином.⁶²

При атрибуции «Повести о Дракуле» необходимо, таким образом, учитывать тесные хронологические рамки, в которые придется поместить дату написания повести. Именно эти хронологические рамки делают невозможным, например, предположение М. П. Алексеева о том, что «Повесть о Дракуле» мог привезти в Москву известный итальянский архитектор Аристотель Фиораванти, побывавший в Венгрии в 1467 г. и прибывший в Москву в 1475 г.⁶³ В 1467 г. Аристотель не мог узнать в Венгрии о событиях, произошедших позже этой даты, — вторичном воцарении и гибели Дракулы (1477 г.),⁶⁴ о воцарении Влада Монаха (1481 г.)

⁶¹ К 1481—1482 гг. относил написание повести уже И. Богдан, хотя он опирался при этом не на процитированный текст (из Кирилловского списка), а на испорченный текст Румянцевского списка, где слова «И ныне на Мунтъянской земли воеводствуетъ» (см. стр. 145) по контексту должны быть отнесены к Стефану Молдавскому. Конкретно, однако, И. Богдан имел в виду тот же период, так как Стефан III «воеводствовал» в Валахии не непосредственно, а через своего ставленника Влада Монаха (I. B o g d a n. Vlad Tereš. . ., стр. 118—119; ср.: А. И. Я ц и м и р с к и й. Повесть о мунтъянском воеводе Дракуле. . ., стр. 21—22). А. Д. Седельников, отметивший год воскняжения Влада Монаха (1481 г.) как «отправную дату» написания повести, указал еще на то, что ориентирующей датой могла быть дата смерти одного из сыновей Дракулы, произошедшая во время пребывания автора повести и его товарищ в Варадине (А. Д. С е д е л ь н и к о в . Литературная история повести о Дракуле, стр. 639, прим. 1), но эта дата, к сожалению, нам неизвестна.

⁶² См. стр. 11 и 122.

⁶³ М. П. А л е к с е е в . К истории гуманизма в Венгрии (репрезенция на книгу венгерского исследователя Т. Кардоша). «Вестник ЛГУ», № 14, серия языка и литературы, вып. 3, 1959, стр. 134.

⁶⁴ М. П. Алексеев указывает, что «повесть о Дракуле основана на историческом событии, внесенном в венгерские хроники» (М. П. А л е к с е е в . К истории гуманизма в Венгрии, стр. 134), и ссылается на книгу Салай,

и, главное, не мог видеть сыновей Дракулы, бежавших к Матвею Корвину лишь после гибели отца.

Поиски автора русской повести ограничиваются, таким образом, довольно узким кругом лиц: автором ее должен был быть русский, побывавший в Венгрии (Будин, Варадин) и других соседних с Валахией областях в начале 80-х годов XV в., и не один, а с какими-то спутниками («при нас», «видехом»). И такое лицо в России конца XV в. действительно существовало: уже А. Х. Востоков высказал, как мы знаем, догадку, что автором «Повести о Дракуле» был дьяк Федор Курицын, ездивший в Венгрию при Матвее Корвине. Иван III отпустил «посла своего Федора Курицына к Угорскому королю Матиасу о братстве и о любви» как раз в 1482 г.⁶⁵ Как и подобает послу, Курицын ездил не один, а «с своими товарищи»; он был в Буде (Будине), где мог в эти годы видеть сыновей Дракулы, а на обратном пути, в 1484 г., посетил и Стефана III Молдавского, второго государя, упоминаемого в «Повести о Дракуле».⁶⁶

Мог ли, однако, Курицын успеть написать эту повесть, впервые переписанную, как мы знаем, кирилло-белозерским книжником Ефросином в феврале 1486 г.? Существенные сомнения по этому вопросу были высказаны А. Д. Седельниковым. Возвращаясь в Россию из Молдавии, Курицын был в 1484 г. задержан турками в Белгороде Днестровском (Аккермане); в марте 1486 г. Иван III благодаря крымского хана Менгли-Гирея за помощь в освобождении Курицына.⁶⁷ По мнению А. Д. Седельникова, к февралю 1486 г. Курицын мог разве что привезти в Москву «Повесть о Дракуле»; переписка ее кирилло-белозерским писцом за столь короткое время представлялась исследователю невозможной.⁶⁸ Нам уже приходилось возражать против этого хронологического расчета. Если Иван III в марте 1486 г. благодарил Менгли-Гирея за помощь в освобождении Курицына, то из этого не следует, что тот был освобожден только в начале этого года: сношения с Крымом были несистематичными и часто прерывались на значительный срок; Иван III в июле 1485 г. как раз жаловался хану на невозможность послать «доброго человека» в Крым,

в свою очередь указывающего на венгерскую хронику Бонфини (Ladislaus von Szalay. Geschichte Ungarns, Bd. III, Abth. 1. Budapest, 1874, стр. 235 и 236, прим. 1; помимо Бонфини, Салай ссылается на византийско-турецкие источники). Но хроника Бонфини (составленная, как мы знаем, в 90-х годах XV в. — позже русской повести) не знает подробностей о судьбе Дракулы после 1462 г. и никак не могла быть источником для автора русской «Повести о Дракуле» или Аристотеля Фиораванти.

⁶⁵ ПСРЛ, т. XVIII, стр. 269—270; т. XXV, стр. 329.

⁶⁶ Сб. РИО, т. 41, СПб., 1884, стр. 41—44 и 47 (упоминание о «товарищах»).

⁶⁷ Там же, № 13 (стр. 47).

⁶⁸ А. Д. Седельников. Литературная история повести о Дракуле, стр. 637—639.

ибо «промеж нас ходят наши недруги». ⁶⁹ Немецкий исследователь Ю. Штридтер, соглашаясь с этими соображениями, отметил, что Ф. Курицын мог приехать и ранее 1485 г.: умолчание Ивана III о возвращении Курицына при отправлении в Крым своего гонца в июле 1485 г. ни о чем не свидетельствует, так как Иван III не посыпал с этим гонцом своей грамоты, а лишь давал ему инструкции, о чем «говорити» хану. ⁷⁰

Итак, Курицын вполне мог приехать за год-два до 1486 г. ⁷¹ Больше того. Ознакомление с материалами русско-венгерских переговоров конца XV в. позволяет положительно утверждать, что Курицын возвратился в Москву до августа 1485 г. Отвечая послу венгерского короля «Ивану диаку» относительно выполнения русской стороной союзного договора, заключенного Курицыным в Венгрии, Иван III заявлял (в 1487 г.): «Как до нас дошел наш посол Федор и грамоту твою утвержденную до нас донесл. . . и мы, видев твою, брата своего, грамоту утвержденную, тогда же с божьей волею почали есмя дело делать и наступили есмя на твоего и на своего недруга на Казимира на короля на полского». В чем же выразился этот «почин и наступ» на «вопчего недруга», предпринятый после возвращения Курицына и получения привезенной им «утверженой грамоты»? Иван III подготовил ответ и на этот вопрос: «Князь великий Михайло Тверский с Казимиром с королем был в братстве и в любви и в докончание. . . и государь наш князь великий божьей милостью землю его Тферскую всю под ним взял». ⁷² Первым актом русско-венгерского союза против Казимира, осуществленным после возвращения Курицына с «утверженой грамотой», было, таким образом, завоевание Твери, произошедшее 21 августа 1485 г. ⁷³ Мы не задаемся в данном случае вопросом, насколько искренен был Иван III в своем ответе венгерским послам и было ли завоевание Твери действительно осуществлением тех обяза-

⁶⁹ Сб. РИО, т. 41, стр. 44. Ср.: Н. А. Казакова и Я. С. Лурье. Антифеодальные еретические движения на Руси XIV—начала XVI века, стр. 181; Я. С. Лурье. Повесть о мунтъянском воеводе Дракуле, стр. 422.

⁷⁰ Сб. РИО, т. 41, стр. 44—45. Ср.: J. Striedter. Die Erzählung vom walachischen Vojevoden Drakula. . . , 417—418.

⁷¹ Совершенно необоснованным является утверждение К. В. Базилевича, что Ф. Курицын «вернулся в Москву в конце 1486 г. или в начале 1487 г.» (К. В. Базилевич. Внешняя политика Русского централизованного государства. Вторая половина XV века. М., 1952, стр. 250, прим. 3). К. В. Базилевич полагал, очевидно (никак не мотивируя этого), что Иван III благодаря Менгли-Гирея в 1486 г. до возвращения Курицына в Москву.

⁷² Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными, ч. 1. СПб., 1851, стлб. 161, 166, 169. На эти сообщения как на основание для датировки возвращения Ф. Курицына обратил внимание английский исследователь Дж. Феннел в своей книге об Иване III (J. L. I. Fennell. Ivan the Great of Moscow. London, 1961, стр. 113—114).

⁷³ ПСРЛ, т. XVIII, стр. 271.

тельств, которые Курицын дал Матвею Корвину. Нам важно только то, что заявление Ивана III имеет датирующее значение: поход на Тверь произошел после того, как «посол Федор... до нас дошел», и мог поэтому изображаться как акт выполнения союзного договора.

Основной аргумент, мешавший связывать написание русской повести о Дракуле с миссией Курицына в 1482—1484 гг., таким образом, отпадает. Русский посол, приехавший до августа 1485 г., имел полную физическую возможность написать это произведение на основе устных рассказов, услышанных во время пребывания в Будине, Варадине и Молдавии. Задержанный в 1484 г. в Белгороде, посол получил и вынужденный досуг для письменных занятий. Учтем при этом, что сам Курицын был весьма подходящим человеком для такого письменного творчества: он был не только дипломатом, но и мыслителем, «начальником» еретиков (по словам обличителя еретиков Геннадия Новгородского), составителем научно-философского «Лаодикийского послания»; из Венгрии он вывез одного из участников еретического кружка, «угрянина Мартынку».⁷⁴ Что касается кирилло-белозерского писца Ефросина, уже в 1486 г. переписавшего этот рассказ, то на его разнообразных литературных связях и широком интересе к памятникам светской письменности мы еще остановимся.

Итак, мы приходим к выводу, что «Повесть о Дракуле» возникла в результате ознакомления русского слушателя, весьма вероятно Федора Курицына, со сказаниями о Владе Цепеше, ходившими в 80-х годах XV в. в придунайских областях Центральной Европы. Сопоставление русской повести с другими рассказами о Дракуле позволяет не только установить, что все они восходили к общему устному источнику. Оно дает возможность выяснить идеологическое своеобразие повести, ее отличие от других сочинений о Владе Цепеше и помогает ответить на вопрос, зачем русский писатель конца XV в. обратился к этому сюжету.

⁷⁴ Н. А. Казакова и Я. С. Лурье. Антифеодальные еретические движения на Руси XIV—начала XVI века, стр. 381.

Глава II

ИДЕОЛОГИЯ «ПОВЕСТИ О ДРАКУЛЕ»

Сопоставление русской «Повести о Дракуле» с другими сочинениями о нем позволяет прежде всего установить, что тема жестокости Дракулы отнюдь не была специфична для русской повести. Жестокость была присуща «великому извергу» во всех письменных и, очевидно, во всех устных рассказах о нем. Различия между рассказами выражались как раз в том, что они по-разному оценивали смысл и значение этой жестокости.

Наиболее прямолинеен в оценке Дракулы был немецкий рассказ, дошедший до нас в рукописном виде. Можно думать даже, что первоначальный немецкий рассказ, написанный до выступления венгерского короля против Дракулы, в ноябре 1462 г., имел конкретную политическую цель — настроить Матвея Корвина против его валашского вассала и вызвать разрыв между ними.¹ Автор рукописного рассказа (вероятнее всего трансильванский немец, резко враждебный Цепешу) подходил к анекдотам о Дракуле с сугубо деловой точки зрения: наряду с чисто хроникальными известиями о зверствах мутьянского воеводы в Трансильвании эти анекдоты были ему нужны как обвинительный материал против «великого изверга». Этим определялось и его безразличие к художественной стороне повествования: пересказывая анекдоты, автор рукописного рассказа то и дело забывал или просто опускал их логическую и сюжетную основу (история с монахом и ослом, казнь дворян, не знавших числа правителей, и т. д.), нисколько не смущаясь нелепостью рассказанных им историй. В поэме Бехайма и в печатных брошюрах, написанных после свержения Цепеша, появились уже некоторые беллетристические элементы — авторы стремились не только возмутить, но и заинтересовать читателя своим повествованием. К первоначальному тексту были добавлены новые анекдоты о Дракуле — например, анекдот об испытании двух мона-

¹ Это предположение высказал Г. Кондурату (G. Conduratu. Michael Beheims Gedicht über den Woiwoden Wlad II. Drakul. Mit historischen und kritischen Erläuterungen. Inauguraldissertation. . . Bukarest, 1903, стр. 20).

хов, окончившемся, согласно брошюрам, наказанием льстеца, хвалившего Дракулу, и прощением дерзкого обличителя, ругавшего тирана. Едва ли можно видеть в этой вставке выражение сочувствия Дракуле — его неожиданный поступок здесь никак не мотивирован и не подготовлен остальными эпизодами (у Бехайма, как мы знаем, соответствующий эпизод кончается казнью обличителя). Анекдот этот (как и анекдот о двух бернардинцах и осле у Бехайма) привлек скорее составителей брошюры своей занимательностью и неожиданностью развязки. Общая оценка Дракулы во всех немецких текстах остается резко отрицательной. С достаточной последовательностью проводится эта оценка в поэме Бехайма, который не ограничился описанием зверств Дракулы; он задумался и над вопросом, к чему приводит такая тирания, и высказывал по этому поводу довольно интересные мысли:

. . . При нем грубели нравы
И не в чести бывала честь,
Худого было же не счастье —
Так попиралось право!
Был каждый из придворных жив
Тем, что неверен был и лжив,
Все лгали как попало.
Другому верить, видит бог,
Тогда никто ни в чем не мог
И общности не стало. . .²

В рассказе Бонфини образ Дракулы оказался сложным и противоречивым: Дракула, по словам итальянского хрониста, «был человеком неслыханной жестокости и справедливости», его суровость давала подданным возможность «чувствовать себя в безопасности посреди леса»; раскрывая это положение, Бонфини приводил наряду с рассказами о жестокостях Дракулы рассказ о флорентийском купце, оставившем на ночь деньги на улице.

Двойственная оценка Дракулы еще определенее выражена в русской повести.³ Русская повесть содержит значительно меньше рассказов о бессмысленных жестокостях Дракулы, чем немецкие рассказы (здесь нет таких немотивированных зверств, как убийство матерей с детьми, истязание на точильном камне, принуждение к людоедству и т. д.), и больше эпизодов, где поведение Дракулы мотивировано, и иногда даже вызывает одобрение. Начинается повесть с описания борьбы Дракулы с турками — борьбы героической и несомненно способной привлечь сочувствие читателя. Искоренение зла Дракулой показано в двух эпизодах —

² G. Conduratu. Michael Beheims Gedicht über den Woiwoden Wlad II. Drakul, стр. 52, стихи 927—940 (цитируем по неопубликованному стихотворному переводу, любезно предоставленному нам П. М. Карпом).

³ Пересказ русской повести см. на стр. 5—8; в дальнейшем все цитаты даем по Древнейшему виду Кирилловской редакции, стр. 117—122.

в истории с золотой чашей, которую никто не смел украсть, и в истории с купцом, которому Дракула вернул пропавшие деньги (в русской повести поведение Дракулы вполне осмыслено — в отличие от рассказа поздней немецкой брошюры, где и этот анекдот демонстрирует жестокость и самодурство «великого изверга»). Эпизод с монахами кончается, в отличие от рассказа немецкой брошюры, наказанием хулителя; если в немецком рассказе наказание любовницы Дракулы говорило только о его жестокости (ибо виновником ее беременности был он сам), то в русской повести речь идет о борьбе с прелюбодеяниями. В рассказах о приеме послов и о поведении Дракулы в Будине настойчиво подчеркивается стремление Дракулы поддержать высокий авторитет государственной власти. Конечно, у нас нет оснований утверждать, что эти эпизоды или их отдельные сюжетные элементы (мотивировка поступков Дракулы, развязка и т. д.) были выдуманы русским автором. В фольклоре XV в., по всей видимости, существовали рассказы, в которых злодей Дракула обнаруживал остроумие и некоторое уважение к справедливости (именно эти черты Влада Цепеша подчеркиваются в рассказах, записанных Испиреску). Но характерно, что если в немецких рассказах эта тема не отразилась (или отразилась в качестве смутно намеченного и противоречащего всему изложению мотива), то в русской повести она заняла важное место.

Об идеологическом своеобразии русской повести свидетельствует не только подбор включенных в нее эпизодов. «Повесть о Дракуле» состоит не из одних анекдотов; здесь мы встречаем и рассуждения — как действующих лиц, так и самого автора. Эти рассуждения имеют уже не фольклорный, а явно письменный, литературный характер. Отправляясь на войну с турками, Дракула говорит: «Кто хощет смерть помышляти, той не ходи со мною, остань зде». Речь в повести произносит и монах, одобряющий действия Дракулы: «Ты, государь, от бога поставлен еси лихо творящих казнити, а добро творящих жаловати. А ти (казненные, — Я. Л.) лихо творили, по своим делом въсприали». Осуждая монаха-хулителя, Дракула вопрошает: «Да почто ты из монастыря и ис келии своея ходиши по великым государем, не зная ничто же?..». Явно литературный характер (как мы увидим ниже) имеет и обращение Дракулы к послу, приговоренному к казни за собственное «малоумие». Даже один из самых мрачных поступков Дракулы, когда он созвал к себе на пир нищих и сжег их, получает объяснение⁴ в речи Дракулы: «Да весте, что учиних тако: первое, да не стужают людем и никто же да не будет нищь в моси земли, но вси богатии; второе, свободих их, да не страждут никто же от них на сем свете от нищеты или от недуга».

⁴ В немецком рукописном рассказе сожжение нищих Дракулой никак не мотивировано; в брошюрах Дракула «сказал, что они объедают людей безвозмездно (sy eszen den leuten das iz umb sunst) и не заработали этого».

И, наконец, наряду с речами, вложенными в уста Дракулы и других действующих лиц повести, мы читаем здесь и прямое рассуждение автора об искоренении «зла» Дракулой, предваряющее рассказ о золотой чаше, которую никто не смел украсть. Рассуждение это неоднократно цитировалось в литературе, и оно, действительно, важно для понимания идеологии «Повести о Дракуле».

Идеология повести, как мы уже знаем, вызывала серьезные споры в научной литературе: в «Повести о Дракуле» видели и официозный публицистический очерк в защиту мероприятий феодального государства и, напротив, памфлет против тирании и в защиту милосердия.

Едва ли, конечно, можно рассматривать «Повесть о Дракуле» как апофеоз «мутьянского воеводы». Образ «великого изверга», «Дракона» и «Саждателя на кол» уже настолько определенно сложился в фольклорных источниках повести, что выставлять этого князя в качестве образца, которому должны следовать правители, было бы трудно. В двух случаях автор повести даже прямо высказал свое осуждение Дракулы. По поводу перехода «мутьянского воеводы» в католичество он заметил, что Дракула «возлюби паче временного света сладость, нежели вечного и бесконечного, и отпаде православия, и отступи от истинны, и остави свет, и приа тму»; рассказывая, как Дракула убил мастеров, изготавливших бочки для его золота, автор повести пояснил: «да никто же увесь съделанного им окаанства, токмо тезоимениты ему диавол».

Однако еще более ошибочно видеть основной смысл повести в осуждении Дракулы, в своеобразном «доказательстве от противного» идеи милосердия правителей. Сравнение русской повести о Дракуле с иностранными рассказами на эту тему показывает, что русская повесть как раз наиболее снисходительна к «мутянскому» князю, содержит больше выгодных для его репутации эпизодов, чем все остальные рассказы. Когда автор повести выступает с рассуждениями, он рассуждает не о милосердии, а о казни «лихо творящих», о «грозной», суровой и нелицеприятной власти. В этом отношении наиболее характерно для идеологии «Повести о Дракуле» уже упомянутое нами (и свойственное только русской повести) рассуждение об искоренении «зла» Дракулой: «И толико ненавида во своей земли зла, яко хто учинит кое зло, татбу, или разбой, или кую лжу, или неправду, той никако не будет жив. Аще ль велики болярин, иль священик, иль инок, или прости, аще и велико богатство имел бы кто, не может искупиться от смерти, и толико грозен бысь».

В чем же все-таки заключалась общая идея автора повести — для какой цели он представил нам столь противоречивый образ «мутянского воеводы»? Сопоставление русской повести с аналогичными иностранными памятниками может помочь в решении этого вопроса. Заслуживают внимания в этом отношении не только

отличия русской повести от немецких рассказов, но и сходство ее с рассказом Бонфини. Прямой генетической связи между рассказом Бонфини и русской повестью, как мы уже знаем, установить нельзя: Бонфини приехал в Венгрию в 1485 г.; русское посольство в том же году уже вернулось в Москву, и никто из членов этого посольства не мог даже видеть итальянского хрониста. Но с идеями, популярными при дворе Матвея Корвина, русский автор вполне мог познакомиться. Венгерский хронист и автор русской повести сошлись в двойственной оценке Дракулы — естественно предположить, что в основе этой оценки лежали сходные взгляды на государственную власть. Рассказ Бонфини о Дракуле сам по себе лаконичнее русской повести, но зато об общих воззрениях его автора мы знаем несравненно больше: хроника Бонфини — обширное произведение, где автор не раз имел возможность изложить свои взгляды. Эти взгляды вполне объясняют и данную им оценку «жестокого и справедливого» Дракулы.

Итальянец Бонфини, ставший придворным хронистом венгерских королей, не был одинокой фигурой в Венгрии конца XV в. Царствование Матвея Корвина (1458—1490) было временем политического и культурного расцвета Венгерского государства. При дворе Корвина складывается целое гуманистическое направление, в центре которого стояли такие писатели, как Янус Паннониус, Янош Тураци и единоплеменники Бонфини, приехавшие в Венгрию еще раньше него, итальянцы Филипп Буонакорси Каллимах (впоследствии переселившийся в Польшу), Марцио Галеотто и Ронсано. В своем труде о гуманизме в Венгрии в XV—XVI вв. современный венгерский исследователь Тибор Кардос отмечает ряд общих черт, присущих гуманистической литературе времен Матвея Корвина. Он указывает, что литература эта, возникавшая под покровительством короля, не была тем не менее просто придворной литературой. В центре внимания венгерских гуманистов находилась проблема, волновавшая многих писателей эпохи Возрождения, — проблема сильной власти, устанавливающей единство и порядок в государстве. Проблему эту венгерские гуманисты решали прежде всего вполне светским путем: Галеотто и Каллимах были вольнодумцами в вопросах религии, Бонфини не заходил так далеко, но и в его хронике «божье пророчество также отнесено на второй план». Создавая образ идеального властителя эпохи Возрождения, гуманисты основной его чертой считали принцип «справедливости» королевской власти — ее беспристрастия и нелицеприятия. Идеальный король, воспеваемый гуманистической литературой (и «народными юокуляторами» — мейстерзингерами), «равным образом высоко ставит умственный фортель, бойкость, храбрость и прямоту».⁵

⁵ K a r d o s Tibor. A magyarországi humanizmus kora (книга имеет ре-
зюме на русском и итальянском языках). Budapest, 1955, стр. 420—424.

Принцип «справедливости» государя является главной теоретической посылкой для Бонфини; ставя на первое место благо государства (а не принципы христианской нравственности), итальянский хронист считал, что «справедливость» эта может совмещаться с чертами, явно отрицательными с моральной точки зрения, например с жестокостью. «Жестокость и справедливость» присущи в его хронике не только Дракуле. Еще ярче выражены обе черты в одной из центральных фигур хроники — в гуннском вожде Аттиле. Личность Аттилы вообще привлекала внимание венгерских гуманистов: в гуманистической историографии позднего средневековья гуны считались предками венгров; история Венгерского государства начиналась с походов Аттилы. Биографию Аттилы писал Каллимах; важное место уделял Аттиле и венгерский историк Янош Туороци. В изображении Бонфини Аттила — отнюдь не идеальная фигура. Бонфини неоднократно говорит о «жестоком и надменном нраве» Аттилы, о его ярости и свирепости, обрушивавшейся на целые народы; упоминает он и о коварстве Аттилы, «превосходившем коварство финикиян» (*«perfidia plus quam Punica»*).⁶ Рассердившись на своего брата Буду, самовольно давшего имя будущей венгерской столице, Аттила в гневе убил его собственными руками. Но тут же Бонфини в излюбленной манере гуманистической историографии влагает в уста Аттиле большую речь, в которой вождь гуннов обосновывает и оправдывает свой поступок. Аттила говорит, что он убил брата «ради справедливости и беспристрастия, ради соблюдения закона и для того, чтобы показать, с каким старанием следует исполнять предписания и приказы». Неожиданно обнаруживая ученость, Аттила вспоминает «божественного пастуха» Ромула, который тоже убил брата, ибо «хорошо знал, что нельзя ни управлять царством, ни расширять его, если не все будут подчиняться законам и царю». Так, по словам Аттилы, должны поступать и «все, кто начальствуют, если они хотят решения наилучшего для своего и общего блага (*rei publici*)».⁷

Таким образом, жестокость Дракулы не противоречила у Бонфини его оценке как справедливого государя — напротив, жестокость и ярость (как и «финикийское коварство») представлялись итальянскому гуманисту в некоторых случаях необходимыми свойствами правителей. И здесь нам на память неизбежно приходит единомышленник и младший современник Бонфини — флорентиец Никколо Макиавелли. Знаменитый «Князь» Макиавелли был написан лет через двадцать — двадцать пять после хроники Бонфини, но идеология макиавеллизма складывалась, конечно,

⁶ Antonii Bonfinii *Rerum Ungaricarum decades tres...* Basileae, 1543, стр. 48 и 57.

⁷ Там же, стр. 52—53. В приложенном к хронике Бонфини сочинении Каллимаха об Аттиле истории с братом Будой нет (там же, стр. dd).

постепенно, ⁸ и в рассуждениях Бонфини мы находим некоторые явные ее черты. «Новый князь (т. е. князь, только что захвативший власть или создавший новое государство — а такими и были у Бонфини Аттила и Дракула, — Я. Л.) не может соблюдать все, что дает людям добрую славу, так как он часто вынужден ради сохранения государства поступать против верности, против любви к ближнему, против человечности, против религии», — писал Макиавелли. ⁹ Важнейшим политическим средством для такого князя являются «хорошо примененные жестокости»; ¹⁰ он также должен быть «великим притворщиком и лицемером», соединяя в себе черты льва и лисицы. ¹¹

Для чего же служат все эти жестокости и коварства? Ответ Макиавелли достаточно ясен: речь идет об объединении страны «на благо всему ее населению»; ¹² «родину, — писал Макиавелли в другом сочинении, — надо защищать средствами славными или позорными, лишь бы защищать ее хорошо». ¹³ Именно в этом исторический смысл теории «жестокого и справедливого» князя, возникших в период уничтожения феодальной раздробленности и образования национальных государств в Европе. Недаром идеалом Макиавелли в его «Князе» был Фердинанд Католик — объединитель Испании; заканчивался «Князь» пламенным «воззванием об овладении Италии и освобождении ее от рук варваров»: «Так, словно покинутая жизнью, ждет Италия, кто же сможет исцелить ее раны, положить конец разграблению Ломбардии, поборам в Неаполе и Тоскане, излечить давно загноившиеся язвы. Посмотрите... как она вся готова стать под чье-нибудь знамя, лишь бы нашелся человек, который его поднимет». ¹⁴

Выступая против средневекового мира феодальной раздробленности, политические идеологии Возрождения отвергали и средневековую феодально-религиозную идеологию. Сильное и «справедливое» светское государство, а не «град божий» блаженного Августина, было для них конечным смыслом и целью политической деятельности «новых князей». Одна из глав «Князя» была направлена против тех, которые «держатся мнения, будто дела мира так направляются судьбой и богом, что люди, с их умом, ничего изменить в этом не могут»; ¹⁵ «новому князю» разрешалось и даже рекомендовалось в некоторых случаях выступать против предпи-

⁸ Ср., например: F. M e i n e c k e. Die Idee der Staatsräson in der neuen Geschichte. München—Berlin, 1925, стр. 33—36.

⁹ Никколо Макиавелли, Сочинения, т. 1, М.—Л., 1934, стр. 288.

¹⁰ Там же, стр. 250.

¹¹ Там же, стр. 287—288.

¹² Там же, стр. 324.

¹³ Там же, стр. 349; ср.: Н. Макиавелли. Государь и Рассуждения на первые три книги Тита Ливия. Перевод под ред. Н. Курочкина. СПб., 1869, стр. 490.

¹⁴ Никколо Макиавелли, Сочинения, т. 1, стр. 325.

¹⁵ Там же, стр. 320.

саний религии. Именно Макиавелли, по словам Маркса, первый стал «рассматривать государство человеческими глазами и выводить его естественные законы из разума и опыта, а не из теологии». ¹⁶ В этом — гуманистический характер макиавелизма, отнюдь не противоречащий, конечно, тому, что сторонники этого учения мало заботились о гуманности в нашем смысле этого слова.

Возникшие в борьбе с феодальной раздробленностью и феодальным произволом, теории «жестокого и справедливого» князя не могут, однако, рассматриваться как официальная идеология централизованных государств, начавших складываться с конца XV в. При всем своем суровом цинизме сторонники «хорошо примененных жестокостей» видели в этих жестокостях лишь средство для установления идеального общества; жестокая диктатура была в их глазах временным этапом, предшествующим будущей республике — царству справедливости.

В этом-то и сказался идеализм и утопизм макиавелистов. Государственная власть в европейских государствах XVI—XVIII вв. не раз получала «известную самостоятельность» по отношению к борющимся классам феодального общества, ¹⁷ возникали сильные государства, но это были отнюдь не царства справедливости. Напротив, неограниченная личная власть монарха в значительной степени содействовала злоупотреблениям управителей и угнетению управляемых.

Бехайм гораздо проницательнее Бонфини понял неизбежные последствия такой неограниченной власти:

Другому верить, видят бог,
Тогда никто ни в чем не мог,
И общности не стало...

В этом историческая трагедия макиавелизма. Ненависть к многочисленным «драконам» феодального мира побуждала мыслителей эпохи Возрождения мечтать о едином и сильном «драконе», который устрешит всех остальных, и создавать «мрачные утопии» о жестокой, но справедливой власти. Однако подлинное лицо этой власти им увидеть не довелось: ни Бонфини, живший во время недолгого расцвета Венгерского королевства, ни Макиавелли, так и не увидевший свою Италию избавленной «от рук варваров», настоящего абсолютизма не знали. Монархи XVI—XVIII вв. многому научились в школе Макиавелли, но именно потому, что власть их отнюдь не служила «благу всего населения», они очень не любили вспоминать цинично-откровенные проповеди флорентийского гуманиста (и даже прямо осуждали их), ¹⁸ предпочитая

¹⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2, т. 1, стр. 111.

¹⁷ Там же, т. 21, стр. 172.

¹⁸ Автором специального трактата, направленного против Макиавелли, был Фридрих II Прусский; резко осуждал Макиавелли идеолог француз-

более благообразные теории «божественного права королей» и «просвещенного абсолютизма».

В России уничтожение феодальной раздробленности и образование централизованного государства произошло примерно в то же время, как и во многих западноевропейских странах — в конце XV в. Процесс этот имел ряд своеобразных черт — города были значительно менее развиты на Руси, чем в западноевропейских странах, здесь не сформировалась еще буржуазия и не было элементов капиталистического уклада. В образовании централизованного государства важную роль сыграли, по-видимому, внешнеполитические факторы. Но государственная власть достигла и здесь значительного могущества (особенно в XVI в.), обрела «известную самостоятельность» по отношению к отдельным группам господствующего класса. Русский «Дракула» Иван IV мог экспроприировать владения крупных феодалов, многие представители господствующего класса были уничтожены в результате опричного террора, но «полновластие» Грозного не становилось от этого ни «демократическим», ни «всеуравнивающим» (как именовали его В. О. Ключевский и С. Ф. Платонов).¹⁹ Самое существо общественного строя не изменилось; царством справедливости, служащим «благу всего населения», государство Ивана Грозного было не в большей степени, чем абсолютные монархии Запада. Разорение основных производителей — крестьян достигло при Иване IV таких размеров, каких не достигало и во времена феодальной раздробленности. Уже вскоре после смерти Грозного прозорливый наблюдатель мог предсказать неизбежный «гражданский пожар (civil flame)»²⁰ в России, действительно разразившийся в начале XVII в.

Но реальные черты и последствия русской «грозной» власти стали очевидны лишь к концу XVI в.; в период складывания централизованного государства эти черты были еще едва различимы. Могла ли в России XV в. сложиться «мрачная утопия» в духе Бонфини, мог ли русский автор повести о Дракуле вдохновляться теми же идеями, что и венгерский хронист?

Как мы уже говорили, русская «Повесть о Дракуле» была написана в 1481—1486 гг., по всей вероятности, Федором Курицыным или близким к нему лицом. Противоречит ли это обстоятельство идеологии повести? Как отметил еще А. Д. Седельников, аргументы, которые выставлял Е. Петухов против написания этой повести еретиком Курицыным, «по существу не серьезны». Вопреки существовавшему прежде в историографии, но не основанному на

скогого абсолютизма Бодэн (ср.: F. Meinecke. Die Idee der Staatsräson in der neuen Geschichte, стр. 70—80, 340—424).

¹⁹ В. О. Ключевский. Боярская дума. Пб., 1919, стр. 346; С. Ф. Платонов. Очерки по истории смуты в Московском государстве XVI—XVII вв. СПб., 1910, стр. 118.

²⁰ Е. Bond. Russia at the close of the XVI century. London, 1856, стр. 34; Дж. Флетчер. О государстве Русском. СПб., 1909, стр. 32.

источниках мнению, еретики никогда не были противниками великоцняжеской власти; особенно близко стояли к ней именно московские еретики, «начальником» которых был Курицын.²¹ Федор Курицын в течение многих лет был ближайшим сподвижником Ивана III: «Того бо державный во всем послушаше», — писал о Курицыне его злейший враг Иосиф Волоцкий.²²

Выступление «начальника» московских еретиков в защиту «грозной» власти «великих государей» было в конце XV в. тем более естественным, что его враги — «обличители ереси» во главе с Иосифом Волоцким — занимали в этот период прямо противоположную позицию. Планы секуляризации монастырских земель, существовавшие в те годы у Ивана III, репрессии против крупных церковных иерархов и князей — покровителей церкви, наконец, прямые связи между «державным» и еретиками — все это вызывало в среде крупных духовных феодалов резко оппозиционные настроения по отношению к великоцняжеской власти. Как и русские книжники предшествующих веков, «воинствующие церковники» конца XV в. считали «злыми царями» тех государей, которые нарушают божественный «закон». Но если прежде в литературе не ставился вопрос о том, как поступать с такими «злыми царями»,²³ то теперь Иосиф Волоцкий и его сподвижники прямо высказали мысль о необходимости сопротивления «царской власти», не соблюдающей «заповедей господних». «Аще ли же есть царь, над человеки царствуя, над собою же имат царствующа страсти и грехи, сребролюбие и гнев, лукавство и неправду, гордость и ярость, злейши же всех — неверие и хулу, таковой царь не божий слуга, но диаволь, и не царь, но мучитель», — писал Иосиф Волоцкий. «И ты убо такового царя или князя да не послушаеш, на нечестие и лукавство приводяща тя, аще мучит, аще смертию претит!».²⁴ К сопротивлению «царям» и «мирским властителям», не соблюдающим церковного благочестия, призывали в те годы и другие «обличители ереси».

Идеология «Повести о Дракуле» в первую очередь резко противоречит именно этой иосифлянской политической доктрине. Как и Бонфини, автор «Повести о Дракуле» никак неставил свою оценку Дракулы в зависимость от соблюдения им «заповедей господних». Дракуле в повести были присущи и «лукавство», и «неправда», и «гордость, и ярость», и даже величайший грех «нечестия» — отступничество от православия. Нарушал Дракула и

²¹ Ср.: Н. А. Казакова и Я. С. Лурье. Антифеодальные еретические движения на Руси XIV—начала XVI века. М.—Л., 1955, стр. 127 и 164—169.

²² Там же, стр. 155.

²³ Ср.: В. Вальденберг. Понятие о тиране в древнерусской литературе по сравнению с западной. ИпоРЯС, т. II, кн. 1, 1929, стр. 215—216.

²⁴ Н. А. Казакова и Я. С. Лурье. Антифеодальные еретические движения на Руси XIV—начала XVI века, стр. 346.

другую обязанность, предписанную доброму христианину в «словах» Иосифа Волоцкого, — «нищелюбие». «Беседуя нищему, да пе оскръбиши его: обесчестивая бо нищаго раздражает сътворшаго и», — писал Иосиф Волоцкий. «Алчнаго накръми, жаднаго напои, яко же сам господь повеле, нагаго одежди, странна введи, болнаго посети, к темници доиди, и виждь беду их и, аще что требуют, подайждь им, и поскорби, и въздохни, и прослезися с ними».²⁵ Автор «Повести о Дракуле», видимо, отнюдь не сочувствовал этому традиционному монашескому «нищелюбию» иосифлян (служившему одним из обоснований необходимости существования монастырей и вызывавшему резкий протест у радикальнейшего из русских еретиков — Феодосия Косого).²⁶ Поведение Дракулы в повести выглядит как злая пародия на этот совет Иосифа: Дракула и «накормил» и «напоил» «нищих и странных», но избавил их «от нищеты и от недуга» несколько своеобразным способом. Более определенно осуждал автор последний грех Дракулы — переход в латинство: к «латинству», во многом вдохновлявшему русских «воинствующих церковников», русские еретики были резко враждебны. Но при всех этих грехах и преступлениях Дракула не переставал в глазах автора повести оставаться государем, способным искоренять зло в своем государстве.

Взгляды Иосифа Волоцкого и его единомышленников отвергались в повести не только косвенно, но и прямо. «Да почто ты из монастыря и ис келии своея ходиши по величым государем, не зная ничто ж?», — вопрошает Дракула монаха, дерзавшего учить его, великого государя, как надо управлять государством. В этих словах, перекликающихся с выступлениями публицистов XVI в. против иноков, которые «в мире бродят и скитаются», считая себя «разумнее всех человек в мире» и вмешиваясь в государственное управление,²⁷ обнаруживается явная враждебность повести к «воинствующим церковникам».²⁸

Но московские еретики, «начальником» которых был Курицын, были не только противниками феодальной церкви и религиозными реформаторами — их несомненно интересовали и социальные вопросы. Написанное Федором Курицыным «Лаодикийское послание» начиналось с декларативного заявления о «самовластии души»; судя по утверждению их противников, еретики, по-видимому, даже выступали против неравенства в человеческом обществе — «чело веки овы милуеми, овы мучимы, овы веселящася в богатстве

²⁵ Там же, стр. 358.

²⁶ Письмо многословное. Сочинение инока Зиновия. М., 1880 (оттиск из ЧОИДР, кн. II), стр. 143.

²⁷ Г. Н. М о и се е в а. Валаамская беседа — памятник русской публицистики середины XVI века. М.—Л., 1958, стр. 164—165, 167, 173.

²⁸ Ср.: J. S t r i e d t e r g. Die Erzählung vom walachischen Vojevoden Drakula in der russischen und deutschen Überlieferung. «Zeitschrift für Slavische Philologie». Bd. XXIX, N. 2, 1961, стр. 415.

инная же в нищете стражуща». ²⁹ Чем же мог привлечь этих реформаторов «диавол» на троне, «зломудрый» Дракула?

Заметим еще раз: мы отнюдь не считаем «Повесть о Дракуле» официальным произведением, цель которого заключалась в изображении идеального государя. Ни одна власть в мире не признала бы своего тождества с «диаволом», пировавшим среди кольев, на которых разлагались трупы казненных им людей. «Повесть о Дракуле» — не инструкция для государей и судей, а литературное произведение, автор которого рассуждает о жестокости монархов и различных последствиях этой жестокости, так же как это делал Бонфини в своей хронике (на примерах Аттилы и того же Дракулы) или Макиавелли в «Князе» и «Рассуждениях на первые три книги Тита Ливия». Любопытно, что и судьба этих рассуждений оказывалась в историографии сходной: если некоторые исследователи Макиавелли утверждали, что Макиавелли в действительности вовсе не был «макиавеллистом», что он не прославлял тиранов, а, напротив, предостерегал против «дьявольского превращения» государства в тиранию,³⁰ то и исследователи «Повести о Дракуле» видели в ней прикрытую проповедь милосердия.

Ни автор «Повести о Дракуле», ни его далекие западные собратья не были «тираноборцами». Но не были они и прислужниками тирании, угодливыми «слугами Дракона», прославляющими его неограниченные достоинства и не видящими пороков. Пафос «Дракулы», как и пафос макиавеллизма, — не в утверждении еще не сложившегося централизованного государства, а в отрицании предшествующего ему феодального самовластия. Автор «Повести о Дракуле» вовсе не скрывал дьявольского «окаянства» «мутьянского воеводы», но главными злодеями были в его глазах все-таки те «великие боляре», те владельцы «великого богатства», которые в окружавшей его реальной действительности могли «искупиться от смерти» за любой поступок. И здесь автор повести сходился во взглядах — и в заблуждениях — с широчайшими слоями населения русских земель XV в. «Русская земля да будет богом хранима! — писал Афанасий Никитин в своем «Хожении за три моря». — Боже сохрани! Боже сохрани! На этом свете нет страны, подобной ей, хотя вельможи (бояре) Русской земли несправедливы (недобры). Да станет Русская земля благоустроенной, и да будет в ней справедливость». ³¹ Такую же ненависть к крупным феодалам — и духовным и светским — и неопределенную, но настой-

²⁹ Н. А. Казакова и Я. С. Лурье. Антифеодальные еретические движения на Руси XIV—начала XVI века, стр. 408.

³⁰ L. von Mignal. Machiavellis Staatsgedanke. Basel, 1945. Такой взгляд на Макиавелли высказывал еще Руссо (М. Ковалевский. От прямого народоправства к представительному и от патриархальной монархии к парламентаризму, т. 1. М., 1906, стр. 376—377).

³¹ Хожение за три моря Афанасия Никитина. Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. Изд. 2. М.—Л., 1958 (серия «Литературные памятники»), стр. 25 и 85.

чивую веру в «великого князя» как своего защитника обнаруживали и крестьяне в судных списках и правых грамотах XV в.³²

Для понимания идеологических позиций автора «Повести о Дракуле» весьма плодотворным представляется сопоставление повести с публицистическими произведениями XVI в. — «Сказанием о Магмете салтане» и «Большой челобитной» Ивана Пересветова. В отделении своей политической доктрины от заповедей религиозного «закона» Пересветов пошел дальше автора повести — «правда», под которой Пересветов понимал справедливое государственное устройство, возможное даже в мусульманской Турции, прямо противостоявшее им «вере»: «Бог не веру любит — правду».³³ Подробно описывая «правду» Магмета-султана, Пересветов, как и автор «Повести о Дракуле», вовсе не склонен был безусловно одобрять своего героя: Магмет у него тоже «кровопивец», кроме того, он еще и нехристь (хотя Пересветов и приписывал ему неосуществившееся намерение перейти в христианство). Но «без таковыя грозы немочно в царство правды ввести», — считал Пересветов.³⁴ Этую же мысль, очевидно, разделял и автор «Повести о Дракуле».

Подобно своим западным собратьям, русские противники крупных феодалов согласны были принять даже «грозную» и «зломующую» власть, лишь бы она установила «правду» в государстве. И подобно западным сторонникам «жестокого и справедливого» князя, они должны были горько разочароваться в своих надеждах. Грозная власть, которую они призывали, оказалась весьма далекой от их идеалов и не проявила ни малейшей благодарности к своим провозвестникам.

Об этом достаточно красноречиво говорит судьба человека, в котором мы с наибольшим основанием можем видеть автора (или одного из авторов) «Повести о Дракуле». Ближайший сподвижник «державного» Федор Васильевич Курицын был свидетелем многих «окаянств» Ивана III, этого «великого макиавеллиста» в политической практике.³⁵ Грубо попирая договоры, неоднократно нарушая собственные клятвы, Иван III подчинял себе соседние земли — Новгород и Тверь; за присоединением этих земель следовали массовые казни. Своего брата, удельного князя Андрея Углиц-

³² Л. В. Ч е р е п и н. Образование Русского централизованного государства в XIV—XV веках. М., 1960, стр. 263—275.

³³ Сочинения И. Пересветова. Подготовил текст А. А. Зимин. М.—Л., 1956, стр. 181; ср. стр. 153, 161, 176—177. Ср.: А. А. З и м и н. И. С. Пересветов и его современники. М., 1958, стр. 396—400. Не соглашаясь с А. А. Зиминым в его оценке идейного смысла «Повести о Дракуле», мы считаем вполне обоснованным сближение этой «Повести» с сочинениями Пересветова (ср. также: J. S t r i e d t e r. Die Erzählung vom walachischen Vojevoden Drakula. . ., стр. 414).

³⁴ Сочинения И. Пересветова, стр. 153.

³⁵ «Великим макиавеллистом» назвал Ивана III К. Маркс в «Хронологических выписках» (Архив Маркса и Энгельса. М., 1946, стр. 159).

кого, «державный» вероломно заманил в западню, а затем приказал умертвить. Незнатного дьяка мало беспокоили все эти «окаянства» — речь шла ведь о людях вчерашнего дня, о «столпах» ненавистного удельного строя, которых оплакивал его враг Иосиф Волоцкий. Труднее, вероятно, Федору Васильевичу было примириться с расправой над новгородскими иконоборцами в 1490 г. — многие из них были его друзьями. Но все искупалось во имя великой цели — создания нового царства «Москвы и всей Русской земли и иных новых земель», государства, где не будет монастырей и тунеядцев-ионоков, где ни «великий боярин», ни священник, ни ионок, ни владелец «великого богатства» не смогут «искупиться от смерти» за преступления. Ради этого можно было примириться и с убийствами и с ложью.

Но наступили первые годы XVI в. «Державный» объединил под своей властью всю Северо-Восточную Русь и одержал блестательные победы над своими западными соседями. Нужны ли ему были теперь те трудные и во многом опасные реформы, которых хотел Курицын? Не лучше ли было порвать с дерзкими мечтателями, рассуждавшими о том, «яже бог не повелел»? Церковь давно была готова к сближению с «державным» — Иосиф Волоцкий охотно соглашался прославлять вчерашнего «злого царя», требуя от него только одного: казни вольнодумцев. Иван III уступил: по решению великого князя и церковного собора на костер был отправлен брат и сподвижник Федора Курицына Иван-Волк и другие еретики. Судьба самого Федора Васильевича остается неясной. Может быть, он был умерщвлен, но не так всенародно, как его брат, а тайком; может быть, сам предпочел уйти из жизни. А может быть, «державный»razil свою бывшему любимцу последнюю милость — заточил его в далекий монастырь, где опальный дипломат, еретик и писатель получил достаточно досуга, чтобы подумать над достоинствами и недостатками «грозной власти».

Судьба вероятного автора «Повести о Дракуле» во многом объясняет и судьбу его произведения.

Г л а в а III

«ПОВЕСТЬ О ДРАКУЛЕ» И ДРЕВНЕРУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Идеология «Повести о Дракуле» была достаточно сложной — она не сводилась ни к осуждению, ни к безусловному одобрению «мутьянского воеводы». Это обстоятельство сказалось и на построении повести.

Древнейшие списки повести, известные нам, — это Кирилловский список 1490—1491 гг. и Румянцевский список 1499—1502 гг.¹ Полноту сохранившие (в отличие от более поздних списков) текст памятника, включая концовку, Кирилловский и Румянцевский списки по-разному располагают текст, образуя, таким образом, две различные редакции повести (сохранившиеся и в дальнейшей традиции). В обоих списках текст начинается с рассказа о борьбе Дракулы с турками — борьбе героической и вызывающей сочувствие читателя; далее следуют отдельные анекдоты о «зломудром» воеводе, расположенные в Кирилловской и Румянцевской редакциях по-разному. Кирилловская версия явно первоначальнее Румянцевской — об этом неоднократно свидетельствует текст этой версии, лучше сохранившей иностранные реалии оригинала и лишенной явных ляпсусов Румянцевского списка;² об этом же свидетельствует и композиция повести, более ясная и последовательная в Кирилловской редакции. За эпизодом, посвященным искоренению «зла» Дракулой, здесь следуют другие эпизоды, связанные с его государственной деятельностью: уничтожение нищих для искоренения бедности в стране, утверждение неограниченной власти государя (испытание монахов), борьба с воровством (история с купцом), борьба с прелюбодеянием и леностью. Лишь после этого следуют рассказы о «кознях» «мутьянского воеводы»: пир среди трупов, испытание посла, расправа с «неизящными» послами и убийство мастеров, прятавших сокровища Дракулы, — единственный эпизод, где прямо высказано осуждение его дьявольского

¹ См. стр. 117—122 и 140—145.

² Ср.: А. Д. Седельников. Литературная история повести о Дракуле. ИПОРЯС, т. II, кн. 2, 1929, стр. 627—636. Ср. стр. 41, прим. 61 и стр. 99.

«окаанства». Таким образом, эпизоды как бы располагаются по степени их государственной важности (в убывающем порядке). В Румянцевской версии эта последовательная композиция — сознательно или случайно — изменена и эпизоды, рисующие самодурство Дракулы (казнь брезгливого слуги, разговор с послом), вклиниваются между эпизодами более серьезного государственного значения (об искоренении «зла», об угорском купце). Однако в обеих редакциях образ Дракулы остается двойственным — государственная мудрость сочетается в мутьянском воеводе с «окаанством».

Такая двойственность при изображении центрального персонажа не была обычным явлением в древнерусской литературе. Говоря о художественном своеобразии древнерусской литературы, исследователи часто обращают внимание именно на присущее ей однозначное, «черное» или «белое», изображение человеческой личности. Для большинства литературных произведений древней Руси человек, по замечанию Д. С. Лихачева, был лишь «отвлеченным объектом дидактических размышлений»; человеческий характер со всей его сложностью и противоречивостью был «открыт», по мнению исследователя, только в литературе XVII в.³

Еще решительнее подчеркивает своеобразие древнерусской литературы И. П. Еремин. Важнейшей особенностью этой литературы он считает ее прямолинейный «воинствующий дидактизм»: «Если писатель нового времени, изображая жизнь, обычно предоставляет читателю самому сконструировать идеал, и часто от обратного, то писатель древнерусский выражал идеал не косвенно, а прямо и непосредственно, все подчиняя этой задаче и ничего не оставляя на долю догадок и интуиции читателя».⁴ «Вокруг этого идеала, — читаем мы в той же статье И. П. Еремина, — автор всеми доступными ему средствами стремился создать атмосферу приподнятости, необыкновенной, почти благоговейной серьезности. Смех здесь был бы неуместен, да он здесь никогда и не звучал».⁵ Придавая изображению «идеала» в древнерусской литературе важнейшее значение, И. П. Еремин полагает, что именно оно открывало этой литературе выход «на широкие просторы искусства»; изображение действительности, жизни «как она есть» имело в древнерусской литературе «не художественное, а только познавательное значение».⁶ Вот почему древнерусская литература, по мнению И. П. Еремина, принципиально несопоставима с литературой нового времени. «Древнерусская литература, — настаивает он, — литература средневековая; она имела свое собственное художественное содержание, не разложимое ни на какие „элементы“ или „тенденции“

³ Д. С. Лихачев. Человек в литературе древней Руси. М.—Л., 1958, стр. 9, 15.

⁴ И. П. Еремин. О художественной специфике древнерусской литературы. «Русская литература», 1958, № 1, стр. 79 и 82.

⁵ Там же, стр. 78.

⁶ Там же, стр. 81.

иных художественных систем; она исходила из своих собственных эстетических принципов и в своем художественном „ключе“ создавала произведения не менее значительные и художественно убедительные, чем литература нового времени».⁷

Насколько отмеченный И. П. Ереминым «воинствующий дидактизм» диктовался эстетическими принципами древнерусских писателей, мы здесь решать не будем. Сложность вопроса заключается в том, что представители агиографической и церковно-учительной литературы, которую в первую очередь имеет в виду исследователь, сами не подходили к своему писательскому труду с эстетической точки зрения: для них этот труд имел не столько художественное, сколько деловое (религиозно-ритуальное или нравственно-воспитательное) значение. Согласимся во всяком случае с тем, что перечисленные свойства — прямолинейный дидактизм, торжественность, «благоговейная серьезность» — свойственны многим, пожалуй даже большинству известных нам памятников древнерусской литературы.⁸ Но был ли этот стиль единственным художественным стилем древнерусской литературы, господствовал ли он в ней безраздельно?

Говоря в своей книге о стилистических системах древней Руси (до XVII в.), Д. С. Лихачев в основном рассматривает эти системы как единые и преобладающие для каждого отдельного периода. Такие стилистические системы, как «экспрессивно-эмоциональный стиль» и «психологическая умиротворенность» XIV—XV вв., «идеализирующий биографизм» XVI в. и др., согласно его концепции, сменяют друг друга во времени, но не противостоят друг другу. Ни одна из этих систем не знает человеческого характера: индивидуальность человека здесь ограничена прямолинейным отнесением его к одной из двух категорий — добрых или злых, положительных или отрицательных;⁹ вплоть до конца XVI в. в литературе господствуют «средневековые принципы идеализации человека, нормативного идеала».¹⁰ Лишь для наиболее раннего периода русской литературы Д. С. Лихачев делает — с полным основанием — исключение. В литературе XI—XIII вв. «монументальный историзм», «подтягивавший» реальных людей к идеалам, созданным феодальной идеологией, знаяший «только две краски — черную и белую», существовал, по мнению Д. С. Лихачева,

⁷ И. П. Еремин. К спорам о реализме древнерусской литературы. «Русская литература», 1959, № 4, стр. 8.

⁸ О значении «религиозно-дидактической» темы в древнерусской литературе писала в «Истории русской литературы» В. П. Адрианова-Перетц, но она называла рядом с ней и другую, «национально-историческую» тему этой литературы, считая общей чертой древнерусской литературы «учительство», унаследованное, хотя и не в столь дидактической форме, русской литературой нового времени (История русской литературы, т. II, ч. 2. М.—Л., 1948, стр. 428—439).

⁹ Д. С. Лихачев. Человек в литературе древней Руси, стр. 81 и 86.
¹⁰ Там же, стр. 113.

с иным, «эпическим стилем».¹¹ «Эпический стиль», теснейшим образом связанный с устным народным творчеством, отразился в «Повести временных лет», отчасти в «Слове о полку Игореве» и в некоторых других памятниках. Ряд персонажей этих литературных памятников действительно совершенно не подчиняется нормам описанной выше «черно-белой» литературы «нормативного идеала». Что представлял собой, например, вещий Олег, мудрый князь-язычник, хитростью взявший христианский Царьград, или не менее хитрая Ольга, обманувшая глупых древлян и жестоко отомстившая им за смерть мужа?¹² Ни один из этих «эпических» персонажей не подходит к роли «положительных» героев дидактической литературы: они хитры, иногда коварны, неизменно ловки и острумы — Ольга ухитрилась «переключать» византийского императора даже в момент крещения, — но отнюдь не добродетельны с христианской точки зрения.

Считая, что «эпический стиль в изображении людей стадиально предшествует монументальному, как предшествует устное творчество народа письменности», Д. С. Лихачев полагает, однако, что с появлением письменности не исчезает «воздействие на литературу этого эпического стиля в изображении героев».¹³ Но характерные черты «эпического стиля» в изображении людей исследователь обнаруживает только в памятниках XI—XIII вв.; далее в литературе как бы безраздельно устанавливается (вплоть до XVII в.) господство «нормативного идеала».

Так ли это? Своеобразие и яркую индивидуальность литературных героев Д. С. Лихачев объясняет прежде всего воздействием фольклора. Но устное народное творчество не исчезло в XIII в. и влияние его носителей на литературу не прекратилось. А наряду с непосредственным влиянием «бахарей и скоморохов» в русской письменности существовали и продолжали существовать и иные источники литературного творчества, противостоявшие канонам христианской дидактики. К числу таких источников относились, например, библейские эпические сказания — герои этих сказаний, могучий Самсон, обманутый коварной Далилой, хитрый Давид, победивший Голиафа, мудрый Соломон, «побеждаемый похотью женскою», отнюдь не отличались одноплановой добродетельностью церковно-учительной литературы. Библейский эпос во многом оказывался близким древнерусскому эпосу: недаром Самсон наряду с русскими богатырями попал в русские былины и стал одним из участников борьбы с татарами. Фольклорно-эпические традиции проникали в русскую письменность и из некоторых переводных византийских памятников (хроника Малалы и др.).

Вопрос о литературных явлениях древней Руси, противостоявших агиографической и церковно-учительной литературе, несом-

¹¹ Там же, стр. 32.

¹² Там же, стр. 71.

¹³ Там же, стр. 73.

ненно заслуживает специальной разработки. Если основная особенность литературы «нормативного идеала» может быть определена как «прямолинейный дидактизм», то противоположную тенденцию мы бы определили как художественную косвенность, парождавшуюся в древнерусской литературе. Наряду со своеобразной «антиэстетической эстетикой» дидактической литературы, ничего не оставлявшей для догадок и интуиции читателя, навязывавшей ему готовый идеал, в древнерусской литературе несомненно существовала (пусть в подспудной и неразработанной форме) и иная эстетика, несравненно более близкая и понятная нам, дававшая возможность читателю самому продумать, понять и оценить показанные ему образы. Лишние одноплановых трафаретных добродетелей, «эпические» герои летописи и других памятников были ближе к «характерным» образам новой литературы, чем к носителям идеалов средневековой агиографии. Наряду с дидактической литературой, соблюдавшей благоговейно-церковную серьезность изложения («смех здесь был бы неуместен, да он здесь никогда и не звучал»), в русской литературе со временем «Повести временных лет» существовала и традиция смеха, юмора, сатиры.

Элементы художественной косвенности обнаруживаются даже в летописных рассказах, не связанных с народным эпосом, и в памятниках житийной литературы. Об этом с большой убедительностью свидетельствуют примеры, приведенные В. П. Адриановой-Перетц из летописей жития Феодосия, Киево-Печерского патерика и других памятников. «Умелый подбор сильных деталей» в этих рассказах должен был «сделать изображение воздействующим и на сознание и на эмоции читателя, способствующим усвоению им авторской оценки».¹⁴ Описывая убийства князей, борьбу Феодосия с его властной матерью или искушение Моисея Угрина красавицей вдовой, авторы рассказов стремились «передать свое отношение к изображаемому не только прямыми высказываниями своих оценок, но и самым способом изложения».¹⁵ Эти эпизоды, как указывает В. П. Адрианова-Перетц, убедительно опровергают мнение И. П. Еремина, будто искусством древнерусская литература была лишь тогда, когда рисовала идеальные образы, а изображение действительности носило только документально-практический характер. Древнерусский писатель не переставал быть художником и тогда, когда описывал действительно происходившие события: он умел подбирать наиболее выразительные подробности этих событий и домыслить неизвестные факты, которые подсказывало ему его художественное воображение, — все это с целью как можно сильнее воздействовать на эмоции читателя, заставить его самого прийти к авторской оценке события.

¹⁴ В. П. Адрианова-Перетц. О реалистических тенденциях в древнерусской литературе (XI—XIV вв.). ТОДРЛ, т. XVI, М.—Л., 1960, стр. 9—10.

¹⁵ Там же, стр. 17.

Особенно резко противостояли канонам агиографической и церковно-учительной письменности памятники древнерусской беллетристики. Памятники такого жанра появлялись на Руси уже в XII—XIII вв. К этому периоду относятся, по мнению исследователей, переводы на русский язык греческого эпоса о Дигенисе Акрите («Девгениево деяние»), романа Псевдокаллисфена об Александре Македонском (хронографическая «Александрия»), легендарного рассказа-послания индийского царя-священника Иоанна («Сказание об Индийском царстве»), возможно также повести об Акире Премудром. К XIV в. предположительно относят появление на русской почве апокрифических рассказов о царе Соломоне, и, в частности, «басен и кощюнов» о Соломоне и Китоврасе, упоминавшихся в болгарских индексах запрещенных книг. «Басни» эти были введены в состав Толковой Палеи — памятника, созданного первоначально для целей противоиудейской полемики, но получившего затем характер свода повествовательной библейско-апокрифической литературы.¹⁶ В XV в. на Руси появилась (и вытеснила более сухую хронографическую «Александрию») так называемая сербская «Александрия» — яркий образчик средневекового рыцарского романа — и одновременно с нею близкие к ней по характеру романы троянского цикла — «Троянская притча» и «Троянская история». Наконец, в XV в. на Руси получает распространение и цикл басен-повествований о животных — «Степанит и Ихнилат» (византийская переработка индо-арабского эпоса «Калила и Димна»).

XV век может рассматриваться как время значительного распространения беллетристики на Руси. Именно к этому времени относятся первые памятники русской беллетристики — «Сказание о Вавилоне», «Повесть о Басарге» и исследуемая нами «Повесть о Дракуле».

Связь «Повести о Дракуле» с другими памятниками русской беллетристики того времени отмечалась в научной литературе, хотя и весьма бегло. Мы уже приводили слова А. Д. Седельникова о том, что «для великорусской беллетристики XV в. форма повести о Дракуле не явилась чем-либо совершенно новым»; исследователь вспоминал при этом сказания о Соломоне и Китоврасе, «где также сюжет делится на эпизоды, имеющие каждый самодовлеющее анекдотическое значение».¹⁷ Сходство «Повести о Дракуле» с «Соломоном и Китоврасом» глубже, чем это отмечал А. Д. Седельников. Сходна не только композиция обоих повествований, распадаю-

¹⁶ Легенды о Соломоне и Китоврасе были введены в состав второй (или хронографической, как называл ее В. Истрин) редакции Толковой Палеи, созданной во второй половине XV в., но они читаются также в добавлениях к некоторым спискам первой редакции, в том числе и к списку конца XIV—начала XV века: ГИМ, Барс. 619.

¹⁷ А. Д. Седельников. Литературная история повести о Дракуле, стр. 639.

Онѧшේ пъзлделісомоугнѣю сюсоро
лемтвагпіасомгъ доисо
нчаніе братіе
спісонаю

бо

пъ

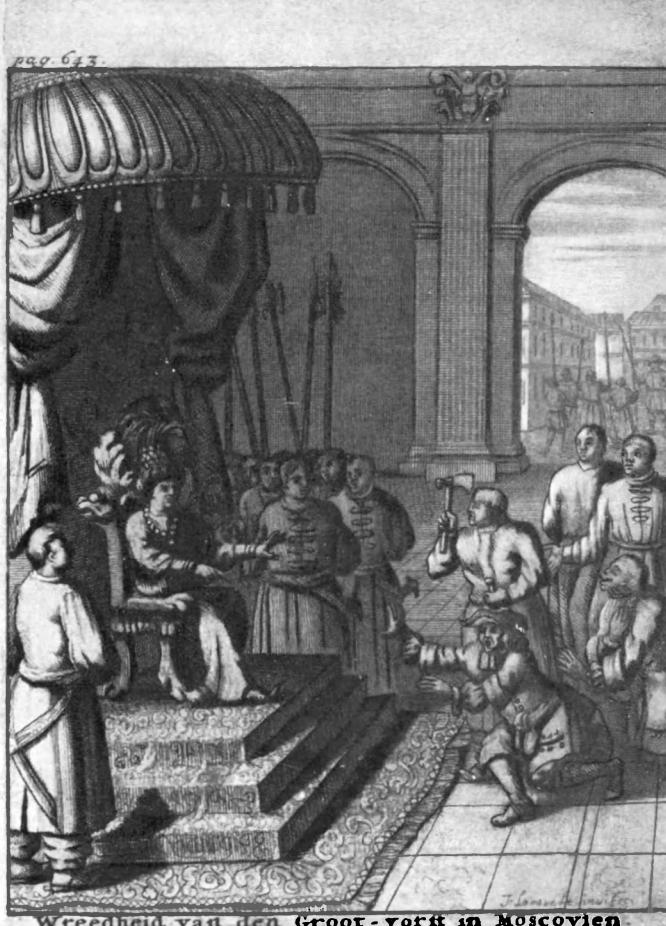
“

,

Посольство Ф. Курицына в Венгрию и Молдавию
в 1482—1484 гг.

Миниатюра из Лицевого свода XVI в.

Соудыни с Посоломъ съцю 10 анна расильеих
Канц Принадлежъ Ономъ Посолъ шляпу до слѣдныи
Глоуда илъ възласть пропилотить а не оно
иорностъ и гордость чѣмъ не синко Посолъ

Иван Грозный приказывает прибить послу шляпу гвоздем.
Голландская гравюра 1700 г., вклещенная в «Двинскую летопись»

щихся на отдельные новеллы-эпизоды. Сходно и отношение авторов к изображаемым лицам: в «Соломоне и Китоврасе», как и в «Повести о Дракуле», они не могут быть просто разделены на «белых» и «черных» — положительных и отрицательных. Кто такой «дивий зверь» Китоврас: воплощение ли божественной мудрости или исчадие ада, доброе это или злое существо? Он помогает Соломону строить иерусалимский храм, дает ему полезные наставления, и он же забрасывает царя на край вселенной, откуда Соломона извлекают мудрецы и книжники. С христианско-назидательной точки зрения образ Китовраса, как во многом и образ его собеседника Соломона, был мало полезен — недаром «басни и кощюны» о нем включались в церковные индексы. Но образ этот зато отличался другими чертами, несомненно привлекавшими древнерусских читателей — занимательностью, остроумием; подобно летописной Ольге, Китоврас умеет «переключать» своего мудрого собеседника.

То же самое можно сказать и о других героях беллетристических памятников того времени. Звери-рассказчики из «Стефанита и Ихнилата» — «оба разумна, оба вкупе и мудроумна зело»; один из них, Ихнилат, правда, отличается лукавством, но главное в них (как и в Китоврасе) — именно мудрость, способность рассказать остроумную притчу, а не положительные или отрицательные свойства. Александр Македонский сербской «Александрии» мог, конечно, рассматриваться как герой (ему даже были приданы некоторые христианские черты), но привлекал он читателя не своими весьма сомнительными добродетелями (как и «Александр Париж» «Троянских притч»), а ловкостью, предприимчивостью, храбростью, занимательностью своих приключений. Так же мало подходил к роли «идеального» героя и победитель злого царя в русской «Повести о Басарге» — семилетний «малыш»¹⁸ Борзосмысл, типичный простак-мудрец из народных сказок, своей сообразительностью побеждающий злого царя. Герои беллетристики XV в. не отличались ни торжественностью, ни благоговейной серьезностью «нормативных героев» — зато все они были великими мастерами «переключания».

Как и другие памятники средневековой беллетристики, «Повесть о Дракуле» была теснейшим образом связана с фольклором. Анекдоты о Владе Цепеше, услышанные русским автором в Венгрии и Молдавии, перекликались с многими «бродячими сюжетами» мирового фольклора; многие из них были знакомы и русскому народному творчеству. К числу таких «бродячих сюжетов» принадлежала и история об убийстве тираном мастеров для сокрытия сделанного ими дела (перекликающаяся с легендой XVII в. о строителях церкви Василия Блаженного и другими аналогичными

¹⁸ Выражение из перевода «Повести о Басарге», сделанного Б. А. Лариним: Русские повести XV—XVI вв. М.—Л., 1958, стр. 244—250 (оригинальный текст — там же, стр. 79—84).

сказаниями),¹⁹ и рассказ об иностранном после, которому прибили шляпу гвоздями,²⁰ и весьма популярная легенда о жестоком феодале, пригласившем к себе и приказавшем сжечь нищих, чтобы избавить их от нужды, а страну от голода (на Западе эта легенда связывалась обычно с майнцкими епископами Х. в. Гаттоном I и Гаттоном II; в XVII в. она послужила источником для Симеона Погоцкого, а в XIX в. — для Р. Саути и В. А. Жуковского).²¹

¹⁹ Ср.: Адам Олеарий. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. Введение, перевод, примечания и указатели А. М. Ловагина. СПб., 1906, стр. 153. Эта тема широко распространена в мировом фольклоре, см.: A. Wesselki. Versuch einer Theorie des Märchens. Reichenberg, 1931 («Prager deutsche Studien», Н. 45), стр. 15.

²⁰ Уже начале XVII в. анекдот этот, действие которого было перенесено на русскую почву, рассказывался иностранными путешественниками про Ивана Грозного. Голландский путешественник И. Данкерт, бывший в России в 1609—1611 гг. (Ф. Аделунг. Критико-литературное обозрение путешественников по России. Перевод А. С. Клеванова. ЧОИДР, М., 1864, кн. I, отд. IV, стр. 175—176, № 53), связывал эту историю с итальянским послом (I. Dapscategt. Beschryvinge van Moscovien ofte Ruslant... Amsterdam, 1615, стр. 21); английский путешественник С. Коллинз (был в России в 1659—1667 гг.) уверял, что Грозный приказал прибить шляпу французскому послу, а с английским послом Баусом (тоже не снявшим шляпу) не решился так поступить (ЧОИДР, М., 1846, № 1, отд. III, стр. 15). В 1700 г. рассказ Данкерта об итальянском после был воспроизведен в сборнике «Zeer gedenkwaardige en naaukeurige historische Reis-beschrijvinge door Vrankrijc, Spangie, Italien, Duitsland, Engeland, Holland en Moscovien» (Leiden, 1700, стр. 643). Вырезанная из этого сборника гравюра, изображающая расправу с послом, была вклеена в рукопись начала XVIII в., содержащую Двинскую летопись (ГПБ, собр. Титова, № 4682, л. 4; ср. воспроизведение на стр. 65) и написанную А. А. Титовым (А. А. Титов. Летопись Двинская. М., 1889, стр. III). Ни А. А. Титов, ни последующие авторы (ср.: А. Д. Седельников. Литературная история повести о Дракуле, стр. 643—644, прим. 1) не знали, однако, откуда взят этот рисунок. Трудно сказать, восходила ли легенда, популярная среди иностранцев, путешествовавших по России в XVII в., к «Повести о Дракуле» (так думал, например, Д. А. Ровинский: Русские народные картины. СПб. 1881, т. V, стр. 15), или же перед нами «бродячий сюжет», связывавшийся с различными персонажами.

²¹ Легенда о епископе Гаттоне, сжегшем нищих (и оправдывавшем этот поступок примерно теми же аргументами, какие приписывались Дракуле), излагается уже в немецких хрониках XV—XVI вв. (Rerum Germanicarum scriptores... editione tertia curante B. G. Struvio... Ratisbonae, MDCCXXVI, стр. 1088; Johannis Tritheimi Spanheimensis... secundae partis Chronica insignia duo... Francoforti, MDCL, стр. 35); пересказывалась она и немецким поэтом XVI в. Г. Ролленхагеном (G. Röllenhägen. Froschmeuseler. Deutsche Dichter des XVI. Jahrhunderts, herausgegeben von K. Goedekе und J. Tittmann, Bd. IX, Th. 2. Leipzig, 1876, стр. 184). Ср. также: J. Fr. Böhm. Regesta episcoporum Maguntensium. Innsbruck, 1877, стр. XXIX—XXXI. Аналогичные сказания существовали и о других жестоких феодалах средних веков («Zeitschrift für deutsche Mythologie und Sittenkunde», begr. von J. W. Wolf, herausgegeben von W. Mannhardt, Bd. III, Göttingen, 1855, стр. 307—308; M. Behem-Schwarzbach. Die Mäusurmssage von Popiel und Hatto. Posen, 1888). Литературные переложения: Симеон Погоцкий, Избранные сочинения, ред. И. П. Еремина, М.—Л., 1953 (серия «Литературные памятники»), стр. 51; R. Southey. The Poetica]

Наибольшее значение для построения «Повести о Дракуле» имел один мотив — также фольклорного происхождения. Сопоставляя между собой отдельные эпизоды о Дракуле, мы замечаем, что почти во всех этих эпизодах «зломудрый» воевода не просто казнит и истязает попавших ему в руки людей — он испытывает их. Испытанию подвергаются послы и купцы, монахи и нищие и даже сам турецкий царь. Испытывается мудрость собеседника, и «неизящные» люди, не умеющие «противу кознем его отвещати», трагически расплачиваются за свое «неизящество». Чаще всего средством испытания служит загадка, заданная собеседнику. Загадки Дракулы похожи одна на другую: все они имеют второй — метафорический смысл. Дракула обещает турецкому царю «прийти к нему на службу»; царь понимает эти слова буквально и радуется; Дракула приходит с войной и разоряет владения царя. Он спрашивает нищих: «Хощете ли, да сотворю вас беспечалны на сем свете, и ничим же нужни будете?». Глупые нищие, не поняв второго, зловещего смысла его слов, соглашаются, и Дракула «освобождает» их «от нищеты и от недуга», скигая в запертой «храмине». И даже первый эпизод повести — разговор Дракулы с послами — строится на двусмысленности. Дракула говорит послам, не снявшим по своему обычаю шапок: «...хощу вашего закона потвердити, да крепко стойте». Само по себе это обещание еще не заключало в себе ничего страшного; послы могли даже радоваться такому уважению к их «закону». Но далее Дракула «подтверждает» этот закон, прибив послам шапки гвоздями.

Как и самый образ хитрого Дракулы, этот прием тесно связывает повесть с «эпическими» традициями древнерусской литературы. Такие же загадки, такая же «игра с возможностью провести несколько параллелей»,²² встречается нам и в других памятниках. Целиком на загадках, на втором их метафорическом смысле, недоступном глупому собеседнику, строится месть Ольги древлянам в «Повести временных лет». Разговор Ольги с древлянскими послами — это, как убедительно показал Д. С. Лихачев, серия загадок с одной, достаточно мрачной разгадкой. Ольга предлагает послам «почтить» их и советует им для пущего «величания» сесть в «лодыи». «Почтить» — значит «предать погребению», в «лодыях» хоронили покойников. Глупые послы не понимают метафорического смысла слов княгини и выполняют ее совет; Ольга оказывает им «честь», погребая их в яме вместе с лодьями. Вторая загадка Ольги — «пир», третья — «баня»; все это — распространенные в древнерусском фольклоре иносказания смерти, не понятые древ-

Works, vol. VI. Boston, 1875, стр. 60—64; В. А. Жуковский. Стихотворения. «Библиотека поэта» (большая серия, изд. 2). Л., 1956, стр. 428—431.

²² В. Шкловский. О теории прозы. М., 1929, стр. 143.

лянами.²³ На таких же загадках-иноскказаниях мудрой девы построена начальная часть «Повести о Петре и Февронье» — памятника, формально относящегося к житийному жанру, но глубоко и органически связанного с фольклором.²⁴ Важнейшую роль играют загадки в «Повести об Акире Премудром» и особенно в «Повести о Басарге». «Повесть о Басарге» представляет собой один из вариантов популярнейшего сказочного сюжета о трех загадках (известного современному читателю по «Королю и пастуху» Маршака).²⁵

Некоторые мотивы «Повести о Дракуле» имели более «литературный», связанный с письменной традицией характер. Совсем неожиданно для «зломудрого» Дракулы звучит его речь войску перед сражением с турками: «Кто хощет смерть помышляти, той не ходи со мною, остань зде». Это — рыцарская, но не вполне христианская декларация; христианину следовало бы «помышлять смерть» в любое время и надеяться на небесное воздаяние за борьбу с неверными. «Аще ли убо ты, о крепки царю и храбрый, и иже о тебе христолюбивое воинство до крове и до смерти постражут за православную христову веру. . . , — писал в 1480 г. архиепископ Вассиан Ивану III перед сражением с татарами, — блажени бо и преблажени будут в вечном наслаждении. . . восприимут от всесодетеля бога венцы нетленныя и радость неизреченную».²⁶ Трудно назвать какой-либо определенный источник речи Дракулы, но источник этот во всяком случае был далек от христианско-учительной литературы.

Более ясны литературные источники другого заявления Дракулы: заявление это почти дословно соответствует словам беллористического героя, несравненно более привлекательного, чем мутьянский воевода, — Александра Македонского из сербской «Александрии». Сажая непочтительных послов на кол, Дракула объяснял им: «Не аз повинен твоей смерти — иль государь твой, иль ты сам. На мене ничто же рди зла. Аще государь твой, ведая тебе малоумна и не научена, послал тя есть ко мне, к великоумну государю, то государь твой убил тя есть». Почти то же и в такой же ситуации говорил Александр послам Дария, обозвавшего македонского царя «разбойником и гусаром». Решив убить послов, он заявил им: «Не зазирайте мне о том, но царю своему ругайтесь. Аз бо царя его имам, а он мене разбойником нарече, то и сам вам главы по-

²³ Д. С. Лихачев. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.—Л., 1947, стр. 132—137; ср.: Д. С. Лихачев. Возникновение русской литературы. М.—Л., 1952, стр. 43—46.

²⁴ А. Н. Веселовский. Новые отношения муромской легенды о Петре и Февронии и саги о Рагнаре Лодброке. ЖМНП, 1871, ч. CLIV, стр. 95—142; М. О. Скрипиль. Повесть о Петре и Февронии муромских в ее отношении к русской сказке. ТОДРЛ, т. VII, М.—Л., 1949, стр. 148—160.

²⁵ В. Айдерсон. Император и аббат. История одного народного анекдота, т. 1. Казань, 1916.

²⁶ ПСРЛ, т. XXVI, стр. 270.

секл есть».²⁷ И в этих случаях мы остаемся в русле той же беллетристической и «эпической» литературы.

О том, что «Повесть о Дракуле» осознавалась в XV в. как памятник беллетристического жанра, связанный с другими памятниками того же типа, свидетельствует и рукописная традиция повести. Древнейшие списки повести — Кирилловский и Румянцевский — имели немало общего между собой: оба они происходили не из Москвы, а из северных областей Русского государства (Кирилло-Белозерский монастырь и Псков), оба носили в значительной степени светский характер. В обеих рукописях содержатся любопытные статьи естественно-научного содержания («О широте и долготе земли», «О стадиях и поприщах» и т. д.), а также апокрифические легенды. Но наиболее интересен по своему составу, конечно, список 1490—1491 гг., принадлежащий выдающемуся кирилло-белозерскому книгописцу конца XV в. Ефросину. Фигура Ефросина во многих отношениях заслуживает внимания историков древнерусской литературы. Большой знаток фольклора и светской письменности (в том числе и такой, которую нельзя было «читать в сборе» и «являть многим»), Ефросин переписал и включил в свои сборники такие памятники древнерусской литературы, как «Задонщина» (древнейший известный нам список), «Слово о хмеле», апокрифический стих-«старину» «Плач Адама» и вместе с тем — тексты из Плутарха и Гиппократа. Сборник ГПБ, Кир.-Бел. 11/1088, содержащий «Повесть о Дракуле», — это, пожалуй, самый интересный среди «ефросиновских сборников». В составе этого сборника — несколько текстов, неизвестных по другим источникам, например рассказ о блаженной стране рахманов (увиденной Александром Македонским), где нет «ни царя, ни купли, ни продажи, ни свару, ни боя, ни зависти, ни вельможь, ни татбы, ни разбоя», или столь же уникальный рассказ о Китоврасе, где «дивий зверь» объясняет царю, что «всего есть лучши своя воля», и вырывается «на свою волю». Но особенно заслуживает внимания общее окружение «Повести о Дракуле» в этом сборнике. Здесь содержатся — древнейший русский список сербской «Александрии», «Сказание об Индийском царстве», особая редакция Палеи, где резко сокращен церковно-полемический материал, но полностью приведены легенды о Соломоне и Китоврасе, апокрифическая «Епистолия о неделе» и уже упомянутый неизвестный прежде отдельный рассказ о Китоврасе.²⁸

Таким образом, уже в древнейшем списке «Повесть о Дракуле» выступает не изолированно, а в окружении близких к ней по ха-

²⁷ ГПБ, Кир.-Бел. 11/1088, л. 70 об.; Ст. Н о в а к о в и й. Приповетка о Александре Великом у старој српској књижевности. II одељење гласника српског ученог друштва, кн. IX. Београд, 1878, стр. 44.

²⁸ Подробнее об Ефросине и его сборниках см. в нашей статье «Литературная и культурно-просветительная деятельность Ефросина в конце XV в.» (ТОДРЛ, т. XVII, М.—Л., 1961, стр. 130—168).

рактеру беллетристических памятников, рядом с «Александрией» и «Соломоном и Китоврасом». Дальнейшая ее судьба, как мы увидим, также была связана с судьбами русской беллетристики.

Какова же была роль беллетристического жанра XV в. в истории русской литературы? Для того чтобы понять эту роль, полезно сопоставить историю возникновения русской беллетристики на Руси с историей беллетристики в Западной Европе. Западноевропейская беллетристика позднего средневековья и Возрождения в значительной степени восходила к памятникам средневековой литературы, известным и на Руси. Наряду с романами об Александре Македонском и Трое важную роль в развитии западноевропейской художественной прозы сыграли такие памятники, как «Калила и Димна» — иной вариант знакомого Руси «Стефанита и Ихнилата», и рассказы о Соломоне и простаке-мудреце Морольфе (Моркольфе, Мархольте), аналогичные русскому «Соломону и Китоврасу». Еще более тесной была зависимость западной новеллистики от памятников фольклора — фацетий, шванков, анекдотов. Гораздо решительней, чем беллетристика русского средневековья, западная беллетристика порывала с традициями средневековой дидактики — излюбленными героями ее, в противовес религиозно-назидательной литературе, были люди ловкие и остроумные, весьма свободно относившиеся к библейским заповедям. Но явный отход от норм средневекового дидактизма вовсе не означал, что нарождавшаяся литература Возрождения представляла собой, как думал Л. Н. Толстой, «искусство ничтожное, имеющее целью только наслаждение людей».²⁹ Дело было не в безыдейности литературы позднего средневековья, а в том, что идеи ее, часто опасные и недопустимые с точки зрения церкви, излагались не прямо, а косвенно. Это особенно ясно видно при чтении памятника, в котором позднесредневековая новеллистика получила свое завершение, — «Декамерона» Боккаччо. Старые античные и средневековые анекдоты получали у Боккаччо в ряде случаев новый, иногда совершенно неожиданный смысл, так что читатель начинал сочувствовать грешникам и презирать носителей старой морали.³⁰ При этом, что особенно важно, новый гуманистический идеал не декларировался и не навязывался автором — он вытекал из характеристики персонажей и ощущался читателем как его собственный вывод.

«Повесть о Дракуле», как и вообще русская беллетристика XV в., — это, конечно, далеко не «Декамерон». Косвенность изложения здесь еще только намечается, отдельные неожиданные

²⁹ Л. Н. Толстой, Полное собрание сочинений, т. 30, М., 1951, стр. 154—155.

³⁰ Об этом переосмыслении старого материала анекдотов у Боккаччо (не всегда доведенном в «Декамероне» до конца) ср. интереснейшие наблюдения В. Б. Шкловского в книге: В. Шкловский. Художественная проза. Размышления и разборы. М., 1961, стр. 149—214.

черты центрального персонажа не складываются в единый образ. Наиболее яркой особенностью «великоумного» Дракулы оказывается его мрачная и неожиданная шутливость — именно она, в соединении с жестокостью, придает его образу индивидуальность и известную объемность. Но другие черты Дракулы просто выпадают из его характеристики, не вяжутся с ней: так, не соответствует, например, его образу рыцарский призыв к воинам «не помышлять» о смерти; совсем неожиданно звучат ламентации по поводу перехода «зломудрого» воеводы в католичество или прямое осуждение его дьявольского «окаанства» в связи с убийством мастеров, прятавших золото Дракулы.

Можно, пожалуй, согласиться с Д. С. Лихачевым, что противоречивость образа Дракулы, как и других персонажей русской литературы до XVII в., не приводила еще к осознанию сложности человеческого характера и к ее отражению в литературе.³¹ Но самое появление в памятниках XV в. таких сложных человеческих фигур — это все-таки новое явление, отличающее беллетристику XV в. от «нормативной» литературы того времени. В самом деле, что общего имела эта литература с «психологической умиротворенностью», наблюдавшейся Д. С. Лихачевым в памятниках XV в.? Еще труднее было бы усмотреть в описании «зломудрого» Дракулы черты «идеализирующего биографизма» XVI в. Отсутствие в «Повести о Дракуле» «прекрасного нравоучения», казавшееся странным даже сентименталисту XIX в. Карамзину, было не недостатком повести, а чертой новой поэтики, еще только намечавшейся в беллетристике XV в. Сопоставление с западной беллетристикой позднего средневековья позволяет утверждать, что эта поэтика могла иметь богатое будущее.

Но на пути развития русской беллетристики в XVI в. встало серьезное препятствие. «Грозная» власть, о которой мечтали передовые мыслители XV в., обманула их ожидания во многих отношениях, и в частности в области идеологической политики. С начала XVI в. великий князь всея Руси, как мы уже знаем, порвал свои связи с религиозными вольнодумцами и приблизил «воинствующих церковников». Централизованное феодальное государство нуждалось в ясной, определенной и не допускающей излишних «умствований» феодально-религиозной идеологии.

Это обстоятельство не могло не сказаться на литературе. Чем чаще нарушала «грозная» власть нравственные принципы на практике, тем решительнее она отстаивала нормы «идеала» в искусстве. Реальный Дракула не терпел Дракулы литературного.

³¹ Д. С. Лихачев. Человек в литературе древней Руси, стр. 15.

Г л а в а IV

СУДЬБЫ «ПОВЕСТИ О ДРАКУЛЕ» В XVI—XVII вв.

Судьба «Повести о Дракуле» в рукописной традиции почти так же мало привлекала внимание исследователей, как и история ее сюжета. Большинство авторов, решая вопрос о времени распространения повести, исходило не из наблюдений над рукописями, а из общих соображений: в повести усматривались намеки (сочувственные или враждебные) на Ивана Грозного — следовательно, она должна была распространяться главным образом при Грозном. «Особый интерес сказание приобрело в эпоху Ивана Грозного», — писал В. А. Келтуйла.¹ Такое же утверждение встречаем мы и у филолога совершенно иного направления — Д. Чижевского. «Переведенная с западноевропейского рассказа», повесть, по его словам, распространялась во время террора, «главным образом, при Иване Грозном».²

Вопрос о судьбе повести в рукописной традиции был поставлен по-настоящему только одним автором — А. Д. Седельниковым. Наблюдения над рукописями привели исследователя к выводу, прямо противоположному приведенному выше мнению литературоведов и на первый взгляд довольно неожиданному. «По-видимому, с самого начала повесть была наделена задатками, обещавшими литературный успех. Доказательством интереса к ней служит прежде всего то, что в результате редактирования она скоро разделилась на две свои основные версии. . ., — писал А. Д. Седельников. — Тем удивительнее, что вслед за таким, казалось бы, многообещающим началом идет многолетний, чуть ли не на целое столетие пробел, делающий судьбу памятника неясной».³ Пробел в рукописной традиции, о котором говорил А. Д. Седельников, относится как раз ко времени Ивана Грозного — к XVI в.

¹ В. А. Келтуйла. Курс истории русской литературы, ч. I. История древней русской литературы, кн. II. СПб., 1911, стр. 367.

² D. Čiževskij. History of Russian Literature from the XI century to the end of the Baroque. s' Gravenhage, 1960, стр. 160.

³ А. Д. Седельников. Литературная история повести о Дракуле. ИпоРЯС, т. II, кн. 2, Л., 1929, стр. 640.

Наблюдения А. Д. Седельникова над рукописями «Повести о Дракуле» станут особенно интересными, если сопоставить судьбу этой повести с судьбой ряда других аналогичных памятников. «Повесть о Дракуле» — не единственное произведение беллетристического жанра, «исчезнувшее» из рукописной традиции в XVI в. «Повести о Дракуле» предшествовали в сборнике Ефросина два произведения — сербская «Александрия» и «Сказание об Индийском царстве». Оба эти памятника появляются в рукописной традиции в конце XV в., оба широко представлены в рукописях XVII—XVIII вв. Но ни одной рукописи сербской «Александрии» и «Сказания об Индийском царстве» XVI в. неизвестно.⁴ Аналогичной была судьба и еще одного беллетристического памятника — «Стефанита и Ихнилата»: памятник этот известен в двух списках XV в. и в ряде списков XVII в., но отсутствует в традиции XVI в.⁵

Пробел этот трудно считать случайным. Беллетристика явно была не в чести в XVI в.: памятники, известные уже в XV в., «исчезают» из рукописной традиции; не появляется в XVI в. ни одного нового памятника беллетристики. В XV в. репертуар беллетристических памятников у восточных и западных славян во многом совпадал; XVI век характеризуется блестящим расцветом оригинальной и переводной беллетристики в Польше и Чехии и почти полным отсутствием памятников этого жанра в России.⁶

О причинах этого явления мы отчасти сказали уже в предшествующих главах. Враждебная или по крайней мере безразличная к нормам господствующей религиозной морали беллетристика, черпавшая свои художественные приемы из народных анекдотов, не раз вызывала протесты феодальных идеологов Европы. Осуждали беллетристику и славянские церковники. Против чтения «неполезных повестей» выступал, в частности, Иосиф Волоцкий. Но если в Западной Европе (в том числе и у западных славян) протесты против чтения и распространения беллетристических памятников были бесплодны и становились почти смешными в эпоху Возрождения, то в России церковникам действительно удалось на время прекратить развитие «неполезной» литературы.

Централизованное государство, вступившее в начале XVI в. в союз с церковниками-иосифлянами, имело достаточно сил для проведения твердой идеологической политики. Политика эта заключалась не только в устраниении идеологически неприемлемых

⁴ Отсутствие списков XVI в. «Сказания об Индийском царстве» отмечено М. Н. Сперанским в статье «Сказание об Индийском царстве» (ИПОРЯС, т. III, кн. 2, 1930, стр. 369—370). Аналогичный пробел в традиции сербской «Александрии», особенно бросающийся в глаза благодаря обилию списков XVII в., установлен нами (ср.: Я. С. Лурье. О путях развития светской литературы в России и у западных славян в XV—XVI вв. ТОДРЛ, т. XIX, М.—Л., 1963, стр. 283—284).

⁵ Я. С. Лурье. О путях развития светской литературы в России и у западных славян в XV—XVI вв., стр. 284.

⁶ Там же, стр. 280—282.

памятников литературы, но и в написании и распространении памятников противоположного характера. «Великие Минеи Четыи», созданные при дворе новгородского архиепископа, а впоследствии митрополита всея Руси Макария, играли роль своеобразного кодекса всей рекомендованной к чтению литературы; в те же годы возникали аналогичные кодексы исторического характера — Степенная книга, Лицевой свод и др. Но зато всякая литература, вызывавшая подозрения в еретичестве (дважды разгромленном в XVI в. — в начале века, когда сошел со сцены Федор Курицын и был сожжен его брат Иван-Волк, и вновь в середине века) или свободомыслии, подлежала решительному устраниению. Особенно строго проверялась литература, шедшая с Запада, охваченного в XVI в. реформационными и гуманистическими движениями. «Царство Русское» было «затворено», по известному выражению Курбского, как «в адовой твердыне».⁷

«Повесть о Дракуле» имела двойное основание для того, чтобы стать жертвой цензуры XVI в.: неприемлема была и идеология повести, не скрывавшей неизбежных «окаянств» «грозной» власти, и ее необычная, «антидидактическая» форма.

Сама по себе идея «грозной» власти не была чужда общественной мысли XVI в.⁸ Мы уже говорили о несомненной близости идеологии «Повести о Дракуле» к воззрениям писателя XVI в. Ивана Пересветова: «без таковыя грозы немочно в царство правды ввести». Кое в чем сочинения Пересветова несомненно отличались от «Повести о Дракуле»: Пересветов был публицистом, а не беллетристом, свои взгляды он выражал прямее и яснее, чем автор повести, делая главное ударение на «правде» Махмета (а не на «грозе»), и не впадал в опасную двусмысленность, позволяющую читателям самим доводить до конца оценку главного героя. Но в целом взгляды и общественная позиция автора повести и Ивана Пересветова были, очевидно, сходны. Сходной оказалась и судьба их произведений. Несмотря на сочувствие обоих авторов «грозной» власти (позволявшее исследователям Пересветова видеть в нем прямого сподвижника и даже литературный псевдоним Грозного),⁹ сочинения их оказались вне рукописной традиции XVI в. Какое-то количество списков члобитных и «Сказания о Махмете» Пере-

⁷ Переписка князя А. М. Курбского с царем Иоанном Грозным. СПб., 1914 (отиск из РИБ, т. XXXI), стрл. 135.

⁸ В своей монографии о Пересветове А. А. Зимин отметил одну любопытную особенность русской общественной мысли XVI в.: «становление нового, светского миропонимания» (характерное для гуманистической мысли этого периода) происходило здесь «в форме противопоставления духовной диктатуре церкви не человека вообще, а политического человека, т. е. светского суперинтенданта государства» (А. А. Зимин. И. С. Пересветов и его современники. М., 1958, стр. 404—405).

⁹ И. И. Полосин. О члобитных Пересветова. «Ученые записки Московского гос. педагогического института им. В. И. Ленина», т. XXXV, кафедра истории СССР, вып. 2, 1946, стр. 25—55.

светова несомненно существовало в XVI столетии — об этом по-заботился сам Пересветов, живший на Руси в 30—40-х годах XVI в. Но рукописи эти до нас не дошли, а упоминаемый в «Описи царского архива XVI в.» «черный список Ивашка Пересветова да Петра Губастого» — скорее следственное дело о Пересветове, нежели список его сочинений.¹⁰ Смелое противопоставление «правды» «вере» в сочинениях Пересветова, его заявление об отсутствии «правды» в Московском государстве — все это делало его сочинения одиозными в глазах официальных идеологов XVI в.; как и «Повесть о Дракуле», его сочинения «воскресли» только в XVII в.

Идея «грозной» власти нашла в XVI в. отражение и в литературе иного, более официозного характера. Если в конце XV в. автору «Повести о Дракуле» приходилось спорить с церковниками, призывавшими сопротивляться «царю-мучителю», то в XVI в., после отказа великорусской власти от идей секуляризации, сами церковники заговорили о государственной власти по-другому. В своих сочинениях, написанных после расправы над московскими еретиками (и вошедших в «Просветитель» в качестве последних «слов»), Иосиф Волоцкий впервые заявил о величии и божественности царской власти. Именно в этих сочинениях впервые прозвучала цитата из византийского писателя VI в. Агапита, получившая затем широкую популярность в публицистике XVI в.: «Царь убо естеством подобен есть всем человеком, а властию же подобен есть вышняму богу».¹¹

Свое официальное выражение, не подлежащее ни цензуре, ни критике, идея «грозной» власти получила в творчестве человека, сочетавшего в себе теоретика и живого представителя самодержавия. Неизвестно, знал ли Иван Васильевич Грозный «Повесть о Дракуле» и сочинения Пересветова, но некоторые места из этих сочинений ему несомненно были созвучны. «И всегда убо царем подобает обозрительным быти, овогда кратчайшим, овогда же ярым; ко благим убо милость и кротость, к злым же ярость и мучение. Аще ли сего не имея, то несть царь. „Царь бо несть боязнь делом благим, но злым. Хощеши ли бо не боятися власти? Благое твори. Аще ли же злое твориши, бойся — не туне бо мечь носит, в месть убо злодеем, в похвалу же добродеем“»¹² — эти слова Ивана Грозного невольно приводят на память рассуждения второго монаха из «Повести о Дракуле»: «Ты, государь, от бога поставлен

¹⁰ Описи Царского архива XVI в. и архива Посольского приказа 1614 г. Под ред. С. О. Шмидта. М., 1960, стр. 317. Ср.: Сочинения И. Пересветова. Подготовил текст А. А. Зимин. М.—Л., 1956, стр. 298—299; А. А. Зимин. И. С. Пересветов и его современники, стр. 336—338.

¹¹ Послания Иосифа Волоцкого. М.—Л., 1959, стр. 184; ср.: там же, стр. 89—93.

¹² Послания Ивана Грозного, М.—Л., 1951 (серия «Литературные памятники»), стр. 20.

еси лиxo твoрящих казнiti, a дoбpo твoрящих жаловати. A тi
лиxo творили, по своим делом въсприали». ¹³

Но не менее разительными были и различия между взглядами Грозного и провозвестников «грозной» власти в XV в. Свое «православное истинное христианское самодержество» царь вовсе не соглашался считать тиранией — никакого «окаянства» в нем он не видел и видеть не рекомендовал. Он не проливал «крови во церквах божиих», не умышлял ни на кого «мук и гонений, и смертей многообразных»; никого даже не «прогонял» из своего царства, и если учинял кому-нибудь «наказание малое», то «еще с милостью». ¹⁴ В самом крайнем случае Иван Васильевич соглашался признать за собой «малое согрешение, но сие от вашего же соблазна и измены, паче же человек есми: несть бо человека без греха», ¹⁵ не забывая при этом указать, что за границей в этом отношении дело обстоит гораздо хуже: «А в ыных землях сам узриши, елика содеяетца злым злая — тамо не по здешнему». ¹⁶ И, кроме того, все эти репрессии уже в прошлом: «Ныне же убо всем, иже и в вашем согласии бывшим, всякого блага и свободы наслаждающимся и богатеющим». ¹⁷ Если мы учтем, что эта идиллия была нарисована за несколько месяцев до учреждения опричнины, то согласимся, что русский «Дракула» XVI в. отступал в своих декларациях от действительности гораздо сильнее, чем его утопический прототип XV в. Тем более неприятны и ненужны были ему всякие рассказы об этом прототипе.

Когда именно наступили в Русском государстве те важные перемены, которые позволили возродиться беллетристическим памятникам, и в их числе — «Повести о Дракуле»?

Некоторые изменения в сфере политической идеологии стали обнаруживаться уже после смерти русского «Дракулы» в 1584 г. В 1590 г. был объявлен мучеником митрополит Филипп — жертва царя и опричников; «окаянство» недавно умершего грозного самодержца было признано открыто и всенародно. Но более широкие вопросы о подлинной сущности «православного истинного христианского самодержства» еще не ставились; не было серьезного перелома и в русской литературе.

Перелом этот наступил тогда, когда начался «гражданский пожар», предсказанный наиболее прозорливыми современниками вскоре после смерти Грозного. Крестьянская война начала XVII в.

¹³ Возможно, что оба эти текста восходят к одному источнику. У Ивана Грозного часть приведенного текста (взятая в цитате во внутренние кавычки) восходит к Посланию ап. Павла римлянам, XIII, 3—4; перефразировкой этого текста могли быть и слова второго монаха в «Повести о Дракуле».

¹⁴ Послания Ивана Грозного, стр. 30, 31, 49, 54.

¹⁵ Там же, стр. 14.

¹⁶ Там же, стр. 31.

¹⁷ Там же, стр. 42.

сломала «адову твердыню» Русского царства. Широким потоком начали проникать в Москву памятники светской литературы; вновь возродилась беллетристика. Уже в первые годы Крестьянской войны были переведены на русский язык басни Эзопа — памятник, сыгравший важную роль в развитии европейской беллетристики. В XVII в. на Руси появляются многочисленные рыцарские романы и новеллистические своды — «Семь мудрецов», «Великое зерцало», фацетии. Вновь возрождаются и переписываются сербская «Александрия», «Степанит и Ихнилат», «Сказание об Индийском царстве», отдельные (не входившие в состав Толковой Палеи) сказания о Соломоне и Китоврасе.

Вместе с этими памятниками вновь появляется и «Повесть о Дракуле». Окружение этой повести в рукописях XVII—XVIII вв. не менее характерно, чем ее окружение в сборнике Ефросина (Кир.-Бел. 11/1088). Одна из этих рукописей (Кирилловский музей, № 2967) прямо воскрешала ефросиновскую традицию; в середине XVII в. в Кирилло-Белозерском монастыре какой-то переписчик обнаружил в монастырской библиотеке один или несколько ефросиновских сборников и переписал оттуда сербскую «Александрию», «Сказание об Индийском царстве», апокрифы о Соломоне и среди них — «Повесть о Дракуле» с завершившей ее в 1490 г. записью Ефросина. Не менее интересный состав имел и другой сборник XVII в., сохранившийся в собрании Ундельского (ГБЛ, Унд. 632). Вместе с «Повестью о Дракуле» здесь читалась «Задонщина» (правда, не в таком виде, как в сборниках Ефросина, а в иной, пространной редакции), «Сказание об Индийском царстве», «Сказание о снах Шахаиши (о Мамере)», апокрифы о Давиде и Соломоне, «Повесть о Басарге», «Повесть о Царьграде», «Повесть об Акире Премудром» и повесть XVII в. об Азовском взятии. В аналогичном окружении выступает «Повесть о Дракуле» и в остальных сборниках — почти все они имеют ясно выраженный светский и чаще всего беллетристический характер. Рядом с «Повестью о Дракуле» помещаются апокрифы (обычно апокрифы о Соломоне), сербская «Александрия», с которой повесть была связана с самого начала своего существования, «Троянская история», «Повесть о Царьграде», «Повесть о двух послольствах» XVII в., отразившая влияние сочинений Пересветова, «Семь мудрецов», «Степанит и Ихнилат» и др.

В глазах книжников XVII—XVIII вв. «Повесть о Дракуле» оставалась такой же мало «полезной», светской, беллетристической повестью, как и в глазах их предшественников. Этим объяснялось и своеобразное отношение переписчиков к тексту повести — отношение, совершенно невозможное при переписке церковных или даже летописных памятников, но становившееся широко распространенным при воспроизведении памятников этого жанра. Заведомая «неполезность» повести избавляла писца от вечного страха «переписать» или «недописать» и тем самым «растлить»

священный текст; здесь он чувствовал себя не скромным переписчиком, а пересказчиком, почти соавтором. В результате два десятка поздних списков повести, дошедших до нас, представляют не менее десяти различных видов текста, и даже те списки, которые могут быть причислены к одному виду, отличаются друг от друга множеством отдельных (часто важных в смысловом отношении) разночтений.

По своему композиционному построению (расположение эпизодов 5—11, 14—16)¹⁸ поздние списки могут быть причислены к одной из двух образовавшихся еще в XV в. редакций — Кирилловской или Румянцевской; исключение составляет только один список второй половины XVII в. (ЦГАДА, ф. 181, № 613/1121), содержащий особую, Сводную редакцию повести (построенную на основе одного вида Кирилловской и двух видов Румянцевской редакции).¹⁹ Но, восходя к традиции XV в., поздние списки обеих редакций обнаружили сходные тенденции в обработке своих протографов. Все они (кроме упомянутого выше кирилло-белоазерского списка) сократили, хотя и по-разному, концовку повести, ту самую, где автор (или авторы) раскрывал свое лицо, говоря, что второй сын Дракулы «при нас умре, а третьяго сына, старейшаго, Михаила тут же на Будину видехом». Трудно сказать, чем объяснялось это сокращение: подозревали ли переписчики XVII в., что человек, ездивший в конце XV в. в Будин и видевший детей Дракулы, был одним из трех главных еретиков, многократно заклейменных в «Просветителе» Иосифа Волоцкого, или им просто показались ненужными эти подробности. Независимо друг от друга составители нескольких видов обеих редакций дали заголовки эпизодам повести — заголовки эти естественно подсказывались бросающимся в глаза членением повести на отдельные анекдоты о «мутьянском воеводе». Так же независимо друг от друга отдельные писцы стали именовать этого воеводу «царем» — непременным в глазах людей XVII в. титулом государя, да еще «грозного».

В чем же выразились тенденции переписчиков-редакторов XVII в. при передаче «Повести о Дракуле»? Для понимания этих тенденций интересно сопоставить повесть с другим памятником, близким ей по идеологии и также обретшим «вторую жизнь» в XVII в., — с сочинениями Пересветова. Наряду с текстами, отражающими, по-видимому, первоначальную пересветовскую традицию, до нас дошла обработка его «Большой челобитной», сделанная в XVII в., — «Сказание о Петре волоском воеводе». Составитель «Сказания» не случайно обратился к Пересветову — многие идеи этого публициста были ему несомненно близки. Он сохранил резкие высказывания Пересветова против «вельмож»

¹⁸ См. стр. 87 и 110—112.

¹⁹ См. стр. 107—112.

(особенно подчеркнув их возмутительную склонность держать «людей» за счет города), ввел прямые выпады против местничества, вслед за Пересветовым осудил «спорабощение» бедных богатыми. Но кое-что он должен был изменить: считая недопустимым снисходительное и даже сочувственное отношение Пересветова к «бесерменам», он резко подчеркнул свою враждебность к туркам и «бахметевой вере», удалив еретическую мысль о превосходстве «правды» над «верой».²⁰ Сходные тенденции мы наблюдаем и при передаче в списках XVII в. «Хожения за три моря» Афанасия Никитина: и в этом случае из авторского текста были удалены опасные идеи равенства вер и дружественные замечания о мусульманах.²¹

«Повесть о Дракуле», на взгляд переписчиков XVII в., не вызывала таких опасений, как сочинения Пересветова и «Хожение за три моря». Если в конце XV в. идея «грозной» власти, оцениваемой независимо от ее религиозного благочестия, звучала прямым вызовом «воинствующим церковникам», то к XVII в. идея эта, как мы уже знаем, получила достаточно официозное выражение.

Противников «вельмож» «Повесть о Дракуле» могла привлекать не менее, чем сочинения Пересветова. Наиболее живым и актуальным местом в повести оставалось для читателей XVII в. рассуждение о нелицеприятном и неумолимом наказании любого преступника, независимо от его знатности и богатства. Ни один редактор, ни один переписчик повести не переписывал это рассуждение равнодушно; каждый старался что-нибудь разъяснить, подчеркнуть или изменить. «Аще ль велики болярин, иль священник, иль инок, или просты, аще и велико богатство имел бы кто, не может искупиться от смерти, и толико грозеи бысь», — так звучало это рассуждение в первоначальном варианте. Почти все переписчики XVII в. (как и составитель Румянцевской редакции) выпускали из этого перечня «инока», видимо считая его заведомо неспособным на « зло, татбу, разбой или кую лжу и неправду» (или отводя такую возможность как излишне «состязательную» для «мирских» читателей).²² «Священник» заменился более привычным «попом». Зато появлялись новые категории. «Или диякон» — дописывал один писец, имевший какие-то серьезные подозрения против этой общественной прослойки.²³ У другого писца в числе возможных злодеев появлялся таинственный «тысящник» — старинный термин, которым именовались в литературе библей-

²⁰ Сочинения И. Пересветова, стр. 350—359; ср.: А. А. Зимин. И. С. Пересветов и его современники, стр. 292—299.

²¹ Хожение за три моря Афанасия Никитина. Изд. 2. М.—Л., 1958, стр. 178.

²² Упоминание об иноке отсутствует во всех видах Румянцевской редакции и во всех видах Кирилловской редакции, кроме Древнейшего.

²³ Тихонравовский вид Кирилловской редакции (стр. 124).

ские, татарские или новгородские военачальники.²⁴ «Или кой князь», — решительно добавляли некоторые храбрецы. Другие, напротив, выпускали попа и боярина, предпочитая наиболее широкую и безопасную формулу — «какова человека нибудь уличат коим злом, простова или властелина».²⁵

Тема неограниченности царской власти, права царя по своей воле отделять «лихо творящих» от «добро творящих», не только полностью сохранилась, но даже усилилась во многих списках XVII в. К словам второго монаха, признавшего, что Дракула «от господа государем поставлен», в одном из списков было прибавлено: «власть бог дает, ему же хощет».²⁶ В другом списке даже строптивый первый монах соглашался признать справедливость Дракулы и только вздыхал по поводу излишней его суровости: «Добро твориши, но зело без милости казниши».²⁷ Утверждение, что Дракула «от бога поставлен» вкладывалось в уста не только монаху, но и угорскому послу.²⁸

Как и поздние редакции сочинений Пересветова и Никитина, поздние списки «Повести о Дракуле» усиливали антитурецкую направленность памятника. Неизменным успехом у переписчиков пользовалось то место, где рассказывалось, что после похода Дракулы турецкий царь «ничто же ему не може учинить, но срамом побежен бысть». Одни прибавляли еще, что царь, «растерза ризы своя на себе, плакася горько»,²⁹ другие заставляли самого турецкого царя произносить речь о своем позоре: «Никто же ми зла учинил, яко же Дракул, срамом от него побежден бых».³⁰

Эта сторона деятельности Дракулы, таким образом, вполне устраивала переписчиков XVII в. Затрудняло их иное: общая характеристика «мутьянского царя», необходимость как-то свести концы с концами при его оценке. Правда, идея сложного человеческого характера не была для читателей XVII в. такой новостью, как для читателей XV в.: противоречивость и сложность многих исторических личностей особо отмечались в ряде памятников того времени (характеристики Ивана Грозного и Бориса Годунова во второй редакции Хронографа, «Временнике» Ивана Тимофеева,

²⁴ Сводная редакция (стр. 180). Ср.: И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка, т. III, СПб., 1903, стлб. 1076; Материалы для терминологического словаря древней России. Сост. Г. Е. Кочин. М.—Л., 1937, стр. 368.

²⁵ См. стр. 129, разнотечение III, 6, стр. 180 и стр. 165, разнотечение II, 85—86.

²⁶ Тихонравовский вид Кирилловской редакции (стр. 125).

²⁷ Хохловский вид Румянцевской редакции (стр. 176).

²⁸ Библиотечный и Распространенный виды Румянцевской редакции (стр. 147 и 153).

²⁹ Распространенный вид Румянцевской редакции (стр. 152).

³⁰ Хохловский вид Румянцевской редакции (стр. 174; ср. Уваровский вид, стр. 165, разнотение 75).

«Повести» Катырева-Ростовского и др.).³¹ Но, признавая человека существом сложным, не могущим претендовать на «бесспорочность», писатели XVII в. отнюдь не отказывались от прямой авторской оценки и охотно прибегали к «прекрасным нравоучениям» по этому поводу. Русский «Дракула», Иван Васильевич Грозный, окончательно лишился ореола непогрешимости в XVII в., но оценка его оставалась достаточно определенной: авторы XVII в. (следуя А. М. Курбскому) точно объясняли, что до определенного момента (до 1560 г. — смерти Анастасии Романовой) царь был «добр», а после этого «превратился многомудренный его ум на нрав яр».³² Такое же определенное разграничение проводит Иван Тимофеев и в характеристике Бориса Годунова: до вступления на престол он был «сладок, кроток, тих», затем же «всем жесток и тяжек обретеся».³³ В некоторых литературных персонажах XVII в. доброе и плохое могло сосуществовать одновременно, но и в этом случае было ясно, что именно следует считать хорошим, что — плохим и откуда это плохое берется. Источник всего плохого — сатана, дьявол. «Но убо да никто же похвалится чист быти от сети неприязнъственного злоказнъствия врага»,³⁴ — писал автор Хронографа. Такая постановка вопроса вносила некоторые усложнения в систему средневекового дидактизма, но отнюдь этой системы не отменяла.

«Повесть о Дракуле» должна была казаться странной даже читателям, воспитанным на Хронографе второй редакции и «Временнике» Ивана Тимофеева. Она начиналась с ошеломляющего утверждения, что имя Дракула означает «дьявол», что сам он был «зломудр» и что «житие» его вполне соответствовало имени. Но затем этот «дьявол» дрался с турками, покрывал их «срамом», искоренял « зло» в своем государстве, вообще вел себя так, как подобало положительному герою литературы того времени. Однако героем Дракула так и не становился — дальше автор снова напоминал нам о его «окаянстве» и сходстве с «тезоименитым дияволом» и рассказывал о наихудшем грехе Дракулы — отступлении от православия. Но смерть Дракулы оказывалась все-таки не вполне злодейской — он погибал во время новой войны с турками.

Такая неясность и двусмысличество в оценке центрального персонажа явно не удовлетворяла редакторов XVII в. — в целом ряде видов и отдельных списков мы встречаемся с попытками «исправить» характеристику Дракулы, сделать ее более определенной. Охотнее всего удалялось упоминание о «дьяволе» — оно

³¹ Ср.: Д. С. Лихачев. Человек в литературе древней Руси. М.—Л., 1958, стр. 15—20.

³² Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции. Собрал и издал А. Попов. М., 1869, стр. 182—183.

³³ Временник Ивана Тимофеева. М.—Л., 1951 (серия «Литературные памятники»), стр. 80—81.

³⁴ Изборник славянских и русских сочинений и статей. . ., стр. 189.

звучало слишком уж зловеще и закрывало для книжников XVII в. возможность сколько-нибудь положительной оценки Дракулы;³⁵ да и самая необходимость написания этого страшного слова смущала северных писцов.³⁶ В некоторых видах повести были опущены и иные одиозные черты Дракулы. Вполне положительной фигурой стал, например, Дракула в Тихонравовском виде Кирилловской редакции.³⁷ Аналогичным изменениям подверглась повесть и в некоторых других списках,³⁸ в частности и в Сводной редакции. И в этой редакции нет упоминания «дьявола»; нет конца, где рассказывается об отступничестве Дракулы; повесть кончается триумфом второго монаха: «И повеле его с честью отпустить в свою землю и на колеснице проводить его до Угорских земли. Аминь».³⁹

Некоторые книжники XVII в. пошли в «исправлении» повести по иному пути, более соответствующему новому взгляду на литературных героев, предложенному второй редакцией Хронографа и «Временником» Ивана Тимофеева. Борьба Дракулы со «злом» естественно вытекала, по их представлению, из его положения православного «царя»; но затем Дракула стал отступником и тем самым настоящим злодеем — поэтому его смерть от рук своих же воинов во время схватки с турками можно было воспринять как божью кару. Именно так толкуется его гибель в нескольких видах: Дракула «зле скончаясь лютою смертию».⁴⁰ Наиболее развернуто дана эта двухчастная характеристика Дракулы в Распространенном виде Румянцевской редакции — одном из самых интересных и богатых авторскими добавлениями вариантов повести, созданных в XVII в.⁴¹ Жестокости Дракулы до «отвержения веры христианские» не вызывают здесь осуждения составителя: даже о казни мастеров, спрятавших сокровище Дракулы, говорится без упоминания о «дьяволе» и «окаянстве».⁴² Отношение к Дракуле радикально меняется лишь после его отступничества: «дни своя он проводя зле, забыл святую христианскую веру». И тогда-то

³⁵ Упоминание о дьяволе опущено в Тихонравовском (стр. 123) и Западнорусском (стр. 135) видах Кирилловской редакции, в Барсовском (стр. 159), Уваровском (стр. 162) и Хохловском (стр. 172) видах Румянцевской редакции, а также в Сводной редакции (стр. 179).

³⁶ Ср., например, зашифровку слова «дьявол» (с помощью так называемой «простой литературы» — «дьяштос») в Ермолинской летописи (ПСРЛ, т. XXIII, стр. 157—158). Ср. ту же зашифровку на стр. 97.

³⁷ Ср. стр. 123—125.

³⁸ Опущен конец в Погодинском списке Забелинского вида Кирилловской редакции, где Дракула с самого начала не «зломудр», а только «безмалосерд» (стр. 125, разноточение 12).

³⁹ См. стр. 181.

⁴⁰ Барсовский (стр. 162), Уваровский (стр. 172) и Хохловский (стр. 178) виды Румянцевской редакции.

⁴¹ См. стр. 150—159.

⁴² Стр. 156 (ср. стр. 149); в Распространенном виде нет также казни нерадивой жены (стр. 156).

«содеяся дело божие: изволивый бог отмсти окаянному Дракулы за православную веру християнскую, попустил господь на него свой праведный гнев». Напавшие на «Мутьянскую землю» турки, как и подобает неверным в войне с христианами, принуждены были бежать, «никим же гоними бысть», но сам Дракула напрасно радовался этой победе, «не ведая над собою дела божия, смертного часа не опасеся». «Дело божие» над Дракулой осуществляется некой таинственной личностью, специально введенной для этого составителем Распространенного вида. «Неподалеку стоя некто Дракулин человек истогнувшись от полка его, и подивися тому человеку Дракула, видением турчанин, тотарин стоит; внезапу взем своим копием той человек и ударил Дракулу тем копием созади, проиде сквозь тое копие... И тако Дракула скончался ту зле; живот свой препроводи в прелести, лютаго жития своего конец восприят. Богу нашему слава ныне и присно и во веки веком, аминь». ⁴³

«Исправления» и «выпрямления» сюжета «Повести о Дракуле» в поздних видах с несомненностью свидетельствуют о том, что повесть эта в ее первоначальном виде оставалась непонятной и чуждой тем, кто ее читал и переписывал. Об этом же свидетельствуют и иные данные. Выйдя из забвения, повесть эта получила в XVII—XVIII вв. некоторое распространение, но оно было довольно скромным. «Повесть о Дракуле» была несравненно беднее представлена в поздней традиции, чем, например, сербская «Александрия», судьба которой была в остальном довольно сходна с судьбой «Повести о Дракуле». Александр Македонский, «воскреснув» в XVII в., быстро приобрел широчайшую популярность у читателей; похождения его распространялись в сотнях списков — в том числе богато иллюстрированных; рядом с ним появились новые, еще более популярные персонажи — Бовакоролевич, Еруслан Лазаревич, Петр Златы Ключи, прекрасная королевна Магилена. Никакой конкуренции с этими блестящими героями «мутьянский царь» не выдерживал: повесть о нем дошла до нас в относительно немногих, по большей части бедных и провинциальных рукописях. «Повесть о Дракуле» в XVII в. заметно фольклоризировалась, еще сильнее сблизилась по стилю и языку с народным творчеством, с которым она была связана и в момент своего создания, но памятником общенародного значения, важным явлением в русской литературе она не стала.

Чем это объяснялось? «Выпрямления» сюжета повести в списках XVII в. дают, как будто, основания полагать, что и для этого периода оставались чуждыми те тенденции к освентости, неполного раскрытия авторского «идеала», которые мы отмечали в «Повести о Дракуле».

Однако это не совсем так. Обратившись к памятникам русской литературы XVII в., в особенности к бытовой и сатирической

⁴³ Стр. 159.

повести, мы можем убедиться в том, что эта литература значительно отошла от традиций средневекового прямолинейного дидактизма. Важное место в русской литературе XVII в. занимает *плутовская* повесть — один из наиболее острых и боевых жанров литературы Возрождения, героями которого были люди, заведомо враждебные нормам феодальной морали. Не высказывая прямо своего авторского идеала, представители «плутовского» жанра высмеивали «сильных» феодального мира — вельмож, чиновников, священников — и показывали, что их герой — нищий бродяга и жулик — лучше, умнее и справедливее этих людей. Сходны со своими западными собратьями были и герои русской «плутовской» повести — «убогий» (бедняк) в «Повести о Шемякином суде», Ерш Щетинников в «Повести о Ерше», бражник, посрамивший святых и попавший в рай в «Повести о бражнике», и в особенности Фрол Скобеев. Характеристики действующих лиц в «Повести о Фроле Скобееве» — блестящий образец косвенности авторского изложения. Автор не чуждается прямых характеристик некоторых персонажей, но о самых важных чертах своих героев — о слабости и бесхарактерности вельможи Ордина-Нащокина, о торжестве над ним «плута Фролки» — он нигде не говорит прямо. Читатель понимает все это из разговоров Ордина-Нащокина, Фрола Скобеева, Ловчикова — разговоров, удивительно индивидуальных и «настоящих». Беспомощно бранясь, Ордин-Нащокин уступает «плуту» и похищенную дочь, и вотчину, и деньги. «Государь-батюшко, уж тому как бог судил!» — издавательски-покорно отвечает «голца» (бедняк) Скобеев.

Черты новой поэтики, наметившиеся в памятниках беллетристики XV в., получили, таким образом, дальнейшее и весьма плодотворное развитие в литературе XVII в. Почему же «Повесть о Дракуле» оказалась столь одинокой в новой литературной традиции? Почему она не оказала заметного влияния на литературу и даже, по-видимому, не была понята читателями XVII в.?

Объясняется это в первую очередь идеологией повести. С конца XV в., когда была создана «Повесть о Дракуле», многое изменилось в русской и мировой общественной мысли. Автор повести, русский дипломат, побывавший в Центральной Европе, стоял на уровне наиболее передовых людей своей эпохи: недаром он так близко сошелся во взглядах на «жестокого, но справедливого» Дракулу с итальянцем-гуманистом Бонфини и едва ли не предвосхитил идеи другого итальянца — Макиавелли. Люди эпохи Возрождения были убеждены, что время на стороне грядущей грозной власти, которая установит на земле справедливость; они верили, что время всегда право. Но эта грозная власть пришла и не принесла в мир справедливости; система угнетения народных масс по существу не изменилась; «хорошо примененные жестокости» обернулись инквизиционными процессами, Варфоломеевской ночью, массовыми расправами над людьми. Народы

ответили «драконам» Европы в XVI в. революцией в Нидерландах, а в XVII в. — Великой Английской революцией. Требования времени, которые казались столь ясными Макиавелли и его предшественникам, изменились — «время вышло из колеи».

Конечно, тиария — явление, свойственное не только позднему феодализму, но и многим другим эпохам классового общества; идея «благой тиарии» не умерла с эпохой Возрождения. Заманчивая мысль — завести собственного «дракона», чтобы избавиться от всех остальных — возникала в истории человечества и позже, в период кризиса капитализма. Но в условиях феодальной Западной Европы эта идея начала терять первоначальную привлекательность и обнаруживать свои отрицательные стороны уже в XVI—XVIII вв. На смену ей приходили идеи народного суверенитета и естественных прав человека.

В России самодержавная власть еще имела в XVII в. большое будущее — впереди были петровские реформы. Но и враги этой власти тоже смотрели не в прошлое: «царю всея Руси» противостояли уже не только «воинствующие церковники» и Курбский, а Болотников и Разин, не боярские республики, а восстания городской бедноты. Восстания эти не выдвинули еще своей развернутой идеологии, но и противостоящая им идея сильной царской власти не казалась уже столь воодушевляющей и бесспорной: после Ивана Грозного даже сторонники самодержавия старались отграничить «совершенное самовладство» от «круто го владания» и «людодерства». Во всяком случае, для защиты идеи «грозной власти» не нужно было теперь ни смелости, ни оригинальности. Изложение этой казенной идеи могло обходиться без всякой литературной «косвенности». «Повесть о Дракуле» читали и переписывали в XVII в. почтенные (хотя иногда и недолюбливавшие «вельмож») консерваторы. Они устранили из этой повести непонятные им противоречия и придавали ей вполне гладкий и достаточно неинтересный характер.

Последние списки «Повести о Дракуле» относятся уже к XVIII в. В позднейшем списке повести рядом с историей «мутьянского царя» помещен рассказ о восстании Степана Разина и описание гвардейского переворота, приведшего к власти Елизавету Петровну. Прошло не более десятка лет после написания этого списка, и под пером молодого Радищева появились слова: «Самодержавство есть наипротивнейшее человеческому естеству состояние».

Мрачный призрак, вызванный московскими правдоискателями из далекой «Мутьянской земли» и обратившийся против тех, кто его вызвал, утратил свою власть над человеческими умами. Идея Дракулы предстояла неизбежная «лютая смерть». Вместе с нею должна была скончаться и повесть.

ТЕКСТОЛОГИЧЕСКОЕ ВВЕДЕНИЕ

«Повесть о Дракуле» издавалась неоднократно, но ни в одном из ее изданий богатая рукописная традиция памятника не привлекалась с достаточной полнотой. Для большинства изданий использовался один список — первоначально Румянцевский список конца XV—начала XVI в. (ГБЛ, Рум. 358), раньше всех остальных введенный в научный оборот.¹ В 1896 г. И. Богдан сопроводил свою монографию о Владе Цепеше изданием русской «Повести о Дракуле» по нескольким спискам; это издание может считаться наиболее полным из существовавших до сих пор изданий повести. И. Богдан издал следующие четыре «версии» повести (все по спискам, находящимся ныне в ГБЛ): А) Румянцевскую, В) текст рукописи собрания Ундовольского, № 632 (варианты по рукописи собрания Тихонравова, № 379), С) собрания Тихонравова, № 283 и D) Общества истории и древностей российских, № 286.² Важнейшим недостатком издания Богдана было неиспользование уже известного в то время древнейшего списка повести конца XV в. — ГПБ, Кир.-Бел. 11/1088.

Представления о рукописной традиции «Повести о Дракуле» были значительно расширены А. Д. Седельниковым. Всего А. Д. Седельникову было известно 17 списков повести. Однако он не предпринял полного издания «Повести о Дракуле», ограничившись только воспроизведением текста древнейшего списка (Кир.-Бел. 11/1088)³ с несколькими случайными разноточениями по спискам разных редакций.

¹ А. Н. Пыпин. Очерк литературной истории старинных повестей и сказок русских. СПб., 1857, стр. 346—349 (текст с пропусками); Историческая хрестоматия церковнославянского и древнерусского языков. Составлена Ф. Буслаевым. М., 1861, стлб. 700—707 (текст с пропусками; переиздавался в других изданиях хрестоматии Буслаева); Памятники старинной русской литературы, изд. гр. Г. Кушелевым-Безбородко, под ред. Н. Костомарова, вып. 2. СПб., 1860, стр. 399—402.

² Vlad Țepeș și nătăriunile germane și rusești asupra lui. Studiu critic de Ioan Bogdan. București, 1896.

³ А. Д. Седельников. Литературная история повести о Дракуле. ИпоРЯС, т. II, кн. 2, 1929, стр. 652—659. Этот же текст неоднократно переиздавался в изданиях «Хрестоматии по древней русской литературе (XI—XVII вв.)» Н. К. Гудзия (М., 1935, стр. 152—157 и последующие издания), в сборнике «Русские повести XV—XVI вв.» (М.—Л., 1958, стр. 92—

Хотя А. Д. Седельников не довел свою текстологическую работу до конца (не подготовив текста по всем спискам, он не произвел и полного сличения списков), целый ряд фактов истории текста повести был установлен им с полной несомненностью. А. Д. Седельников обратил внимание на любопытное (хотя, как мы теперь знаем, не исключительное⁴) явление в истории рукописной традиции «Повести о Дракуле»: повесть эта дошла до нас в двух списках конца XV—начала XVI в. и далее в ряде списков XVII—XVIII вв.; XVI век никак не отражен в рукописной традиции памятника. Из двух списков XV в. Кирилловский список, как убедительно показал А. Д. Седельников, ближе к оригиналу повести, нежели Румянцевский список; Румянцевский список отличается от Кирилловского иным расположением эпизодов (эпизоды 5—11 и 14—16 — см. таблицу на стр. 110—112) и некоторыми сокращениями текста. Композиционные отличия между двумя древнейшими списками (расположение эпизодов) оказались определяющими для всей дальнейшей рукописной традиции повести: списки XVII—XVIII вв. следуют по своей композиции либо Кирилловскому, либо Румянцевскому списку. Мы можем поэтому говорить о двух основных композиционно-стилистических редакциях повести — Кирилловской и Румянцевской; Сводная редакция, соединяющая элементы композиции обеих редакций (но состоящая только из 7 эпизодов — см. таблицу на стр. 110—111), представлена единственным списком — ЦГАДА, ф. 181, № 613/1121. Но в одном отношении древнейшие тексты обеих редакций оказываются сходными не с более поздними текстами соответствующих редакций, а между собой: в этих древнейших текстах сохранилась концовка повести, говорящая о судьбах Мутьянской земли после смерти Дракулы и о детях воеводы, виденных автором и его товарищами; поздние списки, хотя и по-разному, сократили последнюю часть повести.⁵

Наиболее сомнительным из текстологических построений А. Д. Седельникова представляется нам его мнение, будто раз-

97), а также в румынских изданиях: N. Smochină. *Elemente românești în narățiunile slave asupra lui Vlad Tepeș*. Iași, 1939; *Cronicile slavo-române din sec. XV—XVI publicate de Ion Bogdan. Ediție revăzută și completată de P. P. Panaitescu*. București, 1959, стр. 200—207; P. Olteanu. *Limba povestilor slave despre Vlad Tepeș*. București, 1961, стр. 355—365. У П. Панайеску к тексту Кир.-Бел. 11/1088 даны разночтения (по-видимому, на основе издания И. Богдана) по списку Рум. 358, Унд. 632 и Тихонр. 283. Использование списков иной редакции (Рум. 358 и Тихонр. 283) для подведения вариантов и даже для добавлений в тексте, как это сделано у Панайеску (из Тихонравовского списка вставлено количество войска Дракулы), представляется нам недопустимым.

⁴ См. стр. 73.

⁵ Ср.: А. Д. Седельников. Литературная история повести о Дракуле, стр. 624—634, 640—645. Сейчас нам известен один список XVII в. — Кирилловский историко-художественный музей, № 2967, — сохранивший концовку повести.

метка заголовками эпизодов, свойственная некоторым видам повести, была произведена уже на ранней стадии развития текста — еще до возникновения Румянцевской редакции; в этом отношении поздние списки Кирилловской редакции (где эпизоды озаглавлены), по мнению А. Д. Седельникова, лучше передают протограф, чем Румянцевский список.⁶ Приходя к такому выводу, А. Д. Седельников основывался на двух обстоятельствах: на том, что заголовки эпизодов встречаются в различных видах обеих редакций, и на том, что два эпизода озаглавлены и в Румянцевском списке. Однако сопоставление между собой этих заголовков показывает, что в разных редакциях они различны (см. таблицу на стр. 110—112) и если совпадают в нескольких случаях, то лишь там, где заголовки очень кратки и естественно вытекают из содержания эпизода («О нищих», «О купце», «О женах»). Такой же характер имеют два заголовка Румянцевского списка («О жене», «О послех»), помещенные вдбавок не в начале соответствующих эпизодов, а на полях, как своеобразные глоссы (см. стр. 141, прим. в и г). Композиция повести, состоявшей из самодовлеющих эпизодов-анекдотов, делала, на наш взгляд, возможным независимое возникновение заголовков в обеих редакциях.

Нам представляется, таким образом, что две редакции «Повести о Дракуле», возникшие уже в конце XV—начале XVI в., развивались далее самостоятельно, хотя в некоторых отношениях и сходно между собой (сокращение эпилога, разметка заголовками, именование Дракулы «царем»); единственный случай сближения между ними — уже отмеченная Сводная редакция (ср. схему на стр. 112—113).

В настоящее время нам известно 22 списка «Повести о Дракуле». Перечислим эти списки по редакциям и видам.⁷

КИРИЛЛОВСКАЯ РЕДАКЦИЯ

Древнейший вид

1) ГПБ, Кирилло-Белозерское собр., № 11/1088; 8°; конец XV в.; 502 лл. (*E*). Полное, но не аннотированное описание сборника см.: Н. В. Рузский. Сведения о рукописях, содержащих в себе Хожение в св. землю русского игумена Даниила в нач. XII в. ЧОИДР, 1891, кн. III, стр. 21—28. О составе и литературном значении этого сборника, написанного известным книгописцем Ефросином, см. на стр. 69. Текст «Повести о Дракуле» (лл. 204—217) имеет в *E* точную дату — он переписан Ефросином

⁶ А. Д. Седельников. Литературная история повести о Дракуле, стр. 642 и 651—652 (генеалогическая схема).

⁷ Списки, не известные А. Д. Седельникову и не привлекавшиеся до сих пор к исследованию «Повести о Дракуле», отмечены звездочкой.

ш младенствайною. по
тамъ исщѣни и вѣй
го уменъ в монастыри.
потомъ ростригся и сѣ
ландаша ѿ спѣшикени
лса. пана лѣво ѿ сіау
ю икеноу. икет послѣ дра
коулы мѣлопобилъ. иоу
билъ егосте фіа нѣ воло
сь сіа, та го икеноу по
и ииѣ ѿ ворданамоу
нѣ ѿ искондѣ млиша
дѣ, икебы вѣчнѣцъ
иго уменъ: алѣ. си. ч. уа.
фіе. гі. прѣпісѧ. тѣ. алѣ. си.
ч. уи. гі. іи. ѿ друє прѣпі
са 123 прѣшкѣ Ефросина.

«Повесть о Дракуле» — заключительная запись Ефросина.
Л. 217 из списка ГПБ, Кир.-Бел. 11/1088.

28 января 6998 (1490) г.; встречается в *E* и другая точная дата (на тексте «Александрии») — 20 октября 7000 (1491) г. (*E*, л. 19).

*2) Кирилловский историко-художественный музей (г. Кириллов Вологодской обл.), № 2967; 4°; середина XVII в. (водяной знак — шут с картушем); 144 лл. (*K*). Рукопись не описана. В составе сборника: л. 1 — «Александрия», без начала (начинается со слов: «. . . Авис же близ Александра приеха»), совпадающая по тексту с «Александрией» в сборнике *E* (лл. 20—194 об.); л. 95 — «Об испытании высоте небесне»; л. 95 об. — «О глубине мор[с]тей»; л. 96 — «О древе райском и о лбе Адамле» (тот же текст в *E*, лл. 196—197 об.); лл. 98—108 — «Сказание о Дракуле воеводе»; л. 108 об. — «Сказание о пути Иерусалимском» («Хожение игумена Даниила») (*E*, лл. 218—221 об.); л. 110 об. — «От Палеи о трех друзьях» (*E*, л. 230—230 об.), л. 111 — «Се от Соломона суда мало вкратце» (*E*, лл. 268 об.—271); далее другим почерком: л. 114 — «Книга, глаголемая Козмография, сложена от древних философов, переведена с римского языка. . .»; л. 144 об. — «Слово о двух соседу швецу» (текст зачеркнут).

Сопоставление сборника *K* со сборником *E* в целом обнаруживает теснейшую связь между ними: кирилло-белозерский писец XVII в. несомненно имел перед собой и переписывал ефросиновский сборник (Кир.-Бел. 11/1088) — статьи сборника *K*, написанные основным почерком (до л. 114), повторяют (за двумя исключениями, о которых мы скажем ниже) статьи сборника *E* и даже помещены в таком же порядке, как и в *E*. Текст «Повести о Дракуле» в *K* также повторяет текст *E*, в том числе и заключительную ефросиновскую приписку к повести. Специфические чтения *E*, включая даже явные описки, в основном тоже переданы в *K*: вместо «чиниши» здесь также читается «чиниша» (*E*, л. 208 об.), вместо «неси» — «веси» (*E*, л. 210), вместо «здрава сущи» (нерадивая жена бедняка) — «здраву сущу» (*E*, л. 210 об.). Список *K*, таким образом, непосредственно восходит к списку *E*.

Это обстоятельство, однако, не дает, на наш взгляд, достаточных оснований, чтобы игнорировать список *K* при подготовке текста «Повести о Дракуле». Список *K* относится к середине XVII в. — среди рукописной традиции повести он может считаться относительно ранним. Писец сборника *K* пользовался сборником *E*, но в его распоряжении были и какие-то другие рукописи. Из этих рукописей в сборник *K* заимствованы те две статьи, которых нет в сборнике *E* и во всех остальных известных нам сборниках Ефросина, — «Об испытании высоте небесне» и «О глубине морстей». Статьи эти несомненно соответствовали интересам Ефросина (они посвящены Александру Македонскому, любимому герою Ефросина).⁸ Не исключена поэтому возможность, что писец

⁸ Статьи «Об испытании высоте небесне» и «О глубине морстей» (*K*, л. 95—95 об.) читаются во второй редакции хронографической «Александрии»

«Повесть о Дракуле» — копия с заключительной записи Ефросина.

XVII в. знал рукописи Ефросина (переписывавшего «Повесть о Дракуле», как видно из приписки к этой повести, два раза) лучше, чем знаем мы их сейчас. В нескольких случаях писец *K* исправил явные описки *E* (например, чтение «Друкаула» — *E*, л. 212). Мы сочли поэтому возможным привлечь список *K* для подведения разночтений к списку *E*.

Второй список, используемый нами для подведения разночтений к списку *E*, может быть из-за его дефектности отнесен к древнейшему виду Кирилловской редакции лишь условно.

*3) ГБЛ, Музейное собр., № 8779; 4°; сборная рукопись XVII—XVIII вв.; 80 лл. (*M*). Описание рукописи см.: Л. Н. Пушкин. Новый список «Сказания о киевских богатырях». ТОДРЛ, т. IX, М.—Л., 1953, стр. 361—365. «Сказание о Дракуле воеводе» (лл. 79—80 об.; текст обрывается) читается в составе 4-й тетради, где помещены также апокриф «О древе райском и главе Адамли» (лл. 67—68 об.), «Сказание о пути Иерусалимском» (лл. 68 об.—71) и «Сказание о русских богатырях и о цареградских» (лл. 71—79).

В списке *M* сохранилось только самое начало повести (до начала 3-го эпизода), что весьма затрудняет классификацию текста этого списка. Однако даже по сохранившемуся тексту мы можем установить, что он не относится к Румянцевской редакции (в *M* мы читаем: «Дракула влашеским языком» — текст, отсутствующий во всех видах Румянцевской редакции, кроме Библиотечного и Распространенного, к которым этот список также не может быть отнесен) и не имеет специфических чтений известных нам вторичных видов Кирилловской редакции — Тихонравовского (в *M*, в отличие от Тихонравовского вида, сохранилось пояснение к имени Дракулы: «а нашим диавол», нет замены «кап» «колпаками», сохранилась фраза Дракулы: «Ты еси не муж, но жена»), Забелинского и Западнорусского (в *M* нет заголовка, нет пояснения к словам «нашим языком» — «русским», сохранилось указание, что Дракула приказал прибить капы «гвоздием малым», что он сажал на кол «проходом», нет многочисленных инверсий Забелинского вида — «войска великого», «к нему посла», «дань дает» и т. д.). Отсутствие сколько-нибудь существенных отклонений от Древнейшего вида делает возможным привлечение списка *M* для подведения разночтений к этому виду.

(В. М. Истрина. Александрия русских хронографов. М., 1893, Приложение, стр. 203). В известных нам сборниках Ефросина содержится сербская «Александрия», хронографическая «Александрия» первой редакции и еще ряд отдельных статей об Александре Македонском (ср.: Я. С. Лурье. Литературная и культурно-просветительная деятельность Ефросина в конце XV в. ТОДРЛ, т. XVII, М.—Л., 1961, стр. 161—164). Вполне вероятно поэтому, что в не дожедших до нас сборниках Ефросина читались и эти весьма близкие к его интересам статьи.

Тихонравовский вид

4) ГБЛ, собр. Тихонравова (ф. 299), № 379; 8°; конец XVII в.; 211 лл. Описание рукописи см.: Г. Г е о р г и е в с к и й. Собрание Н. С. Тихонравова. I. Рукописи. М., 1913, стр. 69 (№ 379). В составе сборника: л. 1 — «Повесть о двух посольствах» (без начала) (ср.: М. Д. К а г а н. «Повесть о двух посольствах» — легендарно-политическое произведение нач. XVII в. ТОДРЛ, т. XI, М.—Л., 1955, стр. 243, № 43); л. 13 об. — «Хожение Трифона Коробейникова»; лл. 85 об.—94 — «Сказание о Дракуле воеводе»; л. 94 об. — «Сказание о Даниле, како седел на Белозере от великаго князя Владимира»; л. 103 — «Сказание о снах Иосифа Прекрасного»; л. 110 — «Повесть о граде Иерусалиме»; л. 193 — «Суды Соломона», и др. В настоящее время сборник не имеет ни начала, ни конца, но первоначально все его статьи были перенумерованы как «главы»: «Хожение Трифона Коробейникова» означено здесь поэтуму как «глава 8», «Повесть о Дракуле» — как «глава 9» и т. д.

Тихонравовский вид представлен единственным списком и включает лишь 1—6-й эпизоды повести (текст не прерывается, а именно заканчивается 6-м эпизодом — никакого механического обрыва в дошедшем до нас списке нет); последний эпизод (испытание двух монахов) рассматривался составителем сборника как некое самостоятельное повествование, что видно из его заголовка (единственного внутреннего заголовка в этом виде повести): «Иная повесть».

Заключительные эпизоды повести, рисующие Дракулу в наиболее отрицательном виде (эпизод с убийством мастеров, веротступничество Дракулы), отсутствуют; нет в начале расшифровки имени Дракулы как «дьявола», вместо «зломудр» о нем говорится «зело мудр». Краткость текста в Тихонравовском виде (и отсутствие других списков этого вида) затрудняет решение вопроса о происхождении этого текста.

Многочисленные отклонения от текста Древнейшего вида и добавления к нему позволяют, во всяком случае, рассматривать Тихонравовский список как особый вид Кирилловской редакции. В нескольких случаях Тихонравовский вид совпадает с другими списками XVII в. той же редакции — например, со списком Ундельского Забелинского вида (см. стр. 125, разн. 9—10, 126, разн. 21 и 41), где также опущены слова «а нашим диавол» (объяснение имени Дракулы) и «капы» послов заменены «колпаками»; однако совпадения эти не настолько значительны, чтобы можно было говорить об общности их происхождения. Замена редкого слова «капы» более понятным словом «колпаки» и удаление неприятного упоминания о дьяволе ⁹ могли произойти в одном из этих списков независимо от другого.

⁹ См. стр. 81—82.

Забелинский вид

5) ГИМ, собр. Забелина, № 451; 1°; конец XVII в.; 858 лл. (3). Печатного описания рукописи нет (есть рукописное описание в ГИМ). В составе сборника: л. 1 — Хронограф (третьей редакции); л. 787 об. — «Сказание известно о приходе на Русь Максима Грека»; л. 795 — «Хождение Авраамия Сузdalского на осьмой собор»; л. 801 — ряд исторических отрывков (из «Летописи о многих мятежах»); л. 807 — «Послание архиепископа Василия епископу Феодору о земном рае»; л. 810 — походы царя Алексея Михайловича на Польшу (1653—1654 гг.); л. 834 — «Сказание Симеона Сузdalца»; л. 845 — «Третье пришествие Тита на Иерусалим» (из Хронографа); л. 853 — «Сказание о Дракуле воеводе Мутиянская земли» (последняя статья сборника).

*6) ГПБ, собр. Титова, № 2796; 1°; XVIII в.; 415 лл. (Т). Описание сборника см.: Описание славяно-русских рукописей, находящихся в собрании А. А. Титова, т. V. Описано собирателем А. Титовым. М., 1906, стр. 88—89, № 1519 (2796). Это описание А. Титова неполно и неточно — в рукописи содержится не только Хронограф и «Сказание о Дракуле», как там указано, но и ряд других статей. По своему составу сборник Т очень близок к сборнику 3; здесь также вслед за Хронографом помещен ряд отдельных памятников, в том числе: «Сказание известно о приходе на Русь Максима Грека» (лл. 356—360 об.); «Хождение Авраамия Сузdalского на осьмой собор» (лл. 360 об.—363); отрывки из «Летописи о многих мятежах» (лл. 363 об.—366 об.); походы Алексея Михайловича на Польшу (лл. 369 об.—382 об.; лл. 383—385 об. — ряд документов времени Федора Алексеевича); «Сказание Симеона Сузdalца» (лл. 397—405 об.); «Третье пришествие Титова на Иерусалим» (лл. 405 об.—411 об.) и в конце (лл. 411 об.—415) — «Сказание о Дракуле воеводе Мутиянские земли».

*7) ГПБ, собр. ОЛДП, Ф. СХСВ; 1°; вторая половина XVIII в., 350 лл. (О). Рукопись не описана. В составе сборника: л. 1 — «Суды Соломона» (без начала); л. 6 об. — «О Китоврасе»; лл. 11—16 — «Слово о Дракуле воеводе Мутиянская земли»; л. 16 об. — «История Максимилиана кесаря римского короля»; л. 21 — «Сказание о взятии Астрахани»; л. 28 об. — «История об Астраханском взятии вором Стенкою Разиным»; л. 53 — «О зачатии и рождении великого государя императора Петра Первого»; л. 424 об. — о восшествии на престол Елизаветы, и др.

*8) Архив Географического общества СССР, Р. 114, оп. 1, № 17 (тетрадь № 6); 4°; XVIII в.; 15 лл. (Г). Краткое описание рукописи см.: Н. Ф. Дробленкова, Л. С. Шепелева. Описание рукописного собрания Архива Географического общества СССР. ТОДРЛ, т. XIII, М.—Л., 1957, стр. 565—566. В составе рукописи (тетради): л. 1 — «Горе блудником»; л. 1 об. — «Повесть о видении некоему мужу духовну» протопопа Терентия; л. 6 —

«Повесть о Динаре»; л. 11 об. — вступление к чину венчания Ивана IV (начало); л. 12 — отрывок индекса ложных книг; лл. 13 об.—15 об. — «О Дракуле воеводе Мунтиянской земли» (текст обрывается).

9) ГПБ, собр. Погодина, № 1606; 4°; сборная рукопись XVII в.; 342 лл. (П). Описание рукописи см.: Описание церковнославянских и русских рукописных сборников Публичной библиотеки. Составлено А. Ф. Бычковым, ч. I. СПб., 1882, стр. 336—348 (сборник LXVII). Рукопись состоит из 11 тетрадей; в составе 11-й тетради: л. 200 — Космография (см.: Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции. Собрал и издал А. Попов. М., 1869, стр. 459—476); лл. 229—233 об. — «О царе Дракуле воеводе Греческия земли» (заканчивается 11-м эпизодом, но обрыва текста нет); л. 234 — «Повесть зело страшна о некоем юноше, облеченном во иноческий образ и паки поверже»; л. 236 — «О Давиде царе» (апокриф); л. 238 — «О премудрости Соломоне и жене его» (апокриф); л. 251 — «Путешествие Симеона Сузальца» (в рукописи озаглавлено неверно); л. 206 — «Сказание о пути Иеросалимском», и др.

10) ГБЛ, собр. Ундовского (ф. 310), № 632; 12°; середина XVII в.; 341 лл. (У). Краткое описание сборника см. в предисловии И. Беляева к первому изданию «Задонщины» (Временник ОИДР, кн. 14, М., 1852, «Слово о великом князе Дмитрие Ивановиче и о брате его Владимире Андреевиче, яко победили супостата своего царя Мамая», стр. III—IV, примечание); еще более краткое описание — в «Очерке собрания рукописей В. М. Ундовского в полном составе», приложение к «Каталогу славяно-русских рукописей В. М. Ундовского» (М., 1870, стр. 47). В составе сборника: л. 1 — «О взятии Царьграда» (без начала); л. 100 — «Повесть о Дмитрии Басарге»; л. 118 — «Повесть об Акире Премудром»; л. 143 — апокрифы о Давиде и Соломоне; л. 169 — «Слово о великом князе Дмитрии Ивановиче» («Задонщина»); л. 215 — «Сказание о Вавилонском царстве»; л. 233 — «Об Азовском взятии» (так называемая «историческая» повесть о взятии Азова); лл. 263—276 — «Слово о Дракуле воеводе Мутьянские земли»; л. 276 — «Повесть о некоем цареве дворецком и населнике, сириечь о крестьянине»; л. 288 — «Сказание об Индийском царстве»; л. 299 — «О двенадцати снах Мамера царя» («Сны Шахаши»); л. 320 — «Послание в Царьград к восточному царю салтану».¹⁰

Характерной особенностью Забелинского вида Кирилловской редакции повести является разметка эпизодов заглавиями, в своей

¹⁰ Список XIX в. — ГБЛ, собр. Беляева (ф. 29), № 1574 (А. Викторов. Собрание рукописей И. Д. Беляева. М., 1881, стр. 64—66, № 65) — мы не привлекаем к изданию, ибо, как отметил уже А. Д. Седельников, он является копией со списка Унд. 632, передающей все характерные черты этого списка (состав эпизодов, отдельные чтения и т. д.).

основе несомненно восходящая к одному источнику (ср., например, такие достаточно индивидуальные заголовки, как «Брань царева с Дракулою», «О ленивой жене», «О слузе», «Еще же о злом его обычье», которым в списках Румянцевской редакции соответствуют иные заглавия: «О приходе турского царя», «О женах», «О трапезе Дракулине» и неозаглавленный эпизод о пребывании Дракулы в тюрьме). Кроме того, во всех списках Забелинского вида отсутствует, наряду с концовкой повести, также и 16-й эпизод — о пребывании Дракулы в Будине и убийстве пристава, осмелившегося искать на дворе Дракулы беглого «злодея» (этого эпизода нет не только в *T*, близком к *Z*, но также в *O* и даже в наиболее удаленном от *Z* списке *Y*).

Вместе с тем списки Забелинского вида обнаруживают ряд существенных различий между собой, образующих как бы несколько подвидов внутри этого вида. Наиболее близок к *Z* сборник *T*, в котором «Повесть о Дракуле» имеет даже почти такое же окружение, как в *Z* (исторические материалы, доведенные до XVII в., «Сказание Симеона Сузdalьца» и другие статьи, рассматривавшиеся, очевидно, составителем, наряду с «Повестью о Дракуле», как составные части единой хронографической компиляции). В *3T*, помимо концовки и 16-го эпизода, отсутствуют также 12-й эпизод (о бочках с золотом, спрятанных Дракулой) и 17-й (гибель Дракулы), и заканчивается «Повесть» 15-м эпизодом «Еще же о злом его обычье» (Дракулы): «. . . мыши ловя и птицы на торгу покупая и тако казня их, ову на кол посажаше, сыныя перые оципаше и пускаше, тем в темнице веселяся». Такое же окончание имеет и список *O*, однако в отличие от *3T* 12-й эпизод («О бочках») там читается. К списку *O* особенно близок по отдельным чтениям список *G*, но судить о его составе мы не можем, так как он обрывается на середине 5-го эпизода. Неполный состав имеет и список *P*, заканчивающийся 11-м эпизодом («О после»). И, наконец, наиболее своеобразен по композиции (сравнительно с *Z*) список *Y* — здесь представлены местами 9-й эпизод («О ленивой жене») и 8-й («О блудивых»), нет 10-го эпизода (о брезгливом слуге) и первой части 11-го эпизода («О после», есть лишь общее описание обращения Дракулы с послами). 12-й эпизод здесь, как и в *Z*, отсутствует, нет, как и во всех списках этого вида, 16-го эпизода, но 17-й эпизод читается, и повесть заканчивается смертью Дракулы — «Его же мнозии копьи избодоша, и тако скончашася».

Все списки Забелинского вида восходят несомненно к одному источнику, но взаимоотношения между списками этого вида установить по имеющимся у нас данным едва ли возможно. Некоторые особенности списков *3T* по сравнению с *O* позволяют как будто считать, что эти списки дальше отстоят от протографа: об этом свидетельствует не только отсутствие в *3T* 12-го эпизода, но и некоторые ошибочные чтения *3T* — пропуск слова «земли» после «Мунтъянский» (разночтение I, 6), превращение (встречающееся

и в некоторых других видах) имени короля «Матеашя» в имя посла «Матеашь» (V, 76; в *ОП* этого чтения нет) и т. д. Но, с другой стороны, и *О* имеет ряд признаков вторичности текста. Вместо заголовка 4-го эпизода здесь читается (ср. III, 1) любопытный, но явно добавленный писцом XVIII в. (или его ближайшим протографом) текст: «О Владе воеводе, а Дракула и бес, и диавол, и сотано, и черны, и Цматуса, и щил, и щаясос, и локопа, и гомны» (прозвища Дракулы написаны сперва обычным письмом, а начиная со слова «Цматуса» те же прозвища зашифрованы так называемой «простой литореей»). Явно вторичны в *О* чтения: «да весте, что у них» вместо «да весте, что учинил» (III, 76), «вси глаголати» вместо «вси богати» (III, 82), «на кол ударити» вместо «на кол посадити» (V, 72), пропуск слов «он же отвещав» (IV, 12—13) и т. д. Ряд признаков вторичности имеет и не завершенный (эпизоды 1—11) текст списка *П*: здесь явно распространена (по сравнению с древнейшим видом и всеми списками Забелинского вида) речь брезгливого слуги (V, 70), в нескольких местах в имени Дракулы добавлен титул «царь» (заголовок, разночтения, I, 62; III, 74) и т. д. Сложны и взаимоотношения списка *У* с остальными списками. Сохранение заключительного 17-го эпизода повести (гибель Дракулы), так же как ряд отдельных чтений (например, при перечислении жертв Дракулы слова «мыши... и птицы» вместо бессмысленного: «мыши... и пшеницу» в *ЗТО* — ср. VI, 98), может служить доказательством того, что *У* восходит к общему протографу Забелинского вида независимо от других известных нам списков этого вида, но вместе с тем список обнаруживает и ряд явных признаков вторичности по сравнению с остальными списками вида: пропуск 10-го и части 11-го эпизодов, перестановка 8-го и 9-го эпизодов, бессмысленные чтения «конни» вместо «кои» (I, 51), «того да ли» вместо «тогда, коли» (I, 84—85) и др.

Западнорусский вид

11) ГИМ, собр. Барсова, № 604; 4°; вторая половина XVII в.; 96 лл. Печатного описания рукописи нет. В составе сборника: л. 1 — «Книга, глаголемая Лусидырион, сиречь Златый бисер» (после этого заглавия — оглавление ко всей книге); л. 65 — Космография; л. 89 — «Повесть о двух посольствах»; л. 91 — «Сказание о Дракуле князе Мутьянские землы» (без конца; текст обрывается на л. 96 об.).

Западнорусский вид Кирилловской редакции, представленный единственным списком (Барс. 604), тесно связан с Забелинским видом и восходит к общему с ним источнику. Об этом свидетельствуют прежде всего заголовки текста, почти полностью совпадающие с заголовками в Забелинском и близких к нему списках (в Барсовском списке нет только заголовка «О послех» в 1-м эпизоде, 4-й эпизод имеет иное, чем в Забелинском виде, название: «И о вла-

дении Дракули князя Мутьянского», а заголовок 2-го эпизода — «О брани турского салтана з Дракулою» — близок к заголовку в списке *O*). Близость Западнорусского вида к списку *O* Забелинского вида обнаруживается также в отсутствии ошибочных чтений *ЗТ* (нет пропуска слова «земли» после слова «Мутьянский» — Забелинский вид, разнотечение I, 6; нет чтения «Матияш поклисарь» вместо «Матияша поклисарь» — V, 76) и в совпадении одной явной описки: как и в *O*, вместо «весте, что учиних» (III, 76) здесь читается «весте, что у них» (но других описок *O*: «вси глаголати» — III, 82, «на кол ударити» — V, 72 и т. д. — здесь нет). Сохранился в Западнорусском виде, как и в *O* (в отличие от *ЗТ*), и 12-й эпизод («О бочках»), вернее, его начало. На середине 12-го эпизода текст Западнорусского вида обрывается. Наиболее важной особенностью этого текста, дающей основание выделить его в особый вид, является его фонетика, получившая отражение в орфографии и имеющая явно выраженный западнорусский (украинский и белорусский) характер: «бист», «обичай», «прибиты», «терпеты», «мае», «государу», «цар», «сотоврат», «творащие» и т. д. Перед нами, в сущности, особый извод повести, хотя и образовавшийся на основе одного из видов Кирилловской редакции.

РУМЯНЦЕВСКАЯ РЕДАКЦИЯ

Древнейший вид

12) ГБЛ, собр. Румянцева (ф. 256), № 358; 4°; конец XV—начало XVI в.; 412 лл. (*P*). Описание сборника см.: Описание русских и словенских рукописей Румянцевского музеума, составленное Александром Востоковым. СПб., 1842, стр. 508—513 (№ CCCLVIII). О составе и литературном значении сборника см. на стр. 169. «Повесть о Дракуле» помещена в сборнике на лл. 356 об.—363 об. Уже А. Х. Востоков (стр. 509) указал основания для довольно точной датировки сборника: сын Ивана III Василий именуется в помещенном здесь родословии «Василием Новгородцким» (л. 208) — весьма необычный титул, который мог быть ему дан только после его назначения «великим князем Новгорода и Пскова» в 1499 г. и до его назначения «великим князем всея Руси» и соправителем отца в 1502 г.

Сборник *P* — псковского происхождения; об этом свидетельствует ряд записей в сборнике (л. 203 об. — «Начало Руския земля Псковская и Новгородская и Московская»; л. 218 — записи об Ольге с указанием «сени Олгины стоят в Пскове» и т. д.). А. В. Марков (Памятники старой русской литературы, вып. 1. Тифлис, 1914, стр. 5—6) обратил внимание на любопытную запись в сборнике: после ряда текстов из Кормчей книги (под заголовком «Въпрос священнической вмале, каковы суть места опитимьям

рекше запрещениям) в сборнике (на л. 399) приведено пояснение: «Мне же и неволею написавши сия вся, но ради разнъствия сего и мятежа, бывшего от несмысленех онех мужей, а еже написах не от себе. . . нудим есть ово на утвержжение христоименитых людей, ово же на соединение божии церкви, а на обращение заблужших». Комментируя это место, А. В. Марков отметил ряд конфликтов из-за вопросов канонической практики, возникавших в те годы в Пскове, но затем сделал почему-то заключение, что «несмысленные», с которыми спорит составитель сборника, это «жидовствующие» (новгородско-московские еретики). Этот последний вывод представляется нам совершенно неубедительным — тексты, к которым сделана приведенная приписка, никак не касаются сюжетов, связанных с еретиками и их учением; речь в них идет именно о канонических вопросах, которые, очевидно, и вызывали «разнъствия и мятежи».

Отражая несомненно древнейший вид Румянцевской редакции повести (наибольшая близость к древнейшему Кирилловскому списку, сохранение концовки, утраченной в поздних списках, и т. д.), Румянцевский список вместе с тем не был непосредственным протографом ни одного из остальных списков Румянцевской редакции. Специфические, явно вторичные чтения Румянцевского списка (пропуск текста о приставах, сопровождавших Дракулу в его походе на Турукскую землю, — *P*, л. 362—362 об.) не отразились на более поздних списках Румянцевской редакции (текст о приставах читается во всех более поздних видах этой редакции; упоминания о биреве, пропущенные здесь — стр. 144 — см. в Уваровском виде — стр. 171).¹¹ Других списков Древнейшего вида Румянцевской редакции не сохранилось.

Библиотечный вид

13) ГПБ, Q. XVII. 169; 4°; XVII в.; 372 лл. (*Би*). Описание рукописи см.: Отчет имп. Публичной библиотеки за 1882 г. СПб., 1884, стр. 62—63 (№ 17). В составе сборника: л. 1—«Книга о семи мудрецах» (без начала); л. 98 — «Повесть и сказание самодержца великия Македония. . .» (сербская «Александрия»); лл. 234—242 об. — «Сказание о Дракуле мутьянском воеводе. . .»; л. 242 об. — «Слово о царе Давиде и о Соломоне и о жене его» (апокриф); л. 248 — «Сказание о Троянском царствии и о витязех»; л. 321 об. — «Повесть о создании и разорении Царьграда»; л. 353 — «Сказание о Мамаевом побоище» (другим почерком; без конца). На рукописи сохранился ряд владельческих записей: дьяконова сына Климентовского Колбежского погоста Якова Андреева (л. 232 об.), князя Саввы Федоровича Мышецкого (л. 355 об.) и

¹¹ Ср.: А. Д. Седельников. Литературная история повести о Дракуле, стр. 631.

о покупке книги князем С. Ф. Мышецким у Грила (!) Крекшина (?) (л. 352 об.).

14) ГИМ, Музейское собр., № 3860; 8°; XVII в.; 389 лл. (М.). Печатного описания рукописи нет. Сборник имеет общее название (перед оглавлением): «Витицариводник». В составе сборника: л. 7 — «О седмицах жития человеческого. . .»; л. 14 — «Сказание от древних книг, писание о вере християнской и жидовьстей», и др. (литературных памятников светского характера нет). «Повесть о Дракуле» помещена в особой тетради, на лл. 28—41 об. (без начала и конца).

Отличительной особенностью Библиотечного вида Румянцевской редакции является разметка эпизодов заглавиями, не совпадающая с разметкой эпизодов в Забелинском виде Кирилловской редакции (см. таблицу на стр. 111—112). Текст заканчивается 17-м эпизодом (описание гибели Дракулы) и напоминает окончание списка У Забелинского вида Кирилловской редакции, но в отличие от этого списка и всех вообще видов Кирилловской редакции, кроме Древнейшего, Библиотечный вид не имеет композиционных пропусков и содержит все эпизоды от 1-го до 17-го (нет только концовки). Едва ли следует объяснять влиянием Забелинского вида (или обратным влиянием Библиотечного вида на Забелинский вид) и одно совпадающее с ним чтение Библиотечного вида (отсутствующее в других видах Румянцевской редакции): посол-«лях» стал здесь «влахом» (Би, л. 237); при достаточной близости слов заменить «лях» более экзотическим (и более подходящим для роли иностранного посла) «влахом» было нетрудно для различных переписчиков. Специфичны для Библиотечного вида (и зависимого от него Распространенного вида, о котором мы будем говорить дальше) также заявление посла-«влаха» Дракуле, что тот, как судья, «от бога поставлен» (Би, л. 237 об.), сумма вознаграждения монаху, признавшему неограниченную власть Дракулы, — восемь дукатов (Би, л. 239) вместо 50 дукатов в остальных видах этой редакции, а также указание, что Дракула «учинил» для приглашенных им на пир нищих «храмины велии» (вместо одной «храмины») (Би, л. 238—238 об.).

В двух случаях Библиотечный вид Румянцевской редакции совпадает с Кирилловской редакцией. «Дракула» толкуется здесь как имя «влажским языком» (Би, л. 234), в то время как в Древнейшем виде Румянцевской редакции в соответствующем месте читается «латынским языком», а остальные виды этой редакции не дают никакой этимологии имени Дракулы. В сцене с приставом и спасенным Дракулой «злодеем» Дракула говорит, что если бы пристав не прибежал к нему, он бы «злодея» «от смерти просил» (Би, л. 241 об.) — так же, как читается в Древнейшем виде Кирилловской редакции (Е, л. 216). Возможно, что эти чтения отражают первоначальный текст Румянцевской редакции, искаженный уже в Румянцевском списке конца XV—начала XVI в.

Распространенный вид

15) ГБЛ, собр. ОИДР (ф. 205), № 286; 1°; конец XVII в.; 651 лл. Описание рукописи (принадлежащее П. Строеву) см.: Библиотека имп. Общества истории и древностей российских. М., 1845, стр. 128—129 (№ 286). В составе сборника: л. 1 — общий заголовок книги: «Книга Кромник сириечи летописец вкратце о начале света божия и пространное оглавление (включающее, по-видимому, и недошедший второй том рукописи); л. 40 — Палея толковая; л. 213 — выписка из Хронографа; л. 266 — «Повесть велии полезна и дивна и преизящна о Троянском царстве...»; л. 321 — «Житие и сказание изряднейшаго самодержца, царя Александра великия Македония...»; л. 403 — Космография; л. 418 — «О начале Римского царства» (из Хронографа); л. 607 — «О начале и о взятии Царьграда»; л. 638 — «Повесть о Динаре»; л. 641 — «Повесть о Козарине»; л. 643 — «О богоспасаемом граде Могилеве» и др. отрывки (определенные П. Строевым как «отрывки бестолковые»); лл. 645—651 об. — «Сказание о Дракуле Мутьянские земли воеводе греческие веры...».

Наиболее характерной особенностью Распространенного вида Румянцевской редакции (дошедшего до нас в единственном списке собрания ОИДР) следует считать чрезвычайно свободное отношение к тексту своего оригинала: перед нами не столько переписанный, сколько заново пересказанный в устной манере текст (такое отношение к тексту характерно и для других видов XVII в., но в данном случае оно выражено с наибольшей яркостью). Свободно излагая и толкуя текст повести, переписчик в XVII в. создавал «на ходу» даже некоторые новые сюжетные мотивы: так, второй монах, признавший справедливость Дракулы, делает это здесь не столько из сочувствия идеи единовластия, сколько из хитрости — «вторый мних догадлив был» (л. 648); история с приставом, убитым Дракулой, заканчивается утверждением, что после этого случая «король Дракулу начал велими жаловать, а пристава обвинил — смерть ему случися от себя, а злодея по упрощению Дракулину от смерти свободил, а только поучение градское дал» (л. 650); убийцей Дракулы оказывается некий таинственный «Дракулин человек» — «видением турчанин, тотарин стоит» (в. 651 об.) и т. д. (см. об этом на стр. 83). Эти особенности Распространенного вида дают даже некоторые основания для выделения его в особую стилистическую редакцию повести;¹² однако по своему композиционному построению Распространенный вид точно следует Румянцевской редакции и восходит ко вполне определенному ее виду — Библиотечному. В обоих видах совпадают не только разбивка на эпизоды, но в основном и их заглавия (см. таблицу на стр. 110—112): более краткие

¹² Ср.: А. Д. Седельников. Литературная история повести о Дракуле, стр. 646—649.

в Библиотечном виде, более развернутые в Распространенном; лишь в немногих случаях расширение текста внутри эпизода сказалось на заголовке (например: «О голеньком человеке в разодранной одежде» в Распространенном виде вместо «О сирохании» в Библиотечном виде). Распространенный вид следует за Библиотечным и в отдельных чтениях. Здесь тоже посол-«лях» превратился во «влаха» (и при этом «горского» посла), посол этот признает, что Дракула в качестве судьи «от бога поставлен»; имя короля «Матияше» стало именем этого посла (л. 647); Дракула дает угодившему ему монаху «осм дукат» (л. 648 об.), и т. д.

В нескольких случаях такая зависимость от Библиотечного вида приводила даже к недоразумениям. Так, в Библиотечном виде поучение Дракулы казнимой им ленивой жене было выражено (в отличие от других видов) в обобщенной форме, адресованной ко всем женщинам: «вы должны мужем своим одежду светлу и лепу имети и чинити» (л. 240). Составитель Распространенного вида не понял этого оборота и написал бессмысленное: «ты должны с мужем своим одежду светлу и лепу имети и чинити» (л. 649). В обоих видах при описании злодейств Дракулы в тюрьме читается: «мыши ловяше и спицы обастривая» (вместо «мыши и итицы» в других видах), но Распространенный вид дал к этому еще достаточно невразумительное объяснение: «спицы обастривавше, сииречь первые щипая» (л. 649 об.). Желая примирить версию Библиотечного вида о том, что Дракула поместил приглашенных им на пир нищих в нескольких «храминах», с тем обстоятельством, что он сжег их всех одновременно, Распространенный вид объясняет, что Дракула «повеле едину храмину сотворити велику на три перестрела» (л. 648). Слова Дракулы в Библиотечном виде о турецком царе: «Он навык от вас срамоту терпети, а мы не навыкохом» (л. 234) превратились в Распространенном виде в нелепое: «Он, Дракула, навык от вас, царей турецких, срамоту терпети, а мы не навыкохом» (л. 645).

Пропуск 2-го эпизода (первое столкновение с турками и смотр войска Дракулой) и начала 3-го эпизода (приход турецкого посла и коварное предложение Дракулы новым турецким послам идти к царю на службу) привело к еще одному ляпсусу в Распространенном виде — после возвращения слов, которым Дракула прибил шапки к головам, царь «вельми радостен был» (л. 645).

Барсовский вид

16) ГИМ, собр. Барсова, № 1521; 4°; вторая половина XVII в.; 430 лл. Печатного описания рукописи нет (есть рукописное описание в ГИМ). В составе сборника: два летописца и летописные отрывки (ср.: М. Н. Тихомиров. Краткие заметки о летописных произведениях в рукописных собраниях Москвы. М., 1962, стр. 80—81, № 75); л. 138 — «Александрия» (сербская); лл. 265—

271 об. — «Сказание о Дракуле и о житии его, како воеводствовал на Мутьянской земли»; л. 285 — «Сказание о Мамаевом побоище»; л. 324 — «Повесть о прихожении Стефана Батория на Псков» (ср.: Повесть о прихожении Стефана Батория на град Псков. Подготовка текста и статьи В. И. Малышева. М.—Л., 1952, стр. 121, № 12); л. 384 — «Сказание о Мамаевом побоище» (вторично; ср.: Повести о Куликовской битве. Издание подготовили М. Н. Тихомиров, В. Ф. Ржига, Л. А. Дмитриев, М., 1959, «Описание рукописных списков Сказания о Мамаевом побоище», стр. 483); л. 412 — «Троянская история». На лл. 115 и 430 заметки с датами (1651 и 1669 гг.).

Барсовский вид (представленный единственным дефектным списком с вырванным текстом в середине) во многом близок к Уваровскому и Хохловскому видам Румянцевской редакции, которые мы будем характеризовать ниже. Текст во всех этих видах не имеет внутренних заголовков; смысл имени Дракулы в начале повести не расшифровывается — говорится только, что его звали «Дракула, яко житием злосерд вельми» (л. 265); наказание неверных жен дополнено наказанием мужей, которые «от своих жен такожде ходят прелюбы творити, у тех уды отрезаваше, а иных на колесех мучаше, а иных в пяты гвоздие бияше, а иных на кол сажаше» (л. 266 об.). Середина повести (эпизоды 6—14) не сохранилась в дошедшем до нас списке. Эпизод с бегством «злодея» во двор Дракулы кончается словами: «Король же нача дивитися деянию его» — вместо «сердцю его» в Древнейших видах обеих редакций. Заканчивается повесть гибелю Дракулы: «. . . и зле скончася лютою смертию».

В целом Барсовский вид ближе к протографу Румянцевской редакции, чем Уваровский и Хохловский виды (см. стр. 104 и 106).

Уваровский вид

17) ГИМ, собр. Уварова, № 848; 4°; первая четверть XVII в.; 480 лл. (У). Описание рукописи см.: Систематическое описание славяно-российских рукописей гр. А. С. Уварова, составлено архимандритом Леонидом, ч. IV. М., 1894, стр. 269—272, № 1894. В составе сборника: л. 1 — «Казанская история»; л. 72 — «Хождение Трифона Коробейникова»; л. 131 — «Св. Геннадия о дузе небесной»; л. 146 — «Повесть о белом клобуке»; л. 159 об. — отрывки из Хронографа и из Палеи; лл. 203 об.—213 об. — «О великом царе Дракуле Мытиянские земли»; л. 217 — «Повесть о прихожении Стефана Батория на Псков» (ср.: Повесть о прихожении Стефана Батория на град Псков. Подготовка текста и статьи В. И. Малышева. М.—Л., 1952, стр. 119—120, № 2); л. 298 — «От притчи Соломона»; л. 424 — «Послание Василия Феодору о земном рае»; л. 464 об. — «Сказание Мефодия Патарского об Александре Македонском и о будущих царях». Рукопись принадлежала Ефиму Федо-

ровичу Мышецкому (по-видимому, брату Саввы Федоровича Мышецкого, владельца другого списка «Дракулы» — см. стр. 99), государственному деятелю и дипломату первой половины XVII в.,¹³ предку известных старообрядческих деятелей Денисовых-Мышецких.

18) ГИМ, собр. Уварова, № 152; 8°; первая половина XVII в.; 139 лл. (Уе). Описание рукописи см.: Систематическое описание славяно-российских рукописей гр. А. С. Уварова, составлено архимандритом Леонидом, ч. IV, стр. 294—295, № 1910. В составе сборника: лл. 1—14 — «Сказание о великом царе Дракуле Мытьянские земли»; л. 14 — «Повесть о людях града Медиолана»; л. 20 об. — «О Соломоновом царстве»; л. 21 об. — «Суд Соломона»; л. 25 — «Философия о осми частях речи»; ч. 41 — «Стефанит и Ихнилат».

19) ГБЛ, собр. Беляева (ф. 29), № 1529; 4°; XVIII в.; 341 лл. (Бе). Описание рукописи см.: А. Викторов. Собрание рукописей И. Д. Беляева. М., 1881, стр. 14—16, № 23 (1529). В составе сборника: л. 1 — выписки из Хронографа; л. 173 — «Повесть о взятии Царьграда»; л. 177 — «Повесть о двух посольствах»; л. 215 — «Послание Филофея Мисюри Мунехину»; л. 236 — «Повесть о Динаре»; лл. 239 об.—244 — «Сказание о великом царе Дракуле Мытьянские земли»; л. 244 — «Сказание об Индийском царстве»; л. 262 — «Летописец о зачале Российской земли».

20) ГИМ, собр. Барсова, № 2134; 4°; вторая половина XVII в.; 304 лл. (Б). Печатного описания рукописи нет (есть рукописное описание в ГИМ). В составе сборника: л. 1 — «Проблемата»; л. 142 — Космография; лл. 187—203 об. — «Повесть о Дракуле» (без заголовка); л. 204 — «Повесть о Динаре»; л. 234 — «О великой земле Вавилонской»; л. 263 — легендарная переписка сultана с чигиринскими казаками и с польским королем.

Уваровскому виду Румянцевской редакции присущи все характерные особенности Барсовского вида («житием злосердит вельми», наказание мужей за прелюбодеяство, «нача дивитися деянию его», «зле скончася»), но сверх того — еще ряд специфических особенностей. Особенно значительным изменениям подверглись начальные эпизоды повести. Вместо нескольких послов, как в Древнейших и большинстве последующих видов обеих редакций, здесь к Дракуле является один «посол иноземец»; диалог его с Дракулой ведется в единственном числе. Явная вторичность этого варианта обнаруживается из дальнейшего текста, где говорится, что «шовеле Дракул и м прибивати шапки... и отпусти и х» (л. 204). В заголовке и начале повести Дракула именуется «парем» (в дальнейшем это титулование последовательно проводится только в одном списке *Б*).

¹³ Посольство кн. Мышецкого и дьяка Ключарева в Кахетию. 1640—1643. Изд. М. Полиевктова. Тифлис, 1928. Ср.: П. Долгоруков. Российской родословная книга, ч. III. СПб., 1856, стр. 32.

Отстоя дальше от протографа Румянцевской редакции, чем Барсовский вид, Уваровский вид, однако, не восходит непосредственно к Барсовскому. Об этом свидетельствует, например, то место, где говорится о ловле «злодея» на дворе Дракулы. Место это, по-видимому, подверглось искажению уже в Древнейшем виде Румянцевской редакции — Румянцевском списке. Если в Кирилловском списке говорилось, что после того, как Дракула убил пристава и отпустил «злодея», «прочии же бежаша и придоша к биреву и поведаша ему бывшее; бирев же со всеми посадники иде ко кралию» (л. 215 об.), то в Румянцевском вместо этого читалось только: «прочии же бежаша и пришедшe к кралию» (л. 362); бирев неожиданно упоминался дальше в явно искаженной форме «кобирев» (л. 362 об.). В Барсовском виде этот текст ближе к Кирилловской редакции, но «бирев» не упоминается: «прочии же побежаша от него. И пришед к королю поведша ему бывшее. Людие же со всеми посадники пришед к королю жаловатися» (л. 268). В Уваровском виде текст оказывается наиболее близким к Кирилловской редакции: «прочии же бежаша. И придоша кралеви и поведавше ему бывшее. Бирева же со всеми посадники идет к кралеви» (л. 212).

Как и другие списки XVII—XVIII вв., списки Уваровского вида имеют значительные расхождения между собой. Наиболее близок к Древнейшему виду Румянцевской редакции список *У* (самый ранний список вида); остальные списки часто дополняют и видоизменяют его текст. Так, к рассказу о ловле «злодея» на дворе Дракулы в списках *Ув*, *Бе*, *Б* сделано характерное добавление, подчеркивающее уважение Дракулы к королевским правам Матвея Корвина, — Дракула объясняет, что убитый им пристав плохо выполнял свои обязанности: «на что по твоему приказу злодея не берег?» (разнотечение VII, 10—11). Говоря о нелицеприятии Дракулы, список *У* (как и Барсовский вид) называет три категории возможных правонарушителей: «аще ли поп, или боярин, или простой человек» (лл. 205 об. — 206). В списках *Ув*, *Бе*, *Б* «поп» совсем выпал из числа преступников, даже потенциальных; наименования «боярин» тоже нет; формула приобрела явно более абстрактный характер: «простова или властелина» (разнотечение II, 85—86). Не сохранили списки *Ув*, *Бе*, *Б* очень интересного и индивидуального чтения списка *У* (в других видах его не было) при описании места заточения Дракулы: «на Вышегород на Дунаю выше Будина 4 статина 12 лакот» (л. 211 об.).

Наиболее значительно отступает от текста *У* список *Б*. Здесь Дракула последовательно и настойчиво именуется царем; текст значительно распространен, особенно в начале: «царь велел его пред себя поставить» (посла, не снявшего шляпы) (разнотечение I, 8); послы (после того, как им прибили шляпы к головам!) «пришедше в свою землю, известиша государю своему, еже что сотворил над ними царь Дракул» (I, 50—51); в типично фольклорной

манере «поклисарь» снова пересказывает турецкому царю приведенные раньше слова Дракулы о приходе к царю «на службу» (II, 19); после вероломного нападения Дракулы турецкий царь восклицает («рече»): «Колико грозен бысть царь Дракул!» (II, 75, 76, 77 — начало следующего эпизода осмысляется как речь турецкого царя), и т. д.

Хохловский вид

21) ГБЛ, собр. Тихонравова (ф. 299), № 283; 4°; XVII в.; 514 лл. Описание рукописи см.: Г. Георгиевский. Собрание Н. С. Тихонравова. I. Рукописи. М., 1913, стр. 50, № 283. В составе сборника: л. 1 — Космография; л. 55 — «Сказание о Казанском взятии»; л. 269 — «Сказание о Вавилоне»; л. 279 — «Троянская история»; лл. 412—425 об. — «О цари Дракуле и о смерти его»; л. 426 — «О пленении Иерусалима Титом»; л. 455 — «Сказание о Батые»; л. 477 — «Повесть о семи мудрецах». На многих листах (в том числе и на тексте «Дракулы» — на л. 412 и след.) читается скрепа: «Книга, глаголемая Романа Васильевича Хохлова».

Хохловский вид Румянцевской редакции (как мы условно называем его по единственному известному нам списку), совпадая с многими чтениями Барсовского и Уваровского видов (один посол, отказывающийся снять шляпу, наказание мужчин наряду с женщинами за прелюбодеяние, «кralъ же нача дивитися деянию его», «зле скончася тако житие Дракулино»), обладает, кроме того, рядом особенностей, еще сильнее отдаляющих его от протографа Румянцевской редакции. Новым дополнениям подверглись здесь начальные эпизоды повести; вводная характеристика Дракулы звучит так: «Бысть некий царь именем Дракул Мутьянской, житие зло имея и яр и не милостив и не пощади ни х кому, казнитель злы и скор к смерти» (л. 412). Размеры войска Дракулы (при походе на турок) определены неожиданным числом 30 900. Вероломный поход Дракулы на турок описывается следующим образом: «И как поиде царь Дракул в землю турского царя и как будет в земли Турской, и сретиша его многие турци и поклонишась ему на колену. Приставы же турского царя, седяще с ним и честь воздаяху ему» (л. 414—414 об.). Обманутый Дракулой «турский» царь восклицает: «Никто же ми зла учинил, яко же Дракул, срамом от него побежден бых» (л. 415). В сцене пира Дракулы между кольями брезгливость обнаруживает не слуга, а приезжие послы; «Дракула же повеле в той час послов на колье восторгнути» (л. 418). Любопытной модификации подвергся и эпизод с испытанием двух монахов — даже первый монах здесь не полностью осуждает Дракулу, а лишь призывает его к большей снисходительности: «Добро твориши, но зело без милости казниши; подобает ти, государю, милостиву быти к тем, иже в темници суть»;

Дракула же, по-видимому, не казнит этого монаха, а лишь сажает его в темницу (лл. 420 об. — 421). Значительному распространению подверглись также эпизоды, в которых Дракула расправляется с нищими, находится в темнице и др. В эпизоде бегства злодея во двор Дракулы вместо «бирева же со всеми посадники» (в Уваровском виде) здесь читается «и собрашася вси посадницы» (л. 424), но текст не совпадает и с Барсовским видом.

Некоторыми чертами Хохловский вид напоминает древнейший список Уваровского вида (*У*) — например, здесь говорится о Вышеграде, где был заточен Дракула: «вышина его будет 12 лакот» (л. 423); но другие особенности сближают его с более поздними списками того же вида — так, Дракула здесь последовательно именуется царем (хотя и не в тех же местах, что в списке *Б*); после того как Дракула прибил им шляпы к головам, «послы же пришед от Дракула царя в землю свою и сказаша царю своему» (л. 412 об.); текст опять не совпадает буквально с текстом списка *Б* —ср. разнотечение к Уваровскому виду, I, 50—51). Среди людей, способных учинить «зло», как и в поздних списках Уваровского вида, не назван поп, но называется «боярин или простой человек» (л. 415 об.). Несомненно восходя к Уваровскому виду, Хохловский вид не может быть связан с каким-либо конкретным его списком.

СВОДНАЯ РЕДАКЦИЯ

Только один известный нам список «Повести о Дракуле» по своему композиционному построению не может быть отнесен ни к Кирилловской, ни к Румянцевской редакции и должен быть, по-видимому, выделен в особую, Сводную редакцию повести.

22) ЦГАДА, ф. 181 (собрание Архива Министерства иностранных дел), № 613/1121; 4°; вторая половина XVII в.; 86 лл. Печатного описания рукописи нет.¹⁴ В составе сборника: л. 1 — Космография; лл. 28 об.—33 об. — «Повесть о некоем царе Дракуле земли Мутьянская, о житии и о царстве его»; л. 31 об. — «Повесть-сказание о прении живота со смертью»; л. 37 — «Духовные приклады и душеспасительные повести новоопределенные от Великаго Зерцала в честь богу и душеполезную пользу»; л. 46 — Апокалипсис; л. 78 — «Плач Еремиев» (Иеремии); л. 85 — «О чудном Викентии».

Расположение эпизодов в этом списке отличается от их расположения во всех известных списках. Первый эпизод (наказание послы-«иноземца», не снявшего шляпы) не имеет заголовка, далее следуют эпизоды «О приходе турского посла в свою землю»,

¹⁴ Кратко упоминается данный сборник как содержащий повести «о молдавском (!) воеводе Дракуле» и о «прении живота со смертью» в «Обзоре документальных материалов Центрального государственного архива древних актов по истории СССР периода феодализма XI—XVI вв.» (М., 1954, стр. 48).

«О после турского царя ко царю Дракулу дани прошат у царя Дракула», «О правде», «О нищих», «О блуде», «О мниех латынских» — на этом текст повести заканчивается.

Текст первых двух эпизодов повести обнаруживает черты особой близости к Хохловскому виду Румянцевской редакции. Почти буквально совпадает с текстом Хохловского вида начало повести: «Бе некий цар, греческие веры християн, именем Дракул, житием злосерд, и яр, и не милостив и не пощадлив ни х кому ж, казнитель злы, скор к смерти. Ибо некогда пришед к нему посол иноzemец турский. И повеле ему царь Дракул быти у себя на посольстве, и прииде тот посол к нему скоро, и вшед пред царя, не сняв шапок своих по своей вере, и поклонися царю Дракулу» (л. 29). Сходно и начало следующего эпизода: «Послы же, пришедшe от Дракула царя в свою землю и сказа царю своему» (л. 29 об.). Следует полагать, что в этом случае Хохловский вид был источником разбираемого текста, а не наоборот. Дело в том, что в списке ЦГАДА совпадают с Хохловским видом не только приведенные фразы, но и самый сюжетный мотив: здесь фигурирует о д и н посол-«иноземец», не снявший шляпы. А этот мотив, как мы знаем, в Хохловском виде восходит к Уваровскому виду Румянцевской редакции. Считать же разбираемый текст источником и Уваровского и Хохловского видов мы не имеем оснований, так как никаких черт близости с Уваровским видом в остальных частях он не обнаруживает.

Дальнейший текст списка ЦГАДА оказывается несходным не только с Хохловским видом, но и со всей Румянцевской редакцией. После эпизода «О правде» здесь следует эпизод «О нищих» — как в списках Кирилловской редакции, а заголовки («О правде», «О нищих», «О блуде») указывают на близость к определенному виду этой редакции — Забелинскому. Близость к Забелинскому виду обнаруживается и из отдельных чтений списка ЦГАДА. Ср., например: описание осмотра войска, вернувшегося с боя — «которой ранен спереди, тому даде великую чест и витязем его учиняше, а которые в тыл ранены, и тех на колье сажаше и глагола им: „Вы есть не мужики, но жены“» (л. 29 об.; ср. в Забелинском виде — 3, л. 853 об.); «Царь турский... поиде прочь с великою срамотою и безчисленно погуби войска своего» (л. 30; ср. 3, л. 854); речь Дракулы приставам: «Шед поведайте царю своему турскому, яко видесте вы» (л. 31; ср. 3, л. 854 об.) и т. д. Совпадают с Забелинским видом Кирилловской редакции (и расходятся со всеми видами Румянцевской редакции) эпизод «О правде», начало и конец эпизода «О нищих», эпизод «О блуде». Отдельные чтения списка ЦГАДА позволяют даже говорить об особой близости его к одному из списков Забелинского вида — П. С этим списком совпадают заголовки «О правде» (в З заголовок этого эпизода пропущен) и «О блуде» (в З — «О женах») и некоторые специфические чтения: «аше ли великой боярин, или княз, или

простый кой человек» (л. 31 об.; ср. Забелинский вид, разнотечение III, 6); ляпсус «третье, свободных» (л. 32, 2—2; в П «свободни» — Забелинский вид, разнотечения III, 83, 84); «та же казн. . . рожны разжены железны. . . или птицами разторгана будет» (л. 32 об.; Забелинский вид, разнотечения IV, 100, V, 3—4 и 13—14).

В заключительной части текста списка ЦГАДА расходится и с Забелинским видом Кирилловской редакции. После 5-го эпизода — «О нищих» здесь следует не эпизод «О мnisех», как во всех видах Кирилловской редакции, а эпизод «О блуде» (8-й эпизод Кирилловской редакции), и, наконец, в качестве заключительного раздела — эпизод «О мnisех латынских». Уже заголовок этого эпизода ведет нас к новому варианту «Повести о Дракуле» — к Библиотечному виду Румянцевской редакции; сходным с Библиотечным видом оказывается и текст данного эпизода. Как и в Библиотечном виде, Дракула здесь спрашивает монаха: «Добро ли аз сотворил се?» (л. 33; в Кирилловской редакции Дракула спрашивал еще: «. . . и како ти суть иже на колии?»), только с Библиотечным (и сходным с ним Распространенным) видом совпадает цифра вознаграждения второму старцу — 8 дукатов золота (л. 33 об.; во всех остальных видах — 50 дукатов).

Выше мы уже указывали, что текст списка ЦГАДА не может рассматриваться как источник Хохловского вида; не был этот текст источником и для Забелинского и Библиотечного видов. Фрагментарность текста в списке ЦГАДА (хотя и не имеющего никаких прямых дефектов), его наибольшая удаленность от Древнейших видов обеих редакций — все это дает основание видеть в нем позднюю компиляцию, основанную на Забелинском виде Кирилловской редакции и Библиотечном и Хохловском видах Румянцевской редакции. Но компиляция эта не была механическим соединением трех кусков разных текстов — составитель ее несомненно имел перед собой на каком-то протяжении параллельные тексты, сличал их между собой и создавал в ряде случаев комбинированные варианты. Так, например, 2-й эпизод повести, близкий по тексту к Забелинскому виду, получил у него заголовок из Библиотечного и Распространенного видов — «О приходе турского посла в свою землю». Такое соединение двух вариантов наблюдается и в последнем эпизоде. «. . . выходиши по великим государем, а не зня ничего и не умея говорить», — говорит здесь Дракула первому старцу (л. 33). «Не зная ничего же» — это вариант Забелинского вида (л. 855 об.); «не умея с ними говорити» — из Библиотечного вида (л. 239); текст ЦГАДА дал объединенный вариант.

Перед нами, таким образом, не механическое соединение оставшихся под рукой различных кусков текста, а сознательное (хотя, возможно, и не квалифицированное и достаточно наивное) свидение, редактирование разных вариантов. Именно по-

Расположение эпизодов и их заголовки в трех редакциях повести

Кирилловская редакция	Румянцевская редакция	Сводная редакция
<p>1. О послех <i>З</i>¹ (нет <i>П</i>). <i>Нет Зр.</i>²</p> <p>2. Брань царева с Дракулою <i>З</i> (Брань турецкого царя з Дракулою <i>О</i>; Брань царева <i>ГУ</i>; нет <i>П</i>). О брань турского салтана з Дракулою <i>Зр.</i></p> <p>3. О послех <i>ЗЗр</i> (О вторых послех <i>О</i>; О после <i>ГПУ</i>).</p> <p>4. О правде <i>ПУ</i> (нет <i>З</i>); <i>внутри эпизода</i>: О источнице <i>З</i> (нет <i>ПУ</i>). И о владении Дракули князя Мутьянского; <i>внутри эпизода</i>: О источнице и о чаре златой <i>Зр.</i></p>	<p>1. О посольстве турского царя <i>Би</i><i>Распр.</i>³</p> <p>2. О приходе турского царя <i>Би</i> (О приходе турского царя войною на Дракулу <i>М</i>). В <i>Распр.</i> этого эпизода нет.</p> <p>3. О после царя турского; <i>внутри эпизода</i>: О приходе Дракулине. О пленении Турской земли. О приставех царевых <i>Би</i>. О походе турского посла от Дракулы во свою землю; <i>внутри эпизода</i>: О походе Дракулине с войском своим в Турскую землю служить. О пленении Турской земли от Дракулы и о походе в свою землю. Об одпуске от Дракулы турским провожатым <i>Распр.</i></p> <p>4. О укреплении и о грозе Дракулине; <i>внутри эпизода</i>: О кладязи <i>Би</i>. О грозы и о укреплении Дракулине во своей земли; <i>внутри эпизода</i>: О кладязи в Мутьянской земли на некоем пусте месте <i>Распр.</i></p>	<p>1. Заголовка нет.</p> <p>2. О приходе турского посла в свою землю.</p> <p>3. О после турского царя ко царю Дракулу дани прошат у царя у Дракула.</p> <p>4. О правде.</p>

¹ Для списков Забелинского вида приводятся заголовки основного Забелинского списка (*З*) и лишь при расхождении с этим списком остальных списков того же вида — Общества любителей древней письменности (*О*), Географического общества (*Г*), Погодинского (*П*) и списка Ундовольского (*У*). — в скобках приводятся соответствующие заголовки. Отсутствие заголовка отмечаем только для тех видов, которые в остальных случаях имеют заголовки.

² *Зр* — единственный список Западнорусского вида (ГИМ, Барс. 604).

³ Для списков Библиотечного вида приводятся заголовки основного Библиотечного списка (*Би*); заголовки Музейского списка (*М*) приводятся в скобках в случае расхождения с основным списком. *Распр.* — единственный список Распространенного вида (ГБЛ, собр. ОИДР, № 286).

Кирилловская редакция	Румянцевская редакция	Сводная редакция
5. О нищих ЗЗр (О мни- сех Г; О странных У).	5. О жоне Р ⁴ (<i>на поле</i>). О женах Би. О укреп- лении в Мутьянской земли, о женах, и о вдовах, и о девицах <i>Распр.</i>	5. О нищих.
6. О мнищах ЗЗр.	6. О послех Р (<i>на поле</i>). О злонравии; <i>внутри</i> <i>эпизода</i> : О кралевском после Би. О злонравии Дракулине и о замыс- ле его; <i>внутри эпизо- да</i> : О Дракулине и о горском после и о тра- пезе <i>Распр.</i>	6. О блуде.
7. О купце ЗЗр.	7. О трапезе Дракулине Би. О собрании гостей Дракулиных, и о стол- нике его, и о смерти столника <i>Распр.</i>	7. О мнищах латынских.
8. О женах ЗЗр (О блу- де П; О блудивых У; нет О).	8. О нищих Би. О ни- щих указ Дракулина, единую пусти свое по- веление по всей земли Мутьянские <i>Распр.</i>	
9. О ленивой жене ЗЗр (О человеке и о лени- вой жене О; О чело- веке и о жене лени- вой П).	9. О мнищах латынских Би. О мнищах и о вопро- сах старцов <i>Распр.</i>	
10. О слуге ЗЗр (<i>в У</i> <i>этого эпизода нет</i>).	10. О купцы; <i>внутри</i> <i>эпизода</i> : О тати Би. О некоем приезжем купцы югорском в Мутьянские земли и о погублении злата; <i>внутри эпизода</i> : о та- ти и о кражи злата <i>Распр.</i>	
11. О после ЗЗр (О после угорском О; нет У); <i>внутри эпизода</i> : О пос- лех ЗЗр (Об общих послех О).	11. О сирохании Би. О голеньком человеки в разодранней одежди ходяща по улицы и о жене его и о смерти жены <i>Распр.</i>	
12. О бочках О (<i>в З и</i> <i>других списках этого</i> <i>эпизода нет</i>). О боч- ках Зр.	12. О мастерех Би. О бочечных мастерах <i>Распр.</i>	

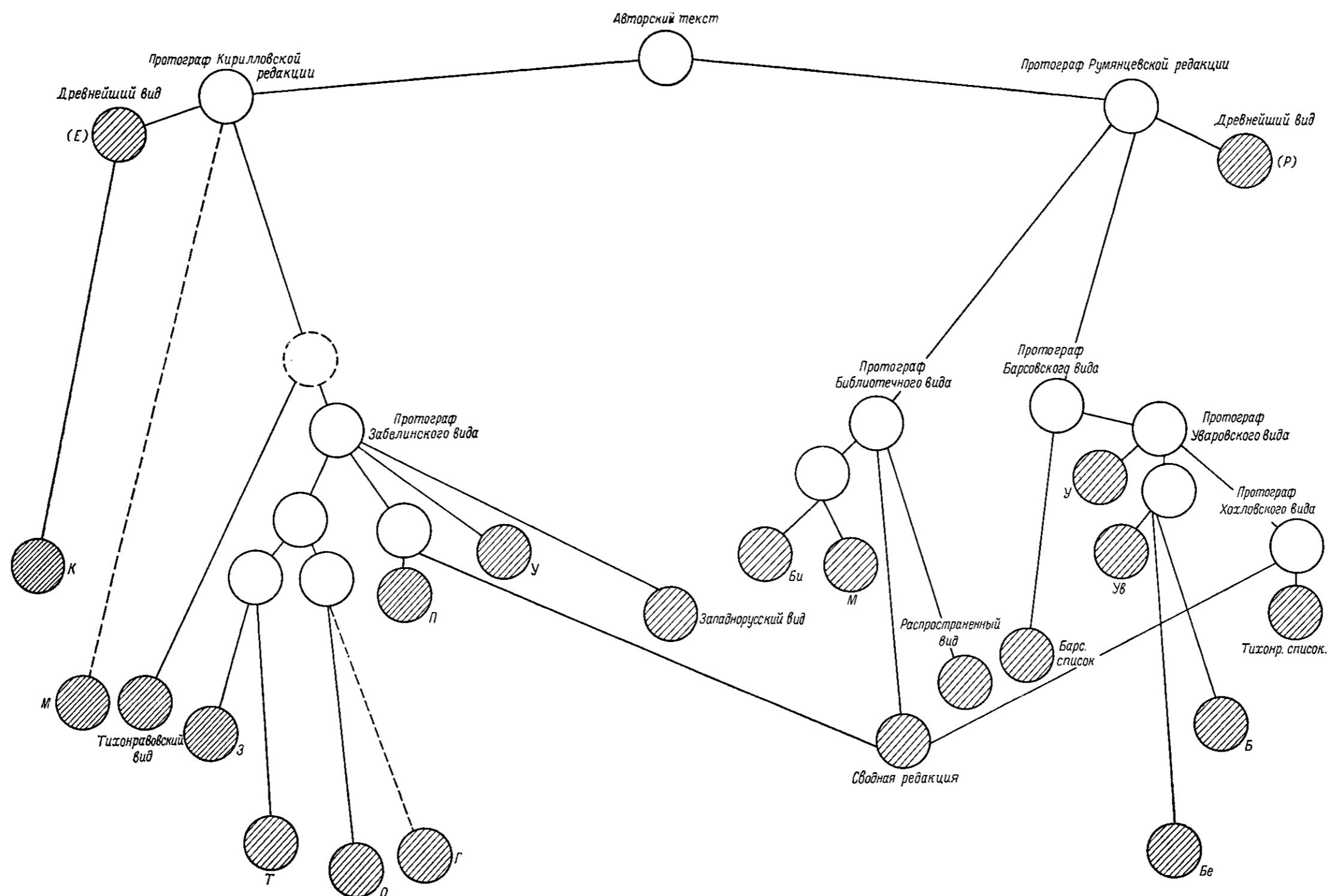
⁴ Р — единственный список Древнейшего вида Румянцевской редакции (ГБЛ Рум. 358).

Кирилловская редакция	Румянцевская редакция	Сводная редакция
13. О войне З (О войне с королем Угорским О).	13. О войне югорского края Би. О приходе югорского короля на Дракулу и о взятии его в полон Распр.	
14. (Отступничество Дракулы). Заголовка нет З.	14. (Дракула в тюрьме). Заголовка нет Би Распр.	
15. Еще же о злом его обычая З (О злом его обычая ОУ).	15. О отщущении ис темницы Би. Заголовка нет Распр.	
16. (Дракула в Будине). Эпизод отсутствует во всех видах, кроме Древнейшего.	16. О умертвии мутьянского воеводе Би. О послании от короля Дракулы на воеводство Мутьянское, и о отвержении веры христианьские, и о рождении дву сынов его, и о побеге турских воев Распр.	
17. О окончании У (в З и других списках этого эпизода нет). (Концовка). Отсутствует во всех видах, кроме Древнейшего.	17. Осмерти Би (Осмерти Дракулине М). О смерти Дракулы мутьянского воеводы в нечестивые веры, от своих воин убиен бысть Распр. (Концовка). Отсутствует во всех видах, кроме Древнейшего.	

этому мы можем рассматривать текст ЦГАДА как третью, Сводную редакцию «Повести о Дракуле».

При передаче текста «Повести о Дракуле» мы руководствовались правилами, принятыми для серии монографических исследований-изданий, выпускаемых Сектором древнерусской литературы.¹⁵ Буква ё передается через е во всех видах повести (включая и Древнейшие виды обеих редакций, представленные списками конца XV—начала XVI в.); однако в Западнорусском виде по-

¹⁵ Ср.: Р. П. Дмитриева. Проект серии монографических исследований-изданий памятников древнерусской литературы. ТОДРЛ, т. XI, М.—Л., 1955, стр. 491—499.

вести (ГИМ, Барс. 604) буква ѣ сохранена, так как там эта буква служит для обозначения особой фонемы.

В подготовке настоящего издания автору помогали В. П. Адрианова-Перетц, А. А. Зимин и И. Ф. Фихман (оказавший помощь в переводе румынских текстов), а также ученые Румынской Народной Республики Д. Богдан и В. Стеникэ (доставивший автору ряд редких румынских изданий) и английские исследователи Дж. Симмонс и Н. Андреев; пользуясь случаем выразить им свою глубокую благодарность.

Т Е К С Т Ы

КИРИЛЛОВСКАЯ РЕДАКЦИЯ

ДРЕВНЕЙШИЙ ВИД

Основной текст: ГПБ, Кирилло-Белозерское собр., № 11/1088 — Е

Разночтения: Кирилловский историко-художественный музей,

№ 2967

— К

ГБЛ, Музейное собр., № 8779

— М

Сказание о Дракуле воеводе

л. 204

Бысь в Мунтъянской земли греческия веры христианин воевода именем Дракула влашеским языком, а нашим диавол.¹ Толико зломудр, яко же по имени его, || тако и житие его. л. 204 об.

Приидоша к нему некогда от турьскаго поклисарие и, егда внидоша к нему и поклониша по своему обычая, а кап своих з глав не сняша, он же вопроси их: «Что ради тако учинисте, ко государю велику² приидосте и такову срамоту ми³ учинисте?». Они же отвещаша: «Таков обычай нашъ, государь, и земля наша⁴ имеет».⁵ Он же глагола им: «И аз хощу вашего закона подвердити, да крепко стоите». И повеле им гвоздием малым железным ко главам прибити капы и отпусти их, рек им: «Шедше скажите государю вашему: он навык от вас ту срамоту терпети, мы⁶ же не навыкохом, да не посылает своего обычая || ко иным государем, кои не хотят его имети, но у себе л. 205 его да держит».

Царь же велми разсердити⁷ себе⁸ о том и поиде воинством⁹ на него¹⁰ и прииде на него¹¹ со многими силами. Он же, собрав елико имеаше у себе войска, и удари на турков ношию, и множество изби их. И не возможе противу великого войска малыми людьми¹² и възратися.¹³ И кои с ним¹⁴ з бою того приидоша, и начат их сам смотрити; кой ранен спреди, тому честь велию подаваше и витязем его учиняше, коих¹⁵ же сзади,¹⁶ того на кол повеле всажати проходом, глаголя: «Ты еси не муж,

¹ Выскреблено К. ² великому КМ. ³ Нет КМ. ⁴ Нет М.
⁵ имеет тако М. ⁶ и мы К. ⁷ разсердись М. ⁸ Нет М.
⁹ войском М. ¹⁰⁻¹¹ Нет М. ¹² людьми битися М. ¹³⁻¹⁴ с вой-
ском М. ¹⁵ кои М. ¹⁶ ззади ранен М.

но жена». А тогда,¹⁷ коли поиде на туркы, тако глагола всему
войску своему: «Кто хощет смерть¹⁸ помышляти, той¹⁹ не
п. 205 об. ходи || со мною, остань зде». Царь же, слышав то, поиде прочь
с великою срамотою, безчислено изгуби войска, не сме²⁰ на
него пойти.

Царь же поклисаря послал к нему, да ему дась дань. Дракула же велми почести²¹ поклисаря оного, и показа ему все
свое имение, и рече ему: «Аз не токмо хощу дань давати царю,
но со всем своим воинством и со всею казною ходу к нему ити
на службу, да како ми повелит, тако ему служу». И ты
возвести царю, как поиду к нему, да не велить царь по своей
земли никоего зла учинити мне и моим людем, а яз скоро хощу
п. 206 по тебе ко царю ити, и дань принесу и сам к нему || прииду». Царь же, услышав то от послы своего, что Дракула хощет прийти
к нему на службу, и послал его почести²³ и одари много. И велми
рад бысь, бе бо тогда ратуяся со восточными. И послал скоро по
всем градом и по земли, да когда Дракула пойдет, никоего ж зла
никто дабы Дракуле не учинил, но еще и честь ему возвдавали.
Дракула же поиде, събрався с всем воинством, и приставове
царстии с ним и велию честь ему возвдаваху. Он же преиде
п. 206 об. по земли его яко 5 дни, и внезапу вернуся, и начат пленити
градове и села, и множество много поплени и изсече, овых на
колие сажаху турков, а иных || на полы пресекая и жжигая,
и до ссущих²⁴ младенець. Ничто ж остави, всю землю ту пусту
учини, прочих же, иже суть християне, на свою землю прегна и
насели. И множество много користи взем, возвратись, приставов
тех почтив, отпусти, рек: «Шедше повесте царю вашему, яко же
видесте; сколько могох, толико есмь ему послужил. И будет ему
угодна моя служба, и аз еще хощу ему тако служити, какова ми
есть сила». Царь же ничто ж ему не може учинити, но срамом
побежен бысь.

И толико ненавидя во своей земли зла, яко хто учинит кое²⁵
п. 207 зло, татбу, или разбой, или кую || лжу, или неправду, той ни-
како не будет жив. Аще ль велики болярин, иль священник,
иль инок, или прости, аще и велико богатство имел бы кто,
не может искупитись от смерти, и толико грозен бысь. Источник
его и кладязь на едином месте, и к тому кладязу и источнику
пришли путие мнози от многих стран, и приходяша людие
мнозии, пияху²⁶ от кладязя и источника воду, студена бо бе и
сладка. Он же у того кладязя на пустом месте постави чару ве-
лию и дивну злату; и хто хотяще воду пити, да тою чарою пиет,
на том месте да поставит, и, елико оно время пребысь, никто ж
смеаше ту чару взяти.

¹⁷ когда *M.* ¹⁸ смерти *M.* ¹⁹ тот *M.* ²⁰ смев *K.* ²¹ почти
KM. ²² На этом кончается список *M.* ²³ почти *K.* ²⁴ су-
щих *K.* ²⁵ какое *K.* ²⁶ и пияху *K.*

Единою же пусти по всей земли свое веление, да кто стар, л. 207 об.
иль немощен, иль чим вреден, иль нищ, вси да приидут к нему. И собрашась бесчисленое множество нищих и странных к нему, чающе от него великия милости. Он же повеле собрати всех во едину храмину велику, на то устроену, и повеле дати им ясти и пити довольно; они ж ядше и возвеселишась. Он же сам приде к ним и глагола им: «Что еще требуете?». Они же вси отвещаша: «Ведает, государю,²⁷ бог и твое величество, как тя бог вразумит». Он же глагола к ним: «Хощете ли, да сотворю вас беспечалны на сем свете, и ничим же нужни будете?». Они же чающе от него велико нечто и глаголаша || вси: «Хощем, л. 208
государю». Он же повеле заперети храм и зажечи огнем, и вси ту изгореща. И глаголаше к боляром своим: «Да весте, что учиних тако: первое, да не стужают людем и никто ж да не будетъ нищъ в моей земли, но вси богатии; второе, свободих их, да не стражут никто ж от них на сем свете от нищеты иль от недуга».

Единою же приидоща к нему от Угорскыя земли два латинска мниха милостыни ради. Он же повеле их развести разно, и призва к себе единого от них, и показа ему окруж двора множество бесчисленое людей на колех и на колесех, и вопроси его: «Добро ли тако сътворих, и како ты суть, иже на колии?». || Он же глагола: «Ни, государю, зло чиниши,²⁸ без милости л. 208 об.
казниши; подобает государю милостиву быти. А ти же на колы мученици суть». Призвав же и другаго и вопроси его тако же. Он же отвеща: «Ты, государь, от бога доставлен еси лихо творящих казнити, а добро творящих жаловати. А ти лихо творили, по своим делом въсприали». Он же призвав первого и глагола к нему: «Да почто ты из монастыря и ис келии своея ходиши по великым государем, не зная ничто ж? А ныне сам еси глаголал, яко ты мученици суть. Аз и тебе хощу мученика учинити, да и ты с ними будеш мученик». И повеле его на кол посадити проffходом, а другому повеле дати 50 дукат злата, глаголя: л. 209
«Ты еси разумен муж». И повеле его на возе с почестием отвести и до Угорскыя земли.

Некогда же прииде купецъ гость некы от Угорскыя земли в его град. И по его заповеди оставилъ возъ свой на улицы града пред полатою и товаръ свой на возе, а сам спаше в полате. И пришед некто, украде с воза 160 дукат злата. Купец же иде к Дракуле, поведа ему изгубление злата. Дракула же глагола ему: «Поиди, в сию нощъ обрящеш злато». И повеле по всему граду искати татя, глаголя: «Аще не обрящется татъ, то вѣльсъ л. 209 об.
град погублю». И повеле свое злато, нес, положити на возе в нощи и приложи един златой. Купец же вѣстав, и обрете злато, и прочет единою и дващи, обреташесь един лишний зла-

²⁷ государ K. ²⁸ Испр.; чиниша EK.

той, и шед к Дракуле, глагола: «Государю, обретох злато, и се есть един златой не мой, лишний». Тогда же приведоша и татя оного и с златом. И глагола кущю: «Иди с миром; аще бы ми еси не поведал злато, готов бых и тебе с сим татем на кол посадити».

Аще жена кая от мужа прелюбы сътворит, он же веляше
л. 210 срам ей вырезати, и кожю содрати, и привязати ея нагу, и колжу ту на столпе среди града и торга повесити, и девицам, кои девьства не сохранят, и вдовам також, а иным сосца отрезаху, овым же кожу содравше со срама ея, и, рожен железен разжегши, вонзаху в срам ей, и усты исхожаше. И тако привязана стояше у столпа нага, дондеже плоть и кости ей распадутся иль птицам в снедь будет.

Единою же яздающу ему путем и узре на некоем сиромахе срачию издралу худу и въпроси его: «Имashi ли жену?». Он же отвѣща: «Имам, государю». Он же глагола: «Веди мя в дом твой; да вижю». И узре жену его младу сущу и здраву и
л. 210 об. глагола мужу ея: «Неси²⁹ ли лен || сеял?». Он же отвѣща: «Господи, много имам лну». И показа ему много лну. И глагола жене его: «Да почто ты леность имееши к мужу своему? Он должен есть сеяти и орати и тебе хранити, а ты должна еси на мужа своего одежю светлу и лепу чинити, а ты и срачици не хощеши ему учинити, а³⁰ здрава суща³¹ телом. Ты еси повинна, а не мужъ твой: аще ль бы муж не сеял лну, то бы муж твой повинен был». И повеле ей руце отсечи и труп ея на кол всадити.

Некогда ж обедоваше под трупием мертвых человек, иже
л. 211 || на колие саженых, множество бо окруж стола его; он же среди их ядяше и тем услажашесь. Слуга ж его, иже пред ним ясти ставляше, смраду оного не моги терпети и заткну нос и на страну главу свою склони. Он же въпроси его: «Что ради тако чинишь?». Он же отвѣща: «Государю, не могу смрада сего терпети». Дракула же ту и повеле его на кол всадити, глаголя: «Тамо ти есть высоко жити, смрад³² не можетъ тебе доити».

Иногда ж прииде от угорского короля Маттеаша апоклисарь до него, человек не мал болярин, в лясех родом. И повеле
л. 211 об. ему сести с собою на обеде среди || трупия того. И пред ним лежаше един кол велми дебел и высок, весь позлащен, и въпроси апоклисаря Дракула: «Что ради учиних сей кол тако? Повеж ми». Посол же той велми убося и глагола: «Государю, мнит ми ся тако: неки великий человек пред тобою согреши, и хощеши ему почтену смерть учинити паче иных». Дракула же глагола: «Право рекл еси; ты еси велика государя посол кралевьски, тебе учиних сей кол». Он же отвѣща: «Государю, аще достойное смерти соделал буду, твори еже хощеши. Праведный
л. 212 бо еси судия; не ты повинен моей смерти, но аз || сам». Дра-

²⁹ Испр.; веси ЕК. ³⁰⁻³¹ Испр.; здр аву сущу ЕК. ³² срам К.

кула ж расмияся и рече: «Аще бы ми еси не тако отвещал, воистину бы был еси на сем коле». И почти его велми и, одарив, отпусти, глаголя: «Ты в правду ходи на поклисарство от великих государей к великым государем,³³ научен бо еси с государьми великими говорити, прочии же да не дерзнутъ, но первое учими будуть, как им с государьми великими беседовати». Таков обычай имеаше Дракула:³⁴ отколе к нему приходяше посол от царя или от короля неизящен и не умеаше против кознем кто отвешати, то на кол его всажаше, глаголя: «Не аз повинен твоей смерти — иль государь твой, иль ты^а || сам. л. 213 На мене ничто же рци зла. Аще государь твой, ведая тебе малоумна и не научена, послал тя есть ко мне,³⁵ к великоумну³⁵ государю, то государь твой убил тя есть; аще ль сам дерзнул еси, не научився, то сам убил еси себя». Тако поклисарю учиняше кол высок и позлащен весь, и на него всаждаше, и государю его те речи отписоваше с прочими, да не шлет к великоумну³⁶ государю малоумна и ненаучена мужа в посольство.

Учиниша же ему мастери бочки железны; он же насыпа их злата, в реку положи. А мастеров тех посещи повеле, да никто ж.увесть съдела⁶||ннаго им окаанства, токмо тезоимениты ему л. 214 диявол.

Некогда же поиде на него воинством король угорски Матеашь; он же поиде против ему, и сретеся с ним, и ударишась обои, и ухватиша Дракулу жива, от своих издан по крамоле. И приведен бысь Дракула ко кралю, и повеле его метнути в темницю. И седе в Вышеграде на Дунаи выше Будина 12 лет. А на Мунтьянской земли посади иного воеводу.

Умершу же тому воеводе, и краль пусти к нему³⁶ в темницю,³⁶ да аще восхощет быти воевода на Мунтианской земли, яко же и первие, то да латинь||скую веру прииметь, аще ль же ни, то л. 214 об. умрети в темници хощеть. Дракула же возлюби паче времененаго света сладость, нежели вечнаго и бесконечнаго, и отпаде православия, и отступи от истины, и остави свет, и приа тму. Увы, не возможе темничная временные тяготы понести, и уготовася на бесконечное мучение, и остави православную нашу веру, и приат латиньскую прелесть. Крал же не токмо дастъ ему воеводство на Мунтианской земли, но и сестру^{л. 215} || свою родную дастъ ему в жену, от нея же роди два сына. Пожив же мало яко 10 лет, и тако скончася в той прельсти.

Глаголют же о немъ, яко, и в темници седя, не остался своего злого обычая, но мыши ловя и птицы на торгу покупая, и тако

^а л. 212 об. чистый.

³³ Испр. по К; о государем Е.

³⁵⁻³⁵ Испр. по К; в великоумну Е.

⁶ л. 213 об. чистый.

³⁴ Испр. по К; Друкаула Е.

³⁶⁻³⁶ Нет К.

казняше их, ову на кол посажаше, а иной главу отсекаше, а со иных первые оципав, пускаше. И научися щити и тем в темници кормляшесь.

Егда ж краль изведе его ис темници, и приведе его на Будин, и дастъ ему дом в Пещи противу Будина, и еще у краля не былъ, случися некоему злодею уйти на его двор и съхра³⁷нися. Гонящий же приидоша и начаша искати и найдоша его. Дракула же востав, взем мечъ свой, и скочи с полаты, и отсече главу приставу оному, держащему злодея, а злодея отпусти; прочии же бежаша и приидоша к биреву³⁷ и поведаша³⁸ ему бывшее. Бирев же с всеми посадники иде ко кралю, жалуяся на Дракулу. Корол же посла к нему, вопрашая: «Что ради таково зло учини?». ³⁹ Он же тако отвѣща: «Зло никое ⁴⁰ ж учиних, но он сам себе убил; находя разбойнически на вели-
л. 215 об. каго государя дом, всяк так погибнетъ. Аще ли то || ко мне пришел бы явил, и аз во своем дому⁴¹ нашел бы того злодея, или бы выдал, или просил его от смерти». Кралю же поведаша. Корол же нача смеяться и дивитися его сердцю.

Конец же его сице: живяше на Мунтианской земли, и приидоша на землю его турци, начаша пленити. Он же удари на них, и побегоша турци. Дракулино же войско без милости начаша их сечи и гнаша их. Дракула же от радости възгнав на гору, да видить, како секуть турков, и отторгъся от войска; ближ-
л. 216 об. нии⁴² его, мнявшись яко турчин, и удари его един копием. Он же видев, яко от своих || убиваем, и ту уби своих убийцъ мечемъ своимъ 5, его же мнозими копии сбodoша, и тако убиен бысь.

Крол же сестру свою взят, и со двема сынми, в Угорскую землю на Будин. Един при кралеве сыне живет, а другой был у Варадинскаго⁴³ бископа и при нас умре, а третьяго сына, старейшаго, Михаила тут же на Будину видехом, от царя турскаго прибег ко кралю; еще не женився, прижил его Дракула с единою девкою. Стефан же молдовскій з кралевы воли посади на Мунтианской земли некоего воеводскаго сына, Влада име-
л. 217 нем. Бысь бо той Влад || от младенства инок, потом и священник и игумен в монастыри, потом ростригся и сел на воеводство и женился, понял воеводскую жену, иже⁴⁴ после Дракулы мало побил и убил его Стефан волоськы, того жену понял. И ныне воевода на Мунтианской земли Влад, иже бывы чернецъ и игумен.

В лето 6994 февраля⁴⁵ 13 прежде писал, та же в лето 6998 генваря⁴⁶ 28 вдругъе преписах, аз грешны Ефросин.

³⁷⁻³⁸ исповедаша К. ³⁹ учиних К. ⁴⁰ никоего К. ⁴¹ думу К.

⁴² ближний ж К. ⁴³ Варадийсково К. ⁴⁴ и К. ⁴⁵ Сокращение раскрыто по К; фев Е. ⁴⁶ Сокращение раскрыто по К; ген Е.

ТИХОНРАВОВСКИЙ ВИД

Публикуется по рукописи: ГБЛ, собр. Тихонравова (ф. 299), № 379

Сказание о Дракуле воеводе. Глава 9. л. 85 об.

Бысть в Мутьянской земли воевода, верою греченин, именем Дракула влашенским языком. Точию зело || мудр, яко же л. 86 по имени его, тако и жития его.

Некогда же придоша к нему от турского царя посланники. Егда придоша и поклониша ему по своему обычаяу, колпаков своих з глав не сняше, Дракула же вопроси их: «Чесо ради таков учинисте ответ: к таковому великому государю приидосте и такову мне срамоту учинисте?». Они же ему отвещавше: «Таков обычай || у государя нашего, и земля имеет таков обычай». л. 86 об. Дракула же рече им: «Аз хощу закона вашего подтвердити, да крепко стойте». И повелев им гвоздием железным на главах их колпаки пришивати, и отпусти их, и рече им: «Щедше скажите государю вашему: навык де он от вас срамоту терпети, мы же не навыкохом, да не посыласт своего обычая ко иным государем, кои || не хотят его имети, у себя той обычай держит». л. 87

Пришедш же от них, поведаша царю. Царь же турский возъярится велии и поиде на Дракула с великою ратио. Дракула же, собра елико имеяше у себя войска, и урядив их на турского царя, и множество у него изби силы. И не возможно ему против великого войска малыми людьми стояти и возвратиша вспять. И кои с собою и с ним пришли, нача их смотрити; || которой ранен спереди, тому велику честь воздаде и витязем л. 87 об. его учинил, а которой в тыл ранен, тех повеле на кол сажати и глагола: «Те не ложно билися верно, которой спереди ранен». И глагола всему войску своему: «Когда поида на турского, кто хощет смерть свою помышлять со страхом, и той со мною на войну не ходи, останься зде». Турской же, слышав, и поиде л. 88 прочь с великою, срамотою, || бесчисленно войска своего изгубил.

Царь же поклисаря послал к нему, да ему дастъ дань. Дракула же велии почти послал царева, и показа ему все имение свое, и рече ему: «Не токмо аз^в хощу давати дань царю вашему, но и со всем своим войском и со всею казною своею хощу к нему итти на службу. И ты пещь возвести царю своему, когда поида к нему аз, дабы меня царь не велел бы, || когда поида по земли л. 88 об. его, никто бы зла ми учинити, ни моим людем, аз хощу к тебе, царю, на службу итти и дань тебе принесу сам». Царь же сия слышав от послы своего, что Дракула хощет притти к нему на службу, и послал своего почти и одари. И рад бысть вельми, бе бо тогда ратуяся с восточными странами. И послал скоро по всем градом своим и по землям: || «Да когда Дракула поидет л. 89

^в В рукп. ав дважды.

по⁶ моей земли, ни единаго зла сотворите Дракуле, но и честь еще ему воздавайте». Дракула же поиде, собрався с войском своим, и царь приставов постави в царстве своем, чтоб Дракуле честь велику воздавали. Дракула же поиде по земли царя турскаго, яко же елико дней, и возвратися назад с войском своим,

- л. 89 об. и нача пленити грады и села, и много множеству || пощени, и множество изсече, овы на колия сажаху, а овых на полы пресецаху, иже и ссущих младенец поби. Ничто же остави, всю землю пусту сотвори, прочих же, христиан, тех на свою землю преведе и всели. И много множеству корысти получи, и возвратися вспять, приставов же тех почти, и одари, и отпусти их,
- л. 90 и рече им: «Шедше поведите царю своему, яко же || видесте; елико могох, толико и послужих ему. Аще годна будет моя ему служба, аз ему хощу и впредь тако же служити, елика ми сила сяжет». Царь же се слышав, что ему Дракула учинил, и срамотою⁸ побежден бысть.

Дракула же возненавиде толико по своей земли, яко же кто учинит зло, татьбу, или разбой, или кою иную неправду, той че-

- л. 90 об. ловек || никако может быти жив. Аще ли и великий болярин, или священник, или диякон, или простый человек, аще бы кто имел и богатство велие, никако же может искушитися от смерти, царь бо вельми грозен и сверен добре. Источник же и кладезь на некоем пусте месте, бе бо в том кладези и источнице вода сладка, и многия пути пришли от многих стран ко кладезю тому, и пияху из него воду. Дракула же у того кладезя постави чашу злату дивно зело и подписа ю: аще кто хощет пить воду, сею чашею да пьет, и паки на том же месте поставит ю. Елико же время оно ту чаша пребыть, никто же может взяти ю, не смеяху бо от Дракулина страха.

- Во единое же время пусты по земли своей слово сицево, аще || кто стар или немощен, да приидут ко мне вси. И собрашася безчисленно много нищих и странных к царю Дракуле, чающе от него милости. Он же повеле их собрати во едину храмину великую, на то устроено, и повеле им дати ясти и пити доволно; они же ядоша и пивше и возвеселиша. Дракула же прииде к ним и глагола: «Что хощете от мене⁹». Они же отвешавше ||
- л. 92 об. тихим гласом: «Тебе, царю, воля есть, бог ведает, да и ты, царю, да твое величествие, како тебя бог вразумит, тако и сотвориши». Он же глагола им: «Хощете ли, сотворю вы беспечалны на сем свете, и ничем не нужны будите?». Они же вси, от него чающе милости цияти, и глаголаше: «Хощем, государь царь». Он же повеле затворити их во храмине и зажже их огнем, и ту вси изгореша. || Дракула же глагола боляром своим: «Весте ли вы, что се учиних тако: первие, не стужают людем, да никто же будет нищъ во всей земли моей, но все

⁶ В рукн. по приписано.

⁸ Испр.; в рукн. срамотою.

богати, второе, свободи их, да не страждет никто же от них на сем свете от нищеты их или от недуга их».

И ная повесть. Единою же приидоша к нему от Угорских земли два мниха латинских веры, милости ради. Дракула же повеле их || разно розвести, и призыва единаго л. 93 к себе от них, и показа ему окрест двора своего множество без- численно людей на колиях и на колесех, и вопроси Дракула старца: «Добро ли тако створих, и каковы тии на колесех и на колиях?». Старец же глагола царю: «Несть добро тако творити, но зло чиниши; подобает государю быти милостиву, а ты без милости казниши. Яко же на колиях, тии суть || мученики». л. 93 об. И призыва втораго мниха и вопроси его такожде. Он же отвешав к нему: «Ты, царь, от господа государем поставлен, и власть бог дает, ему же хощет; зло тебе творящих, тех смертию казниши, а добро творящих, тех жалуешши. Которыя тебе зло створили, те по делом своим смерть прияша от тебя, государя». Дракула же призыва к себе первого старца и глагола ему: «Почто ты из монастыря || и ис келии идеш по великим л. 94 государем, не знаеш, чем ответу дати мудрым людем? А ныне сам еси глаголал, яко тии суть мученики, кои на колиях. И аз тебя хощу мучеником створити, да и ты с ними мученик будешши». И повеле его на кол посадити, а другому повеле дати 50 туган злата, и рече ему: «Ты еси муж мудр и разумен велими». И повеле его на возу с великою честию отвести до Угорских земли.

ЗАБЕЛИНСКИЙ ВИД

Основной текст: ГИМ, собр. Забелина, № 451

— З

Разночтения: ГПБ, собр. Титова, № 2796

— Т

ГПБ, собр. ОЛДП, Ф. СХСВ

— О

Архив Географического общества СССР, Р. 114,

оп. 1, № 17 (тетрадь № 6)

— Г

ГПБ, собр. Погодина, № 1606

— П

ГБЛ, собр. Ундовского (Ф. 310), № 632

— У

Сказание^{1,1} о² Дракуле воеводе Мутяни- л. 853 ския³ земли

Бысть⁴ в Мутяни⁵ земли⁶ греческия веры християнин⁷ воевода именем Дракула влашьским⁸ языком, ⁹а нашим руским дьявол.¹⁰ Толико¹¹ зломудр,¹² яко же по¹³ имени его,¹⁴ тако и житие его.¹⁵

1, 1 Слово ОУ; нет ГП. 2 о царе П. 3 Мунтианской Г; Греческия П. 4 власт Г. 5 Мотяниской П. 6 Испр. по ОГПУ; нет ЗТ. 7 християнин и П. 8 влашьским О. 9-10 а руским нашим языком дьявол П; нет У. 11 Испр., по ГУ; только З; только ТО; толико бе П. 12 зело мудр О; безмилосерд П. 13 бо П. 14-15 имени Г; и не поменути его П. 15 Нет Г.

О послех.¹⁶ Поидоша¹⁷ к нему некогда от турскаго¹⁸ поклисарие¹⁹ и, егда внидоша²⁰ к нему и поклониша по своему л. 853 об. обычаю, кап²¹ своих³²² глав не сняша. || Он же рече:²³ «Что²⁴ ради тако учинисте,²⁵ к²⁶ великому государю²⁷ приидосте²⁸ и такову²⁹ срамоту ми³⁰ учинисте?». Они же отвещаше:³¹ «Таков³² наш обычай³³ земля³⁴ имеет».³⁵ Он же глагола им:³⁶ «И³⁷ аз³⁸ вашего обычая не раздрушаю, но³⁹ хощу вашего закона наипаче⁴⁰ подтвердити, да крепко стоите». И повеле гвоздием⁴¹ железным⁴² ко главам их⁴³ прибити⁴⁴ капы их⁴⁵ и отпусти их, рек⁴⁶ им: «Шедше скажите⁴⁷ государю вашему,⁴⁸ он навык от вас тоя⁴⁹ срамоты⁵⁰ терпети, мы же не навыкохом, да не посыает своего обычая ко иным государем, кои⁵¹ не хотят⁵² его держати, но свой обычай каждо у себе и держит».⁵³

⁵⁴Брань царева с Дракулою.⁵⁵ Царь же⁵⁶ велми розсердився⁵⁷ о том и⁵⁸ поиде войском⁵⁹ на него⁶⁰ и прииде на него⁶¹ многими силами.⁶² Он⁶³ же, собрав⁶⁴ елико имяше у себя войска,⁶⁵ и устремися⁶⁶ на турки⁶⁷ ноцию, и множество изби их,⁶⁸ и не возможе противу их⁶⁹ войска великаго⁷⁰ малыми людьми стояти, и возвратися. И⁷¹ кои с ним з бою того приидоша, и нача их⁷² сам смотрити, ⁷³ и который спереди ранен,⁷⁴ тому⁷⁵ честь великому воздаваше⁷⁶ и витезем его учиниша,⁷⁷

¹⁵⁻¹⁶ Заголовка нет П; О послох У. ¹⁷ приидоша ОГПУ. ¹⁸ турка О. ¹⁹ царя послы (послы *переправлено из поии?*) П; поклисарства, на поле послове У. ¹⁹⁻²⁰ царь да въднидоша (въднидоша *переправлено из неднидоша*) П. ²¹ колпаков У. ²¹⁻²² с своих О; з У. ²³ вопросы их ГПУ. ²⁴ чего ТО. ²⁵ учиниша ОП. ²⁶⁻²⁷ государю великому ГП; государю к великому У. ²⁸ предали П; приидоста У. ²⁹⁻³⁰ ми срамоту Г; срамоту и П. ³¹ отвеща Г; отвеща сие ему П. ³²⁻³³ наш обычай, государь О; обычай наш, государь ГУ; обычай, государь, наш П. ³⁴ и земля наша ГПУ. ³⁵ тако держит и П. ³⁶ Нет ПУ. ³⁷ а О; нет У. ³⁸⁻³⁹ Нет ГПУ; еще О. ⁴⁰ Нет ОГПУ. ⁴¹ гвоздими Г; им гвоздием П; на главах их колпаки гвоздием У. ⁴²⁻⁴³ ко главам ОГ; ко главам капы П; нет У. ⁴⁴⁻⁴⁵ капы ОГ; нет ПУ. ⁴⁵⁻⁴⁶ и рече П. ⁴⁷⁻⁴⁸ своему государю П. ⁴⁹ ту ОГП; такую У. ⁵⁰ срамоту ОГПУ. ⁵¹ но Г; конний У. ⁵² хотя Г. ⁵²⁻⁵³ его имети, но у себя держит О; его имети, но у себя да держат Г; его имети и себя держати П; сего обычая имети У. ⁵⁴⁻⁵⁵ Брань турецкаго царя з Дракулою О; Брань царева ГУ; о приходе послы того слышав же П. ⁵⁶ Нет П. ⁵⁷ разсерди себя Г. ⁵⁸ Нет О; но П. ⁵⁸⁻⁶² иде с великою силою и войском на Дракула царя П. ⁵⁹ войским О; с войским ГУ. ⁶⁰⁻⁶¹ со У. ⁶¹ него со Г. ⁶³ Дракула П. ⁶⁴⁻⁶⁸ все свое велико войско, имяше войска Дракурина (!) много, турков же ноцию множество побиша П. ⁶⁵ Испр. по ОГ; нет ЗТ; войска своего У. ⁶⁶ удари ОГ; ударишася У. ⁶⁷ турков ГУ. ⁶⁸ Нет ГПУ. ⁶⁸⁻⁷⁰ великого войска ПУ. ⁷⁰ великого с О. ⁷¹ Нет ОГПУ. ⁷¹⁻⁷² с бою того, и по пришествии нача их О; с бою того, и приидоша начат П. ⁷² их Дракула У. ⁷³⁻⁷⁴ кои ранены спереди ОГ; своего войска, которые спереди ранены П; кои ранены спереди У. ⁷⁵⁻⁷⁶ честь велику подаваше О; честь велию подаваше Г; честь велию подаша П; велию честь воздаваше У. ⁷⁶⁻⁷⁷ витези их учиниша П; нет У. ⁷⁷ учиняще Г.

а который созади ранен,⁷⁸ того повеле⁷⁹ на кол сажати⁸⁰ глаголя: «Еси⁸¹ не муж,⁸² но жена». ⁸³ А тогда,⁸⁴ когда⁸⁵ поиде на турки, || л. 854 тако глагола⁸⁶ всему войску⁸⁷ своему:⁸⁸ «Хто хощет смерть помышляти, тот⁸⁹ не ходи⁹⁰ со мною⁹¹ на бой,⁹² остани⁹³ зде». Царь же, слышав⁹⁴ то, поиде прочь с великою срамотою, ⁹⁵безчисленно изгубив войска своего,⁹⁶ не смея⁹⁷ на нь⁹⁸ поити.⁹⁹

О послех.¹⁰⁰ Царь же¹¹, поклисаря к нему посла,² да ему³ дань даст.⁴ Дракула же велми почти поклисаря⁵ оного⁶ и показа ему все⁷ свое имение⁸ и рече ему: «Аз не токмо хощу⁹ дань давати царю,¹⁰ но и¹¹ со всем своим¹² войском¹³ и всюю казною хощу к нему итти¹⁴ на службу, да како¹⁵ ми повелит,¹⁶ так¹⁷ ему и служу.¹⁸ И то¹⁹ возвести царю, как поиду²⁰ к нему, да²¹ не велит²² царь во²³ своей земли²⁴ никоего зла учинити мне²⁵ и²⁶ моим людем, аз²⁷ хощу скоро по тебе итти,²⁸ и²⁹ дань принесу и сам³⁰ прииду к нему на службу».³¹ И послы почти³² и одари³³ его много.³⁴ Вельми³⁵ рад бысть царь,³⁶ бе бо тогда ратуяся³⁷ с восточными цары.³⁸ Посла³⁹ скоро по всем градом⁴⁰ и по всей земли своей,⁴¹ да когда Дракула князъ⁴² поидет,

77-78 а кой их созаду ранен Г; а коих созади ранены П; а кой сзади ранен У. 78-79 и тех П. 79 Нет ГУ. 79-80 на колье сажаша их П. 80 повеле сажати ГУ. 80-81 и глагола им, вы есте П. 81 ты еси ОГУ. 82 мужи П. 83 жены П. 84 когда Т; того У; нет П. 85 коли Г; да ли У. 86 глагола к О; глаголеть П; глаголя У. 87 своему П. 88 войску П. 89 и тот О; той Г; тот бы П. 90 ходил П. 91-92 Нет ОГПУ. 93 останися ГПУ. 94 видев Т. 95-99 безчисленно (?) о погибели войска своего П; войска своего безчисленно много изгуби У. 96 Нет ОГ. 97 смея более О. 98 Нет Г. 100 вторых послех О; после ГПУ.

П, 1-2 поклисаря послы к нему Г; турский послы послы к нему Дракуле П; послы к нему поклисаря своего У. 2 паки послы О. 2-4 Дракуле дати дань П. 3 чтобы ему У. 3-4 царь даст дань О; даст дань Г; дал дань У. 5 послы П. 6 Нет О. 7-8 имение свое ПУ. 9-10 царю дань давати У. 10 вашему царю П. 11 Нет ГУ. 12 войском П. 13 воинством Г; своим П. 13-14 хощу к нему ехати и со всею казною У. 14 сам итти П. 15 что У. 15-16 велит ми П. 17 Нет Г. 17-18 и я пойду к нему на службу Г; и служу ему П; и служю У. 19 ты ОГПУ. 20 велит У. 21 так к нему и иду, да У. 22 велит ми Г; велел бы П. 22-24 мне в сей земле своей П. 23 по О; во всей У. 25 Нет П. 26 ни П. 27 дати (?) аз Г; а яз П; и аз У. 28 к царю итти ГУ; имети ко царю П. 29 Нет П. 30-31 прииду к нему, царь же услышав то от послов своих, что Дракула хощет прийти к нему на службу О; к нему прииду, царь же услышав то от послы своего, что Дракула хощет прийти к нему на службу ГП; к нему прииуди, царь же услышав то слово от послы своего, что Дракула хощет прийти к нему на службу У. 32 своего почти ГУ; своего почти П. 33 одарив П. 33-34 его многими Т; много ОГ; нет П; много его У. 35 и велми и Т; и велми Г; и У. 36 Нет ОГПУ. 36-38 с восточными землями П. 37 царь воевася У. 38 Нет ГУ. 39 и после П; и послы У. 40-41 и по земли Г; по своей земле П; своим У. 42 Нет ОГПУ.

никоего⁴³ зла⁴⁴ никто⁴⁵ же да не учинит Дракуле и людем его, но еще и⁴⁶ честь ему⁴⁷ воздавали. Дракула⁴⁸ ж поиде,⁴⁹ собрався со всем⁵⁰ войском своим,⁵¹ и приставици⁵² царевы⁵³ с ним, велию⁵⁴ честь воздаваше.⁵⁵ Он же преиде⁵⁶ по⁵⁷ земли его яко пять⁵⁸ дний, и внезапу вернуся,⁵⁹ и нача⁶⁰ пленити грады⁶¹ и села и⁶² множество много⁶³ пощлени,⁶⁴ овых изсече, а⁶⁵ овых на колия сажаху турков, и⁶⁶ иных на полы пресекая⁶⁷ и зжигая⁶⁸ и до сущих⁶⁹ младенцов, и⁷⁰ ничтоже остави, всю землю л. 854 об. ⁷¹пусту учини, и⁷² противих же, иже⁷³ християне,⁷⁴ на свою || землю прогна⁷⁵ и насели. И⁷⁶ множество много⁷⁷ корысти в земли той обрете,⁷⁸ возвратися,⁷⁹ приставов тех⁸⁰ почтив,⁸¹ отпустил их, рекше: «Шед повежььте⁸² царю, яко же⁸³ видесте,⁸⁴ сколько могу,⁸⁵ толико ему⁸⁶ и служу.⁸⁷ И будет⁸⁸ ему моя⁸⁹ служба угодна,⁹⁰ и я⁹¹ ему еще⁹² хощу⁹³ послужити такожде,⁹⁴ какова ми⁹⁵ есть сила».⁹⁶ Царь⁹⁷ же⁹⁸ ничто же ему учини,⁹⁹ срамом побежден.¹⁰⁰

III.¹ И толико ненавидя² во своей земли зла, яко кто учинит³ татьбу, или разбой, или кую льжу, или⁴ неправду, той никако

⁴³ некоего же Г; никоего бы П; никоего же бы У. ⁴⁴ зла Дракуле П.У.
⁴⁵ Нет П. ⁴⁵⁻⁴⁶ да бы не учинил и О; же да Дракуле не учинил, но еще Г; не учинити, но еще бы ему П; не учинил, но еще и У. ⁴⁶⁻⁴⁷ честь П.
⁴⁷ бы ему Г.У. ⁴⁸ и Дракула О. ⁴⁹ Нет О.У. ⁵⁰ Нет П.
⁵⁰⁻⁵¹ войском своим поиде О; войским Г; своим войском и поиде У.
⁵² приставы О.П.У; приставове Г. ⁵³ царский О.Г.П.У. ⁵⁴ и везде велию О; и велию Г; и велию ему П; и везде ему велию У. ⁵⁵ воздаваше ему О; ему воздаваше Г; воздавали П. ⁵⁶ поиде П; приде У. ⁵⁷ до У. ⁵⁸ за пять У. ⁵⁹ верну вся Г; вернуся П. ⁶⁰ начат П.
⁶¹ градове О.Г.П.У. ⁶²⁻⁶³ множество и много Г; много множество П; множество У. ⁶⁴ плени Г.П; нет У. ⁶⁴⁻⁶⁵ и изсече О.Г; иссече П.У.
⁶⁶ а П.У. ⁶⁷ пресекая О; пересеках П; пересекая У. ⁶⁸ жизая Г; иде же П; ждися У. ⁶⁹ сущих Г. ⁶⁹⁻⁷⁰ младенец О.Г.П.У.
⁷¹⁻⁷² учини пусту, а О; ту пусту учини Г; пусту остави П; ту племни У. ⁷³ Нет П; человецы суть У; суть Г. ⁷⁴ крестьян П; крестьяне У.
⁷⁵ приведе Г; и на села прогна П; прогна на села У. ⁷⁵⁻⁷⁶ и насели О.Г; нет П.У. ⁷⁷⁻⁷⁸ корысти взя и О; корысти взем Г.П; и У.
⁷⁹ возвратився П; возвратившися назад У. ⁸⁰ же царских О; же тех Г.
⁸¹⁻⁸² отпусти рек: шедше поведайт О.Г; отпусти и рече: шед поведайт П; и отпусти: повежььте У. ⁸³ Нет У. ⁸⁴ видите У. ⁸⁵ и много же П; мог У. ⁸⁶ есм ему О; нет Г.П.У. ⁸⁷ служил О.Г.У; послужих П.
⁸⁷⁻⁸⁸ буде впередь П. ⁸⁸ буде О. ⁸⁸⁻⁸⁹ угодна ему моя П. ⁸⁹ моя угодна О; угодна моя Г.У. ⁹⁰ Нет О.Г.П.У. ⁹¹ яз Г; аз У. ⁹¹⁻⁹² еще ему О; еще П.Г; ему и еще У. ⁹³⁻⁹⁴ ему так служити Г; ему такоже служити П; так служити У. ⁹⁵ моя П. ⁹⁵⁻⁹⁶ служба П. ⁹⁷ преж Г. ⁹⁸ Нет О.Г. ⁹⁹ не учинил П; не учини У. ¹⁰⁰ побежден быстри П.

III.¹ Перед этим заголовок О правде П.У; перед этим пробел для заголовка и далее скорописью О Владе воеводе, а Дракула и бес, и диявол, и сатано, и черны, и Цматуса, и щил, и щаясос, и локона, и гомпы (?) О. ² ненавидев У; в списке Г лист 15 об. слева заклеен полоской бумаги, прикрывающей начальные буквы строк. ³ учинит кое О; учинит кое (?) зло Г; учинит кое зло П.У. ⁴ и У.

же будет жив. Аще и⁵ великий боярин, или священник,⁶ не токмо простый человек, но никого щадя,⁷ толико⁸ бысть грозен.⁹ О источник и к е.¹⁰ Источник есть и кладезь на едином месте, и к тому кладезю¹¹ пришли¹² мнози путье¹³ и от многих стран прихожаху людие мнозии,¹⁴ и пияху¹⁵ от источника и¹⁶ кладезя того,¹⁷ вода¹⁸ бо студена¹⁹ бе и сладка.²⁰ Он же у того кладезя на пустом месте постави чашу²¹ велию²² и дивну злату,²³ и хто хотяше воду пить, да тою чарою²⁴ воду пиет²⁵ и на том же²⁶ месте поставит ю,²⁷ и, елико бяше²⁸ он время пребыв,²⁹ никто же смеяше³⁰ чару ту³¹ взяти³² страха его ради.³³

О и и щ и х.³⁴ Единою³⁵ пусти по всей³⁶ земли своей³⁷ веление,³⁸ || да кто стар, или немощен, или³⁹ вреден чем,⁴⁰ л. 855 или ниш,⁴¹ всеи да⁴² приидут к нему. И сбирахася⁴³ безчисленно⁴⁴ нищих множество⁴⁵ и странных⁴⁶ к нему, чающих⁴⁷ от него великия милости.⁴⁸ Он же повеле⁴⁹ собрати их⁵⁰ всех во едину храмину великую,⁵¹ на то устроену, и повеле⁵² дати им⁵³ ясти и пить довольно; они же ядше и пивше⁵⁴ возвеселиша. Он же прииде⁵⁵ к ним и глагола им: «Что еще требуете?» Они же вси⁵⁶ отвещаша глаголаху:⁵⁷ «Ведает⁵⁸ государю княже,⁵⁹ бог и⁶⁰ твое величество,⁶¹ как⁶² тя о нас⁶³ бог вразумит». Он же глагола к ним: «Хощете ли, да соторю вас беспечалны на сем свете,⁶⁴ и ничим же нужни⁶⁵ будете?». Они же чающе⁶⁶ от него велико нечто⁶⁷ и глаголаше вси:⁶⁸ «Хощем, государю». Он же повеле⁶⁹ заперти храмину ту⁷⁰ и зажеши⁷¹ отнем, и вси ту

⁵ ли ОГПУ. ⁶ кой князь П; поп У. ⁶⁻⁷ или прости человек, аще велико богатство имать, и никто не может искупитися от смерти и ОГ; или поп или простой аще сы, и велико богатство имел и тот не может откупитися от ево смерти П; или прости человек, аще и велико богатство имел бы кто, то не может искупитися от смерти и У. ⁸ толь П. ⁸⁻⁹ грозен бысть ГУ; грозен П. ⁹⁻¹⁰ Заголовка нет У. ¹⁰ источнике ТОГ. ¹¹ кладезю источнику О. ¹²⁻¹³ путе мнози ОГ. ¹³⁻¹⁴ Нет Г. ¹⁵⁻¹⁶ от ГУ. ¹⁷ Нет О; источника Г. ¹⁸ воду ОГУ. ¹⁸⁻¹⁹ понеже студена О; студена Г. ¹⁹⁻²⁰ Нет У. ²⁰ Далее заголовок О чаре ОГ. ²¹ чару ОУ. ²²⁻²³ и дивну и злату О; злату дивну У. ²⁴⁻²⁵ пиет воду Т; пиет ОУ. ²⁶ Нет ОГУ. ²⁷ да поставит ю ОГ; поставит У. ²⁸ Нет ОУ. ²⁸⁻²⁹ время он пребысть Г.²⁹ пребысть У. ³⁰⁻³¹ ту чару ОГУ. ³²⁻³³ от страха ОГ; нет У. ³⁴ мнишех Г; странных У. ³⁵ въ едино же время О; едино же ГПУ. ³⁶ своей П. ³⁷ Нет П. ³⁸ Нет П; кличь велий У. ³⁸⁻⁴¹ да кто стар или ниць или чем вреден У. ³⁹⁻⁴⁰ чим вреден ОГП. ⁴¹ Испр. по ТОП; ниш З; нищи Г. ⁴¹⁻⁴² да вси П. ⁴³ сбирахася ОГУ. ⁴⁴ Нет П. ⁴⁴⁻⁴⁵ множество нищих ОГ; много нищих У. ⁴⁶ странные Т; странных и убогих П. ⁴⁷ чающе ОГУ; чающи П. ⁴⁸ На этом кончается список Г. ⁴⁹⁻⁵⁰ собрати П; их собрати У. ⁵¹ велию ОП; нет У. ⁵²⁻⁵³ им дати У. ⁵⁴ Нет ОПУ. ⁵⁵ сам прииде ОУ; сам прииде П. ⁵⁶ Нет У. ⁵⁷ Нет ОПУ. ⁵⁸⁻⁵⁹ государю О; нет П; государь У. ⁶⁰ да П; да и У. ⁶¹ государево величество П. ⁶²⁻⁶³ тя О; тебя П; тебе У. ⁶⁴⁻⁶⁵ ничем нужны не П. ⁶⁶⁻⁶⁷ великия милости П; от него велико нечто У. ⁶⁸ Нет У. ⁶⁹⁻⁷⁰ заперти храмину ОУ; их заперти в той храмине П. ⁷¹ зажеши Т; зажеши ея П.

згореша.⁷² И глагола⁷³ бояром своим: «Да⁷⁴ весте, что⁷⁵ учи-
них⁷⁶ тако: первое,⁷⁷ да не стужают⁷⁸ людем, и никто же да⁷⁹
не будет нищ⁸⁰ в моей земли,⁸¹ но вси богати;⁸² второ, свобо-
дих⁸³ их,⁸⁴ да не стражет никто же на сем свете⁸⁵ от нищеты
или⁸⁶ от недуга».⁸⁷

О ми сех. Единою же придоша к нему от⁸⁸ Угор-
ские⁸⁹ земли два⁹⁰ латынска мниха⁹¹ милостыни ради. Он же
повеле⁹² развести их⁹³ разно, и призва к себе единаго от них,⁹⁴
показа ему вкруг⁹⁵ двора⁹⁶ множество безчислено⁹⁷ мертвых
человек на колье⁹⁸ и на колесех, и вопроси его:⁹⁹ «Добро ли
тако сотъврих, и¹⁰⁰ како^{IV,1} ти суть, иже² на колии?».³ Мних же
л. 855 об. той⁴ глагола: «Ни,⁵ || государю,⁶ зло чиниш, без милости каз-
ниш; подобает государю милостиву быти. А ти же⁷ на колии
мученицы».⁸ Призва⁹ же¹⁰ другаго и вопроси его¹¹ такожде.¹²
Он же отвешав:¹³ «Ты, государю, от бога послан¹⁴ еси, и власти
от бога дан¹⁵ бысть, лихо творящих¹⁶ казнити,¹⁷ а добро творя-
щих¹⁸ жаловати.¹⁹ А тे²⁰ лихо²¹ творили, и²² по своим делом и²³
восприяли». Он же, призва первого мниха,²⁴ глагола к нему:
«Почто²⁵ ты из монастыря, из²⁶ келии²⁷ своея ходиши по вели-
ким государем, не зная^{27a} ничто же²⁸? А ныне сам еси глаголал,
яко те мученицы суть. А э²⁹ же хощу и тебя мучеником³⁰ учи-
нити, да и ты с ними мученик будеш».³¹ И³² повеле его на кол
посадити, а другому повеле дати³³ 50 дукат³⁴ злата, и³⁵ гла-
гола ему:³⁶ «Ты еси разумен муж». И³⁷ повеле его³⁸ на возе
чесно³⁹ отвести до Угорские земли.

⁷² изгореша *O*. ⁷³ глаголаше ко *OУ*; глаголаша *П*. ⁷⁴ царь
греческий Дракула *П*. ⁷⁵ ли что я *П*. ⁷⁶ у них *O*; учинил *П*.
⁷⁷ первое *O*. ⁷⁸ утужают *У*. ⁷⁹ Нет *ПУ*.⁷⁹⁻⁸¹ в моей земли не
будет нищ⁸⁰ *У*. ⁸⁰ Испр. по *ТОПУ*; ниш *З*. ⁸² глаголати *O*.
⁸³ свободни *П*; свободи *У*. ⁸⁴ Нет *П*. ⁸⁴⁻⁸⁵ да не страждут от
них никто же на сем свете *O*; да никто же не страждёт от них *П*; да не
стражд нико от наших на сем свете *У*. ⁸⁶ и *П*. ⁸⁷ недуга на
сем свете *П*. ⁸⁸ Нет *Т*; мниши от *У*. ⁸⁹ Турская *П*. ⁹⁰ Нет
ПУ. ⁹⁰⁻⁹¹ латынские мнихи *П*. ⁹¹ мниха два *У*. ⁹²⁻⁹³ их раз-
вести *ПУ*. ⁹⁴ них и *П*; нищих и *У*. ⁹⁵ круг *ПУ*. ⁹⁶ двора
своего *У*. ⁹⁷ бо на коле *П*; нет *У*. ⁹⁷⁻⁹⁸ на кольях *O*; людей *П*;
людей, казненных на колье *У*. ⁹⁹ сего *O*. ¹⁰⁰ Нет *П*.
IV, 1 каковы *П*. ¹⁻² же *П*; ти суть *У*. ³ коле *O*. ³⁻⁴ он же
ОПУ. ⁵ Нет *ПУ*. ⁶ Нет *У*. ⁷ же суть *П*; нет *У*. ⁸ чело-
вцы пребудут мученицы *O*; суть мученицы *У*. ⁹ и призва *П*; при-
звав *У*. ¹⁰ Нет *ОП*. ¹¹ Нет *ОУ*. ¹² також *О*; нет *П*. ¹²⁻¹³ Нет *О*.
¹⁴ поставлен *ПУ*. ¹⁴⁻¹⁶ еси лихо творящих *O*; еси елико творящих
лихо *П*; есть лихо творящих *У*. ¹⁵ дана *Т*. ¹⁷ казнщи *П*.
¹⁸ деюших *У*. ¹⁹ жалуеши *П*. ²⁰ может ти *O*; ти *У*. ²¹ есть
ли зло *П*. ²² то они *П*; нет *У*. ²³ Нет *ОПУ*. ²⁴ и *ОПУ*. ²⁵ да
почто *ПУ*. ²⁶ и из *O*; изшел *П*. ²⁷ и *П*. ^{27a-28} ничего *O*.
²⁹ иже на колья, и я *П*; и аз *У*. ²⁹⁻³⁰ и тебе хощу мученика *П*; тебя
хощу мучеником *У*. ³¹ будеш во царьстве небесном *П*. ³² Нет *П*.
³³ Нет *П*. ³⁴ тукат дати *П*. ³⁵ Нет *П*. ³⁶ Нет *ОПУ*. ³⁷ Нет
П. ³⁸⁻³⁹ на возу честно *Т*; на возу с почтением *O*; на возе с по-
честию *П*; честно *У*.

О купце. Некто⁴⁰ купец прииде⁴¹ от Угорския земли
42 во град его.⁴³ И⁴⁴ по его заповеди оставил⁴⁵ воз свой на улице
града⁴⁶ пред полатою и⁴⁷ товар свой на возе,⁴⁸ а сам спаше⁴⁹
в полате.⁵⁰ И пришед некто, украде из⁵¹ воза 160 дукат золота.
52 Купец же идет ко Дракуле,⁵³ и⁵⁴ поведал⁵⁵ ему изгубление
золота.⁵⁶ Дракула же глагола ему: «В⁵⁷ сию⁵⁸ нощ обрящеши
злато свое».⁵⁹ И по всему граду повелел⁶⁰ искати татя, глаголя:⁶¹
«Аще не обрящете⁶² золота, то⁶³ весь град погублю». И⁶⁴ повелел || л. 856
свое злато⁶⁵ положити⁶⁶ ему, купцу,⁶⁷ на воз⁶⁸ в нощи и⁶⁹
приложити един златник.⁷⁰ Купец востав,⁷¹ и⁷² обрете злато,
73 и перечте ни единова, но и⁷⁴ дважды, и обретеся⁷⁵ един лиш-
ней златник, и шед ко Дракуле,⁷⁶ и глагола:⁷⁷ «Государю,
обретох злато, и се есть един лишней,⁷⁸ не мой».⁷⁹ Тогда⁸⁰
приведоша татя⁸¹ оного⁸² со златом,⁸³ глагола⁸⁴ купцу: «Иди
с миром; аще бы ми еси не поведал златника⁸⁵ и то бых и тебе
повелел⁸⁶ с сим татем на кол посадити».⁸⁷

О жене а. ⁸⁸ Блудящи коя⁸⁹ жена от мужа⁹⁰ прелюбы
соторит,⁹¹ он же веляше⁹² срамоту ея⁹³ вырезати и кожу⁹⁴ с ней
содрати, а ея нагу привязати,⁹⁵ кожу⁹⁶ на столце⁹⁷ обесити
посреде торгу, также и⁹⁸ девицам, кои девство не сохранят,
и вдовицам⁹⁹ таож,¹⁰⁰ а иным^{V,1} сосца² отрезаху, овым же
кожу содравши со срама ея,³ и, рожен железен разжен,⁴ вон-

⁴⁰ некогда же ПУ. ⁴⁰⁻⁴¹ купец некогда прииде О; прииде ку-
пец некий П; придоша купец некий У. ⁴²⁻⁴³ въ его державу О; въ
его град ПУ. ⁴⁴ Нет П. ⁴⁵ оставил У. ⁴⁵⁻⁴⁶ свой воз на улице
П; воз свой на улице У. ⁴⁷ со всем П. ⁴⁷⁻⁴⁸ товаром П; товар
свой на возах оставил У. ⁴⁸ возу ТО. ⁴⁹ сташа О; спа У⁴⁹⁻⁵⁰ Нет П.
51 с ПУ. ⁵²⁻⁵⁶ Нет П. ⁵³ Дракулу Т. ⁵⁴ Нет У. ⁵⁵ Испр.
по ОУ; повеле да ЗТ. ⁵⁷ поиди в ПУ. ⁵⁸ настоящую П. ⁵⁹ Нет
ОПУ. ⁶⁰ и повеле по всему граду ПУ. ⁶¹ того П. ⁶² об-
рящется У. ⁶²⁻⁶³ то П; нет У. ⁶⁴ Нет П. ⁶⁵ злато в ноши П;
злато несть и У. ⁶⁶⁻⁶⁷ в ноши О; нет ПУ. ⁶⁸⁻⁶⁹ и О; его П.
69-70 приложити едино злато О; приложи един златой П; приложи
единой златой У. ⁷⁰⁻⁷¹ копец же востав У. ⁷¹ же востав П.
72 Нет О. ⁷³⁻⁷⁴ перечте О; перечел единое П; перечет злато и У.
75 обрете П; обреташе У. ⁷⁵⁻⁷⁶ един лишний златой возвести Дра-
куле П. ⁷⁶⁻⁷⁷ сказал О; нет ПУ. ⁷⁷⁻⁷⁹ Нет П. ⁷⁸ лишней златой У.
78-83 Нет У. ⁸⁰ татя же того П. ⁸¹ Нет П. ⁸² того О; нет П.
84 Дракула же глаголаша П; и глагола Дракула У. ⁸⁵ злата ОПУ.
85-86 то бы и тебе повелел ТУ; готовы и тебе повелел О; тогда бы и
тебя П. ⁸⁶⁻⁸⁷ обесити У. ^{87-V,10} Весь этот эпизод помещен в
списке У ниже, см. стр. 123, разн. 50 87-88 Заголовка нет О; О блуде П;
О блудивых У. ⁸⁸⁻⁸⁹ приведена же некая О; аще кая ПУ. ⁹⁰⁻⁹¹ пре-
любы творит О; блядит У. ⁹²⁻⁹³ срамоты ея О; срам ея П;
ей срам У. ⁹⁴ кожи Т. ⁹⁴⁻⁹⁶ Нет О; содрати и привязати ее нагу
П; с нее содрати и привязати ея нагу одрану У. ⁹⁵⁻⁹⁶ и кожу ту О;
и кожу П. ⁹⁵⁻⁹⁸ а У. ⁹⁷⁻⁹⁸ прибити посреде торгу и О; среди
базару прибити и П. ⁹⁹ девицам ТО; вдовам ПУ. ¹⁰⁰ та же казнь П.
V, 1 ким Т ² срам П. ²⁻³ урезаху, а иным кожу содра,
и в срам ея П; урезати, а иным кожи одирай с страмов их У.
3-4 рожны железныя рожены П. ⁴ Нет Т; разжекши У.

зяху⁵ в срам ея, и⁶ усты⁷ исхождаху, и⁸ тако привязаху,⁹ стояще¹⁰ у столпа,¹¹ дондеже плоть и кости распадутся¹² или птицами¹³ снеден будет.¹⁴

О ленивой жене.¹⁵ Единою же ¹⁶идущу ему путем¹⁷ и узре ¹⁸не на^{18a} котором рахманине срачицу издрану¹⁹ и вопросы его: «Имаши ли жену?». Он же отвещав:²⁰ «Имам, го- сударю».²¹ Он же:²² «Веди мя в дом твой, да вижу».²³ И узре ²⁴жену его младу²⁵ и зъдраву,²⁶ глагола мужу:²⁷ «Неси ли населя²⁸ льну?». Он же отвеща:²⁹ «Много имам». И³⁰ показа ему л. 856 об. много льну. И³¹ глагола || жене: «Почто³² имеши лесть³³ к³⁴ мужу своему?». Он должен³⁵ сяти и орати и тебе хранити, ³⁶а ты должна ³⁷еси на мужа своего³⁸ одежду светлу и лепу учинити, ³⁹а ты и⁴⁰ срачицу⁴¹ не хощеш ему учинити, а⁴² здрава телом⁴³ и сильна.⁴⁴ Ты повинна,⁴⁵ а не муж твой».⁴⁶ И повеле⁴⁷ руце ей усекнути⁴⁸ и труп ея⁴⁹ на кол всадити.⁵⁰

О слузе. Некогда же⁵¹ обедова⁵² под⁵³ трупом⁵⁴ мертвых человек, иже на колии⁵⁵ всажены окруж⁵⁶ трапезы его; он же посреде⁵⁷ их ядяше и тем наслаждашеся.⁵⁸ Слуга же⁵⁹ пред ним ясти ставяше,⁶⁰ смрада же оного не могий⁶¹ терпети и заткнув нос и⁶²на сторону главу склонив.⁶³ Он же вопросы⁶⁴ его: «Что⁶⁵ ради тако чиниши?». Он⁶⁶ же отвеща:⁶⁷ «Государю, не

⁵ въверзаху *П*; и воврещи *У*. ⁵⁻⁶ в срам и во *П*. ⁶⁻⁸ *Нет* *У*.
⁷ уста и *П*. ⁸ *Нет* *П*. ⁹ привязана *П*; у столпа привязана *У*.
¹⁰ биюще *О*; стояще на год *У*. ¹⁰⁻¹⁴ *Нет* *У*. ¹¹ столпа нага *П*.
¹² распадауся *О*. ¹³ птицам *П*. ¹³⁻¹⁴ разторганны будуть *П*.
¹⁴⁻¹⁵ О человеке и о ленивой жене *О*; О человеке и о жене ленивой *П*. ¹⁶⁻¹⁷ *Испр. по У*; идущим путем *ЗГ*; идущу Дракуле *П*; идуще ему путем *О*. ^{18-18a} на не *Т*. ¹⁸⁻¹⁹ на некоем человеке рубаху роздрану *П*; на некоем скоморосе срачицу ветху и худу *У*. ¹⁹ издрану и худу *О*. ²⁰ глагола *П*; отвеща *У*. ²¹ *Нет* *П*. ²¹⁻²² Он же рече *О*; Дракула же рече *П*; он же глагола *У*. ²³ вижу жену твою *ПУ*.
²⁴⁻²⁵ младу жену его *У*. ²⁵ младу сущу *ОП*. ²⁶ здраву телом и *П*; здраву *У*. ²⁷ мужеви *ПУ*. ²⁷⁻²⁸ не се ли насаял *О*; не лиси сяял *П*.
²⁹ отвещав ему: государю *П*; нет *У*. ²⁹⁻³⁰ *Нет* *У*. ³¹ Дракула же *П*. ³² ты почто *О*; той: да почто *П*; почто ты *У*. ³³ ленность *ПУ*. ³⁴ *Нет* *ПУ*. ³⁵ должен есть *ОПУ*. ³⁶⁻³⁸ и *У*. ³⁷⁻³⁸ мужу своему *П*; далее в *Т* другим почерком и чернилами. ³⁹ чинити *Т*; кущити *У*. ⁴⁰ *Нет* *ПУ*. ⁴¹ срачицы *ТОПУ*. ⁴² такова *П*.
⁴³ сущи телом *ОПУ*. ⁴³⁻⁴⁴ *Нет* *П*; и *У*. ⁴⁵ и повинна *Т*; если повинна *ОУ*; если повинна телом *П*. ⁴⁶ твой, аще бы муж твой не сяял льну, то бы муж твой повинен смерти *П*; твой, аще ли бы муж не сяял льну, то бы муж твой повинен был *У*. ⁴⁷ веле *П*. ⁴⁷⁻⁴⁸ ей руце усекнути *О*; ей руце отсечи *П*; ей руце отсечи *У*. ⁴⁸⁻⁴⁹ и *У*.
⁵⁰ посадити *ПУ*; далее в *У* эпизод О блудивых, помещенный в других списках выше, см. стр. 131—132. ⁵⁰⁻⁵¹ *Двух эпизодов* (стр. 132—133)
⁵¹ и *У* нет. ⁵¹ *Нет* *П*. ⁵² обедоша *ОП*. ⁵³ *Испр. по ОП*; по *ЗГ*.
⁵⁴ трущем *П*. ⁵⁵ колиях *О*; колье *П*. ⁵⁵⁻⁵⁶ всаженных и множестве бо всего круг *О*; всажены множестве бо круг *П*. ⁵⁷ среди *П*.
⁵⁸ услаждашеся *П*. ⁵⁹ же его *П*. ⁶⁰ ставляше *ОП*. ⁶¹ могох *П*.
⁶²⁻⁶³ на страну главу склони *О*; главу на сторону склони *П*.
⁶⁴ воспроси *П*. ⁶⁵ чесо *Т*; чего *П*. ⁶⁶ слуга *П*. ⁶⁷ отвещав *П*.

могу смрада ⁶⁸сего от мертвых⁶⁹ терпети». ⁷⁰ Дракула же⁷¹ повеле его на кол посадити,⁷² глагола: «Тамо ти есть высоко, смрад не может ходити».⁷³

О после.⁷⁴ Иногда⁷⁵ прииде от Угорския земли Матияш⁷⁶ поклисарь,⁷⁷ человек не мал боярин, влах родом. И повеле ему сести⁷⁸ с собою на обеде сриди трупа⁷⁹ мертвых.⁸⁰ И пред ним лежаше един кол⁸¹ высок ⁸²вельми и⁸³ позлащен, и вопроси поклисаря Дракула: «Что⁸⁴ ради учиних⁸⁵ сей кол? Повеждь⁸⁶ ми». ⁸⁷ Посол же вельми убояся ⁸⁸и глагола:⁸⁹ «Государю, мнит ми ся тако:⁹⁰ некий великий⁹¹ человек пред тобою согрешил, и хощеш ему почесну⁹² смерть учинити паче иных».⁹³ Дракула же глагола:⁹⁴ «Право⁹⁵ рекл еси; ты еси вёлика государя посол ⁹⁶крайевский, тебе бых⁹⁷ учинил сей кол».⁹⁸ Он же отвеша:⁹⁹ «Государю, аще ли¹⁰⁰ достойно^{VI,1} смерти || соделал,² твори еже л. 857 хощеш, праведный³ судия, не ты повинен еси ⁴моей смерти, но аз сам». Дракула же размежеся рече:⁵ «Аще бы ми⁸ еси⁷ не так отвешал, ⁸был бы⁹ еси на сем коле». И почте его велми и, одарив, отпусти,¹⁰ и глаголя: «Ты в правду ходи на поклисарство от великих государей к великим¹¹ государем, поне¹² научен бо еси ¹³говорити со государи». ¹⁴ О после x.¹⁵ Таковый обычай имый¹⁶ Дракула. Отколе к нему прихожаху¹⁷ послове,¹⁸ от царя или от короля, неизящен и¹⁹ не умежаше²⁰ противу ^жожнем его отвешати,²¹ то на кол таковех посаждаху,²² глагола: «Не аз повинен той²³ смерти — ²⁴или царь или краль²⁵ твой или ты сам. На мене ничто же рцы зла.²⁶ Аще государь твой, ведая

⁶⁸⁻⁶⁹ от мертвых *O*; *нет* *П.* ⁷⁰ терпети, того ради заткнув нос свой и на сторону голову склонив *П.* ⁷¹ же то и *O*; же ту *П.* ⁷² уда-
рити *O*. ⁷³ доходити *ОП.* ⁷⁴ после угорском *O*. ⁷⁵ некогда *O*; иногда же *П.* ⁷⁶ Матияша *O*; и краля Маташа *П.* ⁷⁷ апокли-
сарь до него *O*; послы донен (?) *П.* ⁷⁸ есть *П.* ⁷⁹ трупия *П.*
⁸⁰ мертвия *T*; того *П.* ⁸⁰⁻⁸¹ пред ним един кол лежит вельми добел и *П.* ⁸²⁻⁸³ весь *ОУ*. ⁸⁴ чего *O*. ⁸⁵ учил *T*; *нет* *П.* ⁸⁶ тако
повеждь *O*. ⁸⁷ мне *П.* ⁸⁸⁻⁸⁹ глагола *T*; *нет* *П.* ⁹⁰ и яко *T*.
⁹¹ *Нет* *П.* ⁹² по чину *T*; почтенну *П.* ⁹³ иные *T*; иных сей кол *П.*
⁹⁴ рече *П.* ⁹⁵ правду *П.* ⁹⁶⁻⁹⁸ *Нет* *П.* ⁹⁷ *Нет* *O*. ⁹⁹ отвешав *П.*
⁹⁹⁻¹⁰⁰ *Нет* *П.*

^{VI, 1} *Испр. по T*; достойной *З*; достойное *O*; достоин *П.* ² со-
делан будет *П.* ³ правед. ибо *П.* ⁴ *Нет* *П.* ⁵ и рече *П.*
⁶ мя *T*; мне *O*; *нет* *П.* ⁷ сие *O*. ⁸⁻⁹ был *T*; воистину бы был *O*.
¹⁰ и отпусти *П.* ¹¹ великим же *П.* ¹² *Нет* *ОП.* ¹³⁻¹⁴ з го-
судари говорити, протчи же не дерзнут, но напервее учими будут са-
мим з государи говорити *O*; государьски говорити, протчи же да не
дерзнут, но перви научени будут, как им с великими государи говорити
и беседовать *П*; на этом кончается список *П.* ¹⁵ общих послех *O*.
¹⁵⁻¹⁶ таков обычай имаше *У*. ¹⁷ прихождаху *O*; прихожаше *У*. ¹⁸ по-
сол *O*; послы *У*. ¹⁹ *Нет* *O*; или *У*. ²⁰ *Испр. по ОУ*; имаше *З*; имея-
ше *T*. ²¹ говорити *У*. ²¹⁻²² то на кол таковые посаждаху *T*; то на кол
его всажаше *O*; тех на колье всажаше и *У*. ²³ твоей *OУ*. ²⁴⁻²⁵ го-
сударь *O*. ²⁴⁻²⁶ *Нет* *У*.

тебе малоумна ²⁷и не научена,²⁸ послал ²⁹тя есть³⁰ ко мне,³¹ то государь ³²тя убил есть;³³ аще сам³⁴ дерзнул ³⁵еси, не научився,³⁶ то сам убил³⁷ еси себе».³⁸

О в о и н е.³⁹ Некогда же поиде на него войском⁴⁰ король угорский Матияш,⁴¹ он же поиде противу ⁴²ему въстречю,⁴³ и встретиша⁴⁴ с ним,⁴⁵ и удариша⁴⁶ обой войска,⁴⁷ и похваташа⁴⁸ Дракулу⁴⁹ жива, бе⁵⁰ бо⁵¹ от своих здан⁵²бысть по крамолы его.⁵³ И приведен бысть Дракула ко кралю, краль⁵⁴ же повел⁵⁵ его вметнути⁵⁶ в темницу⁵⁷ на Дунаю в⁵⁸ Вышеграде,⁵⁹ выше Будина 4 мили, на 12 лет. А на Мутяинской земле⁶⁰ посади⁶¹ иного воеводу.

Умершу⁶² же тому воеводе,⁶³ и краль послаше⁶⁴ к нему⁶⁵ л. 857 об. в темницу, да аще восхощет быти воевода⁶⁶ Мутяинской⁶⁷ || земли, яко же первие,⁶⁸ то да⁶⁹ латынскую веру приимет,⁷⁰ аще ли же ни, то⁷¹ да умрет⁷² в темнице. Дракула⁷³ же возлюби временное⁷⁴ паче бесконечнаго,⁷⁵ отпаде православия, и⁷⁶ отступи истины,⁷⁷ и отстави свет, прияти⁷⁸ тму, убо⁷⁹ не возможе⁸⁰ временный темничный⁸¹ тяготы носити, уготовися⁸² на бесконечное мучение, остави⁸³ православную веру,⁸⁴ и прия латынскую прелесть.⁸⁵ Краль же не токмо даде⁸⁶ ему воеводство на Мутяинской земли, но и сестру свою родную⁸⁷ даде⁸⁸ ему в жену, от нея⁸⁹ же роди⁹⁰ два сына. ⁹¹Поживе же

²⁷⁻²⁸ *Нет* У. ²⁹⁻³⁰ мя есмь *T*; *нет* У. ³¹ мне, и великуму умному государю *O*; мне, к высокому государю У. ³²⁻³³ твой убил тя есть *O*; твой убил тебя У. ³⁴ ли сам ся У. ³⁵⁻³⁶ *Нет* У. ³⁷ ся и убил У. ³⁷⁻³⁸ себе *T*; *нет* У. ³⁸ Далее: Тако поклисарям учиняше кол высок и позлащен, и на него всажаше, и к государю его те речи отписываше с пртчими, да не падет к великуму государю малоумна и не научена в поклисарство. О бочках. Учишиша же ему мастера бочки железны, он же насыпа их злата и в реку положи, а мастеров оных посещи повеле, да никто же не увест соделанного им окаянства, токмо тезоименитый ему диявол *O*; так клисаря учиняше кол высок, позлащен весь, и на него всажаше, и государю отписываше с пртчими, да не посыает к великому государю малоумна и не научена в поклисарство У. ³⁹ войне с королем Угорским *O*. ⁴⁰ *Нет* У. ⁴⁰⁻⁴¹ краль Угорская земли с войною У. ⁴¹ Матия *T*; Матияша *O*. ⁴²⁻⁴³ его и встретиша У. ⁴⁴ встретеся *O*. ⁴⁴⁻⁴⁵ *Нет* У. ⁴⁶⁻⁴⁷ с ним обой войска *T*; обой *O*; обоя У. ⁴⁸ ухватиша *O*У. ⁴⁹ Дракула *O*. ⁵⁰ *Нет* *O*. ⁵¹ *Нет* *O*. ⁵²⁻⁵³ *Нет* У. ⁵³ *Нет* *O*. ⁵⁴ и *O*У. ⁵⁴⁻⁵⁵ же той повеле *T*; повеле *O*У. ⁵⁶ метнути *O*; вкинути У. ⁵⁷⁻⁵⁸ и седе в У; на Дунаю всед в *O*. ⁵⁹ Вышегороде на Дунаю У. ⁵⁹⁻⁶⁰ *Нет* У. ⁶¹ посади король У. ⁶² и умершу У. ⁶²⁻⁶³ же ему У. ⁶⁴ посла *O*; же посла У. ⁶⁴⁻⁶⁵ ко Дракуле У. ⁶⁶ *Нет* У. ⁶⁷ на Мутяинской *O*У. ⁶⁸ и первее У. ⁶⁸⁻⁶⁹ то *T*; тако да У. ⁷⁰ восприимет У. ⁷¹ *Нет* У. ⁷¹⁻⁷² умрет *O*; умрети У. ⁷³ хощени Дракула У. ⁷⁴ паче временного У. ⁷⁴⁻⁷⁵ нежели бесконечное и *O*; и бесконечнаго У. ⁷⁶ *Нет* *O*У. ⁷⁶⁻⁷⁷ *Нет* У. ⁷⁸ прия *O*; *нет* У. ⁷⁸⁻⁷⁹ *Нет* У. ⁸⁰⁻⁸¹ темничный временный *O*У. ⁸² и уготовися *O*У. ⁸³ и остави У. ⁸⁴ нашу веру У. ⁸⁵ прият *T*; ересь *O*. ⁸⁶ даст *O*У. ⁸⁷ *Нет* У. ⁸⁸ даст *O*; дал У. ⁸⁹⁻⁹⁰ родися У.

болми десяти лет⁹² и тако скончася в прелести латыньстей.⁹³

Еще же о злом его обычаяе. Овогда же⁹⁴ в темнице седя, не остави⁹⁵ своего злого обычая, но⁹⁶ мыши ловя и⁹⁷ птицы⁹⁸ на⁹⁹ торгу покупая, и¹⁰⁰ тако казня^{VII.1} их, ову на кол посажаше,² с ыныя³ перье ощипаше и пускаше,⁴ тем в темнице веселяся.⁵

ЗАПАДНОРУССКИЙ ВИД

Публикуется по рукописи: ГИМ, собр. Барсова, № 604.

Сказание о Дракуле князь Мутьянские л. 91 земли

Бист в Мунтъянской земли князь греческия въри именем Дракула.

К нему же придоша послы от турскаго царя салтана и, егда к нему внидоша и поклониша ему по своему обычая, как своих глав не сняша, он же рече им: «Чесо ради тако сле бист: придоша к великому государю и такову ему срамоту учиниша?». Они же ему отвѣщаша: «Таков, государь, обычай земли нашей». Дракула же отвѣща: «Аз еще хощу закону вашему потверждение учинит, да крѣпко содержите преданіе ваше». И повелѣ гвоздием желѣзним ко главам капы их прибиты и отпусти их, рек: «Шедше скажыте государю вашему: он навик от вас ту срамоту терпѣты, ми же не павикохом, да не посилает своего обычая ко иным государем».

О брани турскаго салтана з Дракуле л. 91 об. Салтан же велми разъярився о таковом поругателѣ и поиде войною на него со многими силами. Он же, собрав елико имияше у себе войска, и удари на турския сили ношию, множеством их избы, и возвратися во своя. И нача смотриты

⁹¹⁻⁹² поживе же боле осмидесяти лет *O*; и поживше мало, яко больша десять лет *У*. ⁹²⁻⁹³ *Нет У*. ⁹³⁻⁹⁴ О злом его обычая. Глаголюще о нем, яко *O*; О злом его обычая. Глаголют же о нем, яко *У*. ⁹⁵ оста *У*. ⁹⁶⁻⁹⁷ *Нет У*. ⁹⁸ *Испр. по У*; пыщеницу *ЭТО*. ⁹⁹ с *У*.

¹⁰⁰ и мыши ловя и *У*. ¹ казнише *У*. ² сажаше *O*; посадиша *У*. ²⁻³ овой голову отсекоша, с иной *У*. ³⁻⁴ перье ощипав пустяще *У*; перья ощиповаше и пускаше *O*. ⁴⁻⁵ и научиша шити и тем в темнице кормлящеся. О скончании. Конец же его сице: живяше на Мутьянской земле, и придоша на землю турцы и начаша пленити. Он же, собра войско его, удари на них, и побегоша турцы. Дракулино же войско нача их без милости сечи, Дракула же от радости возгнав на едину гору, да видит, како секут турков. Отторгшеся от войска ближне его, мняше, яко турки, и удари его яко един копьем. Он же, видев, яко от своих побиваем, и ту их уби. Его же мнози копья избодоша, и тако скончашася *У*. ⁵ веселье *T*; кормящеся и веселяся *O*.

войско свое; и кто ранен спереду, тому чест велию воздаваше и вѣтязем его учиниваше, а которий ранен созади, того повелъ на кол сажати, глагола: «Ти еси не муж, но жена». А егда поиде на турки, тако глагола всему войску своему: «Кто смерт помищляет, тот не ходи со мною». Цар же турский, сличав то, поиде проч с великою страмотою, изгуби множество войска.

О послѣх. Царь же турский послал к нему послана, да даст ему дан. Дракул велми почти послал онаго, и показа ему все свое имѣніе, и рече ему: «Аз не токмо хочу дань давати царю,

л. 92 но и со всѣмъ своимъ || войскомъ и со всею своею казною хощу к нему ити на службу, да како ми повелитъ, так ему и служу.^а И сие возвѣсти царю, как поиду к нему, да не повелит по своей земли никоего зла учинити мнѣ и моимъ людемъ, а аз хощу скоро^б по тебѣ ити, и дан принесу и сам прииду к нему». Цар же, услышав то от послов своихъ, что Дракула хощет прийти к нему на службу, почти послал своего и одарив его много велми, радуясь, бѣ бо тогда ратуяся с восточными цары. Посла скоро по всѣмъ градомъ земли своей, заповѣда имъ рек, когда Дракула поидет, да никого зла сотворат ему, но да сотворят ему чест велию. И егда Дракула поиде со всѣмъ воинствомъ своимъ, и пристави цара турскаго велию чест воздаваху. Дракула же иде по земли его пять дній и внезапу возвратился воспят, и нача плѣнити гради

л. 92 об. и села, и поплени множество и иссече, ових же || на кол сажаше турковъ, а иных на двое пересѣкая и пожигая огнемъ, даже и до сущихъ младенцевъ, а християнъ, иже ту живущихъ, во свою землю поят и насели много во своей земли. И егда прииде во свою землю, отпусти приставниковъ к турскому царю, рек: «Повѣдайте цару, яко ви есте ми свѣдѣтели; колико возможохъ, служихъ ему. И будет ему угодна служба ему моя, и я ему и еще хощу послужити, тако же, колико могу». Си же сличав^в, ничто же ему цар учини, срамомъ побежден^г.

И о владѣніи Дракули князя Мутъянскаго. Колико ненавидя во своей земли зла, яко кто учинитъ кое зло, татбу, или разбой, или лжу, или неправду, то никто же будет жив. Аще же великий бояринъ, или священникъ, или простицъ человѣкъ, аще и богатства мае, не может искупити от смерти. Оисточнице и о чарѣ златой. Бист во области

л. 93 его кладяз на единомъ мѣсцѣ, || к тому кладязю приидоша пути мнози от многихъ странъ, и приходжау мнозии людие и пияху от источника, бѣ бо вода сладка и велми студена. И у того кладязя на пустомъ мѣстѣ постави Дракула чару велию и зѣло дивну, устроену хитростнѣ от злата чиста з драгимъ камениемъ; и тою чарою пияху ис того кладязя воду и поставляху на уго-

^а Испр.; в ркп. службу. ^б Испр.; в ркп. скоро. ^в Испр.; в ркп. слив. ^г Испр.; в ркп. бобежден. ^д В ркп. мѣсцѣ дважды.

тованiem ей мѣстѣ у кладязя, никто же смѣяше ея взяти, донели Дракула жив бяше.

Онищих. Единою пусти по^в всей земли своей повелѣние, кто стар, или немощен, или чим вреден, или нищ, вси да приидут к нему. И собрася безчислено много нищих, страних к нему, чающе от него великия милости. Он же повелѣ собрати их всѣх во едину храмину велию, на то устроеную, и повелѣ дати им ясти и пити довольно; они же ядоша и возвеселиша. Он же к ним прииде и рече им: «Что еще требуете?». Они же вси отвѣщаша: «Вѣдает, государу, бог и твое величество, || как л. 93 об. тя бог вразумит». Он же глагола к ним: «Хощете ли, да сотвору вас беззечалии на сем свѣте, ничим нужни будете?». Они же, чающе от него велико нѣчто восприятия, и глаголаша вси: «Хощем, государю». Он же повелѣ заперти храмину и зажечи огнем, всу ту сгорѣша. И глаголаша к бояром своим: «Да вѣсте, что у них тако: первое, да не стужают людей и никто же да будет нищ в моей земли, но вси богати, второе, свободи их, да не страждёт никто на сем свѣте от нищеты и от недуга».

О мищах. Единою же придоша к нему от Угорских земли два латинских мнихи милостины ради. Он же повелѣ их развести^х розно, и призва к себѣ единого от них, показа ему около двора множество безчислено на коле и на колесѣх и вопросы его: «Добре ли се сотворих, и тако тии сут, иже на коле?». — «Ны, государу, зло чиниш, без милости казниш; подобает государю милостию бити. А тии, иже на колесѣх и на колех, мученици». ^{Призыва ж ||} ³ другаго и вопроси его тако же. л. 94 Он же отвѣщав: «Ти, государю, от бога поставлен еси зло творящих казнити, а добро твора^хия^х жаловати. А тѣ худо творили и по своим дѣлом и восприяли». Он же, призвав первого, глагола к нему: «Почто ти из монастыра и ис келлии своей ходиш по великим государем, не зна чищо же? А ныне сам еси глаголал, яко тѣ мученици сут. Аз хощу и тебе мучеником учинити, да и ти с ними мученик будеш». И повелѣ его на кол посадити, а другому повелѣ дати пятьдесят дукат злата и глагола ему: «Ти еси разумен муж». И повелѣ его на возу с почестием отвести до Угорских земли.

О купцѣ. Нѣкто купец прииде от Угорских^х земли во град. И по его заповѣди оставил воз свой на улицы града пред полатою с товаром, а сам спаше в полѣ. И пришед нѣкто, украде из воза сто шестьдесят дукат злата. Купец же || же иде л. 94 об. ко Дракуле и повѣда ему изгубление злата. Дракула же глагола ему: «В сюю нощ обращеш злато». И по всему граду повелѣ искати татя, глаголя: «Аще не обращете злата, то вес

^в Испр.; в рукп. недописано п. ^в Испр.; в рукп. равести. ^{в-в} В рукп. вторично призыва же. ^в В рукп. над твора^хия выносное х. ^к Испр.; в рукп. Урсия.

град погублю». И повелъ свое злато положити в нощи на воз и приложити едино злато. И купец же востав утро и обрѣте злато и перечте наединѣ дважды, и обрѣте един лишний златиц, и шед ко Дракуле, и глагола: «Государю, обрѣтох злато и един лишний, не мой». И того да приведоша татя оного со златом. И глагола Дракула купцу: «Иди с миром; аще би ми еси не повѣдал злата, то бих и велѣл и тебе с сим татем на кол всадит».

О ж е н а х. Аще жена сотворит от мужа прелюбодѣйство, он же повелѣваше срамо ей виризат, и кожу содрати, и привязати нагу посредѣ торгу, и дѣвицам, кои девства не сохранят, л. 95 и вдовам, блуд творящим, || ^{такоже} мучение твораше, а иним сосци рѣзаше; овим же кожи здираху срама их, и рожен желѣзен вонзив в срамний уд, и усти искохдаху. И тако привязаны стояху у столпа, дондеже плот и кости разпадахуся и от птиц разстерзахуся.

О лѣнивой же нѣ. Единою же идущу ему путем и узрѣ на нѣкоем мѣсцѣ человека, а на нем раздрану и худу. Вопрошаше его: «Имаш ли жену?». Он же отвѣщав: «Имам, государю». Он же рече: «Веди мя в дом твой, да вижу». И узрѣ жену его младу и здраву, глагола мужу ея: «Нѣси ли насѣял лѣну?». Он же отвѣща: «Много имам». И показа ему много лѣну. И глагола Дракула женѣ: «Почто имѣш лест к мужу своему? Он должен ест потребним тебѣ пецися и тебе хранити, ти же должна еси мужу своему одежду свѣтлу и лѣпу чинити, а ты л. 95 об. еси || и срачици не хочеш ему учинити, а здрава сущи тѣлом. Ти еси повина смерты, а не муж твой». И повелѣ руцѣ ей усѣкнути и труп ея на кол посадити.

О слузѣ. Нѣкогда Дракула яде под трупом мертвих человеков, иже на колех всажених; он же посредѣ их яде и тѣм наслаждашеся. Слуга же пред ним ясти ставляше, смрада же онаго не могий терпѣти, и заткнув нос и на сторону главу склонив. Он же вопроси его: «Что ради тако чиниши?». ^и Слуга же отвѣща: «Не могу, государю, смрада терпѣти». Дракула же повелѣ его на кол всадити, глагола: «Тамо ти ест високо, смрад тамо не ходит».

О послѣ. Нѣкогда прииде от Угорских земли Матияша посол, и повелѣ ему сѣсти ^и «с собою» на обѣде среди трупа мертвих. И пред ним лежаше един кол висок и позлащен^о вес, || ^и и вопроси посла Дракула: «Чего рады учинен кол сей тако? Повѣждми». Посол же велми убоялся и глагола: «Мнит ми ся, государю, так, яко нѣкий великий человѣк пред тобою согрѣшил и хочеш ему почестну смерт учинити паче иных». Дракула же глагола: «Право рекл еси; ти велика государя посол кралевский, тебѣ учиних кол сей». Он же отвѣща: «Государю, аще ли достойное смерти содѣлал, твори еже хощеш, праведний судия, не ти

^и В рѣк. вторично творашим. ^и Испр.; в рѣк. чиша. ^{и-и} Испр.; в рѣк. свою. ^о Испр.; в рѣк. позлащен. ^и В рѣк. вес дважды.

повинен еси моей смерти, но я сам». Дракула же разсмѣялся рече: «Аще би ми еси не тако отвѣщав, воистину бы бил еси на сем колѣ». И, почтив его велми и одарив, отпусти, глагола: «Ты ^в в праеду^р ходи на посольство от великих государи и великим государем, научен бо еси говорити, прочии же не дерзнут, но первое учими будут со государы говорити. О послѣх. || п. 96 об. Таковий обичай имѣя Дракула: отколѣ к нему приходжаху посол от царя или от краля не изящен и не имѣше против козней его отвѣщати, то на кол сажаше, глаголя: «Не аз повинен той смерти, но государ твой или ти сам. На мене ничто же рцы зла. Аще государ твой, видя тебе малоумна и не научона, послал тя есть^с ко мне, к великому государю, то государ твой убил тя есть^с аще сам дерзнул еси, не научився, то сам убил еси себе». И послу учиняше кол висок и позлащен и на него всажаше, и государю его тѣ рѣчи писаше с прочими, да не шлет великоумному государю малоумна и ненаучона в посольство.

О бочках. Повелѣ Дракула майстером бочки желѣзниe учинити и насиша их злато. . . ^т

^{р-р} Испр.; в ркн. в праеду. ^с Испр.; в ркн. дважды есм. ^т На этом обрывается текст в ркн.

РУМЯНЦЕВСКАЯ РЕДАКЦИЯ

ДРЕВНЕЙШИЙ ВИД

Публикуется по рукописи: ГБЛ, собр. Румянцева (ф. 256), № 358

л. 356 об.

О м у т ь я н с к о м в о е в о д е

Был в Мутьянской земли воевода греческая веры христьянин, именем Дракула латынским языком, а нашим дьявол рускым. Толико зломудро, яко житье его по имени есть.

От турского царя придоша некогда к нему поклисарие посол. Егда внидоша и поклонишась ему по своему обычаю, свои глав не снимая шапок, он же воспроси в них: «Что ради таково ученисте, великому государю при досте и велику срамоту ученисте?». Они же отвещаша: «Таков обычай земли нашей государи держат». Он же глагола им: «Хощю и аз вашего закона потвердити, ^ада крепче^а стоите». И повеле своим гвоздье железное взяти и колпакы их к главам ^иих прибивати и отпусти их, рек: «Шедши скажите государю вашому: он навык от вас ту срамоту тръпети, а мы не навыкохом, да не посылает к нам своего обычая и ко иным землям и ко их государем, коих не хотять имети».

О послех тых разъярився царь о том и поиде войском на Дракулу со многими силами. Он же, собрав вся, елико имяху у себя войска, и ударись на них нощью, и множество изби турков. И не възможе против многих людей малыми людми битися, и возвратися кои с ним с бою того и, нача пресматривати сам, каковы у кого раны; у кого рана спероду, то тем честь и жалование подаваше и витязем его вчиняше, а кой созади ранен, того на кол повеле сажати, то беглец смерд. Да коли поиде на турки, глагола войску своему: «Кто хощет смерть помыслити, то не ходи со мною, остань зде». Царь же слышав то, и поиде прочь со многим срамом и невозможь на нь пойти.

л. 357 об. Царь турский послал к нему поклисаря, да ему ^идань дастъ. Дракула же почти велими поклисаря, и показа ему все свое имение, и рече ему: «Аз не токмо хощю дань дати царю, но всем

^{а-а} Испр.; в ркн. докрее.

своим войском и со всею казною хощю к нему на службу ити. И ты возвести царю, как поиду к нему, чтобы по своей земли не велел мне ⁶⁻⁶ и людьми моими никоегождо зла учинити своим людм, и яз хощю скоро по тебе пойти». Царь же, слышав от посла своего, что Дракула хощет ко мне пойти служити, бе рад бысь тому, бе бо ратуясь тогды со восточными царьми и странами. И послы скоро по градом и по всей земли своей, да куды Дракула поидет, и никто же бы ему зла не учинил, но и честь ему воздавали. Он же поиде яко 5 дней по земли турской, и внезапу вернуся, и нача пленити грады и села, и много множества плени и иссече, овы на колье посажа, а иных сожигаше, и до младенцов ссущих млечко не остави. И всю ту землю ^{л. 358} пусту вчини, и много христьян во свою землю плененых возврати, и много користи добы. Приставов тех прочтив, рек, отпусти: «Повестуйте царю, яко же видесте; сколько могу, столько ему послужил. Будеть ему служба моя ему угодна, и ешо ему послужю». Царь же ничто же ему зла вчини, срамом побежен.

Колико грозен бысь Дракула во своей земли, ненавида зла кому вчинити, разбоа, татбы, или кою нужю, или неправду, то никако же будетъ жив. Аще священник, или боярин, или простой человекъ, аще и много богатства мел хто, не можетъ искупиться от смерти. Не на коем месте бяше клядяж хладен и сладок, и мнози к тому источнику пути пришли от многихъ стран, и пъаху от источника того. Дракула ж вчини чяру велику, дивну и злату и постави на источнице том; и аще кто пъаше чярою тою златою, и паки поставляше на том же месте, и никто же смеяше взять ю от страха, елико он пребысь.

⁷Аще коя жона от мужа прелюбы творит, и он велить срам ^{л. 358 об.} ей вырезати и привязати ю среди торгу нагу, и вдовам такоже, и кой девьства не сохранят, а иным сосци отрезаху, овем кожю здираше, а иным рожен во срам внизаше и усты исхожаше. Тако же у столпа стоаще, дондеже плоти ея отпасти.

Таков бо обычай имиша Дракула⁷: отколе к нему прихожаше посол от царя, или от князя, или от кроля, неизящне и не умеяше противу кознем его отвещати, то на кол его всажаше, глаголя: «Не аз повинен твоей смерти, ни ты рци на мя зло что, ни государь твой. Аще государь твой, ведая тебе малоумна, неучена, послы тя ко мне, к великоумному государю, то государь твой убил тя есть; аще ли сам дръзнул есть, не научився, то сам убил еси себя». И тако поклисаром вчиняше кол велик позлащен ^{л. 359} въ и на нъ всажаше, а ко государю его речь отписаше со прочими. От угорского короля приде к нему Матияша поклисарь, лях родом, не мал человек. И повеле ему сести с собою

⁶⁻⁶ В ркп. над строкой. ⁸ На поле О жоне. ⁹ На поле О по-слех.

на обеде среде труниа. И пред ним лежаше кол злат весь велик, добел и высок, и воспроси поклисаря^х: «Повеж ми, что ради учених аз сий кол тако?». Поклисарь же велми убося и глагола: «Государю, мнит ми ся тако: некой великой человек пред тобою согрешит, и хощет почестную сему смерть вчинити паче иных». Дракула же рече: «Право рекл есь; ты еси великого государя кралевский поклисарь, тебе вчинен сий кол». Он же отвещав рече: «Аще, государю, достойно смерти деял буду, твори еже хощешь. Праведен еси судья; не ты ми учини смерть, но аз сам». Дракула же розмияся и рече: «Аще бы ми ты не тако отвещал, воистинну был бы еси на сем коле». И, почтив его велми и одарив, отпусти, глаголя: «Ты во правду ходи || на поклисарство, а прочий да не дерзнеть, но пръвие умни будеть, как с великими государи говорити».

л. 359 об. Некогда же обедоваше Дракула под трупьем мертвых человек, иже на колье всаженные множество около тряпезе его. И послы отколе прихожаху к нему и тут же ядяху хлеб и пословаху, он же среде их седяше. Слуга ж его пред ним стоаше и, смрада оного не могый терпети, затиснув нос ста и голову на сторону склони. Дракула же воспроси его: «Что ради тако чиниши?». — «Осподарю, смрада сего не могут терпети!». Дракула же ту повеле^е его на кол посадити и рече: «Там ти есть выско, ино смрад тебя не доидет!».

л. 360 Единою ж пусти веление по своей земли, глаголя: «Да кто стар, иль чим недужен, или вреден, слеп или хром, всяким недугом одержим, да вси ти придуть ко мне, и да сотворю вас всех без печали». И собрашаася к нему вси недужни, бещисла нищих, чающе || от него великой милости. Он же вчини велику храмину, и собра их ту, и повеле им дати ясти и нити довольно; они же ядоша и возвеселишась. Дракула же, пришод к ним, глагола: «Что ешо вы требуете от мене?». Отвешаша же и речоша вси: «Ведает, государю, бог да твое величество, как тя бог вразумит». Он же глагола им: «Хощете ли, яз вас сотворю бес печали на сем свете, и ничим же нужени будете?». Они ж, чаяше от него велико нечто и глаголаша вси: «Хощем, государю». Он же повеле храм заперети и сожже их огнем. И глагола ко бояром своим: «Да весте, что сотворих: пръвое, да не стужают людем и никто ж будеть нищъ в моей земли, но вси богати; второе, свободих их, да никто ж от них постражет на сем свете от нищеты или от недуга».

л. 360 об. Единою ж придоша к нему от угорских земель два латинина мниха милости ради. Он же повеле их розвести розно, и призыва единого к себе, и показа ему вокруг двора много множества бещисленое на кольи люди и на косех, || и воспроси его Дракула: «Добро ли то аз тако творю?». Мних же глагола ему:

^х Испр.; в ркп. поклисаря. ^е Испр.; в ркп. повель.

«Ни, государю, зло чинишь, без милости кажнишь; подобаеть государю милостиву быти. А те, иж на колех¹, мученици суть». И призвав ² же и другого мниха и вопроси его також. Он же отвещав рече: «Ты, государю, от бога поставлен еси лихо творящих казнити, а добро творящих жаловати. А си лихо творили, ини по своим делом восприяли». Он же призвав первого мниха и глагола ему: «Да почто ты из манастыря и ис³ своей кельи ходишь по великым государем, не знаа ничто ж? А ныне сам еси глаголал, яко те мученици суть. И яс хощю и тебе мученика сотворити, сиречь учинити». И повелел его на кол посадити, а другому повелел дати 50 дукат злата: «Ты еси разумен человекъ». И повелел его с почестью отпустити на возех до Угорских земля.

Некогда приде к нему купецъ от Угорских земли въ его град. И по его ⁴ заповеди оставилъ воз на улицы пред полатою ^{л. 381} и товар свой на возе, а сам спаше у полате. И пришедши некто, украде с воза 160 дукат злата. Купецъ же иде ко Дракуле и поведа ему погубление злата. Дракула же глагола к нему: «Поиди, в сию нощь обрящем злато». И повеле по всему граду искати татя: «Аще не обрящете татя, то весь град погублю». И повеле свое злато положити на воз нощю и приложи един златый. Купец же востав, обрете злато, изочте и 2ж и 3ж, и обреташесь один лишний златник, и щод ко Дракуле: «Государю, обретох злато, и бысь един лишний златой». Тогда приведоша татя того и со златом. И глагола купцю: «Иди с миром; аще бы ми се не исповедал злата и лишнего, то бых велел и тебе с сим татем на кол посадити».

Единою же идущю ему путем и узре не на коем иромахе срачицю худу издрану и воспроси его Дракула: «Имаш ли жену?». Он же отвещав рече: ⁵ «Государю, имам». Глагола ^{л. 381 об.} ему Дракула: «Веди мя в дом твой». И пришед и виде жену его младу суще и здраву, глагола мужеви: «Не сеял ли еси льну?». Он же глагола: «Государю, много имам». И показа ему лен. И глагола Дракула жене: «Да почто ты имаеш леность к мужеви своему? Муж твой должен орати и сеяти, а тебе хранити. Ты бо должна еси мужу своему одежу светлу и лепу вчинити, а ты и срачици не хощеш нарядити, а здрава сущи телом. Ты еси повинна, а не муж». И повеле ей руцы отсечи, а труп на кол посадити.

Учиниша мастери ему бочки железныя, и въсыпа в них злато, и положи их в реку. А мастеров тых посече, да никто ж увестъ соделанного им, сей же тезоименитый диавол.

Некогда же поиде краль угорский на Дракулу войском; он же поиде против ему, и сретошась, и ударишась обоя, и ухватиша Дракулу жива, от своих здан по крамоле. И приведен бысь

² Испр.; в ркп. призва. ³ Испр.; в ркп. и.

л. 32 ко кралю, и повелел его вметнути в темницю || в Вышегород на Дунаю, выше Будина 4 мили, 12 лет, а на Мутьянской земли посади иного воеводу.

Яко³ седяше в темници и не оста своего злого обычья, но мыши ловя и птицы покупая на торгу, и тако казняше их, овех на кол сажаше, а иным главы отсекаше, а сыной перье оципав, пущаше. И научися в темници шити и тем кормяшесь.

Егда же краль Матияш изведе его ис темници, и привед его на Будино, и дастъ ему дом в Пещи против Будина, и ешо в короля не был, и случись некоему злодею прибечи на его двор и сохранитися ему ту. Гонящий же его наидоша. Дракула же взем мечь свой, и искочи ис полаты, и отсече главу приставу, держащего злодея, и злодея испусти; прочии же бежаша. И пришедши к кралю и поведа ему бывшое. Краль же послал к нему и вопроси я: «Что ради тако сотворил еси?». Он же та́ко отвѣща: «Зло никое же вчиних, но он сам себя убил, находя

л. 362 об. разбойнически на дом великого государя. || Аще бых пришол ко мне тот кобирев, и аз бы во своем дому нашол бы того злодея, и его выдал или простили его от смерти». Краль же нача дивитись со всеми сердцю его.

Умершю же тому воеводе на Мутьянской земли, и краль послал к нему в темницю, да аще восхощеть быти на Мутьянской земли воеводою, яко жъ и пръвие, да тогда латынскую веру приметь, аще же не восхощеть, то в темници умреть. Дракула же возлюби паче⁴ временная бесконечного, отпаде православиа и отступи истинны, оставив света и прия тму. Увы, не возможе темничная тягости понести и уготовись на безаконное мучение бесконечное: оставили православную веру христианскую греческую и прият латынскую прелесть. Краль же не токмо дастъ

л. 363 ему не точью воеводство на Мутьянской земли, но и сестру свою родную дастъ за него в жену, и от нея ж роди 2 сына. Пожив яко 10 лет, и тако скончася во прельсти.

Конец же его сице: живящю ему в Мутьянской земли, и придоша на землю ту туркове и начаша пленити. Он же ударише на них, и побегоша турци. Дракулино же войско без милости сечаху. Дракула же возгна на гору от радости, да видит, како секут турков, отторгъшесь от войска его, мняще яко турки, и удари его един копьем. Он же видев, яко от своих убиваем, и ту уби своих убийцъ 5 человекъ, его же мнози копьями избодоша, и тако убъен бысть.

Краль же взем сестру свою со 2 сыномы еа во Угорскую землю на Будин. Един при кралеве сыне живеть, а други у Бордонского бискупа был и при нас умре, а третий, стариший, Михаил, тут же на Будине видехом, от царя турского прибежал ко кралю; ешо не женився, прижил его с девочкою. Сте-

³ Испр.; в ркп. ко. ⁴ В ркп. далее вторично взълюби.

фан же молодовский и с кралевы воли посади || на Мутьян- л. 363 об. ской земли некоего воеводу Влада, воеводского ж сына. Бысь той воевода Влад от млад ноготь был священник, инок, игумен в манастири, да ростригся и сел на воеводство на Мутьянской земли, и женилься, и мало побыл; и Стефан его убил, и жену его отнял. И ныне на Мутьянской земли воеводствует.

БИБЛИОТЕЧНЫЙ ВИД

Основной текст: ГПБ, Q. XVII. 169

Разночтения: ГИМ, Музейское собр., № 3860

— Bi

— M.

Сказание о Дракуле мутьянском воеводе л. 234
греческий веры, влажским языком Дракула, а руским языком диявол по житию
его злому друому

О посольстве турского царя. Приидоша к нему послы от турского царя и поклониша ему по своему обычаю, шапок с глав не снимая. Он же воспроси их: «Что ради так чините, к великому государю приидосте и велику мне срамоту принесосте?». Они же реша: «Таков обычай в нашей земли держит». ^{1,1} Он же рече: «Яз не хощу ²закона вашего ³ разорити, наипаче хощу утвердити». И повеле им ⁴ шапки гвоздием во главы прибити и рече: «Скажите государю нашему: он навык от вас срамоту терпети, а мы не навыкохом, да ⁵ не посылает своего обычая и ко иным государем».

О приходе турского царя. ⁶ О послех тех ⁷ л. 234 об. царь вельми возъяресь ⁸ и поиде войском ⁹ на Дракулу. Дракула же собра войско, елико имея, и рече войску: «Аще хто хощет смерть помышляти, той не ходи со мною». И нападе ¹⁰ на турского царя нощию и множество турок побил. И не возможе с малыми людми против великих стояти, назад возвратися, и которые с ним з бою пришли, ¹¹ нача их разсмотряти: ¹²которой бяше ¹³ ранен ¹⁴ спреди, тому велию честь воздаваше, а который ¹⁵ созади ранен, ¹⁶ и ¹⁷ тех на кол повеле посадити. ¹⁸ А царь ¹⁹ турский возвратися посрамлен.

О после ²⁰ царя турскаго. ²¹ Царь же турский послы к нему послы, ²² да ему дастъ дань. Дракула же почти ²³ послы, и показа ему все свое имение, || и рече: «Не токмо хощу л. 235 царю ²⁴ давати дань, ²⁵ но и со всем ²⁶ войском своим ²⁷ и со всею

1, 1 Далее начинается список M. 2-3 вашего закона M. 4 Нет M.
5 впередь M. 6 царя воиною на Дракулу M. 7 же тех M. 8 разъя-
рися M. 9 с войском M. 10 нападе M. 11 Недописано возвра M.
12-13 которые M. 14 ранены M. 15 которые M. 16 ранены M.
17 Нет M. 18 всадити M. 18-19 царь же M. 20-21 турского
царя M. 22 своего послы M. 23 велико почти M. 24-25 дань
давати M. 26-27 своим войском M.

казною своею хощу к нему итти на службу и сколко могу, только ему²⁸ и послужю. И ты возвести царю, как пойду к нему, да не велит царь по всей земли своей моим людем никоего зла учинити,²⁹ а яз хочю скоро по тебе итти». О приходе Дракулине. Царь же слышав от посла своего, что Дракула хощет ему служити, и велими радостень бысть, бе бо тогда ратуяся с восточными странами.³⁰ Скоро послы по всей земли своей и³¹ по градом,³² рече; «Да³³ куды Дракула поидет ³⁴ по моей земли,³⁵ да никто же ему зла учинит,³⁶ но честь бы ему велию воздавали». О пленении Турьской земли.

л. 235 об. Дракула же поиде || со всем своим войском, приставы же царевы идяху с ним и честь ему велию воздаяху. Он же по земли той иде 5 дней, и возвратися вспять, и нача пленити грады и села, и овых посече, овых на кол посажаше, а иных сожигаше, и до сущих младенцов, и оставил всю землю пусту, и много людей пленных во свою землю приведе. О приставах царевых. Приставов же царевых тех почтив, отпустив, рече:³⁷ «Поведайте царю³⁸ вашему, яко сами видесте; сколко могох,³⁹ столки и послужил есми,⁴⁰ такова ми есть сила. И будет ему моя служба годна, и яз ему ешо послужю».

О укреплении и о грозе Дракулине. Толико⁴¹ грозен бысь || Дракула⁴² во своей земли, ненавидя злого человека, разбою, и татбы, и всякие неправды. Аще священник, или боярин, или простый⁴³ человек, и аще кто и многое богательства⁴⁴ имый, не может бо искупитися от смерти. О кладязи. На никоем месте пусте учинен бяше кладяз хладень и сладок, и к тому источнику мнози⁴⁵ от путей приходяще⁴⁶ многих странь людие пити ото источника того. Дракула же учини чару злату дивну и постави на источнице том. И аще кто пияше, и паки поставляше чару⁴⁷ на том же месте, и никто же взяти не⁴⁸ смеяше.

л. 236 об. О женах. Аще которая жена от мужа прелюбы тво||рит,⁴⁹ он же веляще у ней выризати срам и привязати ю среде⁵⁰ торгу нагу, также и вдовам и девицам, кои девьства своего не сохраниша,⁵¹ а иным сесца⁵² отрезывати и кожю содирати повелаваше.⁵³

О злонравии. Таков же бе обычай Дракуле: егда ему⁵⁴ отколе посол прихожаше, от царя, или от князя, или от короля, и не умеяше против кознем его отвещати,⁵⁵ то тех на кол сажаше, глаголя:⁵⁶ «Не яз повинен твоей смерти,

²⁸Нем M. ²⁹соторвоти и учинити M. ³⁰странами и M. ³¹Нем M.
³²⁻³³Нем M. ³⁴⁻³⁵Нем M. ³⁶учини M. ³⁷рек M. ³⁸ца-
реви M. ³⁹могл M. ⁴⁰Нем M. ⁴¹колико M. ⁴²Нем M.
⁴³просто M. ⁴⁴именя M. ⁴⁵⁻⁴⁶с пути прихожаше от M.
⁴⁷Нем M. ⁴⁸ю M. ⁴⁹соторвот M. ⁵⁰среди M. ⁵¹хра-
нят M. ⁵²⁻⁵³отрезываху, овем кожу содираху M. ⁵⁴к нему M.
⁵⁵⁻⁵⁶и тех повеле на кол сажати и глаголя им M.

ни⁵⁷ ты на мя рцы что зло, ни государь твой: и⁵⁸ ведый тя⁵⁹ мало-
умына и неученна, посла ко мне, великому государю, то государь твой убил тя есть; аще ли сам дерзнул еси⁶⁰ не научився,⁶¹
то сам убил еси себя». И повелеваше их на кол всажати⁶² и
к государем их речи от⁶³ писываще, с прочими. О краle в-^{л. 237}
ском после. Некогда же от югорского краля прииде
к нему посол Матияша, влах родом, великих⁶³ человек. Дракула же
повел ему сести с собою на обеде среди⁶⁴ трупия мертвых, и пред ним лежаше кол велик, позлащен.⁶⁵ Дракула же
воспроси посла: «Что ради сей кол⁶⁶ аз учиних⁶⁷ так?». Посол же
убоявся и рече: «Тако,⁶⁸ государь, мнит ми ся: никий великий
человек согрешит пред тобою, хощеш ему честную смерть
воздати паче инех». Дракула же рече ему: «Право рекль еси;
ты еси великого государя кралевский посол, тебе учинен кол
сей». ⁶⁹Посол же отвеща ему:⁷⁰ «Яж,⁷¹ государь, достойная
смерти⁷² аз содеях⁷³ буду, твори еже хощеши. Праведны ибо^{л. 237 об.}
судия от бога⁷⁴ поставлен: не ты ми⁷⁵ смерть учиниш, но аз
сам есм себе». Дракула же разсмеявшись рече ему: «Аще б еси⁷⁶
не тако отвещал, воистину бы еси был на коле сем». И почтив
его вельми, и одарив, и отпустив, глаголя ему: «Ты по правде
ходи на посольство, а прочии да не дерзнут, а⁷⁷ иные неумные⁷⁸
будут, како им с великими государи говорити?».

О трапезе Дракули и не.⁷⁹ Егда же обедаше Дракула под трупием мертвых человек, иже на колъе всажены
множество около трапезы его. И послы откуды⁸⁰ приидут,
туто же ядяху с ним; Дракула же посреде их седяше. Слуга же
его столник⁸¹ пред ним стояше, смрада оного не могий^{л. 238}
терпети,⁸⁴ и заткнув нос⁸⁵ главу || поклонився на землю. Дракула же его воспросив: «Что тако чиниш?». Он же рече: «Госу-
дарь, смраду оного не могу терпети!». Дракула же повел его
на кол посадити выше всех, глаголя: «Там несть смрада, и не
доидет тебе, понеже высоко есть!».

О и щ и х. Единою же пусти свое веление по всей своей
земли: «Аще кто стар, и увечен, или слеп, или хром, и всяким
недугом одержим, да приидут к нему, и сотворю всех безпеч-
альны». И собирашася к нему от всех стран множество нищих,
всякими недуги одержими, чающе от него великие милости.
Он же учини им храмины велии и повеле им ту дати ясти и
пити довольно; они же ядше возвесели^{л. 238 об.} || шася. Дракула же
рече им: «Хощете ли, да сотворю вас безпечалны,⁸⁷ и ничим же

⁵⁷ во M. ⁵⁸ Нет M. ⁵⁹ тебя M. ⁶⁰ или M. ⁶¹ учився M.
⁶² садити M. ⁶³ великий M. ⁶⁴ в среди M. ⁶⁵ Испр. по M;
пощен Би. ⁶⁶⁻⁶⁷ учинил яз M. ⁶⁸ яко M. ⁶⁹⁻⁷⁰ Испр. по M; нет
Би. ⁷¹ еже M. ⁷²⁻⁷³ Нет M. ⁷⁴⁻⁷⁵ учинен есть, не ты мене M.
⁷⁶ Нет M. ⁷⁷ и M. ⁷⁸ умные M. ⁷⁹ Испр. по M; Дракуне
Би. ⁸⁰ отколе M. ⁸¹⁻⁸² столник его M. ⁸³⁻⁸⁴ и не могий
от них терпети M. ⁸⁵ свой нос M. ⁸⁷ безпечалных M.

будете нужны?». Они же вси рекоша: «Хощем,⁸⁸ государь». Он же повеле храмины огнем запалити и сожже их ту.⁸⁹ И рече к бояром: «Весте ли, что сотворих: первие,⁹⁰ да не стужают людем, второе, свободих их от печали, да не стужают к тому, да никто от них постражет».

О ми сех латынских. Единою же придоша два мниха латынские земли⁹¹ милостыни ради. Он же повеле их⁹² развести разно,⁹³ и показа им на колех⁹⁴ посаженных множество людей безчисленно, и воспроси единаго: «Добро ли яз тако сотворих?»⁹⁵ Мних же глаголя: «Ни, государь, зло⁹⁶ чиниш л. 239 еси⁹⁷ без милости, подобает государю милостиву быти, || а те,⁹⁸ их же на колье всажены,⁹⁹ мученицы суть». И призыва другаго¹⁰⁰ мниха и вопросы его такоже. Он же отвещав: «Ты еси, государь, от бога поставлен еси^{1,1} лико творящих казнити, а добро творящих жаловати, а сии по делом своим восприяли». Дракула же призыва первого мниха² и рече ему: «Почто еси из монастыря ходиши³ по великим государем, не умея с ними говорити? И аз хощу тя по твоим словесем мучеником учинити». И повеле его на кол посадити. А второму старцу⁴ повеле дати восм дукад злата и повеле его с честию проводити.⁵

О купцы.⁶ Некогда прииде купец от Югорские страны,⁷ идеже Дракула во⁸ граде. И по его заповеди постави пред л. 239 сб. полатою возы⁹ || свои, а сам заснув у полаты. О тати. И прииде тати и украде с воза сто шестьдесят дукад злата. Купец же прииде ко Дракуле, поведа ему о погублении злата.¹⁰ Дракула же глагола ему: «Поиди,¹¹ в сию нощ обрящепи злата». И повеле татя сыскывати,¹² рече: «Аще не обрящете татя, то весь град погублю». А сам своим повеле на воз гостю¹³ свое злато втаи положити и приложити единой¹⁴ златник. Купец же обрете златники,¹⁵ и соchte дважды и трижды, обреташе единой златник, и шед поведа Дракуле, рече: «Государю, обретох злато, и есть единой златник лишней, а не мой». Тогда Дракула л. 240 рече: «Иди с миром; аще бы еси не поведал,¹⁶ то бы тя велел || на кол посадити». И тот час¹⁷ и татя, сыскав,¹⁸ привели,¹⁹ и повеле его Дракула на кол посадити.

О сирохании.²⁰ Егда же единою²¹ идущу ему путем и узре на некоем человеке²² срачицу раздранну и худу,²³ и воспроси его: «Имееш ли у себя жену?». Он же отвещав

⁸⁸ Испр. по М; хощеве Би. ⁸⁹ ту всех М. ⁹⁰ первое М. ⁹¹ ото Югорские земли М. ⁹²⁻⁹³ разно развести М. ⁹⁴ на колах М. ⁹⁵ над ними сотворих М. ⁹⁶⁻⁹⁷ есть чиниш М. ⁹⁸⁻⁹⁹ иже на колиях М. ¹⁰⁰ другого дважды М. ^{1,1} Нет М. ² старца М. ³ восходиши и М. ⁴ Нет М. ⁵ проводити восвояси М. ⁶ куще М. ⁷ земли М. ⁸ живе во М. ⁹ на улице воз М. ¹⁰ злата своего М. ¹¹ Нет М. ¹² сыскывати всем градом промеж собою и М. ¹³ гостю своему М. ¹⁴ един свой М. ¹⁵ свое злато М. ¹⁶ поведал того мне М. ¹⁷⁻¹⁸ Нет М. ¹⁹ Испр.; привеле Би; привели татя М. ²⁰⁻²¹ единому мужу М. ²²⁻²³ раздранную срачицу идяжу к нему М.

рече:²⁴ «Имею, государю мой».²⁵ И глагола ему Дракула: «Поидеви в дом твой». И пришед, виде жену его младу и здраву сущу, и глагола мужеви: «Имееш ли лен?».²⁶ Он же рече: «Много, государь, есть лину».²⁷ И показа ему. Дракула же рече жене его:²⁸ «Почто ты леность имаши к мужу своему? Мужь твой должен орати и сеяти и тебе кормити. А вы должны мужем своим одежду светлу и лепу²⁹ имети и³⁰ чинити, а ты и срачи³¹цы л. 240 об. не хощеш нарядити,³² а здрава суща телом».³³ Аще б в том пред тобою мужь виноват,³⁴ аз бы его³⁵ велел на кол³⁶ посадити». И повеле ей руки отсечи, а трупие на кол посадити.

О мастерех. Повеле призвати мастеров, и повеле им учинити бочки³⁷ железные, и всыпа в них злато, и положиша³⁸ злато в бочки и ввергопша в реку на сохранение.³⁹ А мастеров повеле посечи,⁴⁰ да никто же⁴¹ уведает сокровенного злата.⁴²

О войне югорского краля.⁴³ Некогда же⁴⁴ крал югорский⁴⁵ прииде на Дракула со многим войском; а Дракула поиде против его⁴⁶ встречю, и биша⁴⁷ крепко,⁴⁸ и ухватиша Дракула жива. И посади его в темницу, и бысть в темнице 12 лет, а на Мутьянскую⁴⁹ землю⁵⁰ посади иного⁵¹ л. 244 воеводу.

Дракула же, седя в темнице, не оста злаго своего обычая, но мыши ловяше и спицы обастривая, да их посажаше, аки на кол, и⁵² птицы покупая и казнил,⁵³ овех на кол посажаше, а инем главы отсекая, а у иных перье оципывая, пущаше. И научися в темнице шити,⁵⁴ тем кормяшеся.

О отпущении ис темницы. Егда же краль Матияш⁵⁵ изведе его ис темницы и повеле Дракуле⁵⁶ двор дати, но еще у краля на очех не бывал, случися некоему злодею прибегнути на его двор. Гонящий же притек⁵⁷ за ним на двор Дракулин. И Дракула же взя⁵⁸ мечь и отсече главу⁵⁹ приставу, держащаго злодея, а злодея⁶⁰ || отпустил; прочии же пристави бежаша.⁶¹ И поведаша кралю своему.⁶² Крал же послал к нему воспросити: «Что ради тако чиниши?»⁶³ Он же рече:⁶⁴ «Яз никоего зла не учиних, он сам себе убил; не ходи разбойнически⁶⁵ на великаго государя двор; аз бы злодея и⁶⁶ сам выдал или от смерти просил». Краль же подивися со всеми сердцу его.

²⁴ *Нем* *М.* ²⁵ жену *М.* ²⁶ у себя лен *М.* ²⁷ *Нем* *М.* ²⁸ *Нем* *М.*
²⁹⁻³⁰ *Нем* *М.* ³¹ ему нарядити *М.* ³² телом своим *М.* ³³ твой
виноват, как бы у него лину не было, и *М.* ³⁴⁻³⁵ на кол велел *М.*
³⁶ сосуды *М.* ³⁷⁻³⁸ с ними в реку *М.* ³⁹ мечем посечи *М.* ⁴⁰⁻⁴¹ увестъ
содиянного им *М.* ⁴² короля *М.* ⁴³⁻⁴⁴ *Нем* *М.* ⁴⁵ с кралем
крепко *М.* ⁴⁶⁻⁴⁷ иного посадил *М.* ⁴⁸⁻⁴⁹ птиц всяких покупал,
такоже казнил *М.* ⁵⁰ платья шити *М.* ⁵¹ *Испр. по М;* Матиям *Би.*
⁵² ему *М.* ⁵³ *Испр. по М;* притеко *Би* ⁵⁴ взем *М.* ⁵⁵⁻⁵⁶ его
держащему же злодея, иже бежаша от него *М.* ⁵⁷ *Нем* *М.* ⁵⁸⁻⁵⁹ *Нем*
М. ⁶⁰ разбойнически *М.* ⁶¹ *Нем* *М.*

О умертии мутьянского воеводе.⁶²
Умершу же ⁶³воеводе мутьянскому;⁶⁴ крал же посла к Дракуле,
да аще хощет быти на Мутьянской земли воеводою, яко же
и первие, да оставит греческую веру да примет латыньскую;
аще ли не восхощет, то в темницы умрет.⁶⁵ Дракула же обе-
л. 242 щася сотворити волю кра́леву и отпаде православиа,⁶⁶ воз-
люби тму. Увы, не возможе темничные ⁶⁷тягости понести,⁶⁸
уготовися на бесконечное мучение:⁶⁹ прия латынскую веру.
Краль же даст ему сестру свою в жену⁷⁰ и посла на Мутьян-
скую землю,⁷¹ и родишася у него⁷² два сына. И поживе⁷³ де-
сять лет и преставися⁷⁴ в прелести.

О с м е р т и.⁷⁵ Конец же ему бяше: приидоша на него турки
и начаша пленити землю его. Он же, Дракула, ударися на них
своим войском, и побегоша турки.⁷⁶ Дракулино⁷⁷ же войско
множество турков⁷⁸ ссекоша. Дракула же въеха на гору в
радости, нача дивитись о пагубе турской. И некто, исторнуся из
его полка, мняще его турчанина, и удари его копием. Он же
а. 242 об. видев, яко от своих убиен, и ту уби своих 5 || мужей храбрых,
его же, Дракулу, копии мнози избодоша. И тако скончася.

РАСПРОСТРАНЕННЫЙ ВИД

Публикуется по рукописи: ГБЛ, собр. ОИДР (ф. 205), № 286.

л. 6 1

Сказание о Дракуле Мутьянские земли
воеводе греческие веры, а влажинским
языком звася Дракула, а русским языком
именовася диявол, по житие его
зломудрых людей.⁷⁹

О посольстве турского царя. Приидоша
к Дракуле от турского царя послы и поклонишася ему по своему
обычаю, шапок своих и шляп зглав своих не снимая. Дракула же
вопроси послов тех: «Что се вы тако творите, послы? Коея
ради вины в шапках и в шляпах кланяется, а шапок своих
зглав не снимаете? Да како вы велику государю приидосте
с таковою⁶ хулою и велику мне срамоту принесосте?». Они же,
послы, отвещаща ко Дракулы: «О господине, не дивися ты
о сем, понеж таков обычай в нашей Турской земли держит». Дракула же замысловат был и догадлив вельми, он же рече

⁶² воеводы *M.* ⁶³⁻⁶⁴ мутьянскому воеводе *M.* ⁶⁵ Надписано
злою смертью *M.* ⁶⁶ православные веры *M.* ⁶⁷⁻⁶⁸ тяготы на себе
понести, приписано и терпети *M.* ⁶⁸ Надписано и иныне *M.* ⁷⁰ жену
место *M.* ⁷¹⁻⁷² воеводою и роди ему жена *M.* ⁷³ Надписано жена
его *M.* ⁷⁴ скончася *M.* ⁷⁵ смерти его, надписано Дракулине *M.*
⁷⁶ турци *M.* ⁷⁷ Дракула *M.* ⁷⁸ изсече их *M.*; на этом обрывается
список *M.*

І, а На поле Глава 8. ⁶ Испр.; в ркп. тавою.

к послом: «Аз не хощу вашего закона разорити, но вельми паче хощу утвердити». Дракула ж повеле им, послом, шапки на главах своих крепко вздetti и те шапки гвоздием во главы^в прибивати с тем послом. И рече Дракула к послом турским: «Скажите вы своему государю турскому царю: он, Дракула, навык от вас, царей турских, срамоту терпети, а мы не на выкохом».

О походе турскаго посла от Дракулы во свою землю.^г Турские земли посол приидоша от Дракулы в свою Турскую землю к царю своему, и сказавше Дракулины речи, и писмо Дракулино самому царю турскому|| л. 645 об. от Дракулы подастъ, что ему говорил сам Дракула и о том писано от Дракулы. Турский же царь от посла своего слышав и грамоты прочет, что хощет самъ Дракула со всем своим войском служити, не токмо что ему дань принимати у турского царя, но и вельми радостен бысть; бысть ж тогда турский царь со иными с восточными странами много ратуяся. Турский же царь скоро написав грамоты своя, посла по всей своей земли, по градом, а в грамотах своих турской царь написал: «По всем моим турским градом, куды Дракула поедет по моей земли со всею Мутьянскою землею и с силою, в которой город, то никто ж бы ему никакова дурна и зла не учинил, но всему бы войску честь великую воздавали». О походе Дракулине с войском своим в Турскую землю служитъ.^х Дракула ж Мутьянские земли воевода поиде со всем войском своим в Турскую землю служити в подмогу к турскому царю вскоре за турским послом. О пленении Турской земли от Дракулы и о походе в свою землю.^ю Прииде Дракула в Турскую землю, и иде он две недели с лишком, и много турских городов заиде, и великое богатство достиже, и по сем возвратися вспять, и начат турские города пленити и сечь старых и малых; многие грады повоева и пусты учини, овых посече, а овых на кол посаждаше, овых пожже и до сущих младенцев, и остави те грады и пределы пусты, и много людей турских пленил, и во свою землю приведоша со многим именем турским. Об одпуске от Дракулы турским провожатым.^з Дракула же вельми замысловат был; призвав себе турских провожатых, которые|| л. 646 приставы провожали Дракулу с войском ево в Мутьянскую землю, и как прииде, и тогда Дракула почтив тех приставов, и отпусти их во свою землю, и рече к ним: «Поведайте вы царю своему, яко сами видесте, сколько аз мог, только и послужил, такова ми^з есть сила будет ему. Да аще будет моя служба годна вашему царю турскому, аз ему еще послужу вскоре на

^в В ркп. далее вторично гвоздием. ^г На поле 9. ^х На поле 10.
^е На поле 11. ^з На поле 12. ^и Испр.; в ркп. му.

Турской земли». По сем Дракула отпусти турских послов во свою землю с великою честию и одари их подарками великими; провожатые же те от Дракулы из Мутьянские земли прииодаша во свою землю и сказаша все по ряду своему царю турскому случившаяся от Дракулы. И слыша царь турский от своих турских людей, что Дракула многие турские города повоевал, вельми о том печален бысть, разтерза ризы своя на себе, пла-кася горько, но не успе себе ничтож сотворити.

О грозы и о укреплении Дракулине во своей земли.¹ Только Дракула вельми бысть грозен во своей земли, ненавидит Дракула у себя злого человека, по сем татьбы, разбою, пиянства и всякие неправды. Аще ли священник, или болярин, или простый человек, аще и много кто богатства имый, не может бо искуплити от смерти; такова убо бысть гроза по всей земли Мутьянские. О кладязи в Мутьянской земли на некоем пустеместе.² В Мутьянские земли при некоем пути учинен бе кладязь ключевой, хладен вельми и сладок, и к тому источнику мнози со иных дальних стран людие приходяще воды той пити от источника того. Дракула же, видя многих людей приходящих со иных стран ко источнику тому исцеления³ ради телеснаго от скорби, тогда Дракула || учини чару злату вельми дивну и постави ю на источники том, да аще кто пияще воду и паки поставляше чару на том же месте, но никто же взяти не возможет посягнути.

О укреплении в Мутьянской земли, о женах, и о вдовах, и о девицах.⁴ Аще кото-рая жена от мужа своего прелюбы творит, Дракула же, пред свидетели ссыкав о тое жены пронырство ея, веляще⁵ у ней уста⁶ женские вырезати, срам, и привязати ею ногу столбу посреде торгу, чтоб всем людем было жити в крепости со своими женами. Да такожде учини заповедь свою Дракула вдовам и девицам, которые вдовы вдовства своего, а девицы девства своего не сохранят; а иным сосцы повеле резати, а ови же кожу содраху.

О злонравии Дракулине и о замысле его.⁷ Таков же обычай бе у Дракулы: егда к нему отколе посол в Мутьянскую землю приходяше от какова царя, или от короля, или от князя, каков ни буди посол, и не умеяще противо Дракулиным кознем и затейкам его отвещати, и того⁸ человека на кол сажаху вскоре, а сам Дракула к послу тому глаголеть: «Не аз тебе, посол, винен такой смерти, и ни ты на мя рцы каково зло, но государь твой, ведый тя малоумнаго человека у себя, не наученного, како послал тебя ко мне, Дракулы,

¹ На поле 13. ² На поле 14. ³ Испр.; в ркп. исцеления. ⁴ На поле 15. ⁵ Испр.; в ркп. вляще. ⁶ Испр.; в ркп. иста. ⁷ На поле 16. ⁸ В ркп. того дважды.

или таковых и иных малоумных во иные государства пословать? Но тако государь твой убил тя есть и сам ся ты привел на брань. Аще ли ты, посол, сам пред государем своим дерзнул еси в посольства ходить не научився, то ты сам себя убил». И повелеваше Дракула такова посла ^{“на кол”} посадити, а и ко государем их писати о том после. О Дракулине и о горском после и о трапезе.^т Некогда в Мутьянскую землю от горского короля прииде к Дракулы посол именем || Матияше, влах родом, от великих человек породою. л. 647 Дракула ж повеле к себе посла того призвати к себе и повеле ему сести с собою на обеде среди трупия мертвых, и пред полатою пред окнами лежаше кол велик обострен. Дракула ж вопроси посла: «Чесо ради сей кол лежит обострен учинен тако?». Посол же, тое слышав от Дракулы, вельми убоявся и рече тако: «О, великий воевода Дракула, мнит ми ся мне быти хонет тако: некий у тебя пред тобою великий человек согрешит, то ты ему хонещ честную смерть воздати паче иных людей». Дракула ж, то слышав от горского посла, рече к нему: «Правду ты, посол, рекл еси ко мне, что тот сей кол тебе учинен за невежливые речи твои посолские». Посол же отвеща к Дракулы: «Аз же, государь Дракула, буде достоин таковой смерти, буде что содеял тебе, но се твори еже хонещи. Праведный судия бо еси от бога поставлен, не ты мне смерть учиниш, но аз сам себе». Дракула ж, то слышав от посла, вельми радостен бысть, разсмеявся рече к нему: «Аще бы еси ты, посол, да не тако ко мне отвещал, воистину был есть ты, посол, на коле сем». И почтив его, посла, вельми одарив, отпусти его во свою горскую землю. И глагола Дракула к послу турскому: «Ты впредь на посольство по правде ходи, а прочии по тебе да не дерзнут, а иные да не умны будут, как с великими государи говорити и пословати, и за тобою они сами от себя смерть примут вскоре».

О собрании гостей Дракулиных, и о столнике его, и о смерти столника.^у В некое время обедал Дракула под трупиями мертвых человек, иже на колье всаждених. Множество около трапезы его стояху стольники, да туто ж ядяху с ним, Дракулою, за однем столом. Дракула ж посреде их ядяще, слуга же || его, Дракулин, л. 647 об. стольничаше, пред ним стояще, смрада оного от мертвых телес не могий терпети и, заткнув нос, главы своея приклонися на землю. Дракула ж вопроси слуги своего стольника: «Что тако, что чиниши, затыкаеши нос свой и главу свою преклоняеши к земли низу?». Слуга ж Дракулин рече: «О, великий воевода Дракула, смраду оного от мертвых телес не могу терпети». Дракула ж повеле того стольника его на кол посадити выше всех глав, и глагола Дракула: «Тамо бысть высоко и

^{“на кол”} Испр.; в рукп. нол.

^т На поле 17.

^у На поле 18.

несть смрада, и не дойдет к тебе смрад, понеж высоко есть».

О нищих указ Дракулин, единую пустыне свое повеление по всей земли Мутьянские.^φ Не в кое время случися Дракулы много жалобы от нищих приносити от многих людей по всей Мутьянской земли на нищих, на ханил и на колег перехожих старцов. Дракула ж от многих жалоб и челобитья людского не возможе ничтож сей сотворити, да умысли Дракула се тако: «Аще кто стар, да увечен, или слеп, или хром, и всяким недугом одержим, да приидут к нему, и сотворю всех тех беспечальны». И послы Дракула о канжах, и о калигах, и о старцах перехожих проповедников своих по всей своей Мутьянской земли кликати; и собирахся к нему, к Дракулы, от всех стран ханилы, и калиги, и старцы перехожие, множество нищих, всякими недуги одержимы бысть, чающе от него великие милостыни. Дракула ж учини тем нищим храмины великие и повелел им давати ясти и пити довольно. Они ж, нищии, ядоша и спивше, возвеселившись,^χ вельми радостни быша без печали. Тогда Дракула ж рече к нищим тем: «Хощете ли вы все, ханилы, и калиги, и старцы перехожие, да сотворю всех вас беспечальны, || и нищим же вы будете нужны всегда». Они ж, вси нищии, рекоша к Дракулы: «О, великий Дракула, хощем мы того по словеси твоему, да сотвори нам тако, чтоб беспечальным быти всегда». Дракула же повеле едину храмину сотворити велику на три перестрела и во едину тою храмину собра нищих вскоре всех, не остави ни единого, и сожже их ту всех нищих много множество; и рече Дракула к боляром: «Весте ли вы все, бояре мои, да что сотворих? Первие, нищим, да не стужают сии нищии людем; второе, да свободих от печали их, да не стужают впредь к тому ничем, да никто ж от них постражет».

О мнисех и о воросех старцов.^η По времени ж некоем в Мутьянскую землю приидота единова два мужа латынских от Югорские земли просити милостыни ради. Дракула ж повеле тем мужем быти поутру к себе по единому по дни, и показа им Дракула на колъях посаженых множество людей, безчислено много множество мертвых, и вопросы единаго мужа, старца нищаго: «Добро ли аз сие дело тако без милости творю?» И отвешав мних, глагола: «О, великий воевода Мутьянские земли Дракула, вельми зло есть, чиниши тако без милости; подобает тебе, Дракула, быти милостиву». А тех людей, иже на колъях мучены суть, повеле их сняти. Дракула ж того нищего старца повеле поставить в тайне месте, а не выпуща^ι его никуды; и призыва к себе Дракула другаго мниха

^φ На поле 19. ^χ В рукп. переправлено из возвести селившись.

^η На поле 20. ^ι Испр.; в рукп. выпущаи.

и вопросы такожде по прежнему. Вторый мних догадлив быв, он же отвещав к Дракулы: «Ты, государь Дракула, воеводою в Мутьянской земли от бога поставлен еси, лихо велико, зло творящих казнити, а добро творящих жаловати, а си мертвия люди по делом своим восприяли сию смерть». || Дракула ж л. 648 об. призва к себе первого мниха и рече к старцу первому: «Почто еси ты, старче, из монастыря ходиши по великим государем, а не умеши с ними говорити; и аз ныне, старче, хощу^ш по твоим словесем мучеником тебя учинити». И повеле и того старца на кол посадити вскоре, а второму старцу повеле из своей казны дати осм дукат злата и повеле его с великою честию проводити восвояси, да впредки по странам не волочится и злою смертию да не умрет сей старец, от того Дракулы сохранен бысть без вреда от всякого зла.

О некоем приезжем купцы югорском в Мутьянские земли и о погублении злата.^п Некогда прииде купец от Югорские земли в Мутьянскую землю, идеже Дракула во граде живяста, и по заповеди того мужа, которой в тое полаты пребывая, постави пред полатою на улицы возы свои с товары, а сам купец той югорской в тонок сон уснул у полаты тое, а не ведая того, что прииде тать к возам красти товаров из возов. О тати и о кражи злата.^п В тое же нощ прииде тать и украде с воза у купца 160 дукат злата. Той же купец прииде к Дракулы, поведа ему о погублении своего злата, како тати покрали его. Дракула ж глагола купцу югорскому: «Поиди семо, в сию нощ обрящеши свое пагубное злато». И повеле Дракула вскоре съскывать всем градом татя: «Аще не обрящете татя сего дни, то весь град погублю». А сам Дракула повеле своим людем югорскому гостю на воз положити свое злато втайне и приложи к тому един златой. Купец ж той обрете в тое нощ златники своя погиблемя и соchte себе злато дважды и трижды, || обрете л. 64 един златник лишней, а не свой. Тогда Дракула рече: «Иди ты, купец, к себе с миром, аще еси ты не поведал, то бы та повелел на кол посадити вскоре». А граждане же, тот час и татя съскав во граде, привели к Дракулы на очи. Дракула ж повеле татя того скоро на кол посадити, а злато краденое, съскав, отдали в казну Дракулину противо того злата, что купцу дано.

О голеньком человеки в раздранней одежди ходяща по улицы и о жene его и о смерти жены.^п Некогда прилучися самому Дракулы единому идуще по улицы во граде путем и узре на некоем месте голеньково человека, а на том человеки срачицу едину виде раздрану и худу, и вопросы у того человека сам Дракула:

^п Испр.; в рукп. нет.

^ш На поле 21.

^ш На поле 22.

^ш На

поле 23.

«О, убогий человече, имееши у себя жену?» Он же, отвещав, рече: «Имею, государь Дракула, жену». И глагола Дракула: «Поиди в дом свой». И прииде к нему Дракула, виде жену его младу, здраву сущу, и Дракула рече к нему: «Имееши ли у себя в дому своем лен?». Той же убогий человек глагола: «Много есть лну у мене». И сказа Дракула жене той младой: «Почто ты за собою леность имаши к мужу своему? А муж твой всегда должен ходить орати, и сеяти, и тебя кормити, а ты должна с мужем своим одежду светлу и лепу имети и чинити, а ты сама и срачица зделати не хощеш состроити, ни единые на-воловочки мужу своему, а телом здрава ты; аще кабы в том пред тобою муж виноват, и то аз бы его велел вскоре на кол посадити, для того, чтоб иным женам не повадно так воровати, на то смотря».

О бочечных мастерах.¹⁰ По некоем времени повеле Дракула привести к себе бочечных мастеров и повеле им бочки учинити железные и сыпти в них злато, в бочки, и ввер-
л. 649 об. гоша в реку на сохранение, а мастеров || тех бочечных повелел посещи, да никто ж уведает сокровенного злата.

О приходе югорского короля на Дракулу и о взятии его в полон.¹¹ Некогда ж король югорский прииде в Мутьянскую землю на Дракулу со множеством многою силою и войском своим вскоре, и Дракула ж поиде встречю против югорского короля и биша меж себя вельми крепко, и ухватиша Дракулу на том бою жива в полон и посадиша его в темницу. И бысть Дракула живяста в темнице 12 лет, а на Мутьянскую землю посадиша воеводу иного, Югорской земли человека добра.

Дракула ж, седя в темнице, не отста злого своего обычая, но,^{11а} мышки ловяще и спицы обастривавше, сиречь перье щипая, и посаждаше на кол мыши и птицы, аки человеков казнил, а когда ж не уловил мышь или каковых птиц, тогда Дракула, покупая птиц, да казнит: овых на кол сажает, а иным главы усекая, а иным перье ощипывая, отнущая на волю. По сем научися Дракула в темнице платья шити и тем ся кормился до испущения ис темницы.

Егда ж югорской король Матияш изведе его ис темницы и повеле Дракулы двор дати, но еще он у короля на очех не бывал, случися быти некоему злодею прибегнути от виселицы на тот Дракулин двор, гонящие ж королевские приказные воины прибегоша за тем осуженным злодеем на двор Дракулин. Дракула ж, взем меч свой, отсече главу гонящему приставу тому, держащаго злодея, а прибегшаго злодея отпустил на волю, а прочии приставы бежаще скоро от Дракулы з двора и по-

¹⁰ На поле 24. ¹¹ На поле 25.

11, а Испр.; в рук. по

ведаше королю своему тотчас. Король же, то слыша, послал от себя нарочита || дворянина скоро ко Дракулы на двор и л. 650 вопроси его: «Чего для тако чиниши?». И отвѣща Дракула к вопрошающему дворянину рече: «Не аз его, пристава, убил, но он, пристав, сам себя той смерти предал; не ходи разбойнически на великого государя двор не обослався, тем государьески домы не беъчестъ, да не лай, пес, на чюжем дворе, не кусай, собака, напрасно людей божиих, такова той собаки и смерть случися; а ты, друже, королевской дворянин, о том не печалься и о деле таком не скорби. Да аще бы король сам по милости своей того злодея разбойника на мне спросил, что он ко мне на королевской двор тот человек ушол, и аз бы того разбойника и сам бы его выдал или у царя упросил». Посланый ж королевской дворянин взял у Дракулы на письме скаску, и скоро поиде к королю своему, и прииде пред короля тот дворянин, и сказал королю Дракулины речи все по ряду, и скаску самому королю подаст в руки ево. Король же, от посланного своего дворянина про Дракулу слыша и скаску, приняв, прочет пред всеми своими думными дворяны и подивися скорому ответу и скаски Дракулиной со всеми своими людми, и тем ево, Дракулу, никто же не могий обвинити, потому что Дракула вельми в правде всякого человека судил. И по сем король Дракулу начал вельми жаловать, а пристава обвинил — смерть ему случися от себя, а злодея по упрощению Дракулину от смерти свободил, а тольки поучение градкое дал.

О послании от короля Дракулы на военное л. 650 об. вѣдѣство Мутьянское, и о отвѣржении вѣры христианские, и о рождении дву сыновего, и о побеге турских воев.⁶ Бывшу ж Дракулы на оном королевском дворе седящу за великими стражи королевскими, и в тож время случися воеводы мутянскому Мутянские земли во граде том умрети немчину, пасти от живота своего, зле скончася. И король ж югорской Мартьян скоро послал по Дракулу тово послал своего дворянина: «Да аще хощеши, Дракула, быти у меня первым человеком, да остави ты свою греческую веру, сииречь благочестивую христианскую, да приимет нашу латынскую, да за то поставлю его, Дракулу, на Мутянской земли воеводою, и всю Мутянскую землю начнет владеть, яко ж и первие; аще ли он, Дракула, не восхочет того повеленное мною сотворити, то в темнице да умрет». Дракула ж, то слыша от посланного королевского дворянина, обещався волю королевскую сотворити, и в то время он, Дракула, отпаде от православныя веры христианския, отставя свет и возлюби себе тму кромешную. А нужды темничныя,

⁶ На поле 26.

тягости телесной понести на себе ни мало не возможе, но уготова себе на бесконечный живот на вечную муку, прияша он себе латынскую проклятую веру, а святое крещение порудил, окаянный Дракула. Да как отпал веры христианских, и в то время югорской король Матьян, слыша о Дракулине отпадении, повеле ему к себе быти вскоре, и бысть король радостен

л. 651 вельми; и как Дракула приеде в || Югорскую землю, пред короля Матьяна став, поклонися ему с радостию. Король же Матьян, видев скорое и нeliцемерное отпадение Дракулино от веры христианских, дасть сестру свою королевну девицу Дракулы в жену и послала тотчас Дракулу в Мутьянскую землю на воеводство владеть, яко ж и первие. По сем бывшу ж Дракулы на воеводстве том, и родися у него два сына. И поживе Дракула десять лет невступно, дни своя он проводя зле, забыл святую христианскую веру, содеяся дело божие: изволивый бог отмсти окаянному Дракулы за православную веру христианскую, попустил господь на него свой праведный гнев. Придоша на Мутьянскую землю турский царь с силою, начаша пленити землю Мутьянскую, на самого Дракулу пришел. Дракула ж, видев пленение от турского войска себе многа, собрав мутьянское свое войско все, вельми его устроил, востав Дракула по прежнему с войском своим, поиде на турские полки вооружившесь велми крепко, побиваху турские полки. И видеша турки Дракулино войско вооружено и вельми храбро ополчены, идоша на бой противо турского войска, и турки ж убояшася велми и не возможоша стояти противо мутянского войска, и бегоша турки вскоре восвояси, никим же гоними бысть. И видевше бежание турского войска полков, мутянское ж все войско шедше ж турок множество посекоша, а овех гнавше, а овех в полон имаше и во град отсылаху полон.

л. 651 об. О смерти Дракулы мутьянского воеводы в нечестивые веры, от своих воин убиен бысть.^в Дракула ж выехав за град Мутьян, видев полки турские, || их побег, не возможоша стояти противо мутянского войска,^г сам Дракула возшед на великую высокую гору в радости бысть, нача соглядовать на четыре страны о погублении турского войска, и нача дивитися, и не ведая над собою дела божия, смертного часа не опасеся. Неподалеку стоя некто Дракулин человек исторгнувся от полка его, и подивися тому человеку Дракула, видением турчанин, тотарин стоит; внезапу взем своим копием той человек и ударил Дракулу тем копием созади, проиде сквозь тое копие. Дракула ж, видев смерть себе свою, яко от своих убиен бысть, а в то время Дракула во иступлении ума своего бысть, убил от своих воин пять мужей над собою вельми прекрасных лицем, и мужествен-

^в На поле 27. ^г Испр.; в рук. воска.

ных, и добродорных, и в воинстве храбрых зело. Воинские ж людие мутьянского полку, видение то, како Дракула напрасно убил пять мужей добрых лутчи себя, по сем они вельми зжалишася всем полком мутьянским и восплакашась о тех мертвых, вземше его, Дракулу, еще жива засташа в живот, и в том часе взяша копия свои воине те мнози, Дракулу прободоша. И тако Дракула скончася ту зле; живот свой препроводи в прелести, лютаго жития своего конец восприят. Богу нашему слава ныне и присно и во веки веком, аминь.

БАРСОВСКИЙ ВИД

Печатается по рукописи: ГИМ, собр. Барсова, № 1521.

Сказание о Дракуле и о житии его, как о ²⁶⁵ воеводствовал на Мутьянской земли

Бысть в Мутьянской земли воевода греческия веры, именем Дракула, яко житием злосерд вельми.

Некогда же приидопа к нему послы от турскаго царя. Егда же внидоша и поклонишася ему по своему обычаю, а шапок з глав не снем, он же вопроси их: «Что ради тако творите, к великому господину приидсте и велику срамоту учинили есте?». Они же отвещаша: «Таков обычай в земли нашей государи держать». Дракула же речи к ним: «А яз еще хощю вашего обычая подтвердити, и вы того крепчи будете». И повеле им ко главам прибити шапъки гвоздицем железным, и отпусти их, рек: «Скажите государю своему: он навык тую срамоту от вас терпети, а мы не навыкохом, да не посылает своего обычая ко иным государем, кои не хотят того имети».

После тех послов вельми царь турской разсердися о том и поиде войском на Дракула || со многими силами; Дракула же, ^{л. 265 об.} против собрався, елико же имяше у себя войска, и удариша на них нощию, и множество поби турков. И не возможе против многих битись людей малыми людьми, и возвратися с побоища того; и нача сам смотрети своих людей, и у коего спреди рана, тому честь воздаяше, а которые созади ранены, тех на кол сажаше. А коли поидеть противу турков, и глагола войску своему: «Аще кто восхощет помыслити смерть, то не ходи со мною, останися зде». Царь же турский, слышав то, поиде^а прочь со многим срамом.

Тогда же турский царь посла к нему послы взяти у него дань. Дракула же вельми почти послы турскаго, и показа ему все свое имение, и рече сему: «Не токмо яз не хощю дани дати царю вашему, но хощю ему сам служити войском своим всем и со всею казною своею. И ты возвести царю, да как яз пойду

^а В ркп. поиде *дважды*.

к нему, да чтобы не учинил мне никакова зла во всей земли своей и ни моим людем, а яз хощю- после тебя скоро поити».

л. 266 Царь же турский, слышав сие от посла своего, рад бысть || вельми, тогда бе ратуяся с восточными цари. И посла скоро по земли своей и по градом, а рек им: «Да когда поидет Дракула в мою землю, и никто бы ему никакова зла не учинил, а воздали бы ему честь». Тогда же Дракула поиде со всем войском своим, приставы же турского царя идяху с ним и честь ему воздаяху. Дракула же поиде по земли Турской 5 дней, и тако обратися назад, и нача пленити грады и села, и многое множество плени и изсече, а инех на колъе посади, а инех соже, и до сущих младенцов не остави, и всю его землю пусту учини, и множество христиан во свою землю пленинных возврати, и многое имения добыша. Приставов же тех турского царя почтив, отпусти и глагола им: «Поведайте царю своему, что видесте; колъми могох, толки служих; аще ли будетъ ему служба моя угодна, и аз впредъ рад ему служити». Тако же царь же турский ничто же ему зла не учини, срамом побежден бысть.

Колико грозен бысть Дракула во своей земли, яко же нигде ни царя, ни князя такова несть. Аще ли разбой, или татьба, || или кое зло, или неправда ни учинитца у него в земли, то никако жив не будеть, аще ли поп, или боярин, или простой человек, хотя и много кто богатества имел, то никако же откупитися не может от смерти. Тогда же бысть не на коем месте пусте кладязь, сладок и хладен вельми, к тому ж кладезю мнози путье прилегли от многих стран, и пияху воду от источника того. Дракула же учини чару велику и дивну златую и постави на источнике том, и аще кто пияше тою чарою, и паки поставляше на том же месте, а не смеяше никто взяти ея от грозы его, елико он пребысть.

Аще ли кая жена от своего мужа прелюбы сотворит, он же веляше ей срам вырезати и привезати ю посреде торгу нагу, и вдовам также творяше, кой вдовъства не сохранят, а инем сосца отрезаша, и иным кожю здираше, а которые мужи от своих жен также ходят прелюбы творити, у тех уды отрезаваше, а иных на колесех мучаше, а инем в пяты гвоздие бияше, а инех ⁶на кол⁶ сажаше.

л. 267 Таков имяше Дракула обычай: отколе приходиша || к нему послы от царя, или от короля, или от князя, а не умеяше противу его кознем отвещати, тех на кол сажаше, а глагола им: «Не аз повинен вашей смерти, ни вы рѣте на меня, аще государь твой, ведая тебя малоумна и ненаучена, послал тебя к мне^в, к великому государю, то государь твой сам тебя убил, а не яз; а будет ты сам дерзнул послом ити, а не научася, како глаголати, то ты сам себя убил». Тогда же прииде к нему посол

⁶⁻⁶ Испр.; в ркп. нет. ^в Испр.; в ркп. неразборчиво.

от Угорских земли, именем Матьяша, родом великий человек; Дракула же повел ему сести с собою на обеде посреде трупия, и пред ним лежит кол великий, весь позлащен добро и высок. Дракула же вопроси у посла того: «Повеждь ми, чего ради яз учиних сий кол тако?». Посол же вельми убося и глагола: «Великий государю, мнится мне тако: некоторый великий человек, аки аз, пред тобою согрехши и хощеши ему почестную смерть учинити паче иных». Дракула же рече ему: «Право рек: ты еси великого государя кралевъский посол; тебе учинен есть сий кол». Он же отвѣща: «Аще, государь, достойно смерти деял буду, твори еже хощеши. || Праведен бо еси судия: не ты мне ^{л. 267 об.} учинил смерть, но аз сам». Дракула же разсмеявшись рече: «Да аще бы ми еси не тако рек и не тако отвѣщал, то воистину бы был еси на сем коле». И почтыв его вельми, и отпусти, и рече ему: «Ты вправду ходи на посольство, а иный да не дерзнет, но первые умни будуть, како с великими государи говорити».

Некогда же обедаша Дракула под трупием мертвых людей, иже бе на колы около трапезы его. И послы отколе прихождаше к нему, тут же с ним ядяше и пославаху, Дракула же посреди их седяще. Слуга же его пред ним ясти ставиша и смрада того не могий терпети, он же рукою нос заткнув держаше и главу склони на сторону. Дракула же вопроси его: «Что ради тако чиниши?». Он же рече: «Государю, смрада не могу терпети!». Дракула же ту повел его на кол посадити и рече: «Там тебе высоко, смрад не доходит».

Тогда же Дракула заповеда по всей земли своей: «Аще кто стар, или чим недужен, или вреден, или слеп, или хром, и всяким недугом одержим, да вси приидут ко мне. . . || ^{л. 268}

... земли посади иного воеводу.

Дракула же седяше в темнице и не оста своего злого обычая, мыши ловя и птицы покупая, и тако казняше их, инех на кол сажаше, а инем, перье ощипав, пущаше, и научися в темнице седя шити платья, и тем кормяшеся.

Егда же король угоръский Матьяша изведе его ис темницы, и приведе его на Будин, и даст ему дом в Пещи против Будина, и еще у короля не был, и случися некоему злодею прибежати на его двор и склонитися. И гонящий же его наидоша. Дракул же взем меч свой, и скочи ис полаты, и отсече главу пристава, держашаго злодея, а злодея отпусти; а прочии же побежаше от него. И пришед к королю поведаша ему бывшее. Людие же со всеми посадники пришед х королю жаловатися на Дракула. Король же посла к нему вопросити его, чего ради тако сотворил? Он же тако отвѣща: «Никоего же аз зла не учиних, но он сам себя убил, находя разбойническии на великого государя дом; аще бы тот ко мне пришел, и аз бы в своем || дому нашел бых того ^{л. 268 об.}

^г Между лл. 267 об.—268 не хватает нескольких страниц текста.

злодея, и его бы выдал или простили его от смерти». Король же нача дивитися деянию его.

Тогда же умре воевода на Мутьянской земли; король же послал к нему в темницу и рек, аще восхощет Дракул быти воеводою на Мутьянской земли, яко и первие, да приемет веру латинскую; аще ли не приемет, то в темнице умрет. Дракула же возлюби паче временных бесконечного, отпаде православия и от истины, отстави свет и прият тму, уготовися на бесконечное мучение, осстави православную веру греческую и прият латинскую прелесть. Король же не токмо даст ему воеводство на Мутянской земли и сестру свою за него да, от нея же родися 2 сына. Пожив же лет 10 и тако в прелести скончася.

Конец же его сице: живяше на Мутянской земле, и придоша на землю его турцы и начаша пленити. Он же удариша на них, и побегоша турцы. Дракулино же войско без милости сеаху турков. Дракула же от радости на гору взогна видети, || како секут турков, и отторгшися от войска его, мняху, что турки на горе, и удари его един копьем. Он же и с коня свалися, яко от своих побиваем, и ту его множество копьи избодша, и тако убиен бысть и зле скончася лютою смертию.

УВАРОВСКИЙ ВИД

Основной текст: ГИМ, собр. Уварова, № 848

— У

Разночтения: ГИМ, собр. Уварова, № 152

— У_а

ГБЛ, собр. Беляева (ф. 29), № 1529

— Бе

ГИМ, собр. Барсова, № 2134

— Б

л. 203 об. 1,10 О великом царе Дракуле Мутьянские земли²

Бысть неки царь³ именем Дракула,⁴ житием злосердит вельми.⁶

Некогда прииде⁷ к нему посол иноземець.⁸ И⁹ прииде к¹⁰ нему,¹¹ а¹² з главы¹³ шапки¹⁴ не сняше,¹⁵ поклонища¹⁶ ему. Он¹⁷ же¹⁸ его воспросил:¹⁹ «То ты как²⁰ чиниши, к²¹ великому государю пришел²² еси поклонитися, а з главы²³ шапки не снявше?»²⁴

1, 1 Перед этим Сказание УвБе. 1-2 Заголовка нет Б. 3 царь обладатель Мутянская земли Б. 4 Дракул УвБ. 4-6 бе же велми житием злосерд Бе. 5 злосерд УвБ. 7 Испр. по УвБеБ; придоша У. 8 иные земли, и царь велел его пред себя поставить Б. 9 посол же Б. 10 и Б. 11 поклонися Б. 12-14 шапки з головы Б. 13 головы Ув; головы Бе. 15 снял УвБеБ. 15-17 царь Б. 16 и поклонися УвБе. 18-20 вопросы его глаголя, что ты тако Бе; вопросы его, что тако Б. 19-20 что ты тако Ув. 20-21 чиниш, пришел еси к такому Б. 22 послом Б. 22-24 и кланяешися, шапки з головы не снимая Б. 23 головы Ув; головы Бе. 24 сняв УвБе.

Он²⁵ же ²⁶ ему рече:²⁷ «Наши государи так любят».²⁸ Дракула же²⁹ рече ему: «Аз³⁰ того || не люблю,³¹ а хощу обычея³² сашего³³ л. 204 потвердити, и ³⁴ вы того тверде³⁵ будете».³⁶ И повеле Дракула³⁷ им к главам³⁸ прибивати шапки³⁹ гвоздем железным, и опусти их,⁴⁰ и рек:⁴¹ «Скажите ⁴² господарю вашему:⁴³ он навык таку⁴⁴ срамоту терпети от вас, а мы не⁴⁵ навыкохом,⁴⁶ да не посыает⁴⁷ своего обычея⁴⁸ ко иным государем, кои не хотят имети такого⁴⁹ обычея».

⁵⁰ О послех царь⁵¹ вельми разсердитовался⁵² о том⁵³ и поиде войском⁵⁴ на Дракулу⁵⁵ со многими силами.⁵⁶ Дракула же⁵⁷ против его собрався,⁵⁸ елико ⁵⁹ же имяше у себя войска,⁶⁰ и удариша⁶¹ на них ношию, и множество изби⁶² турков. И не возможе⁶³ против многих людей битись || малыми людьми, л. 204 об. и⁶⁴ возвратися з бою того,⁶⁵ и нача сам смотрити⁶⁶ своих людей;⁶⁷ у кого⁶⁸ спереди рана, тому⁶⁹ чест воздаша,⁷⁰ а которые ззади ранены,⁷¹ тех велел на кол⁷² сажати. А коли⁷³ поиде⁷⁴ против турков, и глагола⁷⁵ войску своему:⁷⁶ «Аще кто ⁷⁷ восходещ помыслити смерт, то⁷⁸ не ходи со мною, останися⁷⁹ зде⁸⁰».

²⁵ посол Б. ²⁶⁻²⁷ рече ему УвБе; отвешав царю Б. ²⁷⁻²⁸ наш тако²⁹ государь любит УвБе; великий царю, наш государь тако любит Б. ²⁸⁻²⁹ и царь Б. ³⁰ ино аз УвБе. ³¹ люблю и бесчастия от вас не терплю Б. ³² обычай Бе, ³³ Испр. по УвБ; нашего У; ваш Бе. ³⁴⁻³⁶ на вас шапки того тверже будут Б. ³⁵ твердие У; твержее Бе. ³⁷ Дракул Бе; царь Дракул Б. ³⁷⁻³⁸ к головам их УвБеБ. ³⁸⁻³⁹ шапки прибивати УвБ; шапки прибити Бе. ⁴⁰ Испр. по УвБеБ; им У. ⁴⁰⁻⁴¹ въ свою землю рек Б. ⁴²⁻⁴³ вы государю своему У; государю своему БеБ. ⁴⁴ такую УвБеБ. ⁴⁵ вас УвБе; вам Б. ⁴⁶ утвердихом УвБе; подтвердихом Б. ⁴⁷ посыает государь ваш УвБеБ. ⁴⁷⁻⁴⁸ обычая своего Б. ⁴⁹ такового УвБеБ. ⁵⁰⁻⁵¹ царь же той о послех своих У; царь же тог о послех своих Бе; послы же пришедше въ свою землю, известиша государю своему, еже что сотворил над ними царь Дракул, и наказаное от Дракула изрекоша государю своему, царь же их о том Б. ⁵¹⁻⁵² зело разгневався Б. ⁵²⁻⁵³ Нет УвБеБ. ⁵⁴ Испр.; войским У; с войском У; воинством Б; нет Бе. ⁵⁵ Дракула БеБ. ⁵⁵⁻⁵⁶ со многою силою У; со многою силою войска Бе. ⁵⁵⁻⁵⁸ царя, царь же Дракул уведав шествие царя того к себѣ и собрав войска своего Б. ⁵⁷⁻⁵⁸ собрася с своим войском Бе. ⁵⁸⁻⁶⁰ у себя имяше, против его поиде У; у себя имяше, и поиде противу его Бе. ⁵⁹⁻⁶¹ имяше въ царствѣ своем, и поиде противу того, присне же поши, царь же Дракул наиндоша Б. ⁶¹ удариша Бе. ⁶²⁻⁶⁴ воинства их, и виде Дракул царь, еже невозможно ему с малою силою с таким великом воинством братися, и Б. ⁶³⁻⁶⁴ битися малыми людьми противу много-людного Бе. ⁶⁵ того, отшед же от войска их Б. ⁶⁶ рассматривати Бе. ⁶⁶⁻⁶⁷ людей своих Бе; войско свое Б. ⁶⁸ которого Бе. ⁶⁹ то Бе. ⁷⁰ воздаваше УвБеБ. ⁷⁰⁻⁷¹ а которой созади ранен Б. ⁷² колье УвБеБ. ⁷³ когда Бе; как Б. ⁷⁴⁻⁷⁵ на брань, тогда Б. ⁷⁶ тогда УвБе. ⁷⁶ своему говорил УвБеБ. ⁷⁷⁻⁷⁸ боятися хощет смерти, той УвБе; боятися хощет смерти Б. ⁷⁹ но оставайся УвБе. ⁸⁰ дома, и паки велел войску своему утвержжатися на бой со всяким утвержжением и приказал битися всякому до умртвия УвБ; дома, и паки войску своему повеле утвержжатися на бой со всяким утвержжением и приказал битися всякому до умртвия Бе.

Царь же ⁸¹ слышав то ⁸² и поиде прось со многим срамом. ⁸³

Царь же ⁸⁴ турский посл ⁸⁵ к нему ⁸⁶ поклисаря взяти ⁸⁷ у него дань. Дракула же ⁸⁸ вельми почте ⁸⁹ поклисаря, и показа ему все ⁹⁰ свое имение, ⁹¹ и рече ему: ⁹² «Аз не токмо хощу ⁹³ ему дань давати, ⁹⁴ но всем ⁹⁵ войском ⁹⁶ и со ⁹⁷ всею казною своею хощу ⁹⁸ ити

л. 205 к ⁹⁹ нему ¹⁰⁰ на службу. И ¹¹, ¹ ты ² возве^{ти} царю, ³ да ⁴ как поида к нему, ⁵ да велит ⁶ царь по ⁷ всей ⁸ своей земле никакова ⁹ зла мне ¹⁰ учинити ¹¹ и моим людем, ¹² а ¹³ яз хощу ¹⁴ после тебя скоро итти». ¹⁵ Царь слышав ¹⁶ от послы своего и ¹⁷ рад бысь вельми, тогда ¹⁸ бе ратуя ¹⁹ с восточными ²⁰ странами. ²¹ И послы ²² скоро ²³ по ²⁴ земли своей и ²⁵ по градам и ²⁶ рек им: «Да ²⁷ куда поидет ²⁸ Дракула в мою землю, ²⁹ то бы ³⁰ ничто бы ему ³¹ не учинилося ³² никакого ³³ же ³⁴ зла, ³⁵ и воздали ³⁶ бы ему чест». ³⁷ Дракула же ³⁸ поида ³⁹ со всем ⁴⁰ своим войском, ⁴¹ приставове же царстии ⁴² идяху. Он ⁴³ же поиде ⁴⁴ по земли, яко ⁴⁵ 5 дней ⁴⁶ по земли шед, ⁴⁷ и внезапу оберняся, ⁴⁸ начаша ⁴⁹ пленити грады и села, и много ⁵⁰

л. 205 об. множество ⁵¹ плени иссеченых и на || колех посади, ⁵² а иных ⁵³

⁸¹⁻⁸² то слышав Дракулово утвержение, убоися *Б.* ⁸³ воинством въ свою землю *Б.* ⁸³⁻⁸⁴ и после того царь *УвБе*; и после того той же царь *Б.* ⁸⁵ прислал *УвБеБ.* ⁸⁶ Дракулу царю *Б.* ⁸⁷ Испр. по *УвБеБ*; взя *У.* ⁸⁸ же царь *Б.* ⁸⁹ почти *Б.* ⁹⁰⁻⁹¹ имение свое *Б.* ⁹² Нет *Б.* ⁹³⁻⁹⁴ государю вашему давати дань *Б.* ⁹⁵ хощу и со всем *УвБе*; сам со всем *Б.* ⁹⁶ своим войском *УвБе*; войском своим *Б.* ⁹⁷ с *Б.* ⁹⁷⁻⁹⁸ всею своею казною *УвБе*; казною хощу *Б.* ⁹⁹ Нет *Б.* ¹⁰⁰ Нет *Бе.*

И, ¹ Нет *УвБе.* ² ты же, поклисарю, сие *Ув*; ты же, поклисарю *Бе*; ты, поклисарь *Б.* ³ царю и о том ему доложи *Ув*; сие царю и о том ему доложи *Бе*; государю своему и о том ево доложи *Б.* ⁴ Нет *УвБеБ.* ⁵⁻⁶ на помощь, чтобы не ведел *УвБеБ.* ⁷ в *УвБе*; ваш в *Б.* ⁸ Нет *УвБеБ.* ⁹ никому никакова *УвБе*; мне ни войску моему никакова *Б.* ¹⁰ Нет *УвБеБ.* ¹¹⁻¹² ни моему войску *Ув*; мне ни моему войску *Бе*; нет *Б.* ¹³⁻¹⁴ хощу аз *Б.* ¹⁵ ити и отпустити поклисари повеле с честию, поклисарь же прииде к царю своему и поведа ему о походе к нему на службу Дракула царя с войским своим *Б.* ¹⁶ же турский слышав *УвБеБ.* ¹⁷ сию весть *УвБеБ.* ¹⁸ а тогда *УвБе*; поклисарь же паки рече царю: великий царю, велел тебя, царя, доложити Дракул царь, как он поидет с войским своим к тебе на службу, и чтоб ему в твоем царьстве и войску ево никакова зла не чинили, а тогда *Б.* ¹⁹ он ратуяся *УвБе*; той царь ратуяся *Б.* ²⁰ царем восточные *Б.* ²¹ страны *Б.* ²² скоро *Б.* ²³ Испр. по *УвБе*; корол (?) *У*; послы *Б.* ²⁴⁻²⁵ всему царьству своему *Б.* ²⁶⁻²⁷ по селом листы и заповедася (?) да *Б.* ²⁷ Нет *Бе.* ²⁸⁻²⁹ Дракул мою землею *Б.* ³⁰⁻³¹ ничто ему *УвБе*; ему ничто *Б.* ³² Испр. по *УвБе*; учинилось *У*; учинилось *Б.* ³³ ни воинству его никакова *Б.* ³⁴ Нет *УвБеБ.* ³⁵⁻³⁷ не было и чтили бы его вельми *Б.* ³⁶ воздавали *Ув*; воздавалася *Бе.* ³⁸ же царь *Б.* ³⁹⁻⁴¹ собрав войско свое *Б.* ⁴⁰⁻⁴¹ войском своим *Бе.* ⁴² турскаго царя *Б.* ⁴³ с ним, Дракула *УвБе*; с ним, царь *Б.* ⁴⁴ шел *УвБе*; Дракул шел *Б.* ⁴⁵ царя турскаго *Бе*; их *Б*; нет *Ув*. ⁴⁶⁻⁴⁷ Нет *УвБеБ.* ⁴⁸ обратиася *Б.* ⁴⁹ нача *БеБ.* ⁵⁰ Нет *Б.* ⁵¹⁻⁵² поплени и изсече и иных же на колье посажав *УвБе*; плениша градов и посеконца людей, а иных на кол сажаше *Б.* ⁵²⁻⁵³ и иных же *Б.*

сожже, и до младенцов сущих ⁵⁴ не остави. И ⁵⁵ всю его ⁵⁶ землю пусту учинил, и ⁵⁷ множество христиан ⁵⁸ во свою землю плененных ⁵⁹ возврати, ⁶⁰ и много корысти добы. ⁶¹ Приставов же тех почтив, отпусти ⁶² и глаголав ⁶³ им: «Поведайте царю своему, яко же колько ⁶⁴ многох ⁶⁵ виде, ⁶⁶ tolko ⁶⁷ ему и послужих: ⁶⁸ аще будет ему ⁶⁹ служба моя угодна, ⁷⁰ и яз еще ⁷¹ ему послужу». ⁷² Царь же ⁷³ничто же ему зла не учини, ⁷⁴ срамом побежен быст.

Колико ⁷⁵ грозен ест ⁷⁶ Дракула ⁷⁷ во своей земле, ⁷⁸ яко же нигде ⁷⁹ ни ⁸⁰ царя, ни князя ⁸¹было и нест. ⁸² Аще ли разбой, или татьба, или кое ⁸³ зло, или ⁸⁴ неправда где учинится в его ⁸⁵земли, то никако || жив не будет. Аще ли поп, или боярин, или простой человек, ⁸⁶ хоти ⁸⁷много кто ⁸⁸ богатства имел, ⁸⁹ никако не ⁹⁰ может искупитися от ⁹¹смерти. ⁹²Тогда же ⁹³ быст на некоем месте пусте ⁹⁴ кладязь ⁹⁵сладок и хладен ⁹⁶ вельми, к ⁹⁷ тому ⁹⁸ кладязю ⁹⁹ многи пути придоша, ¹⁰⁰ от III. ¹ многих стран пъяху ² от источника ³ того. Дракула ⁴ же ⁵ учини ⁶ чару велику ⁷ и дивну злату ⁸ и постави ⁹ на источнике ¹⁰ том. ¹¹Аще кто пияше тою чарою ¹² и паки поставляше ¹³ю на том же месте, ¹⁴ и никто же не ¹⁵ смеяше взяти ю ¹⁶ от грозы его, ¹⁷елико он пре- быст. ¹⁸

л. 206

⁵⁴⁻⁵⁶ и куды прошол, ту всю Б. ⁵⁵⁻⁵⁶ куда прошел, туда всю УвБе. ⁵⁷ Нет Б. ⁵⁸ христиан плененных Уе; плененных Бе; же христиан Б. ⁵⁹ Нет УвБеБ. ⁶⁰⁻⁶¹ иже в пленении быша, и много имения взя и обогатися зело Б. ⁶¹ добы, а УвБе. ⁶² повеле отпустити Б. ⁶³ рече Б. ⁶⁴ коль УвБеБ. ⁶⁵ Испр. по УвБе; многох У; могл Б. ⁶⁶ видеве Уе; в скобах видесте вы Бе; нет Б. ⁶⁷ tolko Б. ⁶⁸ послужих, вы есть видели службу мою Б. ⁶⁹ Нет УвБеБ. ⁷⁰ годна ему УвБеБ. ⁷¹ и еще УвБеБ. ⁷² послужих, и возвратися в землю свою, приставове же пришед и возвестиша царю своему о службе царя Дракула Б. ⁷³⁻⁷⁴ слышав то от своих УвБе; слышав то и Б. ⁷⁵ tolko Бе; и рече, колико Б. ⁷⁶ быст УвБеБ. ⁷⁷ Дракула царь Бе; царь Дракул Б. ⁷⁸ державе Б. ⁷⁹ нигде такова не было Уе; нигде не было Бе; нигде такова не обретается Б. ⁸⁰ Испр. по УвБе; на У; нет Б. ⁸¹⁻⁸² и не бысть Уе; и не было в те времена Бе; нет Б. ⁸³ иное кое Б. ⁸⁴ и Б. ⁸⁵⁻⁸⁶ царстве, и какова человека нибудь уличат коим злом, простова или властелина, то никак тот человек жив не будет УвБе; царстве, или какова человека уличат коим злом, властелина или простова, то никак тот человек жив не будет Б. ⁸⁷⁻⁸⁸ кто и много УвБе; и много кто Б. ⁸⁹ име Бе; имея Б. ⁹⁰ же Б. ⁹¹ у него Бе. ⁹²⁻⁹³ у того же Дракула царя в царстве Бе; у него же царя Дракула в царстве Б. ⁹⁴ пусте сотворен Бе; нет Б. ⁹⁵⁻⁹⁶ холден и сладок Уе; хладен и сладок БеБ. ⁹⁷ и к Б. ⁹⁸ тому же ко Уе; тому же Бе. ⁹⁹⁻¹⁰⁰ придоша многи пути БеБ. ¹⁰⁰ Испр. по УвБеБ; придоща У. III. ¹ со УвБе, ² и пъяху УвБеБ. ³ кладязя Б. ⁴ всякия люди, Дракула Уе; многие люди, Дракула Бе; воду всякия люди, царь же Дракул Б. ⁵ ту УвБе; нет Б. ⁶ Испр. по УвБе; учинили У; учиниша Б. ⁷ злату велику УвБеБ. ⁸ зело УвБеБ. ⁹ Испр. по УвБе; поста У; повеле поставити Б. ¹⁰ кладязе Б. ¹¹⁻¹² всяк пья тою чарою Уе; и вся пияше чарою тою Бе; всяк пиша чарою тою Б. ¹³⁻¹⁴ ту Б. ¹⁵ Нет УвБеБ. ¹⁶ Нет Б. ¹⁷⁻¹⁸ у него же в царстве Б. ¹⁸ да у него же в царстве БеБ.

Аще коя жена от¹⁹ своего мужа²⁰ прелюбы сотворит, он²¹
л. 206 об. же веляще²² вырезати²³ срам ея²⁴ и привязати²⁵ среди торгу
нагу,²⁶ и вдовам²⁷ такоже творяще,²⁸ кой²⁹ вдовства не³⁰ хра-
нят, а иным³¹ сесца³² отрезываше,³³ и³⁴ иным³⁵ кожу здираше,
³⁶ а которые мужи³⁷ от³⁸ своих жен³⁹ такоже ходят прелюбы
творити,⁴⁰ у тех⁴¹ уды резаше,⁴² а иных⁴³ на колесах мучиша,⁴⁴
а⁴⁵ иным⁴⁶ гвозди⁴⁷ в пяту⁴⁸ вбиваше,⁴⁹ а иных на⁵⁰ кол са-
жаше.⁵¹

Таков имяше Дракула обычай: отколе прихожаше⁵² к нему
поклисары⁵³ от царя, или от короля, или от князя,⁵⁴ а не⁵⁵
умяще⁵⁶ против его козни⁵⁷ отвещати,⁵⁸ и он таех⁵⁹ послов
на колье сажаше⁵⁹ и глагола⁶⁰ им: «Не аз повинен⁶¹ вашей смерти,
но⁶² вы,⁶³ и не⁶⁴ рпты⁶⁴ на мя. Аще⁶⁵ господарь⁶⁶ твой,⁶⁷ ведая
л. 207 тебя⁶⁸ малоумна⁶⁹ и неучा,⁷⁰ послал тя⁷¹ ко мне,⁷² к⁷³ великому
и⁷⁴ умному государю,⁷⁵ то государь твой убил тя ест,⁷⁶ аще сам⁷⁷
еси дерзнул не⁷⁸ научився⁷⁸ говорити, то⁷⁹ сам еси⁸⁰ убил сябя». ⁸¹
И тако поклисарем⁸² чиняше. Тогда⁸³ же прииде к нему по-
клисар от⁸⁴ Угорские земли⁸⁵ именем Мотьящ,⁸⁶ родом велик⁸⁷
человек.⁸⁸ Дракула же⁸⁹ повеле сести⁹⁰ с собою на⁹¹ обеде⁹²

19-20 мужа своего Б. 21 и обличится он Б. 22 повелит Б.
23 вырезавати Бе. 23-24 тайныя ее уды Б. 25 привязывати Бе.
26 Нет УвБе. 26-27 аще и вдова тоя вдовства своего не хранит
Б. 27-28 такожде же творяще Бе; такоже творяще Б. 28-35 у иных
же Б. 29 Испр. по УвБе; коих У. 30 своего не УвБе. 31 у иных
УвБе. 32 Нет УвБе. 33 Испр. по Бе; отрезоваша У; отрезовши
Ув. 34 а УвБе. 36-37 а который муж Бе; аще же и муж такоже Б.
38-39 свой жене Бе; жены Б. 39-40 прелюбы сотворит Ув; прелюбы
сотворяет Бе; блуд сотворит и Б. 41-42 такоже уды повелеваше отре-
зывати Бе; повелит уды отрезывати Б. 42 отрезоваше Ув. 42-43 иных
же Б. 43 Испр. по УвБе; иных У. 44 Испр. по УвБ; мучящих
У; мучи Бе. 45 и Б. 46 Испр. по УвБеБ; иных У. 47 гвоздием Бе.
48 пяты Б. 49 вбиваху Бе. 49-51 Нет Б. 50-51 колье сажаху
УвБе. 51-52 да той же царь Дракула имяше обычай таков к послом,
коих земель послы УвБе; той же царь Дракул имяше обычай таков,
аще коих земель от царя или от короля послы Б. 53 приходили
УвБе; придут Б. 53-56 и которой посол пришед и не умеет и не смеет
Б. 54-55 и кой посол пришед и не Ув; и кой посол пришел и не Бе.
56 умеет УвБе. 57 козней УвБе; нет Б. 58-59 Испр. по УвБе; нет
У; и он таех⁵⁹ послов на колье сажати повелеваше Б. 60 глаголет
Б. 61-62 смерти вашей, но сами УвБеБ. 63-64 Испр. по УвБе; и
рпте У; виновны и не рпты Бе. 65 напрасные вины, аще Б.
66 государь УвБеБ. 67 ваш Б. 68 вас Б. 69 малоумных Б.
70 ненаучка УвБеБ. 71 Нет Б. 72 мне послом Б. 73 к такому
УвБ. 74 царю и Бе. 74-75 ко умному Бе; разумному государю Б.
76 Нет Б. 77 же сам Бе. 78 Испр. по УвБе; учил вся У; навы-
кнувш разума Б. 79 противу мене, то Бе. 80 Испр. по УвБе;
беси У; себя Б. 81 еси себя Ув; себе Бе; еси Б. 82 послом Б.
83 некогда УвБеБ. 84 Нет Бе. 85 страны Б. 86 переправлено
из Мотяше У; Мотяш УвБеБ. 86-87 великаго рода Бе. 88 и
честен человек Б. 88-89 царь Б. 90 ему сести УвБе; его пред
себя поставить, поклисарь же от царя своего посольство правил, Дра-
кул же повеле ему быть у стола и посади его Б. 91 за Б. 92 един стол Б.

среди труния.⁹³ И пред ним лежит кол велик весь⁹⁴ позлащен
⁹⁵ добре и высок.⁹⁶ Дракула же воспросив⁹⁷ поклисаря:⁹⁸ « Повезъ⁹⁹ ми, чего¹⁰⁰ ради аз¹⁰¹ учиних сий кол тако?² Поклисарь же вельми убоився³ и глагола: « Великий⁴ государь, мнит ми⁵ тако: некоторый⁶ велик человек, аки⁷ аз, пред⁸ тобою согрехих,⁹ и хо|щеши¹⁰ ему почесную смерт¹¹ учинити паче иных ». л. 207 об.
Дракула¹² же¹³ рече ему: « Право рекл¹⁴ еси:¹⁵ ты еси¹⁶ великаго царя кралевские¹⁷ земли поклисарь; тебе учинил ест¹⁸ сий кол ». Он¹⁹ же отвеща:²⁰ « Аще, государь,²¹ достойна смерт дел буду,²² твори, еже хощеш. Праведен бо²³ еси судия: не ты мне учинил смерт,²⁴ но аз сам себе²⁵ ». Дракула²⁶ же размейялся²⁷ рек:²⁸ « Да аще²⁹ бы еси мне не тако рек,³⁰ не тако отвещал,³¹ то воистину бы был³² еси на сем коле ». И, почтив³³ его вельми,³⁴ и тако отпустил³⁵ и рече: « Ты вправду³⁷ ходи³⁸ на посольство,³⁹ а иные но⁴⁰ не дерзнут,⁴¹ но первии умни⁴² будут, како с ве-ли|кими государи говорити ». ⁴³

Тогда⁴⁴ же⁴⁵ обедаша Дракула⁴⁶ же по труниям⁴⁷ мертвых людей,⁴⁸ иже⁴⁹ на колье⁵⁰ и⁵¹ около трапезы его. И послове,⁵² отколе⁵³ прихожаху⁵⁴ к нему, тут же с ним ядяху⁵⁵ и пославаху; Дракула же среди⁵⁶ их сидяше.⁵⁷ Слуга же⁵⁸ пред ним⁵⁹ ясти ставляше⁶⁰ и смрада того⁶¹ терпети не можаше,⁶² он же рукою заложи нос и⁶³ главу склони⁶⁴ на сторону. Дракула⁶⁵ же воспроси

⁹³ труния мертвых УвБеБ. ⁹⁴ добр и высок весь Ув; и высок весь Б; высок Б. ⁹⁵⁻⁹⁶ Нет УвБеБ. ⁹⁶⁻⁹⁸ царь рече поклисарю Б. ⁹⁷ вопроси Б. ⁹⁸ Испр. по УвБе; проклисаря У. ⁹⁹ рцы Б. ¹⁰⁰ чесо Б.

IV, 1-2 учиних кол так УвБе; кол сий учиних Б. ³ убоияся того УвБе. ⁴ царь великий Б. ⁵ ми ся УвБеБ. ⁶ аще некоторый УвБе; аще который Б. ⁷ яко ж Б. ⁸ и пред УвБе. ⁹ согрехит Ув; великим царем исправи не учинит Б. ¹⁰⁻¹¹ его пожало вати, честную на сем коле Б. ¹² царь Б. ¹³ Нет Б. ¹⁴ ми еси рекл Б. ¹⁵ Нет Б. ¹⁶ Нет Б. ¹⁷ Угорские Б. ¹⁸ есмь Ув; нет Б. ¹⁹ поклисарь Б. ²⁰⁻²¹ ты, государь, волен, аще УвБе; ты, государь, волен, аще суть Б. ²¹⁻²² дела мои достойны будут смерти УвБеБ. ²³ Нет Б. ²³⁻²⁴ есть судия без дела смерти не предаст, не судия мя к смерти ведет Б. ²⁴ Нет Б. ²⁵ себе учиню простотою своею Б; злыми делами на смерть веден буду Б. ²⁶ царь Б. ²⁷ слыша и разъясняся и Б. ²⁸ рех Ув; рече Б. ²⁹⁻³⁰ не так бы еси мне рек Б. ³⁰⁻³¹ Нет УвБеБ. ³² ты был Б. ³³ почтил Ув. ³⁴ царь вельми УвБе. ³⁵ отпусти его с миром Ув; отпусти с миром Б; повеле его отпустити с миром Б. ³⁶ рек поклисареви Б. ³⁷ Нет Ув; не научас и впредь Б; еси и впредь Б. ³⁸⁻³⁹ для посольства УвБе; и моему величеству на посольство Б. ⁴⁰ бы УвБеБ. ⁴¹ дерзнули Ув; дерзали БеБ. ⁴¹⁻⁴³ Нет УвБеБ. ⁴² Испр.; нет У. ⁴⁴ некогда УвБеБ. ⁴⁵⁻⁴⁶ царь обедаша Б. ⁴⁶⁻⁴⁷ подле труния УвБеБ. ⁴⁸ Нет Б. ⁴⁹ ини же Б. ⁵⁰ колех БеБ. ⁵¹ Нет УвБеБ. ⁵² когда прилучися быти послом Б. ⁵³ Испр. по Б; откола У; отколе ни УвБе. ⁵⁴ Нет Б. ⁵⁵ Пере-правлено из ядуху У. ⁵⁵⁻⁵⁷ Нет Б. ⁵⁶ посреди Ув; последи Бе. ⁵⁸ ж его Бе. ⁵⁹⁻⁶⁰ ставляше ясти Бе; съ ествою стояше Б. ⁶¹ мертваго Бе. ⁶¹⁻⁶² не можаше терпети Бе. ⁶¹⁻⁶⁴ не терпяще и заложи ноздри своя рукою и лице обрати Б. ⁶³ а УвБе. ⁶⁵ царь Б.

его: «Что⁶⁶ ради ⁶⁷так твориши?». ⁶⁸ Он же рече: «Государю,⁶⁹ не могу⁷⁰ терпти смраду!». ⁷¹ Дракула ⁷² же ⁷³ту и⁷⁴ повеле его⁷⁵ на кол восторгнути и рече: «Тако ми⁷⁶ еси⁷⁷ высоко, но⁷⁸ и⁷⁹ смрад⁸⁰ не может доити⁸¹ тогда!». ⁸²

л. 208 об. Дракула же⁸³ заповеда по⁸⁴ всей земли своей:⁸⁵ «Да аще кто стар, или чем⁸⁶ недужен, ⁸⁷или вреден,⁸⁸ или ⁸⁹слеп, или хром⁹⁰ и ⁹¹всяким недугом⁹² одержими, да⁹³ вси ти приидут⁹⁴ ко мне, да⁹⁵ сотворю их всех беспечальных». ⁹⁶ И собрашася к нему множество нищих,⁹⁷ всяким недугом одержими,⁹⁸ чающе от него великия милости. Он⁹⁹ же веле¹⁰⁰ их собрати в великую храмину и повеле ¹⁰¹им дати² пити и ясти³ довольно; они же ⁴ядяше, и пияше, и веселишиася.⁵ Дракула ⁶ же пришед⁷ к ним⁸ глаголаше: «Что ⁹вы еще хощете¹⁰ от меня?». Они же вси отвещеваше.¹¹ «Ведает, государь, бог да тво величество, как тобя¹² бог вразуме». ¹³ Он же глагола им: «Хощете ли, да со-
л. 209 тво||рю вас беспечальных¹⁴ на сем свете, ничим¹⁵ же нужны буде-
те¹⁶ на сем свете?»¹⁷ Они же чающе от него великия милости и вси глаголюще:¹⁸ «Хощем, государю». ¹⁹ Дракула же²⁰ по-
веле ²¹ту храмину²² обнести хврастием и огнем запалити, и тако²³ всех сожже, и ²⁴сотвори их²⁵ всех беспечальных. И гла-
гола бояром своим: «Да²⁶ ведаете ли, ²⁷ что аз сотворих²⁸: первое, да не стужают людем и никто же да будет нищъ в земли моей, но²⁹ богати будут; второе, свободи их от ³⁰ печали, да никто же их³¹ постражет на сем свете от нищеты и от³² недуга».

Единою³³ же приидоша к нему ото Угорские земли два ла-
тинска мниха милостыни ради. Дракула³⁴ же повеле их роз-
вести, и призва к собе единого, и показа ему около двора

⁶⁶ чего *Б.* ⁶⁷⁻⁶⁸ лице отвратил и ноздри своя заложил *Б.* ⁶⁹ ему *Бе;* великий царю *Б.* ⁷⁰ могу, государь *Бе.* ⁷¹ смраду от мертвых *УвБеБ.* ⁷² царь *Б.* ⁷³⁻⁷⁴ того *Ув;* и того *Бе.* ⁷⁵⁻⁸⁰ рече, аз учиню тя от смрада высоко и *Б.* ⁷⁵ *Нет УвБе.* ⁷⁶ *Нет УвБе.* ⁷⁷ еси буди *УвБе.* ⁷⁸ ино *Ув.* ⁷⁹ *Нет УвБе.* ⁸⁰ доити до тебя *УвБ;* до тебе доити *Бе.* ⁸² *Нет УвБе;* и повелел его на кол восторгнути: буди ему от смрада высоко *Б.* ⁸²⁻⁸³ некогда же Дракула *УвБе.* ⁸⁴ потом же царь велел заповедати в царьстве своем *Б.* ⁸⁴ во *УвБе.* ⁸⁶ *Нет Б.* ⁸⁷⁻⁸⁸ *Нет Б.* ⁸⁹⁻⁹⁰ хром или слеп *Б.* ⁹¹⁻⁹² всякими недуги *УвБеБ.* ⁹³ и да приидут *Б.* ⁹⁴ *Нет Б.* ⁹⁵ и аз *Б.* ⁹⁶ без болезни и без печали *Б.* ⁹⁷ недужных нищих и хромых и слепых *Б.* ⁹⁷⁻⁹⁸ и всякими недуги одержими *УвБеБ.* ⁹⁹ царь *Б.* ¹⁰⁰ повеле *УвБеБ.*

^{V, 1-2} дати им *Б.* ²⁻³ ясти и пити *УвБеБ.* ⁴⁻⁵ ядоша и пипша и веселишиася, видя милость цареву *Б.* ⁶ царь *Б.* ⁷ прииде *Б.* ⁸ им и *Б.* ⁹⁻¹⁰ хощете еще *УвБ;* хощете *Бе.* ¹¹ отвещаша *УвБе;* к нему отвещавше: великий царю *Б.* ¹² тебя, государя, о нас *УвБеБ.* ¹³ вразумит *УвБеБ.* ¹⁴ без болезни и без печали *Б.* ¹⁵ и ничим *Бе.* ¹⁶⁻¹⁷ *Нет УвБеБ.* ¹⁸ глаголаху *УвБеБ.* ¹⁹⁻²⁰ царь же Дракула *Б.* ²¹⁻²² храмину ту *Б.* ²³ та же *УвБеБ.* ²⁴⁻²⁵ сотворих *Ув.* ²⁶ *Нет Б.* ²⁷ вы *Б.* ²⁸ Испр. по *УвБеБ;* сотвори их *У.* ²⁹ ино *Б.* ³⁰ всех бес *Б.* ³¹ от них *Б.* ³² *Нет Бе.* ³³ неколи *УвБ;* не после пробела неколи *Бе.* ³⁴ царь *Б.*

своего|| множество на колье³⁵ людей и ни колесех, и вопроси³⁶ л. 20⁶ об-
его, глагола: «Добро ли то аз творю»?³⁷ Тако же мних³⁸ рече:
³⁹ «Ни, государю, добро,⁴⁰ по злу твориши,⁴¹ без милости каз-
ниши; подобает,⁴² государю, ⁴³ милостику быти.⁴⁴ А те,⁴⁵ иже
на колье,⁴⁶ мученицы суть». И призвав⁴⁷ же⁴⁸ другаго мниха
и вопросы его такоже. Он же отвеща,⁴⁹ мних:⁵⁰ «Ты, государю,⁵¹
от бога поставлен еси⁵² лихо творящих казнити, а добро тво-
рящих жаловати.⁵³ А си лихо⁵⁴ творили, и они по своем делом
и восприяли». ⁵⁵ Дракула же призвав⁵⁶ первого мниха и глагола
ему: «Да почто ходиши из монастыря, ис⁵⁷ кельи своей, не
познай ничто же? А ныне сам еси глаголал, яко тес⁵⁸ мученицы
суть. И⁵⁹ яз хочю⁶⁰ и тобя мученика⁶¹ соторити».⁶² И повелев⁶³
его⁶⁴ посадити на кол,⁶⁵ а другому повеле || дати 50 дукат⁶⁶ л. 210
злата и рече ему: «Разумен еси человек». И повелев его с поч-
естию на⁶⁷ возех до Угорские земли проводити.⁶⁸

Некогда же прииде к нему купец Угорские земли⁶⁹ въ его
град. И по его заповеди оставил⁷⁰ воз⁷¹ на улице⁷² пред пола-
тою и⁷³ товар на возех, а сам спаше у полаты. И пришед
некто, украде с воза 160 дукат⁷⁴ злата. Купец же иде ко Дра-
куле,⁷⁵ поведа⁷⁶ ему о погублении своего злата. ⁷⁷ Дракула же⁷⁸
поведа ему: «Не буди печален о том, иди домов:⁷⁹ в сию ношь
обрящется злато твое на возу».⁸⁰ Тогда же заповеда⁸¹ по всему
граду искати татя и глагола: «Аще ли⁸² не обрящете, то⁸³ весь
град погублю». И повелев⁸⁴ погибшее злато положити⁸⁵ на возе
и приложити⁸⁶ един златой лишней.⁸⁷ Купец же востав⁸⁸
и обрете⁸⁹ свое злато⁹⁰ на возе, изочте⁹¹ дважды и трожды,⁹²
и обретоша един⁹³ лишней златой⁹⁴ на возе.^{VI, 1} Тогда же
приведоша татя того златом. И глагола² купцу: «Иди с миром;³

³⁵ кольех *Бе.* ³⁶ вопросив *Б.* ³⁷ творю или худо *Б.*
³⁷⁻³⁸ мних же *Бе.* ³⁸⁻⁴⁰ не добро, государь *УвБеБ.* ⁴¹ чинишь
УвБеБ. ⁴² подобает тебе *Б.* ⁴³⁻⁴⁴ быти ти милостику *Бе.* ⁴⁵ Испр.
по *УвБеБ;* тех *У.* ⁴⁶ кольех *Бе.* ⁴⁷ призвав царь Дракул к себе *Б.*
⁴⁸ Нет *БеБ.* ⁴⁹ отвещав же *Б.* ⁵⁰ Нет *Бе.* ⁵¹ государь *УвБеБ.*
⁵² Нет *Б.* ⁵³ миловати *УвБеБ.* ⁵⁴ тако лихо *УвБе;* аще (пере-
правлено из тако) лихо *Б.* ⁵⁵⁻⁵⁶ Дракул же царь, призвав *Б.*
⁵⁷ и из *БеБ.* ⁵⁸ сии *УвБеБ.* ⁵⁹ Нет *Б.* ⁶⁰⁻⁶¹ мученика и тебе
УвБе. ⁶² видети *УвБеБ.* ⁶³ веле *Б.* ⁶⁴⁻⁶⁵ на кол посадити
УвБеБ. ⁶⁶ дук *Бе.* ⁶⁷ проводити на *Б.* ⁶⁸ Нет *Б.* ⁶⁹ же
земли *УвБе.* ⁷⁰ поставил *Б.* ⁷¹ возы *БеБ.* ⁷¹⁻⁷² Дважды на улице *Бе.*
⁷³ а *УвБеБ.* ⁷⁴ тукат *Б.* ⁷⁵ кралю *УвБе;* царю *Б.* ⁷⁶ и был
челом *УвБеБ.* ⁷⁷⁻⁷⁸ царь же Дракул *Б.* ⁷⁹ в дом *УвБеБ.* ⁸⁰ возе
УвБ. ⁸⁰⁻⁸¹ и тогда заповеда Дракула *Ув;* и заповеда Дракула *Бе;*
и тогда царь Дракул заповеда *Б.* ⁸² Нет *УвБеБ.* ⁸³ татя, то *Б.*
⁸⁴⁻⁸⁵ положити погибшее злато *Бе.* ⁸⁶⁻⁸⁷ повелев злато лишнее *Бе;*
злато един лишней *Б.* ⁸⁸ востав изутра *Ув;* востав заутра *БеБ.*
⁸⁹⁻⁹⁰ злато свое *УвБеБ.* ⁹¹ и изочте *УвБеБ.* ⁹² Зжды *Бе.*
⁹³⁻⁹⁴ златой лишней *УвБ;* дукад злата лишней *Бе.*

VI, 1-2 он же то царю поведа и принесе, царь же рече *УвБеБ.* ²⁻³ Нет
БеБ.

аще бы⁴ ми еси⁵ не поведал ⁶ злата того лишняго,⁷ то бы и⁸ тебя велел с ⁹ сим татем¹⁰ на кол посадити, а ныне поди¹¹ здрав». А татя того велел¹² на кол восторгнути.

Единою¹³ же¹⁴ идущу ему¹⁵ путем и узре на некоем месте человека седяща в ветсей срачице издраний¹⁷ и худе. ¹⁸ Дракула же¹⁹ воспроси его: «Человече, имаши ли²⁰ жену?». Он же:

²¹ «Государю мой, имам». ²² И глагола ему: ²³ «Веди мя в дом свой».

л. 211 И пришед, ²⁴ виде²⁵ жену его здраву и глагола ²⁶ ему: «Муж, не²⁶ сеял ли²⁷ лен?». ²⁸ Он же рече: «Много имам». И показа ему лен. Дракула²⁹ же глагола³⁰ жене его: «Да³¹ почто ты имаеш ленош³² мужу своему? Муж³³ твой должен орати, и сеяти, и тебя хранити; а ты еси должна мужу своему одежду ³⁴ светлу и лепу чинити, ³⁵ а ты ему³⁶ и срачицы не ³⁷ хощеш нарядити; ³⁸ а здорова сущи телом. И ты еси³⁹ повинна смерти, ⁴⁰ а не муж твой». ⁴¹ И поведе ей руце отсечи, а ⁴² само ея⁴³ на кол восторгнути.

Тогда⁴⁴ же⁴⁵ учиниша ему мастера⁴⁶ железные бочки, и⁴⁷ л. 211 об. насыпав в них злата, и положи⁴⁸ в реку. ⁴⁹ И мастеров⁵⁰ тех || по- сече, ⁵¹ да⁵² никто же⁵³ весть соделанного им, се же тезоимениты диявол. ⁵⁴

Некогда же поиде⁵⁵ краль⁵⁶ угорский Матьяш⁵⁷ на Дракулу⁵⁸ с войском своим; ⁵⁹ он же⁶⁰ поиде противе его, и ⁶¹ сретоша оба, ⁶² и ухватиша Дракулу⁶³ жива, от своих здан⁶⁴ по крамоле. И приведен бысть х королю; король же повеле кинути⁶⁵ в темницу⁶⁶ на Вышегород на Дунаю, выше Будина 4 статина 12

⁴ Испр. по УвБеБ; бо У. ⁴⁻⁵ еси того мне Бе; если то мне Б. ⁶⁻⁷ лишнего злата УвБеБ. ⁸ Нет УвБеБ. ⁹⁻¹⁰ татем сим УвБеБ. ¹¹ поида ты УвБе. ¹² сыскав и велел УвБе; сыскав поведел Бе. ¹³ не- когда УвБеБ. ¹⁴ Нет Б. ¹⁶ Дракуле УвБе; Дракулу Б. ¹⁷ разд- раний УвБе; раздрание Бе. ¹⁸⁻¹⁹ царь же Дракул Б. ²⁰ ли ты УвБе. ²¹⁻²² рече: имею, государь УвБеБ. ²³ ему царь Б. ²⁴ поиде к нему в дом и пришед УвБе; приде к нему в дом и пришедше Б. ²⁵⁻²⁶ мужу УвБе; мужу ея Бе. ²⁷ Испр. по УвБеБ; ли У. ²⁸ еси лен УвБеБ. ²⁹ даря же Дракул Б. ³⁰ Испр. по УвБеБ; бла У. ³¹ Нет Бе. ³² Испр. по УвБеБ; нет У. ³³ муж же Б. ³⁴⁻³⁵ лепу и светлу чинити Бе; светлу чинити Б. ³⁶ еси УвБеБ. ³⁷⁻³⁸ Испр.; хощеш наряди У; нарядила УвБеБ. ³⁹ за то УвБеБ. ⁴⁰⁻⁴¹ Нет УвБеБ. ⁴²⁻⁴³ самое УвБеБ. ⁴⁴ некогда УвБеБ. ⁴⁵ же Дракуле УвБе; же царю Дракуле Б. ⁴⁶ учиниша мастера УвБе; мастера учиниша Б. ⁴⁷ он же БеБ. ⁴⁸ пустиша их Бе; впусти их Б. ⁴⁹ Было написано и зачеркнуто море Ув. ⁴⁹⁻⁵⁰ мастеров же УвБеБ. ⁵¹ повеле посечи Ув; повеле по- сечи Бе; велел посечи Б. ⁵² чтобы Бе. ⁵³ же бы УвБе; нет Бе. ⁵³⁻⁵⁴ уведал деланного ими УвБеБ. ⁵⁵ поиде на Дракулу угорский УвБе; на Дракулу угорский Б. ⁵⁶ Испр. по Бе; накрал У; король УвБе. ⁵⁶⁻⁵⁷ Матьяш УвБеБ. ⁵⁷⁻⁵⁸ Нет УвБеБ. ⁵⁸ Испр.; Драку У. ⁵⁹ своим великим зело УвБе; своим великим зело поиде Б. ⁶⁰⁻⁶¹ Дракула же УвБе; царь же Дракул Б. ⁶¹⁻⁶² сретоша оба и бишася много УвБеБ. ⁶³ Дракула Б. ⁶⁴ бо он здан был УвБеБ. ⁶⁵ его вкинути УвБеБ. ⁶⁶ Испр. по УвБеБ; темница У.

лакот,⁶⁷ и посадил на Мытьянской земле⁶⁸ иного⁶⁹ воеводу.
⁷⁰ Дракула же,⁷¹ седяще в темнице⁷² и не оставил своего злого обычая, мыши ловя и птицы покупая,⁷³ и тако⁷⁴ казняше их,
⁷⁵ иных на кол сажаше,⁷⁶ а иных,⁷⁷ || перя ощипав,⁷⁸ пуша,^{78a} и научися, в темнице сидя,⁷⁹ шить, и тем кормяся.⁸⁰

Егда краль угорский Матьяш⁸¹ изведе ис⁸² темницы, и ⁸³ веде его на Будин даст⁸⁴ ему дом ⁸⁵ в Пещи⁸⁶ против⁸⁷ Будина. И⁸⁸ еще у короля не ⁸⁹ был, случися⁹⁰ некоему злодею прибегнути ⁹¹ на его двор и сохранитись. И гоняще их его наидоша.⁹² Дракула⁹³ же, взем меч свой, скочи⁹⁴ ис полаты⁹⁵ и отсече главу у пристава, ⁹⁶ держащаго злодея,⁹⁷ а злодея ⁹⁸ испусти; и прочии же бежаша. И⁹⁹ прииодоша кралеви¹⁰⁰ и поведавше^{VII, 1} ему бывшее. Бирева же со всеми посадники ² идет к кралеви и пожаловатися³ на Дракулу. Краль же послал к нему⁴ || воспросити его, что⁵ ради тако сотворил?⁶ Он же тако ^{212 об.} отвещав: ⁷ «Зла же⁸ никоего не чинил,⁹ но он сам себе убил,¹⁰ находя разбойнически¹¹ и на великаго государя и на дом;¹² аще бы тако мне пришел, и яз бы во своем дому нашел бых того злодея, и его дал бы или просил от смерти».¹³ Краль же начав дивитися деянию его.

Тогда¹⁴ умре¹⁵ воевода на Мытьянской¹⁶ земле; краль же послал к нему¹⁷ в темницу¹⁸ и рек:¹⁹ «Аще восхощеши быти, Дракула, воевода²⁰ на Мытьянской земле,²¹ яко да первие, да приемет²² латынскую веру»; аще не приемет,²³ то ²⁴ в темнице²⁵ умрет.²⁶ Дракула же возлюби || ²⁷ паче временных²⁸ л. 213

⁶⁶⁻⁶⁷ и Мытьянскую землю за себя взя Уе^Бе^Б. ⁶⁷⁻⁶⁸ Испр. по Уе;
нет У; и посадил на Мытьянскую землю Бе; и поставил на Мытьянской
земле Б. ⁶⁹ Испр. по Уе; в иного У; своего Бе^Б. ⁷⁰⁻⁷¹ царь же
Дракул Б. ⁷² темнице Уе^Бе^Б. ⁷³ Испр. по Уе^Бе^Б; покупая У.
⁷⁴ Нет Бе. ⁷⁵⁻⁷⁶ Нет Уе^Бе^Б. ⁷⁷ у иных Уе^Б; иных Бе. ⁷⁸ щи-
паху Уе^Б; щипаше Бе. ⁷⁹ и отпускал Уе^Б; отпускающая Бе. ⁷⁹ се-
дящи Бе; седяща Б. ⁸⁰ кормяшесь Б. ⁸⁰⁻⁸¹ и держав его в тем-
нице и Уе; держав же его краль в темнице многое время и Бе^Б. ⁸² вон
из Уе^Б; его вон из Бе. ⁸³⁻⁸⁴ дал Уе^Б; даде Бе. ⁸⁵⁻⁸⁶ Нет Б.
⁸⁷ среди Уе^Бе^Б. ⁸⁸ а Уе^Бе^Б. ⁸⁹⁻⁹⁰ в милости случи же ся в той
земли быти Уе^Бе^Б; в милости и случися в той земли быти Б. ⁹¹ у при-
става и у пристава ушел и прибегнул Уе^Бе^Б. ⁹² наидоша и Уе^Бе^Б;
наидоша и царю Б. ⁹³ Дракуле про приставство сказаша, Дракула
Уе^Бе^Б. ⁹⁴ изскочи Уе^Бе^Б. ⁹⁵ Испр. по Уе^Бе^Б; полоты У.
⁹⁶⁻⁹⁷ Нет Бе^Б. ⁹⁸⁻⁹⁹ отдаде гоняющим, они же Уе^Бе^Б; отдать гоня-
щим, они же Б. ¹⁰⁰ ко кралеви Уе^Бе^Б; ко кралю Бе.
^{VII, 1} поведаша Уе^Бе^Б. ²⁻³ иде ко кралю жаловатися Уе^Бе^Б.
⁴ Дракуле Уе^Бе^Б. ⁵ чего Уе^Б; чесо Бе. ⁶ Испр. по Уе^Бе^Б; сотво-
рих У. ⁷⁻⁸ аз зла Бе. ⁸⁻⁹ аз никоего не учинил Б. ¹⁰⁻¹¹ на что
по твоему приказу злодея не берег Уе^Бе^Б. ¹²⁻¹³ его наход разбой-
нический учинил и соблазну многим доспел Уе^Бе^Б. ¹⁴ Некогда Б.
¹⁵ же умре Уе^Бе^Б. ¹⁶ Мытьянской Уе^Бе^Б. ¹⁷ Дракуле Уе^Бе^Б.
¹⁷⁻¹⁸ Нет Бе^Б. ¹⁹ рече Б. ²⁰ воевода быти Бе; нет Б. ²¹⁻²² тако
б да принял нашу Уе^Б; тако б принял нашу Бе; то бы принял нашу Б.
²³ приемеш Бе. ²⁴⁻²⁵ у меня в заточении и Б. ²⁶ умреш Бе.
²⁷⁻²⁸ временная паче Уе^Бе^Б.

бесконечного²⁹ отпадения³⁰ православия, ³¹от истинны отпаде, оста³² света, прия³³ тму, уготовись на бесконечное мучение, остави православную веру греческую и прия латынскую прелесть.³⁴ Краль же не токмо воеводство³⁵ даст ему³⁶ на Мутьянской земле, но³⁷ и сестру свою за него даст,³⁸ от нея же роди³⁹ два сына. И ⁴⁰пожив лета и тако⁴¹ в прелести скончашеся.

Конец его сице: ⁴²живяще на Мутьянской земле, и⁴³ придоша на землю⁴⁴ турки и нача⁴⁵ пленити. Он же ударися⁴⁶ на них,⁴⁷ и побегоша турки. Дракулино же войско без || милости ⁴⁸сечаху турков.⁴⁹ И Дракула же,⁵⁰ отторгши⁵¹ от войска⁵² своего, ⁵³мняху, яко турки⁵⁴ на горе, и удари его един копием. Он же с коня урвася, яко от своих убиваем, и ту его же множество коши избодоша,⁵⁵ и тако убиен⁵⁶ быст и зле скончашся.

ХОХЛОВСКИЙ ВИД

Печатается по рукописи: ГБЛ, собр. Тихонравова (ф. 299), № 283.

л. 412 О царии Дракуле и о смерти его

Бысь некий царь именем Дракул Мутьянской, житие зло имея и яр и не милостив и не пощади ни х кому, казнитель злы и скор к смерти.

И некогда посол иноземець, и повеле ему царь Дракул быти у себя на посольство. И прииде тот посол к нему скоро и вшед пред царя, не сняв шапки своея по своей вере, и поклонись царю Дракулу. Царь же, увидев, вопроси его: «Что так твориши: к великому государю пришел еси поклонитися, а з главы своея шапки не снял еси?». Посол же отвеща ему и рече: «Государю царю Дракуле, || наши государи так любят по вере нашей». Дракул же рече: «Аз того не люблю и хощу обычай ваш потвердити, да твержее того будете». И повеле главам прибити *шапки*^в гвоздием железным и отпусти их: «Скажите

²⁹ бесконечные *Бе*; бесконечных *Б.* ³⁰ отпаде *УвБеБ.* ³¹⁻³² и от истинны отступи, остави *УвБеБ.* ³³ и прият *Бе*; и прия *Б.* ³⁴ ересь, написано прелесть *Бе.* ³⁵⁻³⁶ Дракуле *УвБеБ.* ³⁷ даст, но *УвБ;* даде, но *Бе.* ³⁸ дал *УвБ;* даде *Бе.* ³⁹ родилась *УвБеБ.* ⁴⁰⁻⁴¹ тако Дракула *УвБеБ.* ⁴² сице был *Ув;* сице бысть *Бе;* сицеый был *Б.* ⁴²⁻⁴³ Нет *УвБеБ.* ⁴⁴ землю его *УвБеБ.* ⁴⁵ начаша *УвБеБ.* ⁴⁶ с войском ударись *УвБе;* Дракул с войском своим ударися *Б.* ⁴⁷ турки *Б.* ⁴⁸⁻⁴⁹ турков сечаху *Б.* ⁴⁹ турок *УвБе.* ⁴⁹⁻⁵⁰ Испр. по *УвБе;* нет *У;* Дракул же *Б.* ⁵⁰⁻⁵¹ един отторгся *УвБ;* отторгся един *Бе.* ⁵¹ Испр.; отторгши и *У.* ⁵² Испр. по *УвБеБ;* востока *У.* ⁵³⁻⁵⁴ на гору, и войско его *УвБеБ.* ⁵⁴ Испр.; турски *У.* ⁵⁴⁻⁵⁵ пригнав к нему, и начаявся турком, копы зболи его *Ув;* пригнаху к нему, и начаявся турок, избодоша его коши *Бе;* пригнав к нему, и начаявся от них, что турок, копы зболи его *Б.* ⁵⁶ Испр. по *Бе;* избодоша *У;* зболи *УвБ.* ⁵⁶ он убиен *Бе.*

^в Испр.; в ркн. нет.

государю своему, что не повык срамоту терпети от вас, а мы тому не навыкохом, да впредь не посылает своего обычая ко инем государем, кoi того не хотят имети».

Послове же пришед от Дракула царя в землю свою и сказаша царю своему, царь же турский вельми разъярися о послех своих и, собрав своя воя, поиде на Дракула царя с вели-
ким воем, || со многими силами; царь⁶ Дракул нача против его л. 413
збиратися своим войском и великим собранием, елико ж имяше
войска своего 30 900, и ударися Дракул на турков пощю, и
множество побиша турчан. И не возможе против многих людей
стояти и с ними битися малыми людьми, и возвратися з бою
того, и нача царь сам смотрети людей своих: у коего рана
спреди, тому честь дая, а хто ранен созади, тех на колъя по-
садиша. А егда царь Дракул поиде против турков, и глагола
войску своему: «Аще кто восхощет ити со мною на ратное
|| дело, а помыслит кто смерть, тот не ходи со мною, но оста- л. 413 об.
ниши зде». Царь же турский слышав то, поиде прочь со срамом
великим.

И послал к Дракулу послал своего клисаря взяти у Дракула
дань. Дракул же послал поклисаря, и показа все свое именье,
и рече клисарю: «Аз не токмо хощу ему давати дань, но со
всем войском своим и со всею силою и казною своею хощу
к нему на службу ити, и ты взвести от меня турскому царю
своему, как я пойду к нему и в землю его, дабы царь приказал
во все свое царство, чтобы мне в царстве || его и в земли ни- л. 414
какова зла не учинили, мне и людям моим. Аз хощу, клисарю,
скоро поти». Царь же турский, слышав от послы своего клисаря,
рад бысь вельми и веселяся восточными странами, скоро по-
сылает с наказы по всей земли своей и по всем градом своим,
повеле накрепко наказывать во все Турское свое царство:
«Куды поидет Дракул царь в мою землю, то никто же бы ему
и людям его не учинил зла, ни пакости, и воздали б ему честь
велику и хвалу». И как поиде царь Дракул в землю турского
царя и как будет в земли Турской, и сретиша его || многие л. 414 об.
турци и поклониша ему на колену. Приставы же турского
царя седяще с ним и честь воздаяху ему. Дракул же поиде по
земли турского царя и в пять дней землею, и внезапу верняся
царь Дракул назад и нача пленити землю, и грады, и села тур-
сия, много множество пленил и сек, а иных казнил, на колъе
сажал, и сожжены, и до сущих младенцов не оставил, и всю
землю Турскую учинил пусту, и множество християн пленен-
ных возвратил в землю свою, и много имения взял. Приставы л. 415
же турские почтив, отпусти их, глаголя: «Повежьте царю
своему, еже видете: колико аз могох, толико и послужил царю
вашему; аще будет служба моя ему не угодна, и аз ему еще по-

⁶ Далее в рукп. две буквы зачеркнуты.

служу». Приставы же турского царя от Дракула пришед по-
ведаше по ряду. Царь же турски вельми потужи, глаголя:
«Никто же ми зла учинил, яко же Дракул, срамом от него-
побежден бых».

Колико грозен есть Дракула^в во всей земли, яко же нигде-
л. 415 об. на царя ни князя было и несь, яко^г же он: аще ли разбой, или
татьбы, || или кое зло, или неправда где учинится въ его земли,
то никако же жив^х не будет, аще боярин или простой человек,
хотя много хто богатства имеет, то никако не может искупить-
ся от смерти. Тогда бысь на некоем месте кладязь сладок и
хладен вельми, к тому кладезю многие пути придоша, ото
многих стран, и пияху от источника того. Царь же Дракул учини-
чашу велику злату и поставил ея на источнице том. И рече:
л. 416 «Аще кто пияше тою чашею и паки || поставляше на том же
месте». Людие же от всех стран езяху х кладязю и пияху зла-
тою чашею воду елико хотяху, и никто не смеяше^е взяти чаши
от грозы великаго царя Дракула, донеле же он пребысь.

Некогда же во царстви его и во всей земли, когда услышит,
аще кая жена от своего мужа прелюбы творит, он же веляше-
той жене вырезати срам ея и привязати среди торгу ея, и
вдовам також творяше, кои девства своего не сохранили, а иным
л. 416 об. сосца отрезаша, и иным кожу здираше, такоже которые || мужи
от своих жен творят прелюбы, и у тех уды отрезываше, а иным
в пяты гвоздия вбиваху, а иных на колье сажаху.

Тока же Дракул царь обычай у себя имяше: откуду приходи-
ждаше к нему послы от царя или от краля, или от князя, а не
умяше противъ его отвещати, того казниша, глагола им: «Не
аз повинен вашей смерти, но вы сами рщета на мя, и не научи-
послал тя к великому государю умному, то государь тя твой
убил есть; и аще сам еси дерзнул не научився глаголати, то
л. 417 об. сам еси убил ся». || И так поклисарем чиняше. Тогда же прииде
к царю Дракулу поклисарь от Угорския земли именем Ма-
тиаш, родом велик человек; Дракул жероспроси его про от-
чество его и повеле ему сести с собою на обеде среди трупия,
аже пред ним лежит кол велик и злащен, добр сый, велик и
высок. Дракула же спроси поклисаря: «Скажи ми, чего ради
кол учинен?». Поклисарь же вельми убоялся и глагола ему:
«Великий государь, царь Дракул, мнит ми ся тако: некий ве-
лик человекъ, аки аз, пред тобою, своим государем, || пред
царем Дракулом много согрешил, и разумехом и видехом, иже
хощеши ему честную^х смерть воздати паче иных». Дракула же
рече ему: «Право рек еси: ты великаго государя кролевские земли
поклисарь; тебе учинил сей кол». Поклисарь отвеща ему:

^в Испр.; в ркп. Дакрала. ^г Испр.; в ркп. ко. ^х Испр.; в ркп-
нет. ^е Испр.; в ркп. сияше (?). ^е Испр.; в ркп. было написано
и смазано честному.

«Аще достойно мне смерть дней будущих, твори что хощеши. Праведен бо еси судия: не ты мне, государь, учиниш смерть, но аз сам себе». Дракула же царь, размаявся, рече ему: «Аще бы еси, поклисарю, мне не так рекл и не тако от^ивещал, во- л. 418 истину бы еси был на сем коле». Царь же Дракул, почтив по- клисаря вельми и отпусти и его в землю его, глаголя: «За то отпустих тя, что в правду ходиши на посольство, а иные не дерзнут, но первые будут, како с великими государы створити».

Тогда же царь Дракула обедаше подле трупия мертвых людей, иж на колье около трапезы его, и приидоша к нему послове, и тут же на трапезе повеле им ясти и посольство пра- вят ту же. Дракула же царь среди их на обеде седяше, а слуги пред ним еству ставляху. || И смрада того не мощно терпети, л. 418 об. послы руками закрываху носы и главы уклониша на страну. Видев же царь Дракул и глагола им, яко послы носы закры- ваху и уклоняхуся, и рече им: «Что ради се творите?». Они же реша: «Не могохом смрада^з сего терпети!». Дракула же по- веле в той час послов на^и колье всторгнути, глаголя: «Тако вы есте высоко, и смрад вас доити не может!».

Тогда царь Дракул заповеда по всей земли: «Да аще кто стар, или чем недужен, или скорбен, или чем вредим, или слеп, или хром, или каким недугом || одержимы, да все при- идут ко мне, и створю их всех беспечальных и от всякия бо- лезни свободжу их». И сбрася к нему множество нищих и болящих, всякими недуги одержими, чающе от него всякия ми- лости. Царь же повеле их собрати в великую храмину и повеле им дати ясти и пити довольно; они же ядяху, и пияху, и воз- веселишася о цареве милости. Царь же Дракала прииде к ни- щим и к недужным и глагола им всем вслух: «Что вы еще хо- щете, да створю вам?». Они же глаголаша, аки единеми усты отвещаша: «Ведает бог да твое царское || величество, как тебе, л. 419 об. государю нашему, господь утвердит». Царь же глагола им: «Хощете ли, да створю вас беспечальных на сем свете, ничим не нужны будете вовеки?». Вси же нищи и недужные слышаху от царя, вельми возрадовашеся радостию великою, чающе от него великия милости, вси глаголюще: «Хощем, государю». Царь Дракула же повеле их затворити в храмине, и обослати хврастием,^в и зажжени, и тако всех сожже, глаголя: «Сотово- рих вас беспечальных вовеки от сего света». Царь же рече боя^иром своим: «Весте ли, что аз створих? Первие, да не сту- л. 420 жают людем и никто же нищъ не будет в земли моей, но вси богати будут; второе ж, свободих ихъ от печали и скорби, и да никто же не^и постражет на сем свете от нищеты и от недуга и скорби».

^з Испр.; в ркп. смадада (?). ^и В ркп. на дважды. ^к Испр.; в ркп. хвостием. ^л Испр.; в ркп. но.

Некогда же придоша к нему от Угорских земли два ла-
тинска мниха милостыни ради. Дракула же повеле их розвести
разно, и повеле привести к себе единаго мниха, и показа ему
л. 420 об. около двора своего много || множество на колъе людей поса-
женых и на колесех, и вопроси мниха: «Добро ли то аз
творю?». Мних же рече: «Добро твориши, но зело без милости
казниши; подобает ти, государю, милостиву быти к тем, иже
в темници суть». Дракул^м же призва мниха другаго и вопроси
его о кожненых людех тако ж, яко и первого; мних же отвѣща:
«Ты, государь, от бога поставлен еси зло творящих казнити,
а добро творящих жаловати, а си лихо творили, и они по своим
делом смерть прияли». Царь же приз[ва] первого мниха и гла-
гола ему: «Почто ходиши из манастыря и келии своея, не поз-
ная ничто же; а ныне сам еси глаголал, яко темницы суд, и аз
тя хощю ныне мученика учинити». А другому царь мниху по-
веле дати 50 дукат злата, глаголя: «Разумен еси человек». И
повеле его на возех до Угорских земли проводити с великою
честию.

Некогда же прииде к нему купец из Угорских земли въ его
град. По царской заповеди постави на улице пред полатою все
л. 421 об. имение свое и товары на возах, елико имяше. || И сам купец
нача спати у полаты. И пришед некто человек и украде с воза
160 дукат злата. Купец же вста, иде ко царю Дракулу и поведа
ему о погибшем своем злате. Царь же рече купцу: «Не буди
печален о том, иди домов: в сию нощь обрящется злато твое на
возе твоем». Тогда царь заповеда всему граду своему искати
татей, глаголя: «Аще не обрящете вскоре, то весь град погублю». И
повеле погибшее злато положити купц^у на^в возе его, приложив
един златой. Купец же обрете свое злато погибшее на возе
л. 422 своем, || и соchte дважды и в третей, и обрет един лишней зла-
той на^в возу, и сказа купец царю, яко един златой лишней. Царь же глагола купцу: «Иди с миром; аще бы еси не^о поведал
мне злата того лишняго, то бы и тебя с ним велел на кол восторг-
нути, с тем же татем». И отпусти купца здрава, не вредив ни-
чем, а татя велел на кол посадити.

Некогда же единому царю Дракулу идущу путем и виде на
некоем месте человека седяща в ветхой срачице, издране и
худе. И вопроси его, имат ли жену. Он же отвѣща: «Ймам». И
л. 422 об. глагола царь: «Веди мя || в дом свой». И пришед, виде жену
его здраву и вопроси человека: «Не сеял ли еси лну?». Он же
рече: «Много лну имам». И показа ему лен. Дракула же гла-
гола жене его: «Почто имаши леность к мужу своему? Он долж-
жен орати, и сеяти, и хранити тя, а ты еси должна мужу своему
одежу светлу и лепу чинити, и ты ему не хощеш срачицы на-

^м Испр.; в ркп. Дакул.

^и Испр.; в ркп. но

^о Испр.;

в ркп. но.

рядити; а здрава сущи телом своим; повинна еси смерти, а не муж твой». И повеле ей руце отсечи, и саму ю повеле на кол посадити.

Некогда же мастера по его велению || учиниша бочки же л. 423 лезныя, и насыпав ихъ златом, и положи в реку; а мастеров тех царь повеле посечи, да никто ж не увестъ соделанаго.

Некогда же поиде краль угорский Матьяшъ на царя Дракула с воинством своим; весть же прииде царю Дракулу о сем; он же поиде напротивъ его с силою своею. Когда сидоша оба, ухватиша Дракула жива, от своих здан по крамоле, и приведоша его х кралю. И всади его в темницу в Вышеграде на Дунаю, вышина его будет 12 лакот; || на Мутьянской земли по л. 423 об. сади воеводу иного.

Дракула же седяше в темнице, не оста своего злаго обычая, мыши ловяше в темнице и птицы покупаше и тако казниша ихъ, яко же во царствии своем люди казняша, и иныя на колье сажаше, а иным перья ощипывая, отпушаше, а иныя на уды меташе и всякия казни даваше. И научиша в темнице платья делати и тем кормяся.

По сем краль повеле извести его ис темницы, и приведе его на Будин, и даст ему дом в Пищу против Будина. Аще || у краля л. 424 не бывал, и случися некоему злодею прибегнути на его двор. И склоняющся от гонящаго, и прибежа гонящи на Дракулов двор, сиречь пристав, и ухватиша злодея. Видев же Дракула, взем меч свой, и отсече главу приставу, и держаше злодея, и отпусти; а прочии бежаша. И пришед сказаша кралю Матьяшу бывшее. И собрашаася¹ вси посадницы, идоша х кралю жаловатися на Дракула. Краль же посла по Дракула и повеле спросити его: «Что ради сотвори?». ² Он же отвѣща: || «Зла не учиних, по сам ся убил, находя разбойнически на великаго государя и на дом его; аще бы ко мне так пришол, и аз бы во своем дому нашед того злодея, отдал бы ему или бы отпросил его от смерти». Краль же нача дивитися дѣянію его.

Тогда умре воевода на Мутьянской земли, которой³ был послан после Дракула царя. Краль же послал х Дракулу, глаголя: «Аще восхощеши быть воевода на Мутьянской земли, яко ж прежде, то приими веру латинскую, аще ли не примеши, в темници умреши». || Дракула же возлюби временная паче без- л. 425 конечных, отпаде православныя веры и от истины отступи, оставя свет, прият тму и уготовися на бесконечное мучение, остави православную веру и прият латинскую прелесть. Краль же не токмо воеводство даст ему на Мутьянской земли, но и сестру свою за него даде, от нея же родися ему два сына. И поживе лето и тако в прелести скончася.

¹ Испр.; в ркп. собрашаася. ² Испр.; в ркп. со сотвори. ³ Испр.; в ркп. которой.

Конец его сице: живяше же на Мутьянской земли, приидоша
на землю турки и начаша // зло чинити много. Дракала же л. 425 об.
ударися на них, и побегоша турки. Дракулино же войско без
милости сечаху турков. И отторгнешся от войска своего, и
мняху яко турки. Тогда един удари его копьем. Дракала же
с коня увалися, яко от своих убиваем мя. И ту его множество
копиями збдоша, и тако Дракула убиен бысь. И зле скончася
тако житие Дракулино.

СВОДНАЯ РЕДАКЦИЯ

Публикуется по рукописи: ЦГАДА, ф. 181 (собр. Архива Министерства иностранных дел), № 613/1121.

Повесть о некоем царе Дракуле земли ^{л. 28 об.}
Мутьянского, о житии и о царстве его

Бе некий цар, греческие веры християн, именем Дракул, земли Мутьянского, житием злосерд, || и яр, и не милостив, и ^{л. 29} не пощадлив ни х кому ж, казнитель злы, скор к смерти.

Ибо некогда пришел к нему посол иноземец турский. И повеле ему царь Дракул быти у себя на посольстве, и прииде тот посол к нему скоро, и вшед пред царя, не сняв шапок своих по своей вере, и поклонися царю Дракулу. Царь же, видев, вопроси его: «Что тако твориш, к великому царю пришел еси поклонитися, а з главы шапок не снял еси?». Посол же, отвещав, рече ему, государю царю Дракулу: «Наши государи так любят по нашей вере». Царь же Дракул рече: «Аз того не люблю, аз хочу обычай ваш подтвердити, да крепко стоите». И повеле им ко главам их шапки прибити гвоздием железным, и отпусти их, и рече: «Шед скажите царю своему: то он повык ту срамоту терпети от вас, а я бо того не навыкохом, да впредь не посылает своего обычая по иным || государям, кои того имети ^{л. 29 об.} не хотят, но у себя деръжит».

О приходе турского посла в свою землю. Послы же, пришедшее от Дракула царя в свою землю и сказа царю своему. Слышав же цар, вельми разсердися от том и поиде с великою силою и войском на Дракула царя. Дракул же цар, собрав елико имяще войско свое, и нападе на турского царя ионцию, и множество поби их. И не возможе противо войска великого малыми людми стояти, и возвратися з бою того, и прииде, и нача цар Дракул сам смотрети войска своего; который ранен спереди, тому даде великую чест и витязем его учиняше, а которые в тыл ранены, и тех на колье сажаше и глагола им: «Вы ея не мужики, но жены». А когда поиде Дракул на турки, так глагола || всему войску своему: «Кто хонщет себе смерть помышляти, тот бы не ходил со мною, останись зде».

^{л. 30}

Царь турский слышав то, и поиде прочно с великою срамотою, и безчисленно погуби войска своего.

О после турского царя ко царю Дракуле дани прошат у царя Дракула. Цар пошилесарю послал к нему, да ему даст дань. Дракула же цар вельми почти⁴ послал одъного и показа ему все имение свое и рече ему: «Не токмо хощу вашему царю дан дават, но со всем вьйством и со всею казною хощу итить на службу, да како ми велит, и служу ему. и ты повести царю, да как поида к нему, да не велит цар по своей земли никоего зла учинить⁵ мне ни моим людям, а аз хощу скоро по тебе итит и ко царю дань при-
л. 30 об. несу и сам к нему || прииду. Царь же слышав то от посла своего, что Дракула хощет приитти к нему на службу, и послал своего почти и одари вельми, и рад быст, бе бо тогда радуяся с восточными землями. И послал скоро по всем градом, по своей земли, когда царь Дракула поидет, никоего же бы зла царю Дракуле не учинили, но еще бы ему чест воздали. Царь же Дракул поида со-
брався со всем войском своим, и царьские приставы с ним, и великую ему честь воздаваше. Он же, цар Дракул, проиде по Турской земли его турского царя, яко пять дни, и внезапу⁶ возвратися вспят, и начат пленити грады турского царя и села, и много множество поплени и под мечи подклони, а иных на колье гажал турок, яко же оставя всю землю пленил и пусту-
л. 31 учинил, а прочтих || же, иже суть християне, на свою их землю и села прогна, и множество много корысти добыл. И турского царя приставников вельми почти их дарми, и отпусти их к тур-
скому царю, и рече им: «Шед поведайте царю своему турскому, яко видесте вы и сами: сколько Дракул царь мог, только и послужил; а будет впред турскому царю годна будет моя служба, и аз еще ему хощу так же служити». Турский же царь Дракулу царю ничто же ему не учини, только срамом побежден быст.

Оправде. Толико кто ненавидят в своей земли зла, а кто может кое зло учинит, татьбу ли, или разбой, или какую лжку, или неправду, то никако не будет жив, аще ли великой
л. 31 об. || боярин, или княз, или простый кой человек, или тысяшник, и з великого богатъства, то б не мог от такие неправды откупитися от смерти, только царь Дракул грозен вельми.

Онищих. Единою же пусты царь Дракул заповедь по своей земле, кто стар, или немощен, или чем вреден, или нищ, да вси приидут к нему, к царю Дракулу. И сбирашася множество безчисленных странных и нищих, чающе от него, царя Дракула, себе великия милости. Он же повеле их собрати всех во едину храмину велию, на то устроена, и повеле дати им

⁴ Далее в рукп. написано и зачеркнуто царя.

⁵ Испр.; в рукп. учить.

⁶ Испр.; в рукп.

внезаду.

пти и ясти довольно; они же ядяше и возвеселишася. Царь же Дракул прииде сам к ним и глагола им: «Что еще требуете?». || Они же вси отвещаше царю Дракулу: «Ведает бог да твое, л. 32 государь, величество, как тебя, государя, вразумит». И глагола им царь Дракул: «Хощете ли вы, нищи, да сотворю вас беспечальных на сем свете, ничем же нужнии будете?». Они же вси, нищии, от царя Дракула чающе к себе великия милости, и глаголаша вси: «Хощем, государь». Царь же по их прошению повеле храмину заперети огнем храмину их со всеми странными и нищими зжеци, и вси ту згореша. И глаголаше царь Дракул бояром своим: «Да ведомо ли, что я учиних над ними тако? Первое, да не докучают людем, другое, да никто же нищ будет в моем царстве, но вси богати, третие, 'свободи их,' да не стражет никто же || от них на сем свете от нищеты и л. 32 об. от недугов.

О б л у д е. Аще коя жена от мужа прелюбы творит, он же веляше срам ея вырезать, и кожу содрать, и привязати ея нагу посреди базару, и девицам, которыя девства своею не сохраният, и вдовам ^ита же^л казн, а иных сосца обрезоваху, и в срам ея рожны разжены железны вонзяху, и во уста^е ж исхождаху, и тако привязанна стояще у столпа нага, дондеже платье и кости распадутся или птицами разторгана будет.

О м н и с е х л а т ы н с к и х . Некогда же приидоша к нему два мниха || от Югорских страны милостины ради. Он же повеле розвести их разно, и призыва единаго к себе, и показа ему круг двора своего множество человек на коли безчисленно, и вопроси его: «Добре ли аз сотворил се?». Мних же рече ему: «Ни, государь, зло чиних: без милости казниш; подобает, царю, милостию быти, а ти, кои суть на колех, мученически венчалися». Дракула же призыва втораго старца и вопроси его такожде. Он же отвеща ему: «Ты еси, государь, от бога поставлен лихо творящих казнити, а добро творящих жаловати, а си лихо суть творили, и по своим делом восприяли». Дракула же, призыва первого старца и глагола ему: «Почто вы из монастыря и из кели выходили по великим государем, а не зня ничего и не умея говорить; а ныне сам еси глаголал, яковы мученицы суть есть, аз || и тебя хощу мучеником учинити». л. 33 об. И повеле ему руку и ногу отсечи и на кол посадит, а другому старцу повеле дати 8 дукат злата и глагола ему: «Ты еси разумен человек». И повеле его с честию отпустить во свою землю и на колеснице проводить его до Югорских земли. Аминь.

^{т-г} Испр.; в ркн. свободных. ^{х-л} В ркн. та же дважды. ^е Испр.; в ркн. ута.

ПРИЛОЖЕНИЕ

НЕМЕЦКАЯ БРОШЮРА «ОБ ОДНОМ ВЕЛИКОМ ИЗВЕРГЕ» — ЛЕЙПЦИГСКОЕ ИЗДАНИЕ 1493 г.

При рекаталогизационных работах в собрании инкунабулов Гос. Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде было обнаружено издание немецкой повести «Об одном великом изверге» (в библиографии обычно обозначаемой «*Histoire von Dracole Wayda*»), существование которого до настоящего времени оставалось неизвестным. В конце брошюры после текста указаны год и место выхода (Лейпциг, 1493), но без имени печатника. По шрифтам она относится к типографии Мартина Ландсберга.¹ На титульном листе гравюра — изображение Дракулы в неизвестном варианте, — раскрашенная буро-красной, желтой, серой и тускло-зеленой красками в обычной для так называемых народных изданий манере. Брошюра эта, состоящая из одной тетради в четыре листа *in 4°* (зеркало набора 78×145 мм.), вплетена в конце конволюта,² включающего, кроме нее, пять изданий того же формата, также относящихся к 90-м годам XV столетия.

Из них первые четыре аллигата — *Johannes de Lapide. Resolutiorum dubiorum circa celebrationem missarum occurrentium. Köln, Heinrich Quentell, 1493;*³ *Thomas de Aquino. De arte et vero modo praedicandi. — Henricus de Hassia. De arte praedicandi. [Strassburg, печатник кн.: «Casus breves» (= Georg Husner), около 1493—1495];*⁴ *Michael de Hungaria. Sermones praedicabiles per totum annum. Strassburg, [печатник кн.: Jordanus de Quedlin-*

¹ См.: К. Н а е б л е р. *Typenrepertorium der Wiegendrucke*, Bd. 1. Halle, 1905, стр. 55. Martin Landsberg, шрифты: 1 (текст) и, по-видимому, 2 (заголовок; из-за малого числа строк и отсутствия характерных букв с точностью не определяется). См. также на стр. 250—251 и 162—163 (таблицы).

² Шифр 8.12.9.33.

³ L. H a i n. *Repertorium bibliographicum in quo libri omnes ab arte typographica inventa usque ad annum MD... recensetur*, vol. 1—4. Stuttgart — Paris, 1826—1838, № 9906.

⁴ Выходные данные привяты по: L. P o l a i n. *Catalogue des livres imprimés au quinzième siècle dans les bibliothèques de Belgique*, tt. 1—4. Bruxelles, 1932, №№ 3683+1862 (в отличие от Polain должно считаться за одно издание, поскольку вторая часть упомянута в заголовке первой).

burg (= Georg Husner)], 1490; ⁵ Astesanus de Ast. *Canones poenitentiales*. [Leipzig, Martin Landsberg, около 1495] ⁶ — являются своего рода практическими пособиями по совершению церковной службы, составлению проповедей и т. п., из чего явствует, что владельцем этого тома, вероятно, было духовное лицо; к тому же подклейкой переплетут листы богатого пергаменного молитвенника (рукописи приблизительно XIV в.). Непосредственно предшествует «*Historie von Dracole Wayda*» другая небольшая брошюра, содержащая описание погребальной церемонии императора Фридриха III (Friedrichs III Leichenbegängnis. [Leipzig, Gregor Böttiger, после 14. III. 1493] ⁷).

Судя по переплту (коричневой кожи на досках, с металлическими скобами от застежек и обычным для Германии конца XV в. тиснением) и по датам изданий, они были сплетены скорее всего около 1495 г. Наличие в конволюте трех близких по времени выхода небольших изданий лейпцигских типографий, работавших в основном на местную продажу (в то время как три первых аллигата вышли из типографий, продукция которых имела широкое распространение), позволяет также заключить, что вероятнее всего этот том был составлен в Лейпциге или в округе Лейпцига. Самый переплет свидетельствует о благосостоянии его владельца.

Присутствие в этом томе, наряду с пособиями по церковному обиходу, двух последних брошюр светского характера, и притом на немецком, а не на латинском языке, т. е. предназначенных для широких читающих кругов, с первого взгляда воспринимается как противоречие. В особенности это относится к повести о Дракуле; смерть императора все же являлась общегерманским событием, касавшимся всех и в первую очередь официальных лиц. Возможно, что общедоступность языка и сюжета делала повесть о Дракуле удобным материалом для проповеди. Как бы то ни было, благодаря тому, что дешевая брошюра не только попала в руки обладателя библиотеки, но и была им сохранена, мы имеем сейчас возможность внести некоторые поправки в историю бытования немецкой повести «Об одном великом изверге», а также и в библиографическую картину XV в.

До настоящего времени «*Historie von Dracole Wayda*» для XV в. была известна в восьми изданиях, ⁸ из которых шесть (кроме

⁵ Выходные данные по: Catalogue of books printed in the XVth century now in the British museum, I—IX. London, 1908—1962 (в дальнейшем сокращенно BMC), I, 140.

⁶ Выходные данные по: Gesamtkatalog der Wiegendrucke, Bd. 1—8. Leipzig, 1925—1940 (в дальнейшем сокращенно GW), № 2745.

⁷ BMC III, 647.

⁸ По справке, полученной от г-жи Урсулы Альтманн из Сводного каталога инкунабулов (Gesamtkatalog der Wiegendrucke. Deutsche Staatsbibliothek. Berlin), совпадающей с перечнем, приведенным в статье: J. S t r i e d t e r. Die Erzählung vom walachischen Vojevoden Drakula in der russischen und deutschen Überlieferung. «Zeitschrift für slavische Philologie», Bd. XXIX, N. 2. 1961, стр. 403—404.

двух нижненемецких, вышедших в Любеке) относились к югу Германии (Нюрнберг, Бамберг, Аугсбург, Страсбург). Лейпцигское издание неожиданно раздвигает сферу распространения повести о Дракуле к востоку, показывая, что она пользовалась спросом во всех, в сущности, областях Германии.

При этом резкое отличие портретной гравюры на титульном листе от портрета Дракулы во всех остальных известных изданиях XV в.⁹ вряд ли может быть объяснено одним только талантом гравера: при наличии общих черт между всеми изображениями (в особенностях костюма и строении лица) лейпцигский портрет обладает такой конкретностью и уверенностью в деталях, которая наводит на мысль, что у гравера этого издания был какой-то особый «извод» рукописного оригинала портрета, тем более что иллюстраций такого стиля в других лейпцигских изданиях того времени не встречается.¹⁰

Это отличие в гравюрах не позволяет построить легко возникающую из-за непосредственной связи любекских печатников с Лейпцигом¹¹ гипотезу, что у нижненемецкого перевода и у лейпцигской брошюры мог быть общий рукописный источник: гравюра в любекском издании Готана полностью соответствует нюрнбергской брошюре 1488 г. (т. е. либо является копией с нее, как считает Штридтер,¹² либо сделана с того же оригинала). В этом отличии скорее можно увидеть косвенное подтверждение

⁹ См. С. Karadja. Die ältesten gedruckten Quellen zur Geschichte der Rumänen. Gutenberg-Jahrbuch, 1934, стр. 120—122. Национальные элементы костюма заставляют предполагать, что воспроизведенный у Караджа портрет восходит к рукописному оригиналу какой-то (возможно, что стадиально не первой) перерисовки с рукописи, возникшей в тех местах, где подобные особенности одежды были обычными; для рукописной и печатной иллюстрации XV в. в целом характерно игнорирование временных и национальных различий костюма, не считая тех случаев, когда они восходят к зарисовкам очевидцев (см., например: Bernhard von Breydenbach. Peregrinatio in terram sanctam. Mainz, 1486 или: Ulrich Richenthal. Concil zu Costenz. Augsburg, 1483). Не менее выражены национальные особенности в одежде и на портрете Дракулы в лейпцигской брошюре.

¹⁰ См.: A. Schramm. Der Bilderschmuck der Frühdrucke, Bd. 13, Leipzig, 1930.

¹¹ Первый печатник Любека Лукас Брандис, родом из Делицша под Лейпцигом, в 1480 г. (в перерыве своей любекской деятельности) был в Магдебурге резчиком шрифтов у Готана. По-видимому, из той же семьи (возможно, что все они были братьями) лейпцигские печатники Маркус и Мориц Брандис и Маттеус Брандис, работавший в Любеке вместе с Лукасом и самостоятельно (см.: E. Vollmöller. Die deutschen Drucker. Leipzig, 1922, стр. 81—83, 86, 90—91, 95).

¹² J. Striedter. Die Erzählung vom walachischen Vojevoden Dracula. . . , стр. 403. Насколько можно судить по воспроизведению у Караджа (С. Karadja. Die ältesten gedruckten Quellen zur Geschichte der Rumänen, стр. 121), некоторые детали доски в нюрнбергском издании Петера Вагнера производят впечатление спошненности (в частности, правый край с отсутствующей частью завитка волос); на этом основании можно было бы предположить, что в этом издании она употреблялась не впервые.

мнения Штридтера,¹³ что рукописные списки повести и до печатных изданий и наряду с ними имели в Германии широкое хождение, хотя и сохранились только в ином варианте.¹⁴

Тот факт, что из девяти известных и притом относящихся к сравнительно поздним годам изданий XV в., хотя бы и выходивших небольшими тиражами,¹⁵ шесть представлено уникумами (т. е. сохранились, в сущности, по счастливому случаю), свидетельствует о том, что брошюра много читалась, и притом преимущественно такими кругами, в которых не собирают библиотек, а образованными собирателями книг того времени если и читалась, то редко сохранялась. Тот же факт свидетельствует, что скорее всего должны были быть еще и другие издания, либо бесследно исчезнувшие, либо еще не обнаруженные, в том числе, возможно, и более близкие по времени к описываемым событиям.

Напрашивается также вывод, что на основании только тех изданий повести, которые до нас дошли (без учета разрушенных временем звеньев), вопрос о моменте первого ее напечатания в Германии и генеалогии изданий решаться не может. Поэтому и спорный вопрос о датировке любекского издания,¹⁶ приписываемого Готану, не имеет того первостепенного значения, которое ему придается, если даже допустить, что из сохранившихся изданий оно является наименее ранним: видеть в нем первоисточник немецких печатных брошюр повести о Дракуле было возможно лишь до той поры, пока язык этого издания принимался за диалект немцев Семиградья.

Факт нижненемецкого перевода сам по себе свидетельствует скорее в пользу достаточной известности текста в Германии к тому времени — во всяком случае в рукописном, а вероятно, и в печатном распространении. Это вытекает также и из окраинного положения Любека, из консервативного характера нижненемец-

¹³ J. Striedter. Die Erzählung vom walachischen Vojevoden Drakula..., стр. 412 и 425.

¹⁴ См. стр. 20—22.

¹⁵ Для Германии конца XV века небольшим тиражом можно считать приблизительно 100—150 экземпляров.

¹⁶ См. стр. 23, прим. 20. Аргументация Ю. Штридтера (J. Striedter. Die Erzählung vom walachischen Vojevoden Drakula..., стр. 403) в пользу его отнесения приблизительно к 1488 г. представляется убедительной, хотя нуждалась бы также в шрифтовом обосновании. Сомнение, что оно напечатано Готаном, нельзя считать достаточно мотивированным: такого рода дешевые брошюроки часто выпускались без указания фирмы, и тем менее регистрировались современниками. Предположение, что сюжет о Дракуле был привезен в Россию Готаном (см.: Н. Раба. Zu einigen niederdeutschen Quellen des altrussischen Schrifttums. «Zeitschrift für Slawistik», Bd. III, N. 2—4, Berlin, 1958, стр. 334), не выдерживает сопоставления с известными фактами (см. J. Striedter. Die Erzählung vom walachischen Vojevoden Drakula..., стр. 401 и далее) независимо даже от того, была ли брошюра напечатана Готаном в 1483 г., как считает (вслед за: С. Вогчинг и В. Клаузен. Niederdeutsche Bibliographie, Bd. I. Neumünster, 1931, № 66) Г. Рааб, около 1485 г. (по датировке GW) или позднее.

ких изданий, а также и из общего для того периода явления: насколько известно, более всего печатались такие тексты, которые предварительно пользовались достаточным спросом в списках.

Причину популярности брошюры о Дракуле вряд ли следует видеть в интересе к современным новостям или в страхе перед опасным соседом, как предполагает Ю. Штридтер.¹⁷ Даже в XV в. к концу 70-х и в 80-е, а тем более в 90-е годы события 1456—1462 гг. не являлись «новостями», и немецкая брошюра получила особенно большое распространение, когда «опасный сосед» достаточно давно умер. Причину столь длительной популярности повести «Об одном великом изверге» в Германии скорее следует искать в том, каким сторонам немецкой жизни, какому читателю, какому жанру литературы она соответствовала, какой момент превращал собрание анекдотов и устаревших фактов чисто местного значения, и притом другой страны, в повесть, т. е. общекультурное явление, хотя бы и небольшого масштаба.

Из сохранившихся трех версий немецкого рассказа о Дракуле¹⁸ (без упоминания плены, с упоминанием плены и с сообщением о крещении и возвращении к власти) первые две засвидетельствованы только рукописными списками, из которых один (Сен-Галленская рукопись) относится уже к XVI в.¹⁹ При этом поэма Бехайма является литературной переработкой недошедшего до нас источника. Таким образом, третья версия, отраженная в печатных брошюрах, оказалась наиболее жизнеспособной, и это недостаточно объясняется одним только более поздним ее происхождением: причину этого надо искать в особенностях каждой из трех версий.

Первая версия²⁰ немецкого известия о Дракуле, в сущности, не составляет повести: она не имеет сюжета (т. е. обобщающего момента), и составляющие ее эпизоды все могут быть рассказаны по-одиночке или в произвольной последовательности, наряду с любыми другими анекдотами. Они могли интересовать своей новизной или уже в историческом аспекте, доступном лишь обра-

¹⁷ J. Striedter. Die Erzählung vom walachischen Vojevoden Drakula..., стр. 426. Вероятно, первоначально, в годы, непосредственно близкие к событиям, известие о грозном валашском воеводе могли иметь в Германии для коммерческих и политических заинтересованных кругов значение международной информации. С этой точки зрения обоснование его проникновения именно через южногерманские центры (там же, стр. 404) вполне убедительно. Однако всякое деловое значение данного известия о Дракуле утрачивалось, как только в этих кругах становилось известным о смерти Влада IV, на что при всей медленности тогдашних сообщений не могло потребоваться больше года. Это значит, что возможное значение деловой информации «Повесть» утратила за несколько лет до того, как появились наиболее ранние из сохранившихся печатных брошюр.

¹⁸ См. стр. 17—27.

¹⁹ См. примеч. 8 на стр. 17.

²⁰ Порядковое обозначение версий принято условно, вне зависимости от вопроса о хронологической последовательности их возникновения.

зованныму читателю того времени. Для того чтобы стать повестью, рассказ о Дракуле должен был иметь концовку, которая бы придавала ему сюжетное единство и — в соответствии с литературной потребностью эпохи — сообщала бы моральный смысл повествованию о его злодеяниях.

Первым вариантом такой концовки является тот, который отразился в поэме Бехайма,²¹ где она совпадает со схемой сюжета о наказанном злодее, о справедливом возмездии. В печатной брошюре концовка соответствует распространенному сюжету о злодее (разбойнике, тиране), исправившемся после крещения и покаяния.

Другое дело, что в рассказе о Дракуле сюжет создавался не литературным замыслом, а самой исторической действительностью, и разные ее моменты создали, в сущности, не одну, а две немецкие повести о Дракуле с одинаковыми эпизодами, но различными сюжетами. Потому что для человека того времени Дракула — справедливо наказанный злодей, и Дракула, совершивший после крещения «многие добрые дела», — не один, а два и притом противоположных героя. Как характер концовки сказывается на трактовке самой личности Дракулы, видно из прямо противоположного решения эпизода с двумя монахами — правдивым и льстецом — у Бехайма,²² где Дракула выступает законченным тираном, и в печатной брошюре, где он доступен чувству справедливости (казнь льстеца и помилование правдивого монаха). Поведение Дракулы в эпизоде с монахом и ослом, в брошюре чисто анекдотическом, у Бехайма также свидетельствует о злодействе (богохульстве) «великого изверга».²³

Нельзя также сбрасывать со счета, что в обоих случаях вершителем справедливости является центральная власть, король, а Дракула в восприятии низового немецкого читателя XV в., неизбежно переносившего в чужеземную повесть свои привычные условия жизни, являлся не чем иным, как разнузданным разбойным феодалом, на которого нашлась законная управа. Тот факт, что в Германии именно версия повести с раскаянием Дракулы вытеснила остальные и пользовалась столь длительной популярностью, не случаен: благодаря своей концовке она обретала социально-утешительный и религиозно-назидательный смысл, не утрачивая занимательности чужеземных, необычайных, ужасных и притом подлинных происшествий, в некоторых эпизодах сдобренных жестоким юмором привычно шванкового стиля. Тем самым она попадала в русло так называемой ярмарочной, лоточной литературы на народном языке, в XV в. сравнительно еще малочис-

²¹ См. стр. 27.

²² См. стр. 24 и 27.

²³ Такая трактовка образа Дракулы при обвинении его в поэме в сговарах с турками была неизбежна, если учитывать значение и настоятельную опасность турецкой агрессии в тот период.

ленной, но особенно раскупаемой благодаря дешевизне и сенсационности преимущественно ремесленным и вообще мелкобюргерским людом. Однако в то время — и особенно в Германии — такой литературы не чуждались никакие, в том числе и ученые, круги.

Поскольку большинство подобных изданий известно либо в единичных экземплярах, либо во фрагментах, можно предполагать, что значительная часть их вообще бесследно исчезла, и каждая новая находка тем более цenna — она конкретизирует круг чтения, умственную атмосферу не только ученых, но и рядового обывателя той эпохи. Для Лейпцига с его очень скромным в XV в. и достаточно провинциальным книгопечатанием, обслуживавшим главным образом местные нужды, и в первую очередь Лейпцигский университет, изданий того времени на народном языке известно очень мало. И с этой точки зрения находка лейпцигского издания «Historie von Dracole Wayda», отчасти из-за специфики этого текста, его двойного значения — популярной повести и исторического известия, — означает гораздо больше, чем только количественную поправку: она вносит в характеристику лейпцигской книжности совершенно новый элемент. Тем более, что в данном случае повесть «Об одном великом изверге» могла служить не только дешевым развлекательным чтением, но сохранять для университетских кругов (включая и круг лейпцигских гуманистов, главным образом филологически-педагогического направления) значение исторического повествования — наряду с античными историками, манере которых анекдотическое изложение повести не противоречит.

Какое ее значение, историческое или популярно-назидательное, преобладало для неизвестного нам владельца лейпцигской брошюры, из состава сплетенных с нею изданий (несомненно тематически подобранных) судить трудно: она могла служить для проповеди просто как пример благотворной силы крещения, но не исключается, что с непосредственно предшествующей ей брошюкой — описанием погребения императора Фридриха III — она связывалась темой возвеличения центральной власти, поскольку не что иное, как королевская власть, способствовала избавлению от бесчинств Дракулы, а в конечном счете — крещению и исправлению «великого изверга»: идея объединения в тот момент приобретала в Германии все большее значение и особенно в гуманистических и близких к ним кругах.

Судя по наличию портретной гравюры, независимо даже от того, является ли она копией с рукописного оригинала или творчеством местного художника (в изданиях XV в. изображения исторических лиц часто лишь условно портретны), для печатавшего брошюру Мартина Ландсберга (или для того лица, которое ему рекомендовало издать этот текст, а может быть, и снабдило рукописью) повесть, видимо, не утратила значения исторического

известия. И очень возможно, что в появлении чисто иллюстративной гравюры вместо портретной на титульном листе более поздних изданий XVI в. (нюрибергском 1499 г. и страсбургском 1500 г.²⁴) следует видеть свидетельство окончательного отрыва восприятия повести о Дракуле от ее исторических корней, окончательное превращение ее к этому времени в литературный факт.²⁵

Немецкая повесть о Дракуле преимущественно рассматривалась в науке либо как источник для истории Румынии и Венгрии, либо в качестве одного из возможных источников русской повести о Дракуле. Ее значение в немецких условиях при этом недостаточно учитывалось, и многочисленность ее изданий в Германии, свидетельствующая о широком покупательском спросе, никак не сопоставлялась с тем, что она падает на десятилетия, предшествующие Крестьянской войне.

Из-за более чем недостаточной учтенности вообще изданий XVI в. сейчас преждевременно судить, в какой мере распространность «Historie von Drakole Wayda» в первой его трети исчерпывается четырьмя изданиями, перечисленными Ю. Штридером,²⁶ и Сен-Галленской рукописью. Тем менее можно судить о возможности ее антифеодального звучания в различные моменты, для разных областей Германии, в различных социальных слоях. Во всяком случае, постепенное или полное прекращение изданий повести «Об одном великом изверге» в Германии периода Реформации и после Крестьянской войны вряд ли достаточно объяснить простым улучшением читательского вкуса.²⁷ Если по мере нарастания революционной волны чужеземная повесть легко могла быть вытеснена, в частности благодаря примирительной концовке, из того множества литературы на народном языке, которая порождалась событиями и неосредственно откликалась на насущные интересы самой Германии, то после победы феодальной реакции возможный в ней антифеодальный смысл мог не встретить поощрения победителей, а в читающей народной массе рассказы о зверствах Дракулы неизбежно должны были

²⁴ См.: C. K a g a d j a. Die ältesten gedruckten Quellen zur Geschichte der Rumänen, стр. 124—125.

²⁵ Возобновление условно-портретной гравюры на титульных листах изданий XVI в. (см. C. K a g a d j a. Die ältesten gedruckten Quellen zur Geschichte der Rumänen, стр. 126—127) несомненно свидетельствует о стремлении издателей подчеркнуть историческую подлинность героя. При этом гравюра нюрибергского издания (датируется приблизительно 1520 г.) по ряду признаков может быть зеркальной перерисовкой (сильно осовремененной и онемеченной) с изначальной нюрибергской версии гравюры. Интересно отметить, что портрет в аугсбургском издании (датируется приблизительно 1530 г.), где Дракула изображен в чалме и в профиль, чертами лица и короткой стрижкой может быть сопоставлен с портретом в издании 1493 г.

²⁶ J. S t r i e d t e r. Die Erzählung vom walachischen Vojevoden Drakula..., стр. 404.

²⁷ Там же, стр. 426.

вызывать в памяти недавние кровавые пытки и казни. И естественно, что теперь повесть «Об одном великом изверге» была вытеснена из ряда лоточных изданий иной развлекательной литературой — не лучшего, а часто и худшего вкуса, но без этих тяжелых и опасных напоминаний. Для ученых же кругов в XVI в. ее значение исторического известия снималось самой ее популярностью, а также изданиями связных исторических изложений тех же событий.²⁸

Пробелы в истории распространения, издания и тем более читательских кругов повести «Об одном великом изверге» в Германии лишь в недостаточной мере восполняются находкой лейпцигского издания 1493 г. Однако самое существование его свидетельствует о более широком, чем можно было предполагать, спросе на немецкую повесть о Дракуле в XV в. Дальнейшие изыскания и возможные находки списков и печатных изданий ее внесут поправки в понимание истоков, причин и истории ее бытования; настоящий очерк является лишь попыткой наметить те стороны немецкой жизни, которым она могла соответствовать и благодаря которым герой повести приобретал в Германии иное социальное значение, чем в России.

H. B. Варбанец.

²⁸ См. стр. 16—17 и 27.

РУМЫНСКИЕ СКАЗАНИЯ О ВЛАДЕ ЦЕПЕШЕ

(из ЛИТЕРАТУРНОГО НАСЛЕДИЯ П. ИСПИРЕСКУ)

I. Крепость Поянары

Брату Владу Воды Цепеша полюбилась боярская дочь. Была она девушкой очень умной и притворилась, что не понимает, чего от нее добивается брат его величества. А он все морочил ей голову и не давал покоя. Девушка обо всем рассказала отцу, а тот выставил брата Воды на посмешище всего города. Торговцы освистали его, как он, ничтожество, того и заслуживал. Воду очень обидел этот поступок торговцев, и он решил отомстить им.

Была пасха. Как хороши были те времена, когда у боярина и поденщика были одни праздники, одни гулянья. Все были одним миром мазаны. В церковь шли все вместе. На гулянье снова все вместе. В день пасхи после святой службы возвращались домой к трапезе. Затем шли пожелать друг другу долгие лета. После обеда отправлялись на качели — и велик и мал, и стар и млад, и пан и холоп. Эти веселые гулянья в честь святых праздников устраивались на больших лугах. С одной стороны качели, с другой — карусели. При них слуги, которые каждому угощали за ничтожную плату. Повсюду на траве сидели, все с домашней снедью. Бояре высыпали наперед слуг с ковриками и едой. Они все устраивали, а бояре с боярынями и детьми, с мальчиками и девочками, приходили на готовое и садились есть. При каждой группе бояр были цыгане-музыканты, которые играли с огоньком. Поев и попив, уже навеселе, несколько боярских групп объединялись, и гулянье становилось еще более оживленным.

Торговцы, их жены и дети шли вместе с учениками, которые несли в чистых полотенцах и кошелках блюда, или колбасы, или жареную баранину. Они располагались либо под большим деревом, либо в укромном местечке за кустом шиповника или сирени. Жена показывала ученикам, где расстелить коврик на траве, как расставить приборы и подать блюда. Более богатые нанимали скрипачей, чтобы все было, как у бояр.

Народ тоже собирался, всякий мужик с женой и детьми. Приносили котомку, кто с крашеными яйцами, кто с калачами или хлебом, кто с пастрамой или копченой свининой или с ка-

кими-нибудь овощами. Сразу же усаживались на зеленую траву и, опорожнив несколько чарок вина, забывали о заботах и нуждах. Вино продавал хозяин качелей. Кто не приносил из дома еду, находил у него крашеные и белые яйца, колбасу, жареную баранину. Там же можно было купить сладкие стручки, фисташки, изюм и сладкий шербет для детей.

На всякий возраст, всякому люду находилось удовольствие по вкусу. Дети играли, бегали без устали, а затем катались на каруселях. Юноши смеялись, рассказывали всякие смешные истории, развлекались на качелях, а люди постарше качались в качалках.

Вечером все танцевали хору. Бояре, торговцы, цеховые ремесленники и работники брались за руки и плясали с радостью и веселились до заката. Более искусные плясали еще киндию, брыу, батуту. Ко времени зажигания свечей толпами возвращались домой.

Вода нашел день для наказания. Слуги окружили все качели — в то время в Тырговиште было много таких садов, — схватили всех горожан и крепко их связали. Захотелось его величеству Воде Цепешу иметь крепость на вершине горы. Так и сделали и назвали эту крепость Поенары. В тот день, когда началось строительство крепости, царские слуги приводили группами всех схваченных на качелях в день пасхи и заставляли их работать. Все были разодеты в новую и чистую одежду, как и полагалось на пасху. Можно было видеть рядом со стариком девушку, а возле тетушки мальчугана. Мужья с женами и детьми таскали известку, кирпичи, камни. Слугам дела не было до того, кто кем был, всех заставляли работать, всех щекотали розгами. Кормили их так, что только душа держалась в теле. Никто не ушел оттуда, пока не построили крепость. И никто не сменил одежду. Когда их отпустили, больно было смотреть на них. Одежда износилась, и все вернулись домой оборванные и ободранные, в страшном виде — наполовину голые и наполовину одетые.

Влад Вода отвел душу. Пусть попытаются еще в другой раз осмеять, если смогут, брата Воды.

II

Владу Воде Цепешу стало известно, что по стране ходит, попрошайничая, греческий монах, болтун и придира. Желая познакомиться с ним, как-то в воскресенье Вода пошел в церковь. Туда обычно держал свой путь и монах. Увидев Воду, он захотел показать свою ученость. Поднялся на амвон и стал поучать народ словами из Евангелия о том, что нехорошо зариться на добро ближнего. Вода, который уже по слухам знал, что за человек этот монах, говорящий одно, а делающий другое, пригласил его к себе на обед. Не хватит бумаги и чернил, чтобы описать

радость монаха. Он думал, что схватил самого господа бога за ногу и задирал нос, так как полагал, что его ученость доставила ему эту честь.

Вода посадил его рядом с собой. Задавал всякие вопросы из священного писания. Пока монах говорил, Вода нарезал куски хлеба и клал их перед собой. Монах с притворным смирением старался отвечать Воде так, чтобы тому нравились ответы, в надежде, что авось что-нибудь достанется и ему. Не замечал он, однако, что делает Вода.

Он захотел есть, и толкнул же его грех взять кусок из тех, что принадлежали Воде, и положить себе в рот. Не успел и разжевать его, как схватил его Вода за руку и крикнул ему: «Ах ты, грабитель, поймал я тебя. В церкви ты учишь народ не зариться на чужое добро, не брать чужой вещи, а сам-то поступаешь хуже разбойника. За моим столом отнимаешь у меня кусок, мною же отрезанный. Недостоин ты жить в моей стране». И, посмотрев сурово на слуг, добавил: «Казнить эту опоясанную скотину!». Уж как умолял несчастный монах простить его; упал на колени! Но где найти уши, чтобы его услышали, или глаза, чтобы увидели! Все было напрасно, его мольбы никто не стал слушать. Двое слуг схватили его и утащили от царского стола. Через полчаса он раскачивался на колу.

III

У Влада Воды Цепеша была любовница. Дом ее стоял в глухой и безлюдной части Тырговиште. Даже собаки не чуяли, когда он ее навещал. Надо же было, чтоб за какие-то грехи полюбилась она ему. В нем говорила только похоть, и ничего больше.

Бедная женщина всячески старалась ему угодить. Он принимал от нее все знаки любви, и при ней его лицо немного оживлялось. Как-то, увидев, что он мрачнее, чем обычно, и желая его развеселить, она посмела сказать ему ложь:

— Твое величество, ты обрадуешься, как только я тебе сообщу новость.

— Какую же новость ты мне сообщишь?

— Проник мышонок в молочный горшок.

— Что это значит? — спросил Вода, ухмыляясь.

— Это значит, твое величество, что я чувствую себя затяжелевшей.

— Ты такие слова не болтай больше.

Женщина знала, как Вода Цепеш наказывает за ложь и захотела показать, что говорит правду:

— Так оно, твое величество, как я сказала.

— Не будет оно так, — сказал Вода, нахмурив брови.

— А если будет, то, надеюсь, что твое величество обрадуется, — еще осмелилась добавить женщина.

Ein wunderliche vnd erschro
ckenliche History von einem
grossen roitterich genant Diacole Wayda Der do
so gat vnschönliche matter hat angelegt de meschen
als mit spissen. auch die leit zu tod geschlissen ic.

Немецкая брошюра «Об одном великом из-
верге» — Лейпцигское издание 1493 г.

¶ Nach Crisli gebort. M C C C C
¶ vi. iare hat der Dracole wunderliche
dinct gehan.

¶ Item der alt gubernator: hat den alten Dracole
lassen töten. Und der dracole v̄ sein brüder haben
abgetreten von irem gelaudē v̄n haben verheyffen
vnd geschworen den cristenlichen gelaußen zu be-
schirmen.

¶ Des selben iarhissler gesetzet worden zu einem her-
ren in der walachey. Zu hat ließet töten dē Läfle
waydader do selbs hert ist gewesen Palde da nach
hater insiben bingen auch in wirtzland mit name
Beckendoiff lassen verbrennen. Auch scawen v̄n
man iung vnd ale Etlich hat er mit im heim gesetzet
in die walachey an exstern letteren v̄n do alle gespisset

¶ Item er hat alle iung knaben die in sein land ge-
schickt sein worden von lernung wegen der sproch
dielicher versperrten vnd ließsy verprennen der sein
viechhundert gewesen.

¶ Er setzte eins ein syd. in dem selben hat er vil
Kaufleute vnd furtleute aus wortzlande lassen spissen
Auch reitert er aus ein groſſ geschlecht v̄n lies sy
spissen von den minsten bis zu den meisten lung v̄n
ale Etlich etlich sein volck eingebaden pif zum nabel
vnd zu in lassen schiessen. vnd etlich lassen braten
vnd schinden.

¶ Er hat den iungen dañ gefangen v̄n hat im ein
geab lassen machen v̄n in lassen besiegen nach chü-
stlicher ordenung. vnd dannach das haubt abge-
schlagen vor dem grad.

¶ Bottenseln geschickt worden von hunger vnd
sachßen v̄n sybenbürgen in sal. lv. in die walachey

Die lies der diacole. Ich. wochen hat es in vmb ließ
spissen für die herbergslecken also wairde die in gesessen
sorgen das thet er darumb er forche vertererey. die
woyl zoch er in wuerzland vnd zerstreut das getrad
verpient alle früchte vnd fürt das volck gefangen
außerhalb der kloster do einer diacole pessant iobst
capeln. er hat vorstat verpient. Des anderen mor
gen lies er inng vnd alt spissen bey der capelle vmb
den vergt. Und sage sich miten vnter ih vnd as di
mittag mal mit freuden

E Er hat auch sante bartholomeus kichen lassen

verpiernen vnd all ornac von dannen genommen

E Er hat seine haubtman einen geschicket in di
dorff zending das zuverpiernen ist nicht geschehē
von widerstanda wegen der do:feit. vnd kam wi
der heim zu diacole vñ sprach ich kann mit verbrüngē
das du mich gebeisen hast von stund an lieset den

haubtman spissen.

E Jeem kaufleut vnd ander volck mit ier kauff
manschaz kommen von vounzland gegen der zur
nawigen piegel in sal. **CCCCC**. die hat der

diacole all lassen spissen viire gueter lassen nemen.

E Er hat lassen machen einen grossen kessel vnd
daruber dreyer mit löcheren. vnd hac die leut mit
den köppen dardurch lassen schieben vnd also ver
sperten lassen. vnd hac den kessel mit wasser lassen
füllen viharg offener vorter des kessellassen mach
en vnd das volck also iemelich lassen schreyen pyß
hy versöden.

E Noch hetschreckliche fo:chsame vnd vnauf
sprechenliche pein hat er erdachte **E** Er hat mitter mit
lämpe den kinden also leugende an den brüsten mit
einander spissen lassen vnd also lassen verzabeln.

Desgleichen die miter hat er die brüst aufgeschlytten vnd die kind mit den heüter da durch gestossen vnd gespess.

CItem die meschen hat er seytling laßter spissen allerley volck crüsten. iuden. heyden das sy sich lang haben mügen rüten vand zabeln vnd gewemmet durch einander als die frisch Darnach hat er in hē vñfisch aach angespist vñ er hat offt in seiner sprach geredt ey wie grosse geradiket tte yben sy vnd hec lusidarynn.

CEs sieng einen zigeiner der hec gestolen Do las men die andern zigeiner vnd paten in er solt in ledig lassen. er sprach er müst hangen vnd ic müst in selbs hencken. sy sprachen es wernict gewonheyd Do ließ der diacole den zigeiner in einem kessel syde do müssen in die andern zigeiner essen mit fleisch vnd pein.

CEs ward auch zu im geschickt ein erbiiger man der kam zu im bey de gespistien leitien dat vnter ging der diacole vmb vnd schawet sy der waren als ein grosser wale. Do redet der geschickte man zu dem diacole warum er also vnter de geslact vmb gieng Der diacole sprach ob es in anstink. er sprach ta do ließ er in von stüd an auff in die höche spisen das in die andern mit anstinken.

CItē ein pfaff het gepredige wie die sind mit vergeben warden never man geß vntrechte gut wider. do lud der diacole den zu haus vnd setzte den an seynen tisch Der diacole prockt fur sich weypfior das er selbvert essen wolle. der pfaff ergeryff zu stunden der brocken einen vnd aß in. der diacole sprach wie hast du geprediged das dy sind mit vergeben wird manz. vñ dann das vntrechte gut wider Der priester

ſprach ia. der diacole ſprach warumß yſſest du mir
mein brot das ich miß haß eingebrocte von ſiund
an ſpiffeſt er den priuſter.

¶ Der diacole kam in ſyben purgen gen kalmor da
ſelbſthat er die mēſchen laſſen hauen als das kaut
die vberigen haſte er do heim geſpißt.

¶ Et hat allſeit lantheuren vi edel lewet in ſine
lande zu tiſch geladen do das mal volbache was da
hub er an an de eletſten vnd ſtage in toe viler way
dai in dem land heuten ſein geweſen geachte. Also
ſtage er einen nach demanden ſy ſagten all ale vil
yelicher weſt einer ſagt. Leyner. xxx. Also was key
uet vntet in erſage von ſyben da lieſt er ſy alle ſpiſi
ſen der warc in zalfunſt bündere.

¶ Et hat lewet auff ſchleſſlein zu eod laſſenn
ſchleyffen vnd vil vnnenschlicheſter ding gechan.

¶ Et haet ein ſchlaſſ weſt gehabt die ſprach ſy wer
ſchwäger. Do lieſt der diacole ſy beſchawen mit de
hebammen die ſagrenn ſy vere nieschwanger. Do
ſchuld eſy von vneen auff piſſ zu den buuſten vnd
ſprach er woleſchen wo ſein frucht reire. oder wo
er geweſen reire.

¶ Doceſtind geſchickte worden auf der heimian
ſtat in die malbey die haſendo heim geſagte ſelbſe
kamer. weſy geſchen haſen toter vnd geipijter als
einen groſſeri walde.

¶ Anno dñi. m. cccc. Lij. Ist der dia
cole kōmen in die geſoſſen ſchilawo. Do haſt er laſſen
tōren mer dañ. xxv. rauſen mēſchen alleley vo
chauſſen iuden heyden vnter den ſeyn die ſchōriſſen
ſtrazen vnd iunclraruen geweſt die durch das hof
geſind verhalten roude vnpaaten den diacole das
er ynfzu diſchē weibēn gebl. do lieſt eſy mie ſampt

di scarow vñ iückscarow nerhacker mit seybellen als di
scarow. dz thet er dacum vna das lade ist zinshafft
gewest den tuerken vnd hat in offt gefodeet. Also
sart er zum dorren er wolt in selfbringien. Er zog
in das lant do raxt man im engegen deszins halbe
vermeinde dem kaiser zu singe also kam ein hanff
nach de anderen. Do des diacole zeit kam do schlug
er sy alle tod vñ verbiat dy ganze rulgeret vñ aldy
er gesahen mochespiserer all. der waren in der sal
xxv. tassent on die im ferox verdoiben.

E Er sach ein man arbeiten in einer lutz hemde
frage er in obet ein weyshet. er sprach ia. Diacols
sprach sing sy zu mir. sy kam er frage was sy arbat.
ter sy sprach ich wasch vñ spin zehat lies ersy spissen
darwom das sy item man nit ein langhemde her ge
mache vngass im ein anders weib vnd sprach zu ic
mach deine man ein lags hemde ich roldich sunst
auch lassen spissen.

E Es kam bey. **C** **T** **C**. zigeuner in sein lat. do
na er die peste drey vnsuert sy. die muste die andern
essen vnsprach also muste ic all an einander essen ob
ziecht an die tuerken. sy waren fro an die tuerke zu
streyten. Also ließ diacole ross vnd man in tude ut
kleiben. do sy nun an die tuerke kam do schuchte
der tuerken ross das rauschen der kuehert vnd gaben
die flucht an ein wasser vñ tecrunken ic vil also la
gen die zigeuner ob.

E Es istum begegnet ein parfuset minch reyten
auß einem esel do spist ein mit dem esel.

E Es vorreden zu in geschicketlich walde do sy
sor in kamen do neigensy sich vnd thetten die hys
ab vnd ire pyre dat vntet nit. fragter sy warumb
sy die nicht auch ab thet. sage sy es vor nit ir ge

wonheit vnd hetten sy vom teypter nit ab. Cz
want ließ er in die heulein an die hande vnd nageln
da mit das sy in nit abscheiden vnd ic gewonheit blyb
Also bestettiget et yns.

¶ Ic es sein groen minch kómen in sér läde die
hat ic geladen sy sollen zu im kómen das geschach.
Do namer den einé vnd frage ic was man gutz vñ
ic sage ic. dicker minch socht sich sere vnd sprach.
man sage als gutz von euch vñ ic seye gat ein hómer
her das sagich von euch Et hieß dyen minch bei
halten. On man bracht im den andern minch den
frage ic wie den ersten. Do gedachte dicker minch ich
mus doch sterben ich wil im die wahrheit sagen vnd
sprach ic seye det gróß wíterich den man vindet in
der welt. vnd kin mensch sage euch gutz nach. das
habt ic wowlbewisen. Der Diacole sprach da hast
mte vor. gesage darumb weil ich dich lassen leben vñ
liest in ledig vnd schickt wider zu de ersten vñ ic ent
auch ic sole im die wahrheit sage. do sage ic wie vor.
Do ließ in der diacole spissen vñ vñrachete worgé.

¶ Item ic ließ kinder blazen die mussten ic mure
essen vnd schmid den Frauen die bißt ab die musste
yc man essen da nach ließ ic sy spissen.

¶ Et ließ allen bettern in sein land ein gut mal be
reyt in einem stadel vnd do sy gassen ließ ic die ver
sprechen vñ verbrene sy. ic meyne sy essen den leuten
das ic vñb sunst ab vnd verdinten das nit.

¶ Bald da nach fieng in der künig in hunger vñ
hielt in hertiglich gesangen Darnach tauft man
in zu offen vnd er thet große puf. Darnach macht
der künig den diacole wider zu einem herren do thet
er hinsur vil guter sach.

Gadwalt zu leypzig im. lxxxiij.

— Сказал я тебе, что этого не будет, — крикнул Вода и топнул ногой. — Я тебе покажу, что так оно не будет.

И, выхватив меч, полоснул по животу сверху и донизу, чтобы посмотреть, верно ли она сказала или солгала. И когда она стала умирать, он ей сказал:

— Вот видишь, не будет.

Он ушел, а она отдала душу господу в страшных муках за то что солгала, желая развеселить своего любовника.

IV

Были некогда такие времена, когда в Валахии княжил Вода по имени Влад, по прозвищу Цепеш. И был этот князь очень строг, но справедлив. Воров, лгунов и лодырей не переносил. Он сделал все, что только мог, чтобы истребить в своей стране этот род людей. И если бы он подольше княжил, поговаривают, что ему удалось бы очистить землю от подобных уродов и, быть может, сделать так, чтобы больше не рождалось других таких же. Но, увы, где нам такое счастье?

В те времена в страну Влада отправился торговец из Италии, из города Флоренции, со многими дорогими товарами и большой суммой денег. Пришлось проезжать через Тырговиште, так как в то время там была княжеская столица. Услышав от турок, как им досталось от Влада Воды Цепеша, он думал, что румыны это людоеды или по крайней мере лесные разбойники. Как только он прибыл в Тырговиште, сразу же пошел к Воде с богатым даром и сказал ему:

— Твое величество, судьба принудила меня проехать через страну, над которой ты властвуешь, со всем моим добром, добытым мной многолетними торговыми делами в восточных странах. Твоя страна христианская. И чтобы не говорили на Западе, куда я теперь направляюсь, что христианина ограбили христиане, после того как он уделел от ятагана язычников, то я, преклоняя колени, прошу твое величество смилостивиться надо мной и дать мне несколько слуг для охраны, пока я не уеду.

Услыхав просьбу, Вода, по природе горячий как огонь, нахмурил брови и сказал:

— Держи твой дар, христианин. Я приказываю тебе отнести свое добро на любой пустырь, на любую улицу, на любой перекресток, который покажется тебе глупше и незаметнее и там его оставить до утра без охраны, без присмотра. И если у тебя случится убыток, я — ответчик.

Не до шуток было. Приказ Воды надо было выполнять, ибо в гневе ему удержу не было. Флорентиец с застывшим от страха сердцем подчинился приказу. Всю ночь он не спал из-за забот и волнения. Пришел он в себя только на следующий день, когда

нашел свое добро нетронутым. Смотрел он на него, и не верилось ему. Пошел он к Воде и сказал, что все добро он нашел в целости и похвалил его княжество, говоря, что такого он не видел ни в одной из стран, через которые проехал, хотя и путешествует с молодости.

— Сколько стоит подарок, что ты мне привез? — спросил Вода.

Торговец колебался и тянул с ответом. Вода настаивал. Узнав цену, он заплатил сполна и сказал:

— Рассказывай везде, куда ты поедешь, что ты видел в моей стране.

V

Был Влад Вода Цепеш человеком с большим умом и страшно нравился ему во всем порядок. Не дай бог увидеть ему оборванного воина в небрежно накинутой одежде! Держись тогда! Наступил конец света! Он любил, чтобы люди были чистыми и нарядными, как с иголочки. А если заметит оборванца или бездельника, то весь кипит от гнева.

Как-то встретил он крестьянина в короткой рубахе. У крестьянина виднелись прилипшие к ногам домотканые штаны и четко вырисовывались очертания ног. Разгневался его величество, увидев крестьянина в таком виде. И сразу велел его позвать.

— Ты женат, христианин? — спросил Вода.

— Женат, твое величество.

— Значит, твоя жена из тех, по ком давно тоскует земля. Как же не сделает она тебе рубашку, которая прикрывала бы твои икры? Недостойна она жить в моей стране! Казнить ее!

— Воля твоего величества, но я ею доволен; я взял ее из дома, и она честная.

— Ты будешь счастливей с другой. Видно, что ты порядочный и работящий человек.

Двое слуг, посланные Водой, приволокли несчастную женщину. Вода приказал посадить ее на кол. Затем он привел другую женщину, отдал ее замуж за овдовевшего мужика, показал ей, что случилось с его первой женой, и объяснил, чем та навлекла на себя неукротимый княжеский гнев.

Говорят, что эта женщина так трудилась, что времени не хватало даже поесть. На одно плечо она клала себе хлеб, на второе соль, и так работала. Старалась, бедняга, ублажать своего мужа лучше первой жены, дабы не навлечь на себя княжеский гнев. Удалось ли это ей?

Хорошо, что в наши дни не княжит какой-нибудь Цепеш! Большой понадобился бы расход колов, чтобы избавить мир от лентяек, по которым тоскует земля, которую они топчут.

VI

Бывали времена, когда человека за любой проступок, по суду или без суда, предавали казни. Хорошо, что далеко ушло от нас то время, что оно ушло, чтобы больше не вернуться. Хорошо, что нам довелось дожить до времени, когда у нас суд без произвола.

По приказу Влада Воды Цепеша несколько мятежных бояр было посажено на кол. Через некоторое время, вспомнив о них, Вода захотел поехать на место казни, чтобы собственными глазами посмотреть, как они наказаны. А может быть, и для того, чтобы посмотреть, многих ли из них он знал.

Вместе с Водой поехали и другие бояре. Один из них, то ли замешанный в дела, которые совершили казненные, то ли родственник кого-нибудь из них, побоялся выдать жалость, охватившую его сердце, или показать свою слабость и потому осмелился сказать:

— Твое величество, ты спустился из дворца. Там воздух чист, здесь внизу он смраден. Боюсь, как бы тяжелый воздух не повредил твоему здоровью.

— Хочешь сказать, что воняет? — спросил Вода, быстро повернувшись и пронзая его взглядом.

— Так, твое величество! И хорошо бы ты сделал, если бы удалился от места, которое может оказаться вредным для здоровья князя, желающего добра своим подданным.

По-видимому, Вода разбрался в тайных помыслах этого боярина, а быть может, захотел заткнуть рты другим, только он крикнул:

— Слуги! Сейчас же изгответьте кол в три раза больше тех, что здесь, и посадите-ка мне на него вот этого боярина, чтоб не доходила до него вонь снизу.

Просил пощады бедный боярин, бросился на колени, хотел целовать Воде руки. Все было зря. Через короткое время он корчился на коле, в три раза выше остальных кольев, и стонал и плакал так, что сердце могло разорваться.

VII

Не знаю, за что, но приплыл греческий монах, из тех, что недавно начали бродить по стране, возненавидел бедного румынского священника, человека справедливого и добогобоязенного, и поносил его на чем свет стоит. Когда они встречались, сразу же начинался обмен любезностями, переходивший в горячую словесную перепалку. Греческий монах обзвывал священника дураком и хулил румын. Священник ему отвечал:

— Если румыны тебе кажутся глупыми и неотесанными, почему же ты не возвращаешься в свою страну к тонким и чахлым

придирам? Кто тебя сюда привел или позвал, что ты как чесотка свалился на наши головы?

Когда до Воды дошел слух об этих двух клириках, его величество Влад Вода Цепеш пожелал их видеть и сразу приказал, чтобы в такой-то день они были во дворце.

В назначенный день оба явились. Одного он принял в одной комнате, второго — в другой. Греческий монах задирал нос, хвастал тем, что его позвал Вода. Не знал он, что и священника пригласили. А тот все удивлялся и изумлялся, как это Вода узнал о нем, и подумал, если Вода окажется в добром настроении, замолвить словечко за своих прихожан. Вода же пожелал испытать их сердца и узнать их мысли, а был его величество большим хитрецом.

Войдя в комнату, где сидел грек, его величество спросил его:

— Святой отец, ты путешествуешь по делам церкви по стране. Ты имел случай беседовать с добрым человеком и злым, с богатым и бедным. Скажи мне, прошу тебя, что говорят обо мне люди.

Услышав такой вопрос, монах решил, что теперь дело в шляпе. И с хитростью, на которую только грек способен, он ответил медоточиво и притворно:

— Великий государь, с одного края до другого весь люд благословляет имя твоего величества. Все доволны тобой. Говорят, что такого хорошего князя еще не было с тех пор, как существует Валахия. К этому я бы хотел добавить, что тебе надо еще только одно делать — ласковее и щедрее изливать свои милости на недостойных рабов твоего величества, приезжающих из святых мест, помогать им, чтобы они утешались в бедах, которые приносят язычники монахам. И тогда ангелы увенчают твое имя немеркнущей славой.

— Врешь, двуличный подлец, — крикнул Вода громко и нахмурил брови. Знал он, видимо, то, что надо было знать. Ведь и поговорка гласит: «Солнце солнцем, но все равно всех согреть не может». И, открыв дверь, сказал страже: «Слуги! Это хитрое и недостойное животное казнить смертью!». Приказ Воды был немедленно выполнен. Монаха посадили на кол.

Войдя в комнату к священнику, который ничего не знал о случившемся, Вода спросил и его:

— Скажи, отец, что говорит обо мне народ?

— Что же ему говорить, великий государь? До недавнего времени простой люд совсем не роптал. А вот теперь стал тебя проклинять на всех дорогах, жалуясь, что ты снова взымаешь с него новинности, которые на них наложили княжившие до твоего величества.

— Правду ты изрек, — сказал Вода ласковей. — Я об этом подумаю. С сегодняшнего дня быть тебе духовником моего двора. Иди с миром.

VIII

Говорят предание, что во времена Влада Воды Цепеша расплодились лентяи, деться было некуда. Чтобы жить, надо есть, немилосердное брюхо своего требует. Вот они и ходили по дворам, попрошайничая. Просили милостыню, милостыней жили и не трудились. Если какой-нибудь балагур, из тех, что привык чесать языкком и совать свой нос в любое дело, спрашивал этих попрошаек, почему они не работают, то некоторые отвечали: «Разве я не весь день на ногах? Чем же я виноват, если не нахожу работы». Таким балагур отвечал поговоркой: «Иду наниматься к хозяину, дай бог не найти его».

Другие выискивали разные предлоги, вроде таких: «Скорняк губит глаза себе денно и нощно, а посмотришь — ничего и не заработал; портной всю жизнь трудится, а накопил он только тень иголки; башмачник горбится и гнется до старости, а когда умирает, то все равно на похороны собирают тарелкой». И так в каждом занятии находили они недостаток.

Когда все это дошло до слуха Воды, и он сам поглядел на толпу нищих — а почти все они были дюжими мужиками, — то Вода задумался. «Только в поте лица, написано, должен человек добывать себе пищу, — подумал про себя Вода. — А эти люди живут пытком других. Значит, они бесполезны человечеству. Это вроде грабежа. Лесной разбойник, правда, требует кошелек. Если же ты более ловок и силен, чем он, можешь избавиться от него. А эти забирают твое добро потихоньку, слезливыми просьбами, но беспрерывно. Значит они хуже воров. Искоренить этот род людей из моей страны!».

Поразмыслив еще немного, он приказал оповестить по стране, чтобы в назначенный день все нищие собирались вместе, так как Вода выдаст им смену одежды и угостит их роскошным обедом.

В этот день Тырговиште стонало от наплыва нищих. Княжеские слуги раздали им по смене новой одежды, затем отвели их в большие дома, где уже были накрыты столы. Удивились нищие княжеской щедрости и говорили друг другу:

— Правда, вот это княжеская милость.

— И эта подачка с горба народа. Неужели, думаешь, Вода что-нибудь даст из своего кошелька?!

— Изменился Вода. Не такой уж он, каким вы его знали.

— Горбатого могила исправит.

Сели за стол. Что Вам сказать? Блюда с княжеского стола. Вина из самых лучших, из тех, что с ног валят. Ну и запировали нищие, так что дух захватило. Ели и пили с жадностью. Многие так напились, что уже ходили на четвереньках. И вот, когда уже заплетались языки и никто друг друга не понимал, с четырех сторон запыпал огонь. Это Вода приказал слугам поджечь дом. Все бросились к воротам, но ворота были заперты. Огонь прибли-

жался, пламя поднималось вверх, как огненные змеи. Крики, вопли, стоны раздавались из уст запертых нищих. Но какое дело пламени до плача людей? Они бросались друг на друга. Обнимались. Просили помощи. Но не было ушей, чтобы их услышать. Они стали корчиться в муках, пожираемые огнем. Дым задушил одних, уголья превратили в пепел других, большинство сгорело в огне. Живой души не уцелело.

И думаете вы, что было истреблено племя попрошаек?! Бросьте, не верьте всякой ерунде. Посмотрите вокруг себя и убедитесь: и сейчас мир не стал умнее, чем тогда. Попрошайки исчезнут одновременно с миром.

IX

В те давние времена, когда княжил Влад Вода Цепеш, некий купец, путешествовавший по стране, велел выкрикивать на перекрестках, что он потерял кошелек с тысячей лей. Он обещал сто лей тому, кто его найдет и принесет. Прошло немного времени, и богобоязненный христианин — какими были румыны во времена Цепеша — пришел к купцу и сказал:

— Господин купец, идя по дороге, я нашел вот этот кошелек. Думаю, что это должно быть твой, так как я слышал, как кричали, что ты потерял кошелек с деньгами.

— Истинно, это мой кошелек, и я тебе благодарен за то, что ты его принес.

Купец стал считать деньги и в то же время ломал себе голову, как сделать, чтобы не заплатить обещанные сто лей. Человек же, видя, что делает купец, удивлялся. Пересчитав деньги, купец положил их обратно в кошелек и сказал тому, кто его принес:

— Я посчитал, любезный, деньги. Вижу, что ты уже взял обещанные деньги — вместо тысячи лей я нашел девятьсот. И правильно сделал — это твое право. Благодарю тебя еще раз за то, что ты меня избавил от беды, которая на меня чуть не свалилась. Да благословит тебя бог.

— Господин купец, — ответил христианин, — нехорошо и несправедливо говоришь ты, что в кошельке не хватает ста лей. Я даже не развязал его, чтобы заглянуть, и не знаю, сколько в нем денег. Что я нашел, то и принес.

— Сказал я тебе, — ответил купец коротко и немного сердито, — что я потерял кошелек с тысячей лей; ты же мне принес только с девятьюстами лей. Вот оно что! Даже если бы я хотел дать больше, и то не смог бы. В конце концов, подай жалобу и притяни меня к ответу.

Человек чуть не сгорел со стыда, когда увидел, что купец его подозревает в чем-то, да еще и ругает. Не сказав больше ни слова, он попрощался и прямо пошел к Воде жаловаться.

— Твое величество, — сказал он, — мне не жаль обещанной сотни, а больно мне, что он меня подозревает в том, что я нечестный человек, а я знаю, что чист как чистое серебро и что мне и в голову не приходило прикоснуться к чужому добру.

Вода разгадал мошенническую проделку купца, ибо был Вода хитрецом, и приказал привести купца к себе. В присутствии истца и ответчика Вода стал править суд. Выслушал и одного, и другого. И, положив слова каждого на чаши справедливости, он увидел, какая чаша перевешивает. Затем, посмотрев пристально в глаза купца, сказал: «Господин купец, при моем дворе не знают, что такое ложь. Ее жестоко преследуют. Ты потерял кошелек с тысячей лей и счел нужным кричать об этом на перекрестках. В кошельке, который тебе принес вот этот христианин, было только девятьсот лей. Ясное дело, что это не тот кошелек, что ты потерял. А ты, христианин, — добавил Вода, обернувшись к истцу, — храни этот кошелек, пока не объявится тот, кто его потерял».

Так и сделали, ведь нельзя было сделать иначе. Влад Вода Цепеш так рассудил. Купец проиграл и всю жизнь раскаивался в несправедливом поступке. Что скажешь?! Все делается не так, как человек предполагает, а как бог располагает. Желая надуть того, кто нашел кошелек, купец надул самого себя.

Перевод с румынского *И. Ф. Фихмана*.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- БАН — Библиотека Академии наук СССР.
ГБЛ — Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина (Москва).
ГИМ — Государственный Исторический музей (Москва).
ГПБ — Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (Ленинград).
ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения.
ИОРЯС — Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук.
ИпоРЯС — Известия по русскому языку и словесности Академии наук.
ЛГУ — Ленинградский государственный университет.
ОИДР — Общество истории и древностей российских.
ОЛДП — Общество любителей древней письменности.
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей.
РИБ — Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией.
Сб. РИО — Сборник Русского исторического общества.
ТОДРЛ — Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинского дома) Академии наук СССР.
ЦГАДА — Центральный государственный архив древних актов (Москва).
ЧОИДР — Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете.
-

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

- Башня замка Дракулы (графа Орсога). Кадр из фильма «Носферату» (стр. 4—5).
- Дракула вылезает из гроба. Кадр из фильма «Дракула» (стр. 4—5).
- Портрет Дракулы. Раскрашенная гравюра из немецкой брошюры 1491 г. (стр. 20).
- Дракула пирует среди кольев. Гравюра из немецкой брошюры 1500 г. (стр. 21).
- Схема происхождения сюжета «Повести о Дракуле» (в памятниках XV—XVI вв.) (стр. 32—33).
- Посольство Ф. Курицына в Венгрию и Молдавию в 1482—1484 гг. Миниатюра из Лицевого свода XVI в. (стр. 64—65).
- Иван Грозный приказывает прибить послу шляпу гвоздем. Голландская гравюра 1700 г., вклеенная в «Двинскую летопись» (стр. 64—65).
- «Повесть о Дракуле» — заключительная запись Ефросина. Л. 217 из списка ГПБ, Кир.-Бел. 11/1088 (стр. 89).
- «Повесть о Дракуле» — копия с заключительной записи Ефросина. Л. 108 из списка Кирилловского музея, № 2967 (стр. 91).
- Генеалогическая схема списков «Повести о Дракуле» (стр. 112—113).
- Немецкая брошюра «Об одном великом изверге» — лейпцигское издание 1493 г. (стр. 192—193).
-

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Августин Блаженный, западно-христианский церковный писатель 51.
Агапит, византийский писатель 75.
Аделунг И. Х. (J. Ch. Adelung) 19.
Аделунг Ф. 66.
Адрианова-Перетц В. А. 12, 56, 61, 63, 113.
Александр Македонский 64, 65, 68, 69, 70, 83, 90, 92.
Алексеев М. П. 41.
Альтманн, У. 186.
Амадио Дж. (G. Amadio) 15.
Анастасия Романовна, жена Ивана Грозного 81.
Андреев Н. Е. (N. E. Andreyev) 113.
Андрей Васильевич Большой, удельный князь Углицкий 57.
Аттила, вождь гуннов 50, 51, 56.
Афанасий Никитин, см. Никитин Афанасий.
Ашбах И. (J. Aschbach) 20.
Базилевич К. В. 43.
Барсов Е. В. 102, 104, 135, 159, 162.
Баттистрада М. (M. Battistrada) 15.
Баус Джером, английский посол 66.
Беляев И. Д. 95, 104, 162.
Бенешевич В. Н. 40.
Бехайм Михаил (Михель) (Michael Beheim), майстерзингер 17, 24—27, 30, 31, 45, 46, 52, 189, 190.
Блейер И. (J. Bleyer) 24, 27, 28, 30.
Блок А. А. 4.
Блок М. (M. Block) 35.
Богдан Д. (D. Bogdan) 38, 113.
Богдан И. (I. Bogdan) 9—11, 13—15, 17, 21—23, 31, 36, 40, 41, 86, 87.
Богишич В. (B. Bogišić) 34, 35.
Бодуен де Куртенэ И. А. 39.
Бодэн Жан 53.
Боккаччо Джованни 70.
Болотников И. И. 85.
Больте И. (J. Bolte) 28.
Бонд Э. (E. Bond) 53.
Бонфини Антонио (Antonio Bonfini), итальянский гуманист 14—17, 22, 27—30, 32, 33, 35, 41, 42, 46, 49, 50—54, 56, 84.
Борис Годунов, царь 80, 81.
Борхлинг К. (C. Borchling) 188.
Брандис Лукас, печатник 187.
Брандис Маркус, печатник 187.
Брандис Маттеус, печатник 187.
Брандис Мориц, печатник 187.
Брейденбах Бернард (Bernard von Breidenbach) 187.
Бринзеу Ф. (F. Brinzeu) 5.
Буда, легендарный брат вождя гуннов Аттилы 50.
Буслаев Ф. И. 9, 14, 37, 86.
Бычков А. Ф. 95.
Вагнер Петер, печатник 187.
Вальденберг В. Е. 54.
Вамбери Арминий, венгерский ученик 35.
Варбанец Н. В. 193.
Василий III Иванович, великий князь 98.
Вассиан Рыло, архиепископ Ростовский 68.
Веселовский А. Н. 68.
Вессельский А. (A. Wesselski) 66.
Викторов А. Е. 104.
Висковатый К. 34, 35.
Влад III (I), валашский князь, отец Влада Цепеша (Дракулы) 3, 34.

- Влад Монах, валашский князь («Мутянский воевода»), сын Влада Цепеша (Дракулы) 41, 122, 145.
- Владислав II Ягеллон, венгерский король 15.
- Владислав Дан (Ласло Вайда), валашский князь, предпоследний Влада Цепеша (Дракулы) 18, 25.
- Вольпе Ц. С. 4.
- Востоков А. Х. 8, 40, 42, 98.
- Галеотто Марцио, итальянский гуманист 49.
- Гаттон I, майнцкий епископ 66.
- Гаттон II, майнцкий епископ 66.
- Геннадий, архиепископ Новгородский 44.
- Георгиевский Г. П. 93, 106.
- Геффт, Леонард (L. Hefft), немецкий хронист 22, 23.
- Гиппократ 69.
- Гобеллин И. (J. Gobellinus) 20.
- Голиаф, библ. 62.
- Готан Бартоломей, печатник 23, 187, 188.
- Губастый Петр, сын боярский 75.
- Гудзий Н. К. 12, 86.
- Гюнтер Г. (H. Günther) 28.
- Давид, библ. 62.
- Далила, библ. 62.
- Дан, сын Владислава Дана, валашского князя 25, 27.
- Даниил, игумен, автор «Хожения» 88, 90.
- Данкерт И. (I. Danckaert), голландский путешественник 66.
- Денисовы-Мышецкие, старообрядческие деятели 104.
- Диоклетиан, римский император 23, 25.
- Дмитриев Л. А. 103.
- Дмитриева Р. П. 112.
- Долгоруков П. В. 104.
- Дробленкова Н. Ф. 94.
- Елизавета Петровна, императрица 85
- Еремин И. П. 60, 61, 63, 66.
- Ефросин, монах, переписчик книг 11, 40—42, 44, 69, 73, 77, 88—92, 122.
- Жуковский В. А. 67.
- Забелин И. Е. 125.
- Зимин А. А. 12, 13, 38, 57, 74, 75, 113.
- Зиновий Отенский, инок 55.
- Иван, посол венгерского короля 43.
- Иван III Васильевич, великий князь 42—44, 54, 57, 58, 68, 96.
- Иван IV Васильевич Грозный, царь 10, 12, 53, 66, 72, 74, 75, 76, 80, 81, 85, 95.
- Иван Тимофеев, см. Тимофеев Иван.
- Иван (Иванко) Черный, еретик 50.
- Иванов Е. П. 4.
- Иорга Н. (N. Jorga) 22, 28.
- Иосиф Санин, игумен Волоцкий 54, 55, 58, 73, 75, 78.
- Испиреску П. (P. Ispirescu) 4, 32, 33, 47.
- Истрин В. М. 64, 92.
- Каган М. Д. 93.
- Казакова Н. А. 40, 43, 44, 54, 56.
- Казимир IV Ягеллон, король польский 43.
- Каллимах Филипп Буонакорси, итальянский гуманист 49, 50.
- Канту Ч. (C. Cantu) 14.
- Караджа К. (C. Karadja) 20, 22, 23, 187, 192.
- Карамзин Н. М. 8, 71.
- Кардош Т. (Kardos Tibor) 41, 49.
- Карп П. М. 46.
- Каспарт И. (J. Caspart) 27.
- Катырев-Ростовский И. М., князь 81.
- Келтуяла В. А. 72.
- Кертбени К. (K. M. Kertbeny) 23, 24.
- Кёртли Б. (B. Kirtley) 35.
- Клауссен Б. (B. Claussen) 188.
- Клеванов А. С. 66.
- Ключевский В. О. 53.
- Ковалевский М. 56.
- Коллинз С., английский путешественник 66.
- Кондурату Г. (G. Conduratu) 15, 17, 24, 27, 45, 46.
- Косман Д. 4.
- Костомаров Н. И. 86.
- Кочин Г. Е. 80.
- Ксеноопол А. Д. (A. D. Хенопол) 33.
- Курбский Андрей Михайлович, князь 74, 81, 85.
- Курицын Иван-Волк Васильевич, дьяк 58, 74.
- Курицын Федор Васильевич, дьяк 8—13, 42—44, 53—55, 57, 58, 74.
- Курочкин Н. 51.
- Кушелев-Безбородко Г. 86.
- Кымпина Б. (B. Cimpina) 29.
- Ладлем Г. (H. Ludlam) 35.
- Лайош Басараб, валашский князь 41.
- Ландсберг Мартин, печатник 185, 191.
- Ларин Б. А. 5, 65.

- Леонид, архимандрит, археограф 104.
 Лихачев Д. С. 60—62, 67, 68, 71, 81.
 Ловягин А. М. 66.
 Лурье Я. С. 31, 40, 43, 44, 54, 56, 73, 92.
- Майнеке Ф. (F. Meinecke) 51.
 Макарий, митрополит Московский 74.
 Макиавелли Никколо, итальянский гуманист 50—52, 56, 84, 85.
 Малышев В. И. 103.
 Марков А. В. 98, 99.
 Маркс К. 52, 57.
 Мартынко угрянин, еретик 44.
 Маршак С. Я. 68.
 Матвей Корвин («Маташ», «Маттеаш» «Матяш», «угорский король», «угорский король», венгерский король 7, 15, 16, 19, 27, 36, 40, 42, 44, 45, 49, 96, 102, 105, 120, 121, 133, 134, 141, 143, 144, 157, 158, 161, 162, 170—172, 177.
 Матияш («Матияш», «Мотьяш»), венгерский посол (имя короля по ошибке перенесено на посла) 96—98, 102, 133, 153, 161, 166, 167, 174.
 Менгли-Гирей, крымский хан 42, 43.
 Миринский И. 4.
 Михаил, сын Влада Цепеша (Дракулы) 78, 122, 144.
 Михаил Борисович, великий князь Тверской 43.
 Моисеева Г. Н. 55.
 Моисей Угрин, св. 53.
 Моллер Д. Г. (D. G. Mollerus) 15.
 Муральт Л. (L. von Muralt) 56.
 Мурнау Ф. (F. Murnau) 5.
 Мухаммед II («Магумет, «турский салтан», «турский паша»), турецкий султан 16, 126—128, 135, 136, 140, 141, 145, 146, 151, 152, 159, 160, 163—165, 173, 180.
 Мышецкий Е. Ф., князь 104.
 Мышецкий С. Ф., князь 99, 100, 104.
 Мюнстер Себастьян, немецкий космограф 9, 14—17, 22, 28, 32.
- Нандриш Г. (G. Nandris) 3, 35.
 Нерон, римский император 23, 25, 28.
 Никитин Афанасий 56, 79, 80.
 Новакович С. (Ст. Новакович) 69.
- Обнорский С. П. 39.
 Олеарий Адам, немецкий путешественник 66.
- Олег, киевский князь 62.
 Олтнану П. (P. Olteanu) 10, 15, 22, 38—40, 87.
 Ольга, киевская княгиня 62, 65, 67, 98.
- Павел, апостол, библ. 76.
 Панайеску П. (P. P. Panaitescu) 10, 33, 36, 38, 87.
 Паннонис Янус, венгерский гуманист 49.
 Пересветов И. С., публицист 13, 37, 38, 57, 74, 75, 77—80.
 Петр, валашский князь 78.
 Петухов Е. В. 9, 11, 53.
 Полен Л. (L. Polain) 185.
 Полосин И. П. 74.
 Полоцкий Симеон 66.
 Пий II (Эней Сильвио Пикколомини), папа римский 14, 19, 20, 23, 27.
 Платонов С. Ф. 53.
 Плутарх 69.
 Погодин М. П. 95, 125.
 Полиевктов М. 104.
 Полосин И. П. 74.
 Попов А. Н. 81, 95.
 Псевдокаллисфен, автор романа об Александре Македонском 64.
 Пухов Ян, чешский космограф 15, 17.
 Пушкирев Л. Н. 92.
 Пыпин А. Н. 8, 9, 11, 96.
- Рааб Г. (H. Raab) 23, 188.
 Радищев А. Н. 85.
 Раду Красивый, валашский князь, брат Влада Цепеша (Дракулы) 15, 41.
 Рэдулеску-Кодин (C. Rădulescu-Codin) 34.
 Разин С. Т. 85.
 Ржига В. Ф. 103.
 Рихенталь У. (Ulrich Richenthal) 187.
 Ровинский Д. А. 66.
 Ролленгахен Г. (G. Rollenhagen), немецкий поэт 66.
 Роллер М. 10.
 Ромул, легендарный основатель Рима 50.
 Ронсано, итальянский гуманист 49.
 Рузский Н. В. 88.
 Румянцев Н. П. граф 98, 140.
 Руссо Жан Жак 56.
- Садовяну М. 4.
 Салаи (Ladislaus von Szalay) 41, 42.
 Самсон, библ. 62.
 Саути Р. (R. Southey) 66.
 Седельников А. Д. 11, 12, 14, 31,

- 37, 39, 41, 42, 53, 59, 64, 66, 72, 73, 86—88, 95, 97, 101.
- Секула, славонский бан 34.
- Симеон Полоцкий, см. Полоцкий Симеон.
- Симmons Дж. (J. S. G. Simmons) 113.
- Скрипиль М. О. 68.
- Смокина Н. (N. Smochina) 10, 36, 38, 87.
- Соболевский А. И. 9.
- Соловьев С. М. 9.
- Соломон, библ. 62, 64, 65, 69, 70, 77.
- Сперанский М. Н. 73.
- Срезневский И. И. 38, 39, 80.
- Стеникэ В. (V. Stănică) 38, 113.
- Стефан Великий («воевода молдавский»), молдавский князь 4, 41, 42, 122, 144, 145.
- Стокер Б. (B. Stoker) 4, 5, 34, 35.
- Стroeв П. М. 101.
- Сырку П. А. 9, 14.
- Терентий, протопоп 94.
- Тимофеев Иван, дьяк 80—82.
- Тит Ливий, римский историк 51, 56.
- Титов А. А. 66, 94, 125.
- Тихомиров М. Н. 102, 103.
- Тихонравов Н. С. 93, 106, 123, 172.
- Толстой Л. Н. 70.
- Тот Л. (L. Toth) 15.
- Туруци Янош, венгерский гуманист 49, 50.
- Уваров А. С. граф 103, 104, 162.
- Ундорльский В. М. 95, 125.
- Урсу Г. (H. Ursu) 4.
- Фениел Дж. (J. L. I. Fenell) 43.
- Феодосий, игумен Печерский 63.
- Феодосий Косой, еретик 55.
- Фердинанд Католик, испанский король 51.
- Филипп, митрополит Московский 76.
- Фиораванти Аристотель, итальянский архитектор 41, 42.
- Фихман И. Ф. 32, 113, 203.
- Фишарт И. (J. Fischart) 28.
- Флетчер Дж. 53.
- Фойгт Г. (G. Voigt) 20.
- Фридрих III, германский император 24, 186, 191.
- Фридрих II, прусский король 52.
- Фулльем Е. (E. Voullième) 187.
- Халкондила, греческий хронист 28.
- Хайн Л. (L. Hain) 185.
- Хеблер К. (K. Haebler) 185.
- Хохлов, Р. В. 106.
- Черепнин Л. В. 12, 57.
- Чижевский Д. (D. Čiževskij) 72.
- Шахматов А. А. 39.
- Шепелева Л. С. 94.
- Шинкаи (Šincaj) 15.
- Шкловский В. Б. 67, 70.
- Шмидт С. О. 75.
- Шрамм А. (A. Schramm) 187.
- Штрайдер Ю. (J. Striedter) 17, 20, 23, 28, 29, 36, 38, 43, 55, 187—189, 192.
- Шумани В. (V. Schumann) 28.
- Эбендорфер Т., немецкий хронист 17, 19, 20, 23, 27, 28.
- Эзоп 77.
- Эминеску М. (M. Eminescu) 3, 4.
- Энгель И. Х. (J. Ch. Engel) 3, 14, 15, 23.
- Энгельс Ф. 52, 57.
- Яков Андреев, дьяконов сын, владелец рукописного сборника 99.
- Ян из Пухова, см. Пухов Ян.
- Янош Гуниади, венгерский король 17.
- Яцмирикий А. И. 9, 15, 21, 41.

УКАЗАТЕЛЬ ШИФРОВ ИСПОЛЬЗОВАННЫХ РУКОПИСЕЙ¹

- Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина (ГБЛ)
ГБЛ, собрание Беляева (Бел.) (ф. 29) 1529 104, 162.
ГБЛ, Бел. (ф. 29) 1574 95.
ГБЛ, собрание Музейное (Муз.) (ф. 178) 8779 92, 117.
ГБЛ, собрание Общества истории и древностей российских (ОИДР) (ф. 205) 286 101, 110, 150.
ГБЛ, собрание Румянцева (Рум.) (ф. 256) 358 86, 87, 98, 111, 140
ГБЛ, собрание Тихонравова (Тихонр.) (ф. 299) 283 86, 87, 106, 172.
ГБЛ, Тихонр. (ф. 299) 379 86, 93, 123.
ГБЛ, собрание Ундовольского (Унд.) (ф. 310), 632 86, 87, 95, 125.
Государственный исторический музей (ГИМ)
ГИМ, собрание Барсова (Барс.) 604 97, 110, 113, 135.
ГИМ, Барс. 619 64.
ГИМ, Барс. 1521 102, 159.
ГИМ, Барс. 2134 104, 162.
ГИМ, собрание Забелина (Забел.) 451 94, 125.
ГИМ, собрание Музейское (Муз.) 3860 100, 145.
ГИМ, собрание Уварова (Увар.) 152 104, 162.
ГИМ, Увар. 848 103, 162.
Центральный государственный архив древних актов (ЦГАДА).
ЦГАДА (собрание Архива Министерства иностранных дел), (ф. 181) 613/1121 78, 87, 107—109, 112, 179.
Государственная Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (Ленинград) (ГПБ).
ГПБ, собрание Кирилло-Белозерского монастыря (Кир-Бел.) 11/1088 11, 69, 77, 86—90, 117.
ГПБ, собрание Общества любителей древней письменности (ОЛДП), F. CXCV 94, 125.
ГПБ, собрание Погодинское (Погод.) 1606 95, 125.
ГПБ, собрание Титова (Тит.) 2796 94, 125.
ГПБ, Тит., 4682 66.
ГПБ, Q. XVII. 169 99, 145.
Архив Географического общества СССР (Ленинград), Р. 114, оп. 1, № 17 (тетрадь № 6) 94, 125.
Кирилловский историко-художественный музей (г. Кириллов Вологодской обл.) 2967 77, 87, 90, 91, 117.

¹ Цифры, выделенные курсивом, обозначают страницы настоящего издания.

О ГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
Введение	3
Глава I. Происхождение сюжета «Повести о Дракуле»	14
Глава II. Идеология «Повести о Дракуле»	45
Глава III. «Повесть о Дракуле» и древнерусская литература	59
Глава IV. Судьбы «Повести о Дракуле» в XVI—XVII вв.	72
Текстологическое введение	86

ТЕКСТЫ

Кирилловская редакция	117
Древнейший вид	117
Тихонравовский вид	123
Забелинский вид	125
Западнорусский вид	135
Румянцевская редакция	140
Древнейший вид	140
Библиотечный вид	145
Распространенный вид	150
Барсовский вид	159
Уваровский вид	162
Хохловский вид	172
Сводная редакция	179

ПРИЛОЖЕНИЕ

Немецкая брошюра «Об одном великом изверге» — лейпцигское издание 1493 г. (Н. В. Варбаке)	185
Румынские сказания о Владе Цепеше. (Из литературного наследия П. Испиреску). (Перевод И. Ф. Фихмана)	194
Список сокращений	204
Список иллюстраций	205
Именной указатель	206
Указатель шифров использованных рукописей	210

ПОВЕСТЬ О ДРАКУЛЕ

Утверждено к печати
Институтом русской литературы
(Пушкинский дом)
Академии наук СССР

Редактор издательства *А. Л. Лобанова*

Художник *Д. С. Данилов*

Технический редактор *В. Т. Бочегер*

Корректоры *И. С. Дементьева, Э. В. Коваленко*
и *Л. З. Фрадкина*

Сдано в набор 28/X 1963 г. Подписано к печати 17/II 1964 г.
РИСО АН СССР № 118-16 В. Формат бумаги 60×90 $\frac{1}{16}$.
Бум. л. 6 $\frac{1}{2}$. Печ. л. 13 $\frac{1}{4}$ =13,25 усл. печ. л.+8 вкл. Уч.-изд.
л. 14,53+8 вкл. (0,37). Изд. № 2139. Тип. зак. № 445.
М-08154. Тираж 2500.

Т. П. № 332 1964 г. Цена 85 к.

Ленинградское отделение Издательства «Наука»
Ленинград, В-164, Менделеевская лин., д. 1

1-я тип. Издательства «Наука»
Ленинград, В-34, 9 линия, д. 12

И С П Р А В Л Е Н И Я И О П Е Ч А Т К И

<i>Страница</i>	<i>Строка</i>	<i>Напечатано</i>	<i>Должно быть</i>
59	1 снизу	стр. 99	стр. 99—100.
98	16 »	стр. 169.	стр. 69
104	13 сверху	ч. 41	л. 41
122	14—15 »	великаго	великого
132	19 снизу	здравуи	здраву и
170	14 »	чинити	учинити

Фототипическое воспроизведение немецкой брошюры издания 1493 года, которое должно быть помещено между страницами 192—193 (см. стр. 20 примечание 16, и стр. 205), ошибочно помещено между стр. 196—197.

Л у р ь е. Повесть о Дракуле

НОВЕСТИ
АРКАНЗАСА

